

ВОСПОМИНАНІЯ

Ф. Ф. ВИГГЕЛЯ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

МОСКВА.

Въ университетской типографіи.

(КАТКОВЪ и К^о.)

1864.

Дозволено цензурою, 10-го Марта, 1864 года.

I.

Въ наше время появилось безчисленное множество историческихъ записокъ; ими наводненъ западъ Европы. Иныя изъ нихъ мало занимательны, другія мало правдивы, но всѣ могутъ, для будущихъ историковъ, быть болѣе или менѣе полезны. Сіи источники, иногда весьма мутные, бывъ собраны, пропущены сквозь безпристрастную критику, очищены вкусомъ и гениемъ, могутъ составить величественный, ясный потокъ, коимъ Карамзины грядущихъ временъ будутъ напоить любопытную жажду къ познаніямъ, болѣе и болѣе увеличивающуюся въ моемъ отечествѣ.

Давно родилась во мнѣ мысль и желаніе обратиться въ одинъ изъ сихъ источниковъ, продлить къ концу приближающееся, тѣнное и малозначительное бытіе мое, превратить его въ существованіе столь же неизвѣстное, невидимое, въ журчаніе неслышимое, съ надеждою случайно брызнуть когда-нибудь изъ мрака и земли, и быть замѣчену какимъ-нибудь великимъ мужемъ, который удостоитъ приобщить меня къ своему безсмертію или, по крайней мѣрѣ, долговѣчю.

Соблазнительства, неблагопріятствующія намѣренію моему, пренебрегавали мнѣ доселѣ приводить его въ исполненіе; они не переубѣдили, но я рѣшился вопреки имъ приступитъ къ труду сему, столь заманчивому, быть-можетъ бесполезному для другихъ, но для меня уже тѣмъ полезному, что доставляетъ мнѣ занятіе на весь остатокъ дней моихъ.

На большей части историческія записки составляются государственными людьми, полководцами, любимцами царей,

однимъ словомъ, дѣйствующими лицами, которыя, описывая происшествія, на кои они имѣли вліяніе и на коихъ сами участвовали, открываютъ потомству важныя тайны, едва угадываемыя современниками: ихъ записки главнѣйшіе источники для исторіи. Но если симъ актерамъ вѣдомо все закулисное, то между зрителями развѣ не можетъ быть такихъ, коихъ замѣчанія пригодились бы также потомству? Имъ однимъ могутъ быть извѣстны толки и сужденія партера; прислушиваясь къ нимъ внимательнымъ ухомъ, они въ то же время могутъ зоркимъ окомъ проникать въ самую глубину сцены, и если они хотя сколько-нибудь одарены умомъ наблюдательнымъ и счастливою памятью, то сколько любопытнаго и неизвѣстнаго могутъ сообщить они своимъ потомкамъ!

Отъ самаго рожденія, природою и фортуною бывъ осужденъ, по мнѣнію моему, болѣе чѣмъ на ничтожество, во всемъ получивъ отъ судьбы посредственность въ удѣлъ, я однакоже бесѣдовалъ много съ мудрѣйшими изъ моихъ соотечественниковъ, былъ въ самыхъ близкихъ сношеніяхъ съ просвѣщеннѣйшими изъ нихъ. Глупцы и невѣжды мнѣ также вовсе не были чужды, я долго жилъ среди ихъ и въ мысляхъ часто мѣрилъ пространство тѣхъ и другихъ отдѣляющее. Я не убогалъ даже отъ нищеты и не отказывался отъ знакомства съ богатыми: отъ знатнаго до простолюдина, всѣ состоянія мнѣ были извѣстны. Пространнѣйшее государство въ мірѣ проѣзжалъ я отъ востока до запада и отъ юга до сѣвера и былъ внѣ предѣловъ его; его блестящія столицы и отдаленнѣйшія отъ нихъ провинціи, непроходимыя лѣса Сибири и безлюдныя степи Новороссійскаго края мнѣ равно знакомы. Я пилъ воды Селенги и Сены и отъ вершины Хамаръ-Дабана странствовалъ до Содома Новаго Завѣта, который посѣтилъ я послѣ паденія минутной великой имперіи.

Я родился при Екатеринѣ, записанъ въ службу при Павлѣ, дѣйствительно и дѣятельно продолжалъ оную при Александрѣ и оканчиваю ее при Николаѣ. Еще въ младенческомъ возрастѣ, все окружавшее меня сильно возбуждало во мнѣ вниманіе и любопытство, все врѣзывалось мнѣ въ память, и все въ ней сохранилось. Пока еще лѣта не лишили меня сей способности, желаю я внукамъ моихъ соотечественниковъ, за неимѣніемъ собственныхъ, завѣщать повѣсть о разнообразныхъ предметахъ, встрѣченныхъ мною на длинномъ пути не совсѣмъ обыкновенной жизни.

О себѣ буду говорить мало: скромность не позволить мнѣ хвалиться добрыми, но весьма обыкновенными свойствами, которыя едва могутъ служить перевѣсомъ безчисленнымъ недостаткамъ или даже порокамъ, а стыдъ, который еще знали въ наше время, не допустить меня открывать послѣднихъ. Не имѣя великой славы Жанъ-Жака Руссо, не имѣю и правъ на безстыдство его.

Въ описываемомъ мною я буду ничто: я буду только рама или, лучше сказать, маляръ, вставляющій въ нее попеременно картины и портреты и многоразличіемъ ихъ старающійся замѣнить недостатокъ въ искусствѣ живописномъ.

Но дѣлаясь провожатымъ читателя сквозь мѣста и происшествія, мною видѣнныя, долженъ необходимо прежде всего говорить ему о себѣ, даже о томъ что было до меня, о моемъ происхожденіи.

II.

Я долго почиталъ себя Шведомъ: одинъ нечаянный случай, а еще болѣе любопытство мое и тщеславіе показали мнѣ мою ошибку, открыли мнѣ горькую истину.

Предки мои въ Эстляндіи, въ Везенбергскомъ округѣ, владѣли мызами Илукъ и Куртна; мой дѣдъ заложилъ ихъ въ 1765 году на пятьдесятъ лѣтъ, и мнѣ досталось или выкупать ихъ или за нѣкоторую сумму уступить право на вѣчное ими владѣніе. Я былъ молодъ, жилъ тогда въ Петербургѣ; Эстляндія, которую увидѣлъ я зимой, показалась мнѣ мрачнымъ оледенѣлымъ адомъ, я боялся хлопотъ и радъ былъ за маловажную сумму отказаться отъ права принадлежать къ знаменитому рыцарству. Поспѣшая обратно въ столицу, я не исполнилъ даже священнои обязанности посѣтить могилу моего дѣда и не подумалъ заглянуть въ документы, по коимъ фамилія моя владѣла сказанными мызами.

Какое-то аристократическое чувство, дѣйствіе коего я впрочемъ весьма рѣдко ощущалъ, побудило меня гораздо послѣ, лѣтъ шестнадцать спустя, стараться съ точностію узнать эпоху, въ которую могущественные предки мои основали свое владычество за Наровой, тѣмъ болѣе что представилось къ тому весьма удобное средство. Г. Брунь, шуринокъ

г. Ребиндера, коему уступилъ я права своей фамилии, служилъ тогда подъ моимъ начальствомъ. По просьбѣ моей, скоро доставилъ онъ мнѣ копію съ нужныхъ для меня бумагъ, и что же открылось? Первымъ владѣльцемъ помянутаго имѣнія въ моемъ родѣ былъ только дѣдъ отца моего, именемъ Валдемаръ, и что еще ужаснѣе, онъ назывался Вигеліусъ.

Кому неизвѣстно нынѣ, что въ Финляндіи природные жители имѣютъ обычай, коль скоро получаютъ какую-нибудь ученую степень, облагораживать прозваніе свое латинскимъ усомъ. И потому-то вѣроятно, что прадѣдъ мой — сынъ какого-нибудь пастора или профессора финскаго племени, который, происходя изъ низкаго состоянія, украсилъ имя свое сею ненавистною для меня окончательною прибавкой. Почему бы кажется, если онъ былъ докторъ богословія или медицины и коли непременно ему нужно было себя латинизировать, не назваться ему донъ-Вигелемъ, какъ были донъ-Калметъ, донъ-Букетъ. Донъ не такъ тѣсно связывается съ именемъ какъ усъ, его легче отбросить. Хвала дѣдушкѣ, что вступивъ въ военную службу, онъ сбрилъ сей ученый усъ.

Но какъ бы то ни было, я не Шведъ: увы! нѣтъ никакого сомнѣнія, я Финнъ или Эстъ, или попросту сказать Чухонецъ. Потомству обязанъ я говорить всю истину, но отъ современниковъ буду тщательно скрывать сію ужасную тайну. Открывъ ее, враги насмѣшки конечно не оставятъ попрекать меня чудскою моею породой, они готовы сдѣлать болѣе, они готовы будутъ сравнивать меня съ сими безчисленными несчастными, презрѣнными тварями, съ сими потерянными женщинами, кои, родясь въ окрестностяхъ сѣверной столицы, такъ легко впадаютъ въ бездну пороковъ, и которыя думаютъ возвысить себя и состояніе свое, называя себя вѣтками, то-есть Шведками. Впрочемъ, что дѣлать? Если бы сіе и случилось, у меня всегда будетъ чѣмъ заплатить имъ.

Похвастаться дѣдомъ моимъ, Лаврентіемъ Владиміровичемъ, какъ Русскіе его называли, имѣю я болѣе причинъ. Почти съ самаго дѣтства слѣдовалъ онъ за побѣдоносными знаменами Карла XII, быстро проходилъ онъ чины и земли его герою покоряющіеся и въ званіи капитана драбандскаго полка, едва имѣя двадцать лѣтъ отъ роду, взятъ Русскими въ плѣнъ подъ Полтавою. Почему съ другими плѣнниками не былъ онъ тогда отправленъ въ Сибирь, мнѣ неизвѣстно; вѣроятно изъ числа ссылаемыхъ были изъяты владѣльцы

остзейскихъ провинцій, сдѣлавшіеся новыми подданными Петра Великаго.

Новаго своего отечества не полюбилъ дѣдъ мой и никогда не хотѣлъ ему служить. Онъ спрятался на мызѣ своей и долго велъ уединенную, мрачную и безбрачную жизнь. Не знаю какъ сіе случилось, но наконецъ полюбилась ему одна благородная дѣвица, Гертруда фонъ-Бриммеръ. Онъ вступилъ съ нею въ законный бракъ, и по ней отецъ мой и дяди удостоились чести быть въ родствѣ съ Буксгевденами, Бревернами, Розенами и другими знаменитыми лифляндскими баронами, чести, которою я по крайней мѣрѣ всегда весьма мало гордился.

Дальнѣйшихъ подробностей о дѣдѣ моемъ я не имѣю, ибо отецъ мой выросъ не при немъ и рано его лишился. Знаю только, что онъ никогда не покидалъ своего помѣстья, былъ столь же трудолюбивымъ хозяиномъ, какъ храбрымъ воиномъ, и что сей капитанъ - Цинциннатъ всегда плакалъ при имени Карла XII и постоянно ненавидѣлъ Россію.

Доказательствомъ сей ненависти служить слѣдующее: изъ семи сыновей своихъ, четырехъ старшихъ, не знаю по какому праву, послалъ онъ за границу служить другому герою, великому Фридриху. Неблагодарность его противъ Россіи, подъ правленіемъ коей онъ столь долго наслаждался спокойствіемъ и независимостью, была жестоко наказана; одинъ только старшій сынъ, Лаврентій, участвовалъ въ Семилѣтнюю войну, другіе же три: Оттомъ, Фридерикъ и Валдемаръ, въ цвѣтѣ лѣтъ погибли отъ русскихъ ядеръ или штыковъ. Старшій же сынъ жилъ, видно, очень долго, ибо въ прусской службѣ умеръ генераль-майоромъ и комендантомъ крѣпости Торуня. Дѣтей онъ не оставилъ, а вдова его, урожденная Глазенанъ, какъ она подписывалась, обращалась къ отцу моему съ просьбою объ исходатайствованіи ей пансіона, посредствомъ нашей миссіи.

Младшихъ трехъ сыновей своихъ: Ивана, Якова и Филиппа, рѣшился дѣдъ мой посвятить Россіи, но на то были особливья причины. Карлъ-Петръ Ульрихъ, герцогъ Гольштейнскій, внукъ сестры Карла XII, великій почитатель, какъ известно, великаго Фридерика, былъ также племянникъ императрицы Елисаветы Петровны и наслѣдникъ ея престола.

Почти въ ребячествѣ привезенный въ Россію и крещенный въ нашу вѣру, онъ никакъ не умѣлъ сдѣлаться Русскимъ:

воспоминанія младенческихъ лѣтъ и окружавшіе его Шѣмцы, кои сохраняли ихъ въ немъ и въ его царствованіе надѣялись воскресить времена Бирона, никакъ его къ тому не допускали. Образцомъ его сдѣлался просвѣщенный геній, но онъ умѣлъ только перенять его ошибки; подобно Фридриху, обожателю всего французскаго, который не зналъ истиннаго духа Германцевъ, сихъ мыслителей по превосходству, и видѣлъ въ нихъ только ратныхъ людей и боевыя машины, все-россійскій наслѣдникъ началъ подражать всему нѣмецкому.

Подъ его покровъ поставилъ дѣдъ мой трехъ маленькихъ сыновей, можетъ-быть видя въ нихъ тайно будущихъ мстителей, будущихъ повелителей въ ненавистой землѣ. Ихъ приняли въ кадетскій корпусъ, и когда половина семейства моего дѣда проливала русскую кровь, другая содержалась и воспитывалась на русскія деньги. Старая Россія, въ незлобіи и безопасности, во всемъ походила на нынѣшнюю.

Изъ трехъ сыновей, о коихъ я выше упомянулъ, одинъ только былъ дѣйствительно уменъ: въ наукахъ, въ поведеніи, даже самую наружность младшій отличался отъ двухъ старшихъ—это былъ мой отецъ. Но оставимъ сей любезный для меня предметъ: къ сему живѣйшему, сладчайшему изъ моихъ воспоминаній я часто буду возвращаться. Теперь поспѣшу окончить разказъ о моихъ дядяхъ.

Старшій изъ нихъ, Иванъ, всю жизнь свою служилъ въ военной службѣ; другой же, Яковъ, началъ было съ нея, но скоро перешелъ въ гражданскую. Съ ограниченнымъ умомъ, съ пылкими страстями они не могли пойти далеко. Дядя мой Иванъ былъ то, что въ старину называлось „забубенный“. влюбчивъ, мотовать и весьма не строгихъ правилъ. Онъ не дожилъ до старости и кончилъ жизнь премьеръ-майоромъ и комендантомъ Орской крѣпости, бездѣтенъ, хотя и былъ женатъ на дочери какого-то гарнизоннаго офицера Семенова.

Другой мой дядя, Яковъ Лаврентьевичъ, былъ примѣчательнъ необыкновенною честностію въ дѣлахъ. Къ сожалѣнію, безкорыстные, безпристрастные судьи у насъ всегда были рѣдки, они почитались феноменомъ, и когда-то имъ дивились и ихъ уважали. Не въ это время дядя мой былъ судьей въ санктпетербургскомъ надворномъ судѣ: надъ нимъ смѣялись и о немъ жалѣли; въ нынѣшнее просвѣщенное время его бы стали преслѣдовать. Онъ былъ отменно трудолюбивъ и точенъ, занималъ всегда должности мелкія, но какъ говорится.

доходныя, жилъ весьма бѣдно и послѣ себя ничего, кромѣ скудной подвижности, не оставилъ. Длинное поприще жизни и службы окончилъ онъ въ одно время, въ 1802 году, едва достигнувъ чина коллежскаго совѣтника.

Я его знавалъ и всегда дивился скромности его желаній и удовольствій: чтеніе весьма незанимательныхъ нѣмецкихъ книгъ и изрѣдка бесѣда стариннаго пріятеля коротали для него зимніе вечера; лѣтомъ же навималъ онъ огородъ въ Екатеринбургѣ, и покопавшись въ немъ, отдыхалъ на свѣжемъ воздухѣ. Миръ праху его, сего добраго и почтеннаго родственника!

Жизнь его, однакоже, не всегда была безмятежна; онъ зналъ любовь и въ ней только не зналъ постоянства. Онъ не плѣнялся ни знатностію рода, ни блескомъ воспитанія; красота овладѣвала имъ, гдѣ бѣ она ему ни являлась, въ прачешной ли, или хотя въ коровникѣ. Но честность его правилъ была видна даже среди волненій его страстей. Слово „наложница“ пугало его добродѣтель, и всякій разъ онъ, влюбляясь въ какую-нибудь простую дѣвку (самая знатная изъ нихъ была кистерская дочь), спѣшилъ соединиться съ нею законными узами. Какъ это сходило ему съ рукъ, вотъ чего я никакъ понять не могу. Тогда еще не было устава евангелическихъ въ Россіи церквей.... Какъ бы то ни было, но почтенный дядя мой былъ многоженецъ; я узналъ это послѣ смерти его, когда явилась ко мнѣ одна изъ его вдовъ, прося о помощи; потомъ пришла другая, наконецъ третья; испугавшись многочисленности тетокъ, я не велѣлъ ни одной пускаться. Увы! говорятъ, ихъ было до восьми; одна гдѣ-то жила въ нянькахъ, другая была кухарка, а третья что-то еще хуже. Утверждаютъ, что всѣ тираны имѣютъ склонность къ многоженству и ставятъ въ примѣръ Генриха VIII и Ивана Васильевича, а мой бѣдный дядя скорѣе на все могъ быть похожъ чѣмъ на тирана.

Между родными съ отцовской стороны былъ еще одинъ чудакъ, о коемъ никакъ умолчать не могу. Это Федоръ Ивановичъ Сандерсъ, единственный сынъ Софіи, старшей сестры отца моего, которая лѣтъ двадцать была его старше, такъ что племянникъ былъ почти ровестникомъ дяди. Любовь и война были его девизомъ: съ ребячества до глубокой старости онъ жилъ или среди тревогъ ихъ, или ихъ воспоминаніями. Въ первый разъ видѣлъ онъ непріятельскій огонь

въ чинѣ поручика при Кагулѣ въ 1770 году, въ послѣдній же разѣ въ чинѣ генераль-майора подѣ Парижемъ въ 1814-мѣ; и такъ сорокъ четыре года воевалъ онъ, и потомъ точно отдыхалъ на лаврахъ въ Измаилѣ, куда его сдѣлали комендантомъ, на приступѣ и при взятіи коего онъ былъ три раза. Смерть его щадила, но не пули: онъ былъ весь израненъ, и не взирая на то, здоровъ, веселъ и бодръ до самой смерти. Совершенный недостатокъ въ способности мыслить при воображеніи живомъ, вѣчно юномъ, спасли его отъ нравственныхъ болѣзней и сохранили ему и физическія силы. Подѣ-конецъ жизни онъ былъ въ отставкѣ генераль-лейтенантомъ, и хотѣлъ еще разѣ взглянуть на столицу; дорогой въ Твери одинъ бродяга, котораго въ Измаилѣ онъ взялъ кучеромъ, ударилъ его оглоблей и расшибъ ему руку и ногу съ намѣреніемъ его убить и ограбить: разбойника успѣли схватить, а онъ, на 90-мѣ году жизни, черезъ два мѣсяца вылѣчился и явился въ Петербургѣ. Казалось онъ безсмертенъ; однакоже по пріѣздѣ кончала онъ необыкновенную жизнь свою весьма необыкновеннымъ образомъ: въ самый день рожденія своего, когда ему исполнилось 90 лѣтъ, 1-го января 1836 года, онъ, будучи совершенно здоровъ, нарядился, поѣхалъ въ Зимній Дворецъ и умеръ на ступеняхъ парадной онаго лѣстницы, по коей онъ всходилъ.

Къ числу странностей его характера и жизни принадлежитъ и самый бракъ его; онъ выигралъ жену свою на биліардѣ. Одна молодая, прекрасная кіевская мѣщанка плѣнила богатаго, вѣтренаго Поляка, князя Яблоновскаго, вышла за него замужъ и черезъ годъ или два ему надоѣла. Сандерсъ съ батальйономъ стоялъ тогда на квартирѣ въ одномъ изъ городовъ, нашихъ западныхъ губерній, принадлежавшихъ тогда Польшѣ, но занятыхъ нашими войсками; онъ часто игралъ въ биліардъ съ Яблоновскимъ и выигралъ у него нѣсколько тысячъ золотыхъ; когда онъ сталъ требовать отъ него уплаты, то увидѣлъ его Ариадну, воспламенился и предложилъ ему взаимную уступку. Договоръ былъ скоро заключенъ, ибо всѣ стороны изъявили согласіе, особенно же молодая княгиня, по чувству оскорбленнаго самолюбія. Онъ прожилъ съ ней до самой смерти лѣтъ сорокъ пять; кажется, искренно она его никогда не любила, обманывала его, часто измѣняла ему, но будучи гораздо его моложе, будучи умна, хитра и ловка, дѣлала жизнь его весьма счастливою; можетъ-быть своею за-

ботливостію она ее продлила, ибо лелѣяла его, ухаживала за старымъ мужемъ какъ за ребенкомъ *.

Когда за нѣсколько лѣтъ до смерти онъ продолжалъ еще влюбляться, то ей одной повѣрялъ тайны муки своего сердца; она всегда выслушивала его съ участіемъ, то смѣялась, то утѣшала его, и не одними только словами, уговаривая молодыхъ красавицъ улыбкою, умнымъ взглядомъ, ласковымъ словомъ и иногда даже холоднымъ поцѣлуемъ усладить страданія старика.

Конечно, не возможно Марину Игнатьевну ставить въ примѣръ добродѣтели нашимъ губернскимъ барынямъ, супругамъ нашихъ помѣщиковъ; онѣ живутъ тихо, спокойно и отъ нихъ можно требовать болѣе точности въ исполненіи обязанностей. Но среди безпрестанныхъ переходовъ, среди шумной бурной воинской жизни, какъ иногда не забыться? Сколько я зналъ такихъ воинственныхъ женъ, которыя говорили: „нашъ полкъ,“ „нашъ эскадронъ;“ онѣ готовы были раздѣлять опасности своихъ мужей, готовы были сразиться рядомъ съ ними и жертвовать за нихъ жизнью, а не считали за грѣхъ мимоходомъ любить другихъ. Въ нихъ есть что-то особенное, онѣ милы какою-то солдатскою откровенностью. Жаль, что ни одна изъ нихъ не известна Жакобу, Сю или Бальзаку, какой бы изъ нихъ прекрасный можно было сдѣлать романъ въ новѣйшемъ вкусѣ. Марина Игнатьевна не во всемъ на нихъ похожа, но можетъ также почитаться совершенно походною женой.

Я счелъ излишнимъ упомянуть объ этомъ старомъ воинѣ, послѣднемъ близкомъ родственникѣ отца моего (ибо дѣтей онъ не оставилъ), тѣмъ болѣе что оригинальность его довольно замѣчательна.

---

* Слѣдуя сему примѣру, можно совѣтовать всѣмъ холостякамъ и вдовцамъ, достигающимъ глубокой старости и пользующимся пожизненными только достаточными доходами, жениться на пожилыхъ красавицахъ, не строгой нравственности и владѣвшихъ долго искусствомъ плѣвять. По старой привычкѣ, онѣ привязываются къ послѣдней своей жертвѣ, къ послѣднему покаянику и берегутъ его какъ зеницу ока. Онѣ тѣшатъ его, очаровываютъ, и окруженный призраками, старый мужъ медленно приближается къ гробу. Наши Русскія въ этомъ дѣлѣ еще не мастерицы. Какъ мы во всемъ еще отъ Запада отстаемъ!

III.

Разказавъ все, что зналъ о предкахъ и родственникахъ отца моего, съ чувствомъ нѣкоторой гордости начинаю говорить о русскомъ происхожденіи моемъ по матери.

Много есть нынѣ такихъ фамилій, кои, гордясь древностію происхожденія, имѣютъ сильныя притязанія на знатность, но коихъ названій отыскать невозможно въ такъ-называемой бархатной книгѣ. Извѣстно, однакоже, что она замѣнила родословныя книги дворянъ, преданныя всеожженію для истребленія мѣстничества при царѣ Θεодорѣ Алексѣевичѣ, то-есть, лѣтъ не съ большимъ полтораста тому назадъ.

Родъ Лебедевыхъ, отъ коихъ происхожу я по матери, въ ней, однакоже, находится. Сіе, впрочемъ, могло бы ничего не доказывать; я зналъ Ушаковыхъ, Новосильцовыхъ, Сабуровыхъ, людей именующихъ себя въ исторіи россійской вездѣ встрѣчающимися названіями, кои были, однакоже, или отпущенные на волю, или отданные въ рекруты крѣпостные люди. Я не говорю уже о безчисленныхъ Павловыхъ, Алексѣевыхъ, Яковлевыхъ, Мѣртыновыхъ, сихъ именныхъ прозванійхъ, кои по отцу всякій принять и потомству передать можетъ. Выслужившись до штабъ-офицерскаго чина, право или не право наживши имѣніе, женившись на богатой купчихѣ или бѣдной дворянкѣ, они дѣтямъ своимъ, а еще болѣе внукамъ, передаютъ право безъ малѣйшаго препятствія причислиться къ благороднымъ фамиліямъ, имъ вовсе чуждымъ, и даже затмѣвать ихъ, если чины и состояніе то дозволяютъ.

Дѣдъ мой, Петръ Ивановичъ Лебедевъ, умеръ въ 1752 году, оставивъ вдову, беременную моею матерью, и старшую восьмилѣтнюю дочь Елисавету. Онъ былъ тогда прапорщикомъ гвардіи Измайловскаго полка, а службу началъ простымъ рядовымъ. Это могло бы заставить подумать, что онъ также не что иное какъ вѣтвь самовольно привившаяся къ древнему, благородному дереву; но вотъ что служить доказательствомъ противному: всѣ дворяне и даже князья, вступая тогда въ войско, начинали быть простыми солдатами, а что еще убѣдительнѣе того, матери моей досталось отъ отца по наследству село Лебедевка, при рѣчкѣ Ардымѣ, въ шести верстахъ

отъ Пензы, еще донынѣ въ нашемъ семействѣ сохранившееся. Въ кладбищенской, полусгнившей деревянной церкви сказаннаго села находятся съ надписями могилы Ивана Кондратьевича и Ивана Ивановича Лебедевыхъ, прадеда и дѣда моей матери, надъ прахомъ коихъ по извѣстнымъ временамъ она служила панихиды. Такъ какъ Пенза сдѣлалась городомъ только въ 1666 году при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ, то весьма вѣроятно, что Иванъ Кондратьевичъ былъ основателемъ и первымъ вотчинникомъ селенія, которое назвалъ своимъ фамильнымъ именемъ; если же онъ получилъ его по наследству отъ предковъ, то тѣмъ лучше для дворянскаго нашего тщеславія.

Моя бабка, овдовѣвъ, вышла во второй разъ замужъ за одного рязанскаго помѣщика Трескина, прижила съ нимъ дѣтей, но умерла въ молодости и оставила мать мою у вочима, въ совершенномъ почти ребячествѣ.

Вскорѣ потомъ бабка ея съ материнской стороны приняла къ себѣ малютку, но и подъ крыломъ сей послѣдней не долго она осталась. Она была во второмъ бракѣ за однимъ Василіемъ Ивановичемъ Чулковымъ, и не имѣвъ отъ него дѣтей, умирая, отказала ему попеченіе о своей внучкѣ.

Хотя сей г. Чулковъ былъ намъ почти вовсе чужой, но какъ онъ былъ единственный покровитель и единственное воспоминаніе младенческихъ лѣтъ моей матери, такъ рано лишившейся родителей и родныхъ и знавшей ихъ почти только по слуху, то мнѣ желательно сохранить здѣсь трогательное семейное о немъ преданіе.

Родившись въ низкомъ состояніи, онъ неизвѣстно какъ попалъ въ придворные истопники на половину цесаревны Елисаветы Петровны; по усердію своему онъ сдѣлался ей извѣстенъ и близокъ и, служивъ, какъ божеству, дочери Петра Великаго. Почести на него посыпались съ ея воцареніемъ; онъ скорѣ сдѣлался дѣйствительнымъ камергеромъ, Александровскимъ кавалеромъ и даже наконецъ генералъ-аншефомъ, хотя въ военной службѣ никогда не находился. Тогда-то дворянка Крещская, урожденная, хотя татарская, но все таки княжна Мещерская, не только не погнушалась руки бывшаго истопника, но съ благодарностію приняла его предложеніе. Сей бракъ былъ устроенъ Провидѣніемъ какъ будто для того чтобы дать защиту круглой сиротѣ, моей матери.

Я знавала людей, кои помнили еще царствованіе Елисаветы

Петровны и со слезами умиленія вспоминали объ немъ. Сія государыня, съ добрымъ, нѣжнымъ сердцемъ, получила самое дурное воспитаніе; она выросла среди древнихъ, грубыхъ, но уже не простыхъ и чистыхъ, а европейскимъ первоначальнымъ образованіемъ испорченныхъ нравовъ тогдашняго времени. Ей было вѣдомо искусство дѣлать подданныхъ счастливыми и заставить чужіе народы уважать имя русское, но она не знала тѣхъ приличій, сего кроткаго величія, коимъ Екатерина Вторая умѣла вселять благоговѣнный къ себѣ страхъ. Обхожденіе съ нею было самое простое, хотя и трепетали ея гнѣва, и образъ жизни ея можно было встрѣтить лѣтъ съ тридцать тому назадъ между помѣщицами отдаленныхъ губерній.

Во внутренности дворца своего, она была окружена толпою женщинъ изъ престолярствъ, болтуний, сплетчицъ. Суевѣріе, ложные страхи производили въ ней бессонницу, и эти женщины, сидя въ нѣкоторомъ разстояніи отъ ея постели, должны были сначала разказывать ей сказки, а потомъ, когда замѣчали что она начинаетъ забываться, продолжали между собою разговоръ шепотомъ, чтобы совершенно усыпить ее. Вѣрный слуга, Василій Ивановичъ, долженъ былъ также тутъ находиться, и не взирая на разницу лѣтъ и званія, являясь опять прежнимъ истопникомъ, смиренно клалъ на полъ тюфячекъ свой подлѣ кровати императрицы и какъ безсмѣнный стражъ ложился у ногъ ея. Зная что государыня не спитъ еще, гнусныя твари въ разговорахъ своихъ часто злословили царедворцевъ, не довольно къ нимъ чистыхъ: тогда правдолюбивый Чулковъ тихо возвышалъ голосъ чтобъ опровергать ихъ клеветы, понося ихъ словами, которыя во дворцѣ слышать бы не должно было, и тѣмъ успокаивалъ раждающіяся подозрѣнія добродушной своей царицы. Случалось, что она вставая ранѣе утомленнаго старика, тащила его, шутила съ нимъ, а онъ, приподымаясь легонько, потрепывалъ ее, говоря: „охъ, ты моя лебедка бѣлая“.

Не мое дѣло описывать царицу среди великолѣпной пышнаго двора ея, побѣды ея полководцевъ надъ великимъ Фридрихомъ, благоденствіе Россіи подъ ея правленіемъ, раждающіяся при ней художества, театръ и поэзію; для того были Ломоносовы и будутъ еще другіе счастливыя, кои въ исторіи ея изобразятъ золотой вѣкъ Россіи. Мнѣ пришлось сказать нѣсколько словъ о домашнемъ бытѣ старинной боярыни

на тронѣ, и столько сколько сіе касалось до благодѣтеля моей матери, предка моего не по крови, а по благодѣніямъ. Я увѣренъ, что читатели не причтутъ меня къ числу тѣхъ злонамѣренныхъ людей, коими изобилуетъ наше время, кои, подобно свинѣ Крылова, ищутъ одного навоза, не хотятъ или не умѣютъ отдѣлать частной жизни царей отъ политической, и привязываясь къ однимъ человѣческимъ ихъ слабостямъ, стараются затмить весь блескъ ихъ царственныхъ дѣяній.

Лѣтъ четырнадцать мать моя лишилась и попечителя своего, который вспоилъ, вскормилъ ее, берегъ и лелѣялъ, оставилъ ей примѣръ своихъ добродѣтелей и нѣсколько отеческихъ наставленій, но едва выучилъ ее грамотѣ, которую самъ плохо зналъ. Она отправилась въ свое помѣстье, вступила въ управленіе, сдѣлалась полною госпожей и.... не погибла. Ангель-хранитель ея остался тогда единственнымъ заступникомъ бѣдной сироты; казалось, начертавъ на лицѣ ея свой образъ, онъ въ сердце ея вдохнулъ свою непорочность.

Я не могъ видѣть ея молодости; она родила меня будучи слишкомъ тридцати лѣтъ; но отъ стариковъ, искавшихъ руки ея, много слышалъ о ея разборчивости и красотѣ. Когда я могъ судить объ ней, она уже была въ преклонныхъ лѣтахъ, но и тутъ еще нравилась; для ребенка добрая мать прекраснѣе всего въ мірѣ, а мнѣ казалось и въ совершеннолѣтіи, что такой миловидной старушки я не встрѣчалъ никогда.

Въ слѣдующей главѣ буду говорить объ ней пространнѣе, но и здѣсь не утерпѣлъ сказать нѣсколько словъ.

IV.

Говоря о младшихъ сыновьяхъ моего дѣда, сказалъ я, что младшій изъ нихъ былъ мой отецъ и вмѣстѣ съ ними воспитывался въ кадетскомъ корпусѣ.

Симъ первымъ полезнымъ учебнымъ заведеніемъ Россія обязана Нѣмцамъ. Въ царствованіе Анны Иоанновны, когда они у насъ неистовствовали, безжалостно терзали Россію, грабили ее, унижали, былъ однакоже между ними одинъ знаменитый мужъ, который не довольствовался дарить наше отече-

ство побѣдами, но и думалъ о внутреннемъ его благѣ. Имя Миниха ярко блеститъ среди воспоминаній того мрачнаго времени.

Его мыслию создано, его стараніями, попеченіями устроено первое въ Россіи военное училище. При недостаткѣ въ средствахъ къ домашнему воспитанію, при стремленіи сравниться въ познаніяхъ съ господствовавшими тогда Нѣмцами, лучшіе дворяне, самые вельможи почитали милостію опредѣленіе дѣтей въ Сухонутный Шляхетный Кадетскій корпусъ, какъ онъ тогда назывался. Знатные и иностранцы, разумѣется, въ семь случаевъ предпочитались. Въ послѣдствіи, при Елисаветѣ Петровнѣ, когда основатель корпуса томился въ ссылкѣ, разсадникъ просвѣщенныхъ воиновъ, имъ насажденный, процвѣталъ все болѣе и болѣе, и даже наслѣдникъ престола быть назначенъ его шефомъ....

Сіе назначеніе конечно умножило наружный блескъ заведенія, но ничего не прибавило къ пользѣ внутренняго его устройства. Видно, что оно основано было на твердыхъ началахъ, ибо Петръ III, какъ извѣстно, мало заботился о распространеніи наукъ.....

Однакоже, подъ его управленіемъ образовались въ корпусѣ почти всѣ государственные люди, прославившіе царствованіе Екатерины II.....

Отецъ мой, коего замѣтилъ и полюбилъ онъ еще съ дѣтства, отличался совершенно дѣвственною чистотою. Пылкій, смѣлый, отважный, онъ однакоже и въ старости готовъ былъ краснѣть отъ всякаго нескромнаго, неблагопристойнаго изреченія, коими изобилуетъ солдатскій языкъ и коихъ употребленія самъ онъ вовсе не зналъ. Стройный, статный, благообразный, онъ, безъ крайней необходимости, даже передъ слугою, не обнажалъ груди или плеча.

Можетъ-быть мнѣ не повѣрятъ, но прахомъ его клянусь, что совершеннѣе человѣка, какъ мой отецъ, я не встрѣчалъ. По мнѣнію моему, онъ былъ выродокъ не только въ семействѣ своемъ, но и въ родѣ человѣческомъ. Еслибъ онъ мнѣ былъ и чужой, то мнѣ пріятно было бы изобразить его какъ самое чудное явленіе въ мірѣ.

Излишество во всемъ бываетъ вредно, и для самыхъ похвальныхъ качествъ есть границы, за коими они превращаются въ слабости и даже въ пороки. Такъ напримѣръ, излишняя щедрость дѣлается расточительностію, а бережли-

вость скупостию, смѣлость обращается въ дерзость, покорность въ раболопство, и благородное чувство собственного достоинства въ несносную снѣсь. Мудрость человѣческая состоитъ въ способности избѣгать крайности и въ этомъ отношеніи я не зналъ человѣка, котораго бы болѣе какъ отца, можно было назвать l'homme du juste milieu.

Онъ былъ чрезвычайно вспыльчивъ, а дѣйствіями его всегда управлялъ разсудокъ, страстно любилъ женщинъ, а всегда былъ цѣломудренъ и вѣренъ долгу супружества. Другъ порядка, почитатель установленныхъ властей, онъ однакоже никогда не былъ очень любимъ начальниками, всегда уважаемъ ими. Точность его ума болѣе всего дѣлала его способнымъ къ математическимъ наукамъ, и онъ примѣрно въ нихъ успѣвалъ, но въ то же время чрезвычайно любилъ художества и музыку. Въ особенности же имѣлъ онъ страсть къ архитектурѣ; для сосѣдей, для пріятелей, даже иногда просто для знакомыхъ онъ чертилъ планы домовъ, церквей, заводовъ и потомъ, при производствѣ работъ, помогалъ имъ совѣтами, какъ дешевле и прочнѣе возводить строенія; и все это разумѣется даромъ. Въ провинціяхъ и доселѣ чувствуютъ недостатокъ въ архитекторахъ; проекты маловажныхъ зданій выписываются изъ столицъ, что же было лѣтъ шестьдесятъ тому назадъ! Присутствіе моего отца въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ онъ находился, въ семъ отношеніи, было точно для нихъ благодѣяніемъ. Однимъ словомъ, человѣкъ сей, съ правдолюбіемъ, съ простотою нравовъ древнѣйшихъ временъ, соединялъ всю образованность осьмнадцатаго столѣтія.

Слогъ есть человѣкъ, сказалъ кто-то, и справедливость этого изреченія доказывалъ мой отецъ. Не бывъ природнымъ Русскимъ, не имѣвъ никакихъ предъ собою образцовъ, ибо по-русски онъ началъ писать лѣтъ за десять до рожденія Карамзина, русскія письма его могутъ сами служить образцами. Цѣлую сотню сохранилъ я какъ святыню, и они могутъ служить тому доказательствомъ. Откуда было взять ему столь чистый слогъ, если не изъ самаго чистаго источника прекрасной души своей? Возможно ли ему было съ такою стройностію, съ такою правильностію выразить мысли, еслибы въ самихъ сихъ мысляхъ не было столько ясности и красоты? И это былъ иностранецъ, воспитанникъ кадетскаго корпуса 750-хъ годовъ! И онъ никогда не думалъ быть литераторомъ, и что всего удивительнѣе, въ письмахъ его никогда нельзя

найти ни словъ изъ приказнаго слога, сирѣчь, понеже и дожде, ни сантиментовъ, реверансовъ, онора, конфузiи, словъ иностранныхъ, коими необразованный еще тогда языкъ нашъ столь изобиловалъ. На нѣмецкомъ языкѣ писалъ онъ какъ на природномъ, а на французскомъ писалъ онъ и говорилъ, хотя безошибочно и правильно, но какъ человѣкъ, который, чувствуя необходимость его въ обществѣ, не безъ усилiй ему выучился, и выговоръ на немъ имѣлъ нѣмецкiй.

У людей совѣстливыхъ долгъ и склонность въ безпрестанномъ состязанiи. Отецъ мой ненавидѣлъ низкiя, подлыя или незаконныя дѣла, но въ равной степени не терпѣлъ также и злословія. Какъ быть? Какъ ненавидѣть зло и не осуждать его? Смѣшной стороны онъ ни въ комъ не видѣлъ, слабости ему подвластныхъ старался увѣщанiемъ исправлять, слабости чужихъ всегда находилъ средство извинять, на порокъ смотрѣлъ въ грозномъ молчанiи. Любопытно было видѣть, какъ, убѣжденный въ гнусности какого-нибудь нечестивца, послѣ замѣтной внутренней борьбы, онъ иногда съ тяжкимъ вздохомъ произносилъ наконецъ: „какой негодный человѣкъ!“ Какъ всякiй праведникъ, терпѣлъ онъ много отъ несправедливости людей, отъ начальниковъ и даже отъ подчиненныхъ. Иногда позволялъ онъ себѣ жаловаться на сію несправедливость, но не примѣшивая ни единого оскорбительнаго слова для тѣхъ, кои ихъ учинили. Въ обществѣ оставлялъ онъ пересуды безъ вниманiя; у себя же дома всегда учтиво просилъ осуждающихъ переменить разговоръ: изъ сего можно заключить, какъ мало позволялъ онъ семейству своему порицать ближнихъ. Можетъ-быть, сія самая строгость произвела во мнѣ дѣйствіе совсѣмъ противное, сіе чувство нетерпѣнiя, съ коимъ такъ трудно переносить мнѣ несправедливости не только ко мнѣ, но и къ другимъ, и сію способность обидными словами облегчать страданiя, причиняемая мнѣ глупостию или злостію людей.

Люди добродушные, какъ мой отецъ, бываютъ обыкновенно нѣсколько лѣнны, весьма невзыскательны насчетъ опрятности и сами мало ее соблюдаютъ; въ старости сей порокъ дѣлается ощутительнѣе и еще тѣмъ болѣе безобразить ее. Съ отцомъ моимъ было совсѣмъ противное: онъ былъ чрезвычайно дѣятеленъ, онъ не знавалъ минуты бездѣйствiя и скуки: съ ранняго утра, причесанный, умытый, одѣтый, онъ раздѣвался только когда ложился спать; халатъ былъ для него

эмблемой болѣзни, пятно на мундирѣ или фракѣ почиталъ онъ несчастіемъ не много поменѣе пятна на чести. Таковъ былъ онъ до старости, до послѣдней минуты жизни. Сіе тѣмъ примѣчательнѣе, что въ его молодые годы мы въ Россіи мало знали опрятность и въ самыхъ знатныхъ домахъ, сами барыни были весьма нечистоплотны; опрятность есть одно изъ малаго числа благодѣяній, коими, по мнѣнію моему, Западу мы обязаны.

Одно изъ воспоминаній объ отцѣ тревожитъ меня и смущаетъ: онъ не былъ набоженъ и всегда избѣгалъ не только споровъ, но и разговоровъ объ религіи; объяснить это себѣ стараюсь я слѣдующимъ образомъ. Онъ родился и воспитанъ въ лютеранской вѣрѣ; будучи уже мужемъ и отцомъ семейства, впалъ онъ въ тяжкую болѣзнь, врачи отъ него отказались и осудили его на смерть. Матери моей, отчаянной супругѣ, представилась ужасная мысль, что ей, православною, даже и въ будущей жизни невозможно будетъ встрѣтиться съ обожаемымъ ею еретикомъ; пользуясь его безпамятствомъ, она призвала священника и умоляла его совершить надъ нимъ святое миропомазаніе. Такимъ образомъ поступилъ онъ въ нѣдра греко-россійской церкви. Едва любовь и вѣра свершили обрядъ, какъ уже лучъ надежды блеснулъ для моей матери; съ гою минуты онъ началъ оживать, воскресъ, узналъ о томъ что произошло и не смѣлъ огорчить упрекомъ ту, которая въ выздоровленіи его видѣла чудо небесное. Всѣ дѣянія его были истинно христіанскія; по присоединеніи къ восточной церкви, онъ съ точностію слѣдовалъ ея обрядамъ; но можетъ-быть, чувствуя тайно ложный стыдъ, онъ не любилъ говорить о томъ что напоминало ему о невольнo случившейся съ нимъ переменѣ.

Послѣ всего вышесказаннаго, нужно ли говорить, что онъ былъ нѣжный супругъ и отецъ, постоянный другъ, добрый господинъ, справедливый и пріятный въ обхожденіи начальникъ? Все это, хотя не совсѣмъ обыкновенно, но къ счастью и не весьма рѣдко встрѣчается между людьми. Мнѣ хотѣлось изобразить въ немъ только то, что отличало его отъ другихъ, представить въ немъ противоположности, согласіе или соединеніе коихъ производило совершенство. Блестящій взглядъ его, разговоръ живой и умный и на устахъ почти всегда улыбка непорочнаго веселія, знакомаго только ему подобнымъ, дѣлали его привлекательнымъ еще и въ старости.

Младшій изъ всего многочисленнаго своего семейства, онъ родился 12 июня 1740 года; не знаю когда поступилъ онъ въ кадетскій корпусъ, но знаю только, что въ послѣднй годъ царствованія Елисаветы Петровны, былъ уже онъ въ немъ прапорщикомъ и преподавалъ науки кадетамъ, изъ коихъ многіе были ему ровесниками.

Нѣмецкое происхожденіе и совершенное знаніе фронтальной службы ввели его въ особенную милость къ наследнику престола. Сдѣлавшись императоромъ, Петръ III сравнилъ кадетскихъ офицеровъ съ гвардейскими, и щедрый на награды какъ сынъ и внукъ, въ продолженіи шестимѣсячнаго царствованія своего, произвелъ отца моего въ подпоручики, въ поручики и въ капитанъ-поручики. Приближался Петровъ день царскія именины, и баронъ Унгернъ-Штернбергъ, генераль-адъютантъ и двоюродный дядя моего отца объявилъ именемъ государя, что въ сей день онъ будетъ пожалованъ флигель-адъютантомъ. Можно посудить о радости двадцати-двухъ-лѣтняго юноши; онъ изъ Ораніенбаума поскакалъ въ Петербургъ, чтобы закупить все нужное къ обмундировкѣ. Но прежде 29 июня, было 28-е; въ этотъ день, проходя утромъ чрезъ Исакиевскую площадь и ничего не вѣдая, онъ былъ схваченъ и посаженъ подъ караулъ: Екатерина вступила на престоль.

Попали въ честь тогда Орловы, а подобно дѣду Пушкина, отецъ мой „въ крѣпость, въ карантинъ“. Но онъ не долго въ немъ оставался, не болѣе двухъ недѣль; его выпустили, и не бывши въ числѣ крупныхъ любимцевъ, онъ скоро исчезъ въ толпѣ и возвратился къ своимъ корпуснымъ занятіямъ.

Съ величайшимъ любопытствомъ прислушивался я въ ребячествѣ къ разказамъ покойнаго отца о благодѣтелѣ его, Петрѣ III-мъ. Съ восторгомъ говорилъ онъ о душевной его добротѣ и безпримѣрной снисходительности къ окружающимъ. Я росъ въ Кіевѣ, никогда не видалъ царей, и представлялъ ихъ себѣ хотя и людьми, намъ подобными, но имѣющими еще болѣе важности и величія чѣмъ самъ митрополитъ. Оттого бывалъ я въ крайнемъ изумленіи, когда слышалъ объ огромнѣйшей чашѣ съ пуншемъ, о цѣлой горѣ курительнаго табаку и о десяткахъ трубокъ, находящихся по вечерамъ въ приемной у императора, который расхаживалъ, балагурилъ, и если не приневоливалъ, то усердно приглашалъ

всѣхъ этимъ потѣшаться. Мнѣ это казалось слишкомъ милостиво.

Около тридцати пяти лѣтъ служилъ мой отецъ Екатеринѣ Второй вѣрой и правдой, всегда съ благоговѣніемъ производилъ ея имя, никогда не позволялъ себѣ осуждать ее, — о томъ у насъ въ домѣ и помину не было, — но за то никогда и не удавалось мнѣ слышать отъ него тѣхъ заслуженныхъ похвалъ, коими всѣ ее превозносили. Съ растроганнымъ видомъ говаривалъ онъ о ея наслѣдникѣ: по увѣренію его (а ему вѣрить было можно) и многихъ другихъ, Павелъ Петровичъ былъ въ дѣтствѣ прекраснѣйшій ребенокъ и между тѣмъ чрезвычайно похожъ на отца своего, который, однакоже, былъ ни хорошъ, ни дуренъ.

Въ 1764 году отецъ мой, послѣ долгой разлуки, постигъ слѣпотаго и умирающаго своего отца, принявъ его благословеніе и послѣдній вздохъ (но наслѣдства никакого) и возвращаясь въ Петербургъ, былъ выпущенъ въ армию съ чиномъ премьеръ-майора и опредѣленъ въ генеральный штабъ.

Въ это время съ новымъ жаромъ начали хлопотать о водвореніи у насъ европейскаго образованія: надобно было открыть ему отверстія, дабы оно могло въ самую утробу Россіи проникнуть. Въ Германіи вывалились охотники заселять степи, коими Россія столь изобилуетъ; какъ было тому не обрадоваться? Цѣлыя массы свѣта должны были влиться къ намъ съ тысячами нѣмецкихъ мужиковъ, изъ коихъ, какъ извѣстно, особенно Баварцы и Вестфальцы отличаются образованностію. Человѣчскій родъ примѣтно умножается, особенно между славянскими племенами; для сбыта излишества населенія у насъ неистощимые запасы пустошей, и эти запасы не за морями, какъ у другихъ, а такъ-сказать подъ руками; ихъ безчисленность насъ долго пугала, тогда какъ другія государства, не имѣя таковыхъ, намъ завидовали. Итакъ, сихъ пришельцевъ приняли съ распростертыми объятіями, и учреждена канцелярія опекунства иностранныхъ, подъ предсѣдательствомъ самого князя Орлова, тогдашняго фаворита. Императрица Екатерина была еще довольно молода, и несмотря на врожденное въ ней искусство царствовать, по неопытности, не знала еще тогда истинныхъ пользъ своего народа.

Роскошные берега Волги, въ нынѣшней Саратовской губерніи, тогдашней провинціи, были выбраны для при-

нятія дорогихъ гостей. Конечно, поселеніе иностранныхъ колонистовъ менѣе вредно на краю государства чѣмъ военныя поселенія внутри его; однакоже, и пользы отъ того мало, казна тратится, а прибыли не имѣеть, ибо по прешествіи семидесяти лѣтъ сіи колоніи, кажется, и понынѣ пользуются льготою. Хлѣбопашество въ той сторонѣ ничего отъ того не выиграло, только жители Сарепты размножили сѣваніе табаку и горчицы, чтѣ и безъ нихъ можно было сдѣлать.

Генераль-фельдцейхмейстеръ и надѣ фортификаціями генераль-директоръ, князь Орловъ, искалъ между подчиненными своими, военноучеными (а ихъ было такъ мало) людей, коимъ бы можно было поручить смотрѣніе за межеваніемъ земель и размѣщеніемъ на нихъ колонистовъ, и выбралъ двухъ друзей, инженеръ-майора Лабгарда и отца моего. Симвъ выборомъ была навсегда рѣшена участь послѣдняго.

Саратовъ и Пенза, два провинціальныя города, почти въ одно время возникшіе, построены въ двухъ стахъ верстахъ одинъ отъ другаго, и какъ въ старину, такъ и понынѣ находятся въ тѣсномъ союзѣ и безпрестанномъ соперничествѣ или лучше сказать, соревнованіи; но участь сихъ городовъ совершенно различна.

Первый изъ нихъ стоитъ на берегу величественной Волги, царицы рѣкъ, движущагося моря, и владычествуетъ надъ одною изъ пространнѣйшихъ областей въ государствѣ. Въ сей области находятся и многолюдныя уѣзды, хлѣбопашцами, помѣщичьями крестьянами населенныя, и плодородныя, широкими рѣками орошаемыя степи, никѣмъ, или еще мало обитаемыя, и степи безводныя, и солончаки, въ ней Елтонское озеро, снабжающее солью треть Россіи, въ ней иностранныя колоніи, въ ней Ахтуба и развалины Сарая, въ ней растутъ березы и виноградъ, произведенія сѣвера и плоды юга, въ ней и хлѣбопашество, и торговля, и судоходство, и рыбныя ловли и соляной промыселъ.

Пенза на горѣ возвышается гордо надъ смиренною Сурой: сія рѣчка, только при устьѣ своемъ достойная названія рѣки, въ одно только время года, и то самое короткое, бываетъ судоходна; она робко и медленно приближается къ спѣсивой Пензѣ и не смѣя коснуться подошвы ея, въ двухъ или трехъ верстахъ отъ нея протекаетъ.* Губернія Пензенская сжата

* Въ сію Суру впадаетъ, однакоже, родимый мой Ардымъ.

на маломъ пространствѣ и тѣсно заселена помѣщичьими деревнями: въ противоположность саратовскаго разнообразія въ ней все единообразно, вездѣ равно прекрасные виды, равно прекрасная почва земли, вездѣ изобиліе плодовъ земныхъ и вездѣ недостатокъ въ средствахъ къ ихъ сбыту. Между дворянами, вездѣ почти одинаковая невѣжественно-олигархическая спѣсь, въ простомъ народѣ встрѣчаешь почти одинаковую холопью дерзость или низость.

Однимъ словомъ, сіи двѣ губерніи можно сравнить съ богатымъ купцомъ и довольно зажиточнымъ дворяниномъ. Но какъ русское дворянство (нынѣ столь многочисленное) прежде и болѣе другихъ сословіи воспріяло европейское образваніе и съ преимуществомъ происхожденія или заслугъ соединяетъ преимущества воспитанія, то купечество весьма естественно оказываетъ ему невольное уваженіе. Въ замѣнь того, неимущему невозможно презирать деньгами, и сіе восстанавливаетъ равновѣсіе какъ между обоими сословіями, такъ и между обѣими губерніями.

Поселившись въ Саратовѣ, отецъ мой охотно посѣщалъ Пензу; тамъ находилъ онъ начала, нѣкоторые признаки обшечитія. Въ особенности же свелъ онъ тамъ дружбу съ воеводою, Андреемъ Алексѣевичемъ Все: оложскимъ, отличавшимся нѣкоторою образованностію, кроткимъ нравомъ и пріятнымъ обхожденіемъ.

Нѣкогда слобода, а современъ царствованія Алексѣя Михайловича, провинціальный городъ, Пенза состояла тогда изъ десятка не весьма большихъ деревянныхъ господскихъ хормъ и нѣсколькихъ сотенъ обывательскихъ домиковъ, изъ коихъ многіе были крыты соломой и имѣли плетневые заборы. Соборная каменная церковь, которая величиною едва ли превосходила многіе сельскіе храмы съ тѣхъ поръ построенные и нѣсколько каменныхъ и деревянныхъ небольшихъ приходскихъ церквей, служили единственнымъ ей украшеніемъ. Чтобы судить о неприхотливости тогдашняго образа жизни пензенскихъ дворянъ, надобно знать что ни у одного изъ нихъ не было фаянсовой посуды, у всѣхъ подавали глиняную, муравленую: за то человѣкъ, хотя нѣсколько достаточный, не садился за столъ безъ двадцати четырехъ блюдъ, похлебокъ, студеней, взваровъ, пирожныхъ. У одного только Михаила Ильича Мартынова, владѣльца тысячи душъ, болѣе другихъ гостепріимнаго и роскошнаго, было съ подложныи серебря-

ныхъ ложекъ; ихъ клали предъ почетными гостями, а другія должны были довольствоваться оловянными. Многочисленная дворня, псарня, и конюшня, поглощали тогда все доходы съ господскихъ имѣній.

Двадцать лѣтъ спустя, когда, при учрежденіи губерній, Пенза возвышена была на степень губернскаго города, въ ней все перемѣнилось. Правильныя улицы, и изъ нихъ нѣкоторыя мощеныя, украсились каменными двухъ и трехъэтажными домами, и каменными лавками, а въ нихъ показались товары, кои прежде, хотя съ трудомъ, можно было только выписывать изъ Москвы, явилась нѣкоторая опрятность, нѣкоторая бережливость, нѣкоторый вкусъ,—необходимые спутники просвѣщенія. Перемѣна во всей Россіи шла гораздо быстрѣе чѣмъ при Петрѣ Великомъ, и безъ пытокъ, безъ насилій. Геній и улыбка Екатерины творили сія чудеса. Желѣзная трость Петра Великаго, переходя изъ рукъ въ руки, обратилась въ магическій жезлъ, какъ скоро коснулась ея сія могущественная очаровательница. Сія новая Цирцея хотѣла и умѣла скотовъ обращать въ людей.

Что касается до Пензы, то пусть позволятъ мнѣ часть успѣховъ приписать присутствію въ ней моего отца, уваженію, которое онъ въ ней приобрѣлъ, дѣятельности его и его совѣтамъ, которыхъ къ счастью слушались.

Верстахъ въ тринадцать отъ Пензы, по саратовской дорогѣ, находится небольшое помѣстье Симбухино, носящее фамильное имя своихъ прежнихъ владѣльцевъ. Послѣдній изъ нихъ, отставной кирасирскій майоръ, Андрей Петровичъ Симбухинъ не имѣлъ никого близкихъ родныхъ и былъ женатъ на Нѣмкѣ; умирая, отказалъ онъ ей съ малолѣтнюю дочерью помянутое имѣніе.

Не удивительно что вдовѣ г. Симбухина, живущей такъ сказать на чужой сторонѣ; полюбился молодой, красивый и весьма уважаемый землякъ. Едва ея дочь достигла шестнадцатилѣтняго возраста, какъ сама она предложила ее моему отцу. Не трудно было ему согласиться вступить въ бракъ съ такою молоденькой дѣвочкой, съ нѣкоторымъ состояніемъ, которой могъ онъ надѣяться быть не только супругомъ, но и образователемъ. Сей бракъ былъ счастливъ, но въ семь мѣсяцевъ счастье бываетъ рѣдко продолжительно. Едва прошелъ годъ послѣ замужества Пелагеи Андреевны (такъ звали первую жену отца моего), какъ она родила сына Андрея и черезъ недѣлю спустя

вмѣстѣ съ нимъ пошла въ гробъ. Но какъ бы предчувствуя раннюю кончину свою, она еще во время беременности, по совѣту матери своей, укрѣпила помѣстье свое за отцомъ моимъ. Сіе помѣстье еще и понынѣ находится во владѣніи нашего семейства.

Неутѣшный вдовецъ остался единственнымъ утѣшеніемъ и подпорой горестной, бездѣтной тещи: не помня собственной матери своей, коей лишился въ младенчествѣ, онъ въ ней обрѣлъ нѣжнѣйшую мать, а ей замѣнялъ онъ дѣтей, друзей и родныхъ, коихъ у нея не было. Но сія добродѣтельная, благоразумная женщина не хотѣла дарованнаго ей Провидѣніемъ сына осудить на вѣчное вдовство; по прошествіи траурнаго года, она первая начала ему совѣтовать помышлять о новой женитьбѣ; она сдѣлала болѣе: между дѣвцами, живущими въ Пензѣ, она начала искать достойную его руки.

Между тѣмъ время шло и врачевало горести молодаго вдовца. Еще при жизни первой жены своей, онъ отдавалъ справедливость прелестямъ и дѣвственно-гордому цѣломудрію юной сироты Лебедевой. Не получивъ никакого образованія, въ ней однакоже въ высшей степени господствовало природное чувство, которое Франгузы называютъ тактомъ. Безъ жеманства другихъ провинціальныхъ дѣвицъ, ея обхожденіе было со всѣми непринужденное, но вселяло какую-то робость въ тѣхъ, кои руки ея искали. Иные пытались однакоже являться съ предложеніями, и хотя получали отказы, но въ нихъ было столь много вѣжливаго и утѣшительнаго для самолюбія неудачныхъ искателей, что не оставалось мѣста досадѣ и злословію.

У сей недоступной дѣвы было однакоже сердце, и оно противъ воли ея, тайно принадлежало человѣку, о коемъ она не смѣла помышлять, ибо онъ былъ женатъ. Никто не вѣдалъ о томъ, а еще менѣе другихъ тотъ, который былъ любимъ. Онъ былъ уже вновь давно свободенъ и все еще не подозрѣвалъ ничего. Одинъ только женскій опытный взглядъ можетъ проникнуть въ сокровенныя тайны женскаго сердца: въ заботливости объ участи отца моего, теща его подмѣтила неравнодушіе къ нему независимой и непорочной дѣвицы, ея ближайшей сосѣдки и захотѣла вторично одѣлать его счастливымъ. „Вы любите другъ друга, сказала она наконецъ обоемъ, — женитесь.“ Тутъ не было отказа, ниже минутной притворной колеблемости. Такимъ образомъ состоялся бракъ, коему я обязанъ жизнию.

V.

Вторая женитьба отца моего была въ 1772 или въ 1773 году, хорошенько не припомню, ибо не имѣлъ несчастія быть свидѣтелемъ брака родителей, какъ съ иными сіе случается. Знаю только навѣрно, что первый ребенокъ отъ сего брака, старшая сестра моя Елисавета, родилась въ іюнь 1774 года.

Вскорѣ послѣ сей второй женитьбы, послѣдовали въ участи отца моего важныя перемѣны. Всего важнѣе было для него оставить Пензу и Саратовъ. Онъ давно уже находился въ одномъ чинѣ, не получалъ никакихъ наградъ, а между тѣмъ весьма добродушный и довольно просвѣщенный начальникъ его, князь Орловъ, былъ къ нему откровенно благосклоненъ. Но ему не хотѣлось съ нимъ разстаться, а съ повышеніемъ его онъ долженъ былъ его лишиться. Наконецъ, по чувству справедливости, онъ рѣшился доставить ему чинъ подполковника съ назначеніемъ командиромъ батальйона, опять не поднюю котораго-то егерскаго корпуса*.

Такъ какъ, вѣроятно, мнѣ не придется болѣе говорить о Саратовѣ, въ коемъ я никогда не бывалъ, то я позволю себѣ сдѣлать небольшое отступленіе и бросить недовольный взглядъ на службу тамъ отца моего. Мѣсто, которое онъ тамъ занималъ, было что-называется самое наживное: въ томъ краю, который называется денежною стороною, какъ Пенза хлѣбною, тамъ гдѣ все гласитъ и понынѣ о прибыли, онъ ничего не приобрѣлъ, кромѣ двухъ друзей или можетъ-быть только пріятелей, совсѣмъ не одинаковаго съ нимъ образа мыслей, но съ коими сохранилъ связи до послѣдняго конца жизни, безъ чего по мнѣнію моему онъ весьма бы могъ обойтись. Это были секретари саратовской колоніальной конторы, а наконецъ преважные люди и сенаторы Иванъ Сергѣевичъ Ананьевскій и Петръ Ивановичъ Новосильцовъ.

Можетъ-быть въ толпѣ грубыхъ, жадныхъ чиновниковъ ему пріятно было найти людей болѣе совѣстливыхъ, болѣе

---

* Тогда егерскихъ полковъ не было, а семь или восемь батальйоновъ составляли корпусъ, котораго шефомъ былъ обыкновенно одинъ изъ отличнѣйшихъ генераловъ. Батальйоны назывались нумерами.

умѣренныхъ и благопристойныхъ; тогда это было рѣдкостію и могло почитаться почти за чѣстность; нынѣ это сдѣлалось весьма обыкновенно. Впрочемъ и нельзя было не полюбить г. Новосильцова за его рѣдкій умъ и необыкновенныя дарованія: они кривому подъячому открыли путь до степени государственнаго человѣка, и дали семейству его притязанія и даже нѣкоторое право на знатность. Я помню съ какимъ удовольствіемъ отецъ мой говаривалъ объ умѣ друга своего, Петра Ивановича; о другихъ качествахъ его онъ слова не говорилъ и пусть мнѣ позволять въ семь случаевъ послѣдовать его примѣру.

Въ Пензѣ было также два человѣка, съ коими отецъ мой имѣлъ тѣсныя, постоянныя связи. Первый изъ нихъ, Ефимъ Петровичъ Чемесовъ, былъ послѣднимъ пензенскимъ воеводою и въ душѣ былъ старинный дворянинъ. Онъ отличался чѣстностью, прямодушіемъ, веселонравіемъ, незлобіемъ и необычнымъ здравымъ смысломъ; но по формамъ своимъ, по выраженіямъ, по пріемамъ, по самому произношенію словъ, казался даже и тогда запоздалымъ, казался выходцемъ изъ временъ допетровскихъ. Другой, Богданъ Ильичъ Огаревъ, былъ человѣкъ съ умомъ пріятнымъ и основательнымъ, твердыми и благородными правилами и, въ тогдашнее время, съ большими свѣдѣніями по части агрономической: сими одними средствами умѣлъ онъ умножить и безъ того уже довольно хорошее состояніе*.

Предъ отъѣздомъ изъ Пензы, родители мои имѣли прискорбіе лишиться той, которая для обоихъ была нѣжнѣйшею матерью. Время было тогда для Россіи самое несчастное; на востокъ свирѣпствовалъ Пугачевскій бунтъ и близился къ Пензѣ, на югѣ чума и война съ Турками. Бѣдная мать моя должна была оторваться отъ теплаго гнѣзда своего, отъ всѣхъ привычекъ, отъ наслажденій первоначальной спокойной супружеской жизни. Она уже имѣла болѣе двадцати лѣтъ отъ роду, но совсѣмъ не знала свѣта, ибо Пензу можно было тогда назвать тьмою; но у нея былъ вѣрный и нѣжный путеводитель.

Батальионъ, въ который отецъ мой былъ назначенъ, находился тогда на Кубани. Счастіе ему не всегда благопріятство-

---

* Я обоихъ знавалъ и помню. Первый изъ нихъ былъ мой крестный отецъ.

вало: вмѣсто того чтобъ подъ знаменами Румянцева идти противъ Турокъ и въ блистательной войнѣ сдѣлать себѣ имя, или по крайней мѣрѣ съ Суворовымъ и Михельсономъ спасти отечество отъ внутреннихъ враговъ, онъ долженъ былъ въ безвѣстной, но не менѣе того въ опасной борьбѣ, сражаться съ горцами и еще болѣе съ климатомъ и всякаго рода нуждами, среди пустыннаго края, тогда еще не населеннаго Черноморскими казаками. Закавказскія области намъ еще не принадлежали, и, подстрекаемые Турками, Черкесы всѣхъ наименованій, съ большою безопасностію, съ большою дерзостію на наши войска нападали. Въ это время мать моя жила попеременно то въ Черкасскѣ на Дону, то въ Таганрогѣ, то въ крѣпости Св. Дмитрія, нынѣшнемъ Ростовѣ, убѣгая ужасовъ чумы и вездѣ ею настигаемая.

Наконецъ настала миръ и тишина; мои родители посѣтили мирный уголокъ свой, который въ ихъ отсутствіе переставалъ быть мирнымъ, и многихъ знакомыхъ не нашли уже въ немъ; они погибли отъ Пугачева, и между прочимъ добрый пріятель отца моего, воевода Всеволожскій, который вмѣстѣ съ товарищемъ своимъ Гуляевымъ былъ сожженъ въ томъ домѣ, въ коемъ заперся отъ злодѣевъ. Изъ Пензы поспѣвшица они въ Москву, чтобы видѣть извѣстное торжество на Ходынкѣ.

Матери моей, которая Петербургъ оставила почти въ ребячествѣ, въ первый разъ миръ представился въ такомъ блескѣ. Въ ся лѣта, съ ея воображеніемъ, московскіе праздники оставили неизгладимыя впечатлѣнія, и она съ живостію умѣла ихъ передавать. Мнѣ всего памятнѣе одинъ разказъ съ о мученіи, которое она съ великимъ терпѣніемъ перенесла. За полторы сутки до какого-то славнаго бала, была она причесана рукою искуснѣйшаго тогда парикмахера, разумѣется Француза, который двое сутокъ сряду долженъ былъ работать надъ головами всѣхъ желающихъ быть по модѣ. За то что за прическа! Все тутъ было, и бастионы, и башни, и ленты, и цвѣты, и блонды, и пудра, и помада, и все это воздымалось на аршинъ вышины надъ головою; правда и цѣна за то была неумовѣрная, кажется, пять рублей.

Между тѣмъ, егерскій корпусъ, въ которомъ служилъ мой отецъ, былъ переведенъ въ страну не менѣе враждебную чѣмъ Кавказъ, но гораздо болѣе пріятную, въ Польшу: туда отправились мои родители. Съ перваго раздѣла, русскія войска

почти не покидали Польши, хозяйничали въ ней и привыкали видѣть въ ней собственность своихъ царей. Сначала батальонъ отца моего стоялъ въ Люблинѣ, а наконецъ въ самой Варшавѣ.

Природа гораздо сильнѣе искусства; цвѣтъ женщинъ она одаряетъ такими граціями, которыхъ одно послѣднее дѣло никакъ не въ состояніи. И потому-то посреди образованныхъ, ловкихъ Полекъ, превосходнѣйшихъ кокетокъ въ мірѣ, мать моя не чувствовала ихъ превосходства и въ глазахъ супруга ничего не теряла отъ сравненія съ ними. Напротивъ того, видя молодую Москальку, умную, пріятную, безъ притворства, безъ претензій, польскія дамы сами полюбили ее до того, что наконецъ и самой ей сдѣлались милы, и сію склонность сохранила она цѣлую жизнь.

Что касается до Поляковъ, то въ послѣдствіи она имѣла случай удостовѣриться въ недоброхотствѣ ихъ къ Россіи, а во время пребыванія въ Варшавѣ ничего непріязненнаго не замѣтила: изъ уваженія ли къ дамѣ, скрывали отъ нея вражду къ ея націи, или изъ страха передъ одною знаменитѣйшею русскою дамой, Екатериною Второй? Отцу моему они также показывали любовь и уваженіе, можетъ быть потому, что онъ самъ отличался вѣжливостію формъ отъ другихъ русскихъ военныхъ начальниковъ, которые, по правдѣ сказать, мало тамъ церемонились. Въ особенности же начальникъ отца моего, генераль-поручикъ Романіусъ, о которомъ впрочемъ онъ всегда съ большими похвалами отзывался, и пріятель его, гусарскій полковникъ Древицъ, который для Поляковъ былъ истинно несносенъ. Они не могли имѣть противъ нихъ нашей національной вражды, а это была просто жестокость, грубость, которою въ завоеванныхъ земляхъ отличались нѣмецкіе воины, со временъ Тридцатилѣтней войны.

По случаю рожденія перваго внука Екатерины, столь славнаго Александра Павловича, было во всей арміи большое производство по старшинству. Въ сіе производство попалъ и отецъ мой; онъ пожалованъ полковникомъ въ Нарвскій карабинерный полкъ, сверхъ комплекта*. Тогда полковникъ было и чинъ и мѣсто; названіе полковыхъ командировъ не было употребляемо, а полковники, не имѣющіе полковъ, были

---

* Карабинерные полки были тогда кавалерійскіе на подобіе драгунскихъ.

приписываемы къ нимъ сверхъ комплекта, какъ бы за урядъ, и могли за то къ нимъ почти и не являться и жить гдѣ угодно, въ ожиданіи назначенія. И потому-то отецъ мой возвратился опять въ свое помѣстье.

Не долго однакоже могъ онъ подышать свободой и заняться хозяйствомъ; ему скоро дали Алексопольскій пѣхотный полкъ, который былъ расположенъ на берегахъ Днѣпра, во вновь занятыхъ тогда степяхъ Новороссійскаго края.

Умы были тогда наполнены Греціей и Востокомъ, которые были любимой мечтой Екатерины. Только не задолго до кончины своей, разсталась она съ нею, когда она уступила мѣсто печальнымъ истинамъ съ Запада, и тогда вмѣсто того чтобы разить враговъ просвѣщенія, Екатерина должна была помышлять о борьбѣ съ ужасными его распространителями. Но сіе время еще не пришло и въ южномъ краѣ, на дорогѣ ведущей въ Константинополь, учреждались этапы и украшались звучными именами не существующихъ греческихъ городовъ.

Въ память древняго Херсона, гдѣ Св. Владиміръ воспріялъ крещеніе, одинъ изъ подданныхъ Екатерины, по могуществомъ равный сильнѣйшимъ царямъ, захотѣлъ при устьѣ Днѣпра поставить новый городъ, такъ сказать южный Петербургъ. Въ князѣ Потемкинѣ простительно желаніе быть Петромъ Великимъ, когда Россія нынѣ полна создателей и преобразователей.

Итакъ начали строить Херсонъ. Читателямъ моимъ уже извѣстна страсть моего отца къ архитектурѣ; онъ тутъ находился съ полкомъ; какое поле или, лучше сказать, какаа степь представилась тогда для его дѣятельности! Неумоимо, безвозмездно началъ онъ трудиться надъ плащами, и первый красивый домъ построилъ для себя; въ послѣдствіи съ убыткомъ онъ долженъ былъ продать его въ казну. Сіи занятія сблизили его, сдружили съ однимъ Негромъ, какихъ мало бываетъ бѣлыхъ*, съ извѣстнымъ инженеръ-генераль-поручикомъ Иваномъ Абрамовичемъ Ганнбаломъ, главнымъ производителемъ, какъ крѣпостныхъ, такъ и другихъ строительныхъ работъ.

Явился самъ Потемкинъ. Быстрота исполненія его воли

---

* Названіе одного романа, впрочемъ не весьма захватительнаго, нынѣ совсѣмъ забытаго.

никакъ его не удивила; едва ли Наполеону были люди болѣе послушны. Подобно ему, окруженный лестію и подлостями, Потемкинъ съ трудомъ могъ отличить отъ нихъ долгъ строгой подчиненности и искреннее уваженіе къ его высокимъ дарованіямъ. И потому-то отецъ мой остался въ толпѣ безчисленныхъ, мало извѣстныхъ ему поклонниковъ, былъ мало замѣченъ такимъ человѣкомъ, который умѣлъ отдавать справедливость достоинствамъ, когда могъ до нихъ добратся. Въ младенчествѣ моемъ, я такъ много слышалъ о семъ гигантѣ, столь внезапно свалившемся тогда во гробъ, что мнѣ невозможно, хотя вкратцѣ, не изобразить его.

Невиданную еще дотолѣ въ вельможѣ силу свою онъ никогда не употреблялъ во зло. Онъ былъ вовсе не мстителемъ, не злопамятенъ, а его всѣ боялись. Онъ былъ отваженъ, властолюбивъ; иногда лѣнивъ до неподвижности, а иногда дѣятеленъ до невозможности; однимъ словомъ, въ немъ видно было все, чѣмъ славится русскій народъ, и все то, чѣмъ по справедливости его упрекаютъ, а со всѣмъ тѣмъ онъ русскими не былъ любимъ. Сіе покажется загадкой, а ее можно объяснить весьма естественно. Не одна привязанность къ нему императрицы давала ему сіе могущество, но полученная имъ отъ природы нравственная сила характера и ума ему все покоряла: въ немъ страшились не того что онъ дѣлаетъ, а того, что можетъ дѣлать. Бранныхъ, ругательныхъ словъ, кои многіе изъ начальниковъ себѣ позволяли съ подчиненными, отъ него никто не слыхивалъ, въ немъ совсѣмъ не было того, что привыкли мы называть свѣсью, но въ простомъ его обхожденіи было нѣчто особенно обидное, взоръ его, всѣ тѣлодвиженія, казалось, говорили присутствующимъ: „вы не стоите моего гнѣва.“ Его невзыскательность, снисходительность весьма очевидно проистекали отъ неистощимаго его презрѣнія къ людямъ, а чѣмъ можно болѣе оскорбить ихъ самолюбіе?

Его разсѣяннo-прихотливый взглядъ въ обществахъ иногда оставался или, лучше сказать, скользилъ на пріятномъ лицѣ моей матери; сего достаточно было, чтобы встревожить совсѣмъ не ревниваго, но благородно-самолюбиваго отца моего. Въ одинъ вечеръ, звѣздносныя шуты тѣшили свѣтлѣйшаго разговорами о женской красотѣ: одинъ изъ нихъ объявилъ, что онъ никогда не видалъ столь прелестной, маленькой ножки, какъ у моей матери. „Неужели, сказалъ

Потемкинъ, я не примѣтилъ? Когда-нибудь приглашу ее къ себѣ и попрошу показать мнѣ безъ чулка.“ И не прошло двухъ дней, какъ мой отецъ узналъ о семъ разговорѣ. Можно себѣ вообразить страхъ и гнѣвъ, коимъ онъ вскипѣлъ; онъ представлялъ себѣ отчаянныя супруги, еслибъ ей осмѣлились сдѣлать столь обидное предложеніе. Для предупрежденія всякихъ неприятностей, онъ упросилъ ее отправиться немедленно въ деревню: ничего не подозревая, она изумилась, но должна была повиноваться.

Нѣсколько времени спустя послѣ сей домашней тревоги, о коей виновникъ ея вовсе ничего не зналъ, прибылъ въ Херсонъ виртембергской принцъ Фридрихъ, для командованія дивизіей, въ которой находился мой отецъ. Это было самое умное и самое капризное созданіе въ мірѣ, столь извѣстный послѣ толстый король виртембергскій. Уваженія къ высокой его особѣ, точнаго исполненія своихъ обязанностей не достаточно было, чтобъ угодить ему; онъ требовалъ.... онъ требовалъ Богъ знаетъ чего; своеправію, странностямъ его не было предѣловъ. Съ такимъ начальникомъ трудно было ужиться отцу моему; съ перваго взгляда онъ не полюбился Монбелларскому принцу, который всячески началъ его тѣснить, а какъ онъ былъ тиранъ въ полномъ смыслѣ сего слова и тиранъ искусный, то скоро положеніе отца моего сдѣлалось несноснымъ.

Князь Потемкинъ не очень баловалъ нѣмецкихъ принцевъ въ нашей службѣ находящихся. Глядя на нихъ не только съ той высоты, на которой стояла тогда Россія, но съ той, на которую мечталъ онъ вознести ее, они казались ему менѣе чѣмъ ничто: но родному брату супруги наследника Россійскаго престола, онъ долженъ былъ невольно болѣе показывать уваженія. Со всѣмъ тѣмъ, однакоже, онъ будто наперекоръ ему сталъ болѣе покровительствовать моему отцу. Такъ продолжалось нѣсколько времени до тѣхъ поръ, какъ взаимныя жалобы ихъ наскучили князю Потемкину, и онъ рѣшился развести ихъ. Въ разлукѣ съ женою, съ дѣтьми, посреди такихъ неприятностей, моему отцу самому желательно было отойти съ честью.

Онъ былъ уже лѣтъ семь полковникомъ, ему доставалось въ бригады, а въ семь чинѣ не многимъ оставляли полки. Потемкинъ представилъ его къ чину и вмѣстѣ съ тѣмъ полкъ его отдалъ другому. Сіе не совсѣмъ было пріятно, но дѣлать

было нечего: онъ былъ по крайней мѣрѣ утѣшенъ мыслию близкаго свиданія съ семействомъ, и вскорѣ потомъ отправился въ Пензу. Возвратившись туда, онъ не долго дожидаясь производства; онъ получилъ бригадирскій чинъ, но съ назначеніемъ къ опредѣленію въ оберъ-комендантскую или комендантскую должность*.

Не прошло года по прибытіи отца моего въ пензенскую деревню свою Симбухино, какъ я въ ней родился, среди сельской тишины. Здѣсь кончается біографія моихъ родителей и начинается моя собственная; скоро перестану я быть разкащикомъ слышаннаго, а сдѣлаюсь повѣствователемъ видѣннаго мною.

Я всегда уважалъ старшинство, и потому прежде нежели буду говорить о себѣ, считаю долгомъ поименовать братьевъ и сестеръ, прежде меня увидѣвшихъ свѣтъ. Я уже сказалъ что сестра моя Елисавета родилась въ 1774 году, послѣ нея Наталья въ 1775-мъ, потомъ братъ Александръ въ 1776-мъ, за нимъ Павелъ въ 1777-мъ и наконецъ Николай въ 1778-мъ. Изъ нихъ одинъ только Александръ жилъ не долго, другіе же всѣ достигли совершеннолѣтія, а нѣкоторые и старости. Первые пять лѣтъ мои родители всякій годъ имѣли дѣтей, потомъ моя мать начала родить рѣже, но все-таки до меня еще было три сестры, Катерина, Мавра и Анна, изъ коихъ первая умерла пяти лѣтъ, а другія двѣ въ колыбели (читатель не избѣжитъ со мною ни малѣйшей подробности, до семейства моего касающейся). Послѣ меня черезъ пять лѣтъ, родилась сестра Александра, которая и до нынѣ находится въ живыхъ.

Я былъ еще на рукахъ кормилицы, когда въ жизни моихъ

---

* Чтобы генеральскому чину дать болѣе важности, то изъ полковниковъ не прямо въ него жаловали: для того надобно было въ бригадирѣтъ года два подождать. Нѣкоторыхъ считали неспособными къ продолженію военной службы; они оставались въ армейскихъ спускахъ и были кандидатами на губернаторскія или комендантскія мѣста: они въ семъ положеніи иногда цѣлый вѣкъ оставались. Екатерина Вторая всегда призываетъ къ себѣ тѣхъ, кои были представлены въ губернаторы, нѣсколько разъ разговаривала съ ними и, не прежде какъ убѣдась въ ихъ способностяхъ, ихъ къ мѣсту опредѣляла. Заслуженные же, но менѣе способные, назначались въ оберъ-коменданты. Сіи послѣдніе, исключая главной крѣпости, имѣли цѣлый рядъ крѣпостей и гарнизоновъ въ своемъ вѣдѣніи, и сверхъ настоящей своей должности были то, что нынѣ называютъ окружные начальники внутренней стражи.

родителей произошла важная перемена. Вотъ какъ сіе случилось. Князь Потемкинъ наконецъ поссорился съ вюртембергскимъ принцемъ и, такъ сказать, почти его прогналъ. Одинъ изъ его любимцевъ, Василій Степановичъ Поповъ, съ которымъ отецъ мой былъ хорошо знакомъ, но не имѣлъ никакихъ связей, разговорился объ немъ съ княземъ и представилъ какъ жертву своенравія принца. Потемкинъ былъ великодушень, какъ всѣ люди сильные и умные: онъ началъ съ того, что бригадиру, почти въ отставкѣ живущему, доставилъ генераль-майорскій чинъ, а потомъ чрезъ г. Попова прислалъ ему письмо, адресованное на имя тогдашняго статсъ-секретаря (послѣ канцлера) Безбородки. Въ семъ письмѣ, выражаясь съ величайшимъ участіемъ о своемъ клиентѣ, онъ требовалъ повелительно, чтобъ ему дано было первое вакантное мѣсто, согласно съ его желаніемъ.

Съ симъ письмомъ оставалось только отцу моему поскатать въ Петербургъ: съ такимъ талисманомъ въ рукѣ, хлопотать ему тамъ было нечего. Безбородко объявилъ ему, что открываются двѣ вакансіи: олонедкаго губернатора и кievскаго оберъ-коменданта; онъ предпочелъ послѣднее изъ ~~сими~~ двухъ мѣсть, въ хорошемъ климатѣ, почетное, спокойное и законно прибыльное, ибо доходы съ тысячи душъ давались на содержаніе занимающихъ оное. Сіе мѣсто было обѣщано другому, но нельзя было идти противъ воли Потемкина.

Отцу моему было тогда отъ роду 47 лѣтъ, въ эти лѣта еще позволено бы было помышлять о почестяхъ, о дальнѣйшемъ возвышеніи; но тогда, не такъ какъ въ наше время, довольствовались малымъ и вѣрнымъ, умѣли на пути чести останавливаться. Я не смѣю роптать на отда моего за его выборъ; не могу однакоже не пожалѣть о томъ, что онъ не предпочелъ губернаторское мѣсто, хотя въ каменистой, безлюдной Олонедкой губерніи. Это былъ для него единственный случай сдѣлаться извѣстнымъ императрицѣ, а онъ долженъ былъ знать, что съ нею даромъ никто умевъ не бывалъ.

Кіевъ для меня вторая родина, и потому-го намѣренъ я посвятить ему слѣдующую главу.

VI.

Весною 1788 года, мать моя съ довольно многочисленнымъ семействомъ изъ Пензы отправилась къ отцу моему, на постоянное жительство въ Кіевъ, гдѣ онъ уже нѣскольکو мѣсяцевъ находился. Я былъ тогда еще такъ малъ, что этого даже и какъ во снѣ не помню.

Кіевъ! При имени его бьется еще и понынѣ охладѣвшее мое сердце, изъ потухающихъ глазъ моихъ воспоминанія о немъ еще и понынѣ способны извлекать слезы. Въ теченіи всей жизни моей, ничего прекраснѣе мнѣ не казалось, какъ первые предметы, которые въ немъ поражали младенческіе мои взоры. Подобно Іерусалиму, сей праотецъ градовъ южной и западной Россіи долго стоналъ подъ игомъ невѣрныхъ; какъ мусульмане у дверей гроба Господня, продаютъ христіанамъ позволеніе поклониться ему, такъ Евреи у Поляковъ держали въ немъ на откупѣ православные храмы и безъ платы молящихся въ нихъ пускали. Уже болѣе полутора столѣтъ возвращенъ онъ былъ Россіи, а язвы, нанесенныя ему Татарами, Литвою, но болѣе всего польскимъ правительствомъ, еще не исцѣлились.

Городъ сей тѣмъ болѣе былъ примѣчательнъ, что вездѣ являлъ контрасты, нищету и великолѣпіе; безчисленныя храмы его съ позлащенными, какъ жаръ горящими куполами, были окружены низкими, едва надъ землею замѣтными хатами; огромныя, живописныя горы служили ему подножіемъ, а позади его разстилались необозримыя, безконечныя равнины; съ одной стороны была спокойная, величественная Россія, съ другой бунтующая, истерзанная Польша*.

Въ Кіевопечерской крѣпости, гдѣ Лавра и пещеры, въ священномъ Сіонѣ древней Россіи, среди святыни, примѣровъ благочестія и великихъ отечественныхъ воспоминаній, возросло счастливое мое младенчество. Тамъ набожная мать и сестры учили меня молиться; тамъ почтенный отецъ не столько словами, сколько примѣромъ, научалъ меня почитать добродѣтель; тамъ все ласкало, нѣжило, дѣлало меня.

---

* Польская граница находилась тогда въ Васильковѣ, въ 35 верстахъ отъ Кіева.

Посреди воспоминаній того быстро протекшаго времени, подобныхъ сладчайшему сну является мнѣ одна старушка, няня моя или мама, какъ ее называли. Слово мама происходитъ отъ названія матери и потому-то оно было приличнѣе моей незабвенной Аксиньѣ Ивановнѣ. Своею грудью она вскормила мать мою и потомъ всѣхъ дѣтей ея имѣла на своихъ рукахъ и воспитывала до семилѣтняго возраста. Она была старинная, русская крѣпостная женщина, не Англичанка, не Швейцарка, но ея усердіе, ея нѣжныя объ насъ попеченія, едва не болѣе были для насъ полезны чѣмъ бы наемная привязанность этихъ иноземокъ. Теперь дѣло другое; но моя мамушка принадлежала къ такому времени, гдѣ господа немного поменѣе чадъ своихъ любили своихъ домочадцевъ, и когда въ глазахъ сихъ послѣднихъ, господская власть смягчалась и украшалась отеческою. Просвѣщеніе все это измѣнило; чѣмъ болѣе окцидентальный духъ началъ между нами распространяться, тѣмъ болѣе рабъ и скотъ, плантація и деревня начали имѣть въ глазахъ нашихъ одинаковое значеніе. Трудно было бы Простакову съ Еремеевной найти до Петра Великаго и нѣсколько времени послѣ него, и хотя утверждаютъ, что комедія *Недоросль* есть картина нашего варварства—неправда: она изображаетъ только полупросвѣщеніе Русскихъ.

Но возвратимся къ Аксиньѣ Ивановнѣ: она выросла въ домѣ предковъ моихъ по матери, коихъ просвѣщеніе тогдашняго времени видно не коснулось, и она всегда съ любовію и слезами объ нихъ вспоминала. Все что преданность имѣеть благороднаго, являя въ себѣ сія старуха; почитательно и смѣло говорила она съ моими родителями, нѣжно и строго обходилась со мною. Слово: барское дитя, много для нея значило, но оно все-таки было дитя, и она съ необыкновеннымъ искусствомъ умѣла журить и унимать меня. Сохраненію моего здоровья жертвовала она безпрестанно собственнымъ; сего мало, ей обязанъ я и первымъ нравственнымъ воспитаніемъ. Дѣтскимъ языкомъ, приноровленнымъ къ моимъ понятіямъ, говорила она мнѣ о Богѣ, объ обязанностяхъ къ нему человека, о любви къ родителямъ, о любви къ ближнему; даръ Божій была для меня женщина сія.

Была еще другая, о которой съ равнымъ почти удовольствіемъ вспоминаю, жена гарнизоннаго прапорщика, Василіса Тихонова; фамильнаго имени ея не запомню, потому

что у насъ въ домѣ мало объ немъ заботились. Она была природная, чрезвычайно бѣдная новгородская дворянка, сбытая съ рукъ, вытолкнутая замужъ за проходящаго съ полкомъ столь же бѣднаго офицера. Умная и пріятная женщина, воспитаніе ея было не завидное до того, что она не умѣла грамотѣ; со всѣмъ тѣмъ, ей, дворянкѣ, не могло быть весело водиться съ другими гарнизонными офицерами, совсѣмъ не образованными солдатскими дочерьми, а въ тогдашнее время, я думаю еще и въ нынѣшнее, трудно было прапорщицѣ попасть въ общество къ генеральшѣ. Она ооонакоже нашла туда дорогу, не искавши ея.

Она повадилась ходить къ Аксиньѣ Ивановнѣ, также умной женщинѣ, хотя и не дворянкѣ; гости ея, разумѣется, не могли быть посѣтителями моей матери, но я пристрастился къ Василисѣ Тихоновнѣ. Она была дородная, свѣжая женщина, лѣтъ сорока; каждая черта ея румяно-смуглаго лица выражала веселость умъ и доброту, свойства, которыя уже въ малолѣтствѣ имѣли для меня притягательную силу. Но всего прівлекательнѣе была для меня ея память и просвѣщенная страсть къ повѣстямъ; мужа и кого умѣла найдти пограмотнѣе заставляла она по цѣлымъ вечерамъ читать себѣ романы; *Бову Королевича*, *Петра золотыхъ ключей* она терпѣть не могла, вообще сказокъ не любила, но плѣнялась *Тысячью и одною ночью*, прислушиваясь со вниманіемъ; всѣ ихъ знала наизусть и мнѣ потомъ разказывала; однимъ словомъ была моя Шехеразада. Бывало только и рѣчей у меня что объ ней, когда приведутъ меня къ матери, ей стало любопытно узнать плѣнившую меня красоту, она сама полюбила ее, и сія женщина сдѣлалась наконецъ у насъ домашнею.

Кругъ знакомства моей матушки былъ довольно отборный; у нея еще было два пріятели, которые посѣщали ее и слѣдственно и меня. Первый, отецъ Степанъ, духовникъ нашего семейства и священникъ комендантской воскресенской церкви и кievскихъ гарнизонныхъ батальйоновъ; другой, Евстафій Яковлевичъ Яновскій, штабъ-лѣкарь тѣхъ же батальйоновъ, и нашъ домашній тѣлесный врачъ, какъ тотъ былъ духовный. Не могу судить о искусствѣ послѣдняго, ибо, сколько припомню, у насъ въ домѣ всѣ и всегда были здоровы, но помню, что онъ былъ весьма пріятный человекъ, небольшого роста, съ живымъ веселымъ взглядомъ, постоянною улыбкой на устахъ и маленькою лысиной на головѣ, которая не только

не безобразила его, но въ цѣломъ еще умножала оригинальную его пріятность. Онъ былъ кievскій бурсакъ, то-есть учившійся въ духовной академіи; малороссійскимъ нарѣчіемъ онъ съ жаромъ разказывалъ происшествія своей Украйны. Отецъ Степанъ разказывалъ мнѣ про Адама, про Еву, про грѣхопаденіе, Ноевъ ковчегъ и прочее; мамушка про русскую старину; Василиса Тихоновна сказывала сказки. Я весь былъ слухъ, весь вниманіе, и издали приготовлялся быть самъ разказчикомъ.

Во дни оны, Кіевъ былъ проѣзжімъ, пограничный городъ и почти столица Малороссіи; кругомъ его были расположены войска; въ немъ стекались и воинскія чиновныя лица и украинскіе помѣщики по дѣламъ и тяжбамъ, и великороссійскіе набожныя дворяне съ семействами для поклоненія святымъ мощамъ, и наконецъ, просто путешественники, которые для развлечения посѣщали тогда южную Россію, какъ нынѣ ѣздятъ въ чужіе края. Сосѣдство съ Польшей, оборонительныя мѣры давали много заботъ отцу моему и должность кievскаго коменданта была тогда совсѣмъ не sineкурою, какъ она послѣ сдѣлалась. Къ тому же съ европейскимъ вкусомъ и нѣмецкою бережливостію онъ соединялъ русское хлѣбосольство и былъ, какъ тогда называлось, мастеръ жить. Мѣсто имъ занимаемое давало ему средства быть гостепріимнымъ, и онъ всѣхъ порядочныхъ людей радушно угощалъ. Съ утра до вечера нашъ домъ былъ наполненъ гостями.

Ему оставалось тогда мало времени думать о моемъ болѣе растительномъ воспитаніи. У матери моей было также много занятій; повинуваясь волѣ отца моего, она большую часть дня должна была посвящать принятію гостей, а утро занималась хозяйственными дѣлами и воспитаніемъ дочерей, которыя подрастали и близились къ возрасту невѣсть. Опытъ показлъ ей, что можно положиться на Аксинью Ивановну и она ограничивалась со мною ласками, поцѣлуями, предоставляя маленькія сгрогости кормилицѣ своей.

Меня довольно часто водили въ гостинную; тамъ видѣлъ я и ленты, и звѣзды, и много чопорныхъ разряженныхъ барынь. Въ угожденіе ли матери моей или дѣйствительно я былъ такъ миловиденъ, всѣ въ запуски меня хвалили; все мнѣ позволялось: кататься кубаремъ, лазить по кресламъ, любой вѣшаться на шею; кажется, житье бы мнѣ тамъ, а меня все тянуло домой. Какой-то инстинктъ давалъ мнѣ

понимать, что въ одномъ мѣстѣ мною забавляются и въ другомъ меня забавляютъ и съ первымъ развитіемъ мыслей уже раждалось во мнѣ самолюбіе. Такимъ образомъ всегда предпочиталъ я свое мѣщанское общество чиновной кievской аристократіи и свою дѣтскую гостиную моей матери. Чего у меня не было въ дѣтской? И Аксинья Ивановна, и Василиса Тихоновна. Прибавить ли еще москву Азорку, первую и послѣднюю собаку, которую я любилъ!

Увы, куда я забрелъ съ своими воспоминаніями! Я чувствую, что въ разказѣ моемъ нѣтъ ничего занимательнаго; но какой жестокой читатель не проститъ мнѣ продолжительнаго взгляда, который можетъ быть въ послѣдній разъ брошено на столь же отдаленную, какъ и памятную эпоху моей жизни. Сквозь тьму времяя все еще блеститъ оно мнѣ, сіе время непорочности моей и совершеннаго благополучія.

Золотой вѣкъ мой, сіе блаженное время не долго продолжалось: тогда воспитаніе рано начиналось, рано и оканчивалось; едва исполнилось мнѣ семь лѣтъ какъ мнѣ наняли учителя. При братьяхъ моихъ находился одинъ, какъ говорятъ, весьма ученый г. Гагеръ; я долженъ былъ наследовать имъ въ его попеченіяхъ, но онъ пожелалъ возвратиться въ Германію, свое отечество; ихъ отправили въ Петербургъ, въ пансіонъ, сколько припомню, г. Девеля, а ко мнѣ взяли другаго Нѣмца, Христіана Ивановича Мута.

Уже нѣсколько лѣтъ свирѣпствовала тогда революція; первые ея взрывы уже сбросили мишурную поверхность блестящихъ аристократическихъ обществъ, а вскорѣ потомъ изъ нѣдръ Франціи цѣлые потоки невѣжественнаго дворянства полились на сосѣднія страны, Англію, Германію, Италію. Бѣжать сдѣлалось славою высшихъ французскихъ сословій, и какъ господа сіи умѣютъ все облекать пышными фразами и щеголеватыми формами, то побѣгъ назвался эмиграціей. Остались во Франціи нѣсколько знаменитыхъ, великодушныхъ жертвъ и святой мученикъ, бывшій король. Его вѣрные подданные издали, въ опасности, старались защищать его воплями и интригами. Со свойственнымъ имъ легкомысліемъ, на унесенныя съ собою деньги и драгоценности жили они весело и роскошно, ожидая нетерпѣливо минуты возвращенія и мести. Она не пришла, они все прожили, все издержали; надобно было подумать, какъ и чѣмъ промышлять. Отъ познаній эмигрантовъ нѣмецкая и англійская ученость не могла

ожидать великой пользы, французская литература въ сихъ земляхъ мало уважалась, въ Италиі науки были дѣло постороннее, но по художественной части, тамъ на Французовъ смотрѣли съ презрѣніемъ, и Гужоны, Жирардоны, Пуссенны и Ле-Сюеры едва ли тамъ почитались ваятелями и живописцами. Какъ быть? Французъ думаетъ не долго, а иногда и ничего не думаетъ; прежнія свои склонности, служившія имъ забавою, они поспѣшили обратить въ пользу. Франція есть царство и отчизна моды, посредствомъ скипетра ея съ гремушками, она владычествуетъ надъ просвѣщенною Европою; въ поваренномъ искусствѣ, французская школа не въ шутку, имѣетъ превосходство предъ всеми другими; во Франціи всякій родится комедіантомъ, тамъ все поддѣльное, все театральное, все нарумяненное, налакированное, и слава Богу, ибо природа людей ужасаетъ тамъ наготою. Сынамъ сей благословенной страны можно было въ другихъ земляхъ не умирать съ голоду; многіе изъ нихъ пошли въ актеры и составили труппы въ Гамбургѣ, Брауншвейгѣ и другихъ мѣстахъ; для инаго бывшаго артиллериста кухонный огонь замѣнилъ боевой, и на столы гастрономовъ онъ началъ пускать *bombes à la Sardapapale*; познакомились тогда нѣмецкія уста съ бешамелемъ, майонезами, но — хвала имъ! — все не отставая отъ родимаго бирсуна и жаренаго митъ и флауменъ ундъ розинень; иной щеголь началъ шить дамскія платья или башмаки, а иной причесывать булки и сочинять шиньоны; однимъ словомъ, кто во чтò гораздъ.

Но потребность забавъ была не въ соразмѣрности съ числомъ забавниковъ, безпрестанно умножающимся. Нѣмцы мастера избавляться отъ докучливыхъ и вредныхъ гостей; какъ нѣкогда Жидовъ, въ царствованіе Казимира Великаго, уступили они Польшѣ, такъ Французамъ указали на Россію; страну сѣверную, гдѣ дикая природа людей ожидаетъ искусныхъ рукъ воздѣлывателей. Почуя русскій хлѣбъ, голодные искусники, какъ съ цѣпи сорвались, большими стаями ринулись на бѣдную Русь и начали ее просвѣщать по своему. Отецъ мой былъ до нихъ небольшой охотникъ, а впрочемъ когда началось мое ученіе, то и взять ихъ было негдѣ, ибо они въ небольшомъ еще числѣ начали только появляться въ столицахъ. И такъ, по счастью моему, мнѣ на участь достался Нѣмецъ.

Я распространился о такомъ предметѣ, который повидимому

не имѣеть никакого отношенія къ моему воспитанію, но какъ въ послѣдствіи французская образованность имѣла большое вліяніе на судьбу мою, то я счелъ причиннымъ здѣсь означить начало зла, въ моихъ глазахъ по всей Россіи распространеннаго.

Трудно вообразить себѣ мое отчаяніе, когда изъ нѣжныхъ рукъ моей мамушки упалъ я въ холодныя лапы германскаго педагога! Я помню только одно, первую ночь, которую провелъ я въ одной съ нимъ комнатѣ, а уже не въ дѣтской; я не могъ заснуть и всю ночь сію горько проплакалъ. Видъ его не суровый и не нѣжный, обхожденіе его не строгое, но и не ласковое, изумляли и мертвили меня приученіемъ къ демонстраціямъ. Въ глазахъ моихъ въ немъ все напоминало отца моего, но между мною и имъ были всегда нѣжные посредники, мать и сестры, тогда какъ съ учителемъ долженъ былъ я находиться въ непрерывныхъ, самыхъ близкихъ сношеніяхъ.

Сказать ли истину, я только поздно узналъ всю цѣну почтеннаго моего родителя. У него были особенныя понятія насчетъ важности отеческихъ обязанностей; онъ казался ему какимъ-то священнодѣйствіемъ, и малѣйшая фамилярность, особенно съ сыновьями, по мнѣнію его, унижала его въ глазахъ ихъ. Равномѣрно воздерживался онъ съ ними и отъ изъявленій гнѣва; правоученія дѣлалъ рѣдко, и они имѣли всю краткость оракуловъ, онъ произносилъ ихъ тихо и внятно, но потомъ не позволялъ ни возраженій, ни даже вопросовъ. Никогда рука его не ласкала моего ребячества, никогда не подымалась на меня для наказанія, и потому-то въ чувствѣ, которое поселилъ онъ во мнѣ, была не любовь, а нѣчто богобоязненное. Можетъ-быть все это весьма нужно съ другими дѣтьми, но у меня оно отняло много счастья, и мнѣ кажется, что и самого Бога, Отца вселенной, надобно представлять дѣтямъ его не столько грознымъ судьей, какъ причиною благости.

Въ послѣдствіи, когда я уже началъ подростать, были нѣкоторые случаи, въ которые, можно сказать, вся страсть его ко мнѣ, долго удержанная, вдругъ, какъ будто противъ воли его, съ необычайною силой обнаруживалась; я не смѣлъ вѣрить счастью своему, тѣмъ болѣе что вскорѣ потомъ спѣшилъ онъ принять со мною свой прежній, безстрастный и холодный видъ. Родитель строгій и нѣжный! Не смѣю

упрекать священную твою, ты всѣмъ жертвовалъ тому что почиталъ своимъ долгомъ, но еслибы ранѣ открылъ мнѣ сокровища твоего сердца, то и въ моемъ ранѣ бы увидѣлъ способность любить тебя и добродѣтель!

Съ матерью моею было дѣло совсѣмъ другое, съ нею зналъ я печали и радости, и гнѣвъ и нѣжнѣйшіе восторги, и слезы и поцѣлуи; ея владычеству отдано было первоначальное мое воспитаніе, отъ нея получалъ я всѣ первыя впечатлѣнія, и отъ того удивительно ли, что и съ сѣдыми волосами сохранилъ я раздражительность почти женскую и всю пылкость юности? Но возвратимся къ первому учителю, отъ котораго я безпротанно отхожу.

Онъ былъ человѣкъ умный и холодный только по наружности. Онъ прибылъ въ Россію въ царствованіе Екатерины, когда блистательнѣйшая изъ Нѣмокъ землякамъ своимъ подавала примѣръ любви и уваженія къ Россіи. Онъ жилъ сначала у перемыславскаго коменданта, подполковника Фонъ-Фока, подчиненнаго и друга отца моего, и воспитывалъ старшаго сына его, столь извѣстнаго потомъ Максима Яковлевича. Когда воспитаніе сего послѣдняго кончилось, и его отправили на службу, то Фонъ-Фокъ предложилъ г. Муту для меня въ наставники. Его приняли съ радостію, ибо Адамовъ Адамычей Вральмановъ было тогда довольно въ Россіи, но люди съ нѣкоторыми дарованіями и познаніями были очень рѣдки: ему самому было довольно лестно перейти изъ комендантскаго дома въ оберъ-комендантскій, онъ видѣлъ въ этомъ какое-то повышеніе. Вспомнимъ, что онъ былъ Нѣмецъ, и что мѣста и чины уважались тогда не по нынѣшнему.

Сей человѣкъ не только не позволялъ себѣ говорить съ презрѣніемъ о нашихъ обычаяхъ; сколь бы они странны ни казались, но даже они освящались въ глазахъ его древностію. Впрочемъ сіе происходило, можетъ-быть, не столько отъ уваженія къ Русскимъ, сколько отъ природной доброты, душевнаго расположенія видѣть во всемъ хорошую сторону. Онъ былъ лютеранинъ, а всегда отзывался съ похвалами о папѣ, о великолѣпіяхъ духовнаго Рима: остроуміе Французовъ плѣняло его, равно какъ и основательность и разчетливость Англичанъ. Въ добротѣ и злости, въ умѣ и въ глупости нравились ему разнообразныя виды, въ коихъ является природа. Станный человѣкъ: онъ готовъ былъ также хвалить

силу медвѣдя, неукротимость тигра, какъ и вѣрность собаки. Изъ сего можно бы заключить, что онъ былъ весьма не строгихъ правилъ; напротивъ, въ разнообразіи природы онъ искалъ для себя и для воспитанника своего все, что ему казалось лучшимъ.

Еще до г. Мута училъ уже меня русской грамотѣ по псалтырю и часослову нашъ крѣпостной, молодой человекъ, Александръ Никитинъ, родъ дядьки при братьяхъ моихъ. Разумѣется, я рѣдко принимался за книгу, но метода моего русскаго учителя была прекрасная: сколь бы ни ничтожны были успѣхи мои въ чтеніи, онъ всегда дивился чудесной понятливости маленькаго барина и тѣмъ возбуждалъ меня къ новымъ чудесамъ. Совсѣмъ противное дѣлалъ г. Муть; часто пожималъ онъ плечами, съ состраданіемъ говоря о моей безтолковости; наказывалъ рѣдко и то за явныя ослушанія, и какъ наказывалъ! ставилъ въ уголь, на колѣни, а иногда билъ по рукамъ ливейкой.

Съ дѣтскимъ простодушіемъ человекъ сей соединялъ самую чистѣйшую нравственность, вся жизнь его казалась изъявленіемъ благодарности къ Творцу, за то, что Онъ въ глазахъ его такъ украсилъ міръ сей, ибо, какъ уже я выше сказалъ,

каждомъ шагу встрѣчалъ онъ предметы, его пріятно удивляющіе. Я чувствовалъ, что онъ достоинъ любви, все сбирался полюбить его и подконецъ успѣлъ таки въ томъ. Онъ же съ своей стороны сколь ни казался холоденъ, но съ каждымъ днемъ болѣе прилѣплялся къ своему воспитаннику, и хотя онъ того не говорилъ, но я замѣчалъ иногда, что странности моей природы его восхищаютъ.

Онъ имѣлъ удивительную память и познанія, посредствомъ ея пріобрѣтаемыя, зналъ хорошо исторію, географію, зналъ правильно французскій языкъ, но выговаривалъ на немъ Богъ знаетъ какъ. Что самъ зналъ, тому по-маленьку училъ и меня. Когда я попривыкъ къ нему и началъ понимать нѣмецки, то разговоры съ нимъ начали для меня становиться занимательнѣе, мало-по-малу началъ я даже заимствовать и нѣкоторыя изъ его привычекъ. Напримѣръ, онъ любилъ собирать гербовыя печати со всѣхъ пакетовъ, получаемыхъ отцомъ моимъ и къмъ бы то ни было, онъ ихъ потомъ наклеивалъ на большіе листы; мнѣ это понравилось, я скоро началъ то же дѣлать и могъ узнавать гербы всѣхъ извѣстнѣйшихъ въ Россіи фамилій. Хотя онъ не былъ ботаникъ, но

собиралъ разные цвѣты, травы и растенія. Кладъ ихъ по листамъ, однимъ словомъ составлялъ herbier, и у меня до сихъ поръ страсть къ коллекціямъ. Все что касается до хронологіи достопамятнѣйшихъ происшествій въ мірѣ, до генеалогіи знаменитѣйшихъ домовъ въ Европѣ, зналъ онъ наизусть, и въ послѣдствіи по этой части могъ могъ бы и я съ нимъ состязаться.

Нѣкоторое время жили мы съ нимъ, такъ-сказать, съ глазу на глазъ, но скоро одиночество мое прекратилось, общество мое умножилось нѣсколькими товарищами. Средства воспитанія были тогда такъ скудны, что родители у моихъ выпрашивали какъ дозволеніе дѣтямъ своимъ со мною учиться. Ихъ было трое, сыновья артиллерійскаго генераль-майора Нилуса, гарнизоннаго майора Яхонтова и штабъ-лѣкаря Яновскаго, о которомъ уже я какъ-то говорилъ *. Между ними, какъ хозяйскій сынъ, бралъ я натурально первенство; но г. Мутъ не оказывалъ мнѣ ни малѣйшаго предпочтенія, а иногда въ молчаніи улыбался прилежнѣйшему. По утру задавалъ онъ намъ уроки, которые мы твердили и должны были сказывать ему наизусть передъ-обѣдомъ, а онъ между тѣмъ читалъ про себя что-нибудь изъ исторіи и географіи, съ тѣмъ чтобы послѣ обѣда въ видѣ повѣсти намъ это пересказывать. Такимъ образомъ узналъ я исторію Іудеевъ, Ассиріянъ, Мидянъ, Персовъ и Грековъ, но до Рима едва только съ нимъ дошли. Говоря словами Пушкина, мы учились чему-нибудь и кое-какъ.

Сверхъ того, я бралъ еще другіе уроки. Софійскій каедральный протоіерей Сигаревичъ преподавалъ мнѣ законъ Божій, артиллерійскій штыкъ-юнкеръ Скрипкинъ училъ меня

---

* Всѣ они были добрые, ребята, простые, провинціальныя, гарнизонныя мальчишки, какъ и я. Всѣ трое шли потомъ по военной службѣ, ни одинъ изъ нихъ не гремѣлъ шевеломъ въ мірѣ, но всѣ они отличались благородствомъ чувствъ, правилъ и поступковъ, и были утѣшеніемъ и опорой овдовѣвшихъ матерей. Послѣдній изъ нихъ кажется еще живъ; лѣтъ двѣнадцать тому назадъ видѣлъ я его армейскимъ подполковникомъ; Яхонтовъ убитъ въ Фридаандѣ, а почтенный другъ мой Нилусъ въ генеральскомъ чинѣ, покрытый ранами и крестами, русскими и иностранными, окончилъ достославный походъ 1812—13 и 14 годовъ, бывши вездѣ примѣромъ храбрости. Прослуживъ еще нѣсколько лѣтъ и женившись, онъ нашелъ успокоеніе въ окрестностяхъ Одессы, и императоръ Александръ, сохранивъ ему все содержаніе, далъ безсрочный отпускъ.

археометикъ и геометріи, наукамъ, въ коихъ, мимоходомъ сказать, я весьма мало успѣвалъ. Одинъ малороссійскій виртуозъ, котораго очень хвалили, кажется звали его Чернецкій, училъ меня играть на фортепіано, и какой-то маляръ училъ рисовать. Не моя вина если въ обоихъ сихъ искусствахъ я не мастеръ: нашли что они бесполезны и скоро заставили бросить, тогда какъ къ музыкѣ я всегда чувствовалъ особенную склонность. Старшіе братья, выпущенные гораздо послѣ въ кавалерійскіе полки, учили меня ѣздить верхомъ, а про такую еще рѣчь впереди.

Я обѣщаль вначалѣ говорить о себѣ очень мало, а теперь ввожу читателя во всѣ подробности ничѣмъ не замѣчательнаго домашняго моего воспитанія. Что дѣлать! Воспоминанія изъ головы моей такъ и лѣзутъ на бумагу. Впрочемъ, Богъ знаетъ, будетъ ли меня кто-нибудь еще читать, а память можетъ ослабѣть. Если запискамъ симъ не повѣрю прошедшаго, для меня столь занимательнаго, то мало-по-малу оно будетъ изглаживаться изъ памяти, и я напрасно буду искать его въ головѣ моей, тогда какъ имъ однимъ уже начинаю я жить.

Иногда, хотя весьма рѣдко, собирались у моего учителя по вечерамъ пріятели его, единоземцы: губернской архитекторъ Гелмерсенъ, пасторъ Граль, аптекаръ Бунге, плацъ-майоръ Брокгаузенъ и капельмейстеръ Диль. Но гораздо чаще посѣщаль онъ ихъ самъ по очереди и водилъ меня съ собою въ сіи общества, степенныя, спокойно веселыя. Они были мнѣ совсѣмъ не по вкусу; вечера обыкновенно начинались разговорами о политикѣ, въ которой я тогда ничего не понималъ, замѣчанія выслушивались со вниманіемъ, отвѣты были всегда обдуманы, ибо каждому предшествовало нѣсколько минутъ молчанія, потомъ подавали всѣмъ по трубкѣ, потомъ сажались играть въ ламушъ или въ лото, а все оканчивалось стаканомъ пива, нѣсколькими ломтями бутерброда и прощальнымъ дружескимъ рукожатіемъ. Конечно въ сихъ обществахъ много хвалили Германію, но никогда я не слыхалъ ругательства на Россію, какъ сіе случалось мнѣ послѣ иногда слышать между Нѣмцами. Мало-по-малу я было самъ сдѣлался Нѣмцемъ, говорилъ не иначе какъ по-нѣмецки, выражался какъ Нѣмецъ, смотрѣлъ маленькимъ Нѣмцемъ, и покойный отецъ мой имѣлъ слабость этому радоваться. Слава Богу, характеръ у меня остался совершенно русскій.

Не болѣе четырехъ лѣтъ пользовался я наставленіями г. Мута, все тянуло его въ Переяславль, и не смотря на возрастающую его привязанность къ нашему дому, нѣмецко-лютеранское семейство г. фонъ-Фока было ближе къ его сердцу; къ тому же онъ далъ ему слово заняться воспитаніемъ меньшихъ его сыновей, какъ скоро они начнутъ подрастать. Итакъ онъ оставилъ меня въ началѣ 1797 года, когда примѣры его и нравоученія могли мнѣ быть болѣе полезны. Я помню прощаніе его со мною, черты его сохранили обычную неподвижность, но изъ глазъ его ручьями текли слезы. Мнѣ случилось потомъ въ самой первой молодости встрѣчаться съ нимъ: лицо его не измѣнялось, а самъ онъ трепеталъ отъ радости.

Недавно узналъ я, что живъ еще сей почтенный старецъ; когда вступилъ онъ въ домъ нашъ, ему было около сорока лѣтъ, прошло тому болѣе сорока, и слѣдственно ему теперь за восемьдесятъ. Онъ долго оставался въ семействѣ г. фонъ-Фока, которое послѣ переехало въ Бѣлоруссію; наконецъ онъ опять поселился въ окрестностяхъ Переяславля, въ деревнѣ Еввы Яковлевны Дараганъ, старшей дочери фонъ-Фока, воспитывалъ дѣтей ея, но внукамъ посвятить трудовъ своихъ уже былъ не въ состояніи. Онъ живетъ еще тамъ и понынѣ, среди трехъ поколѣній, предъ нимъ благоговѣющихъ. Съ растроганнымъ сердцемъ читалъ я прошлаго года письмо его къ Петру Яковлевичу, младшему изъ сыновей фонъ-Фока; оно показало мнѣ, что вечеръ его столь же тихъ и ясенъ, какъ вся жизнь его была безмятежна.

Хотя въ 1797 году дѣтскій возрастъ мой еще не прошелъ, но какъ это былъ годъ великихъ переменъ въ судьбѣ цѣлой Россіи, равно какъ и въ моей ребячьей жизни, то имъ слѣдуетъ заключить здѣсь главу сію. Въ семь первомъ періодѣ моего существованія являлись мнѣ однакоже нѣкоторыя примѣчательныя лица, о коихъ я ни слова не упомянулъ, вопреки обѣщанію данному самому себѣ и читателю. И потому прежде всего прошу позволенія обратиться къ нимъ и въ слѣдующей главѣ исправить сдѣланное мною упущеніе.

VII.

Всего памятливе мнѣ одна вельможная дама, которая почти каждый годъ посѣщала Кіевъ и коей пріѣздъ приводилъ въ движеніе, можно сказать въ волненіе, весь домъ нашъ. Это была графиня Браницкая, любимая племянница князя Потемкина и жена польскаго короннаго гетмана. Не знаю гдѣ и какъ познакомилась она съ моею матерью, но она ее полюбила; и когда ѣзжала въ собственный городокъ, извѣстный подъ именемъ Бѣлой Церкви, находившійся тогда за границей, хотя только въ восьмидесяти верстахъ отъ Кіева, то проѣздомъ чрезъ сей городъ всегда у насъ останавливалась и жила по недѣлѣ и по двѣ.

Потемкина уже не было на свѣтъ, но любимица его, принявшая его послѣдній вздохъ, все еще какъ будто бы озялась его славою. Умнѣйшая изъ пяти сестеръ, урожденныхъ Энгельгартовыхъ, она была ихъ и богаче. Императрица особенно благоволила къ ней и, сверхъ того, ласкала ее какъ жену довольно сильнаго польскаго магната, преданнаго Россіи.

По всѣмъ симъ причинамъ, знаки уваженія ей оказываемые были преувеличены, и чтобы посудить объ обычаяхъ тогдашняго времени, чему нынѣ съ трудомъ повѣрять, всѣ почетнѣйшія дамы и даже генеральши подходили къ ней къ рукѣ, а она умная, добрая и совсѣмъ не гордая женщина, безъ всякаго затрудненія и преспокойно ее подавала имъ. Мать моя смотрѣла на то безъ удивленія, ни мало не осуждала сего, но вѣроятно чувствуя все неприличіе такого раболѣпства, сама отъ него воздерживалась. Вообще обхожденіе ея съ графиней Браницкой было самое свободное, пріязненное, и разницу во взаимныхъ ихъ отношеніяхъ можно было только замѣтить изъ *ты* и *вы*, которыя они другъ другу говорили.

Могущество Потемкина вызвало изъ смоленской деревни прекрасныхъ ея племянницъ, гдѣ получили они обыкновенное тогдашнее провинціальное воспитаніе. Старшая изъ нихъ, Браницкая, уже неспособна была къ принятію блестящей образованности Екатеринина двора. Но имѣя умъ, характеръ,

бывши въ самыхъ тѣсныхъ связяхъ со всемогущимъ своимъ дядею, она облеклась въ какую-то величественность и ею прикрывала недостатки своего воспитанія. Вышедши замужъ за человѣка расточительнаго, который былъ вдвое ея старѣе, въ такой вѣкъ, который нравственностію не отличался, она всю жизнь осталась примѣромъ вѣрности супругу, нѣсколь-ко разъ спасала его отъ разоренія и бережливостію своею, можетъ-быть и скупостію, удвоила огромное его состояніе.

Когда я началъ знать ее, она была ни стара, ни молода: станъ ея былъ стройный, хотя не гибкій, лицо отменно пріятное, свѣжее и серіозно улыбающееся. Любимый нарядъ ея былъ подражаніе костюму императрицы: длинное, нижнее платье съ длинными и узкими рукавами, почти совсѣмъ закрывающее грудь: оно стягивалось узкимъ, почти непримѣтнымъ поясомъ съ одною огромною, широкою и длинною пряжкой *; а сверхъ его было другое платье коротенькое безъ рукавовъ и спереди совсѣмъ открытое, которое называлось *гречанкою*. Все это напоминало Востокъ и романическо-государственные виды на него Екатерины Второй.

Портретъ сей царицы, списанный искусною рукой Демейса съ оригинальнаго портрета извѣстнаго Лампи, висѣлъ въ гостиной нашего казеннаго дома; когда бывало кто взглянетъ на него только что не перекрестится; я же рѣшительно почиталъ его иконой. Вдругъ онъ ожилъ передо мною; я увидѣлъ посреди комнаты женщину, которая показалась мнѣ столь же величавою, точно въ такомъ же нарядѣ, также съ лентою черезъ плечо, и вокругъ ея стоящихъ съ подобострастіемъ; мудрено ли, что въ головѣ пяти или шестилѣтнаго мальчика понятія о величествѣ перепутались, и онъ подданную принялъ за государыню. Я обмеръ, но скоро, подозвала она меня къ себѣ и осыпала ласками; благосклонность ли ея къ матери моей, или дѣйствительно я такъ ей понравился, я съ той минуты сдѣлался маленькимъ любимцемъ. Къ сожалѣнію, тщеславіе не чуждо иногда бываетъ и дѣтямъ; я пристрастился къ ней и бывало плакалъ когда меня къ ней

---

* Эти пряжки были тогда въ модѣ у всѣхъ дамъ; ихъ называли *паф-таллами*, свѣ были самой искусной азіятской работы съ цѣпами, серебряныя, позолоченныя или золотыя, смотря по состоянію, съ бирюзой или съ дорогими камнями, также смотря по состоянію.

не пускали. Лѣтъ пятнадцать тому видѣлъ я ее въ послѣдній разъ и уже смотрѣлъ на нее не тѣми глазами. Она не роза, но жила близь нея, и отпечатокъ величія Екатерины долго еще блисталъ на ней; она еще жива, но въ глубокой старости осталась теперь какъ полуразрушенный ея памятникъ.

Мнѣ разказывали про меня самого одинъ анекдотъ, который по мнѣнію моему заслуживаетъ найдти мѣсто въ сихъ запискахъ; онъ покажетъ духъ того времени, которымъ были проникнуты даже мозги малыхъ ребятъ. Прежде еще описаннаго мною появленія графини Браницкой, пріѣзжала она уже въ Кіевъ въ такое время, котораго, я не запомню, ибо имѣлъ не болѣе трехъ или четырехъ лѣтъ отъ роду. Съ нею былъ старшій сынъ ея, Владиславъ, нынѣшній сенаторъ; мнѣ давали играть съ нимъ, хотя онъ былъ года два или три меня постарше. Мы смотрѣли разъ въ окошко на плацъ Кіевской крѣпости и на гауптвахту, гдѣ стояли въ караулѣ какіе-то новонабранные малороссійскіе пѣшіе казаки стрѣлки, которые были раздѣлены не на полки, а на когорты, и поэтому называли ихъ когортами; ихъ не успѣли еще обмундировать, и они были въ сѣрыхъ кафтанахъ, какъ ратники 812 года. Ясновельможный панокъ расхохотался, и оборотясь ко мнѣ сказалъ: „вотъ какія жолнеры (воины) у васъ Москалей“; я ли или что-то во мнѣ вступилось за честь Русскихъ, и на замѣчаніе его какъ смѣю такъ говорить съ польскимъ графомъ (будто есть настоящіе польскіе графы), отвѣчалъ, что всякій Русскій важнѣе всякаго Поляка. За это, говорятъ, получилъ я пощечину, на которую отвѣчалъ таковою же, и пошла у насъ сильная драка, и насъ розняли, и молодого графа легонько побранили, а меня чуть ли не наказали. Я бы не осмѣлился похвастаться рановременнымъ патриотизмомъ своимъ и можетъ-быть самъ ему бы не повѣрилъ, еслибы нѣсколько разъ не слышалъ какъ про него разказывали, будто бы со смѣхомъ, однакоже съ видомъ самодовольствія.

Первые годы пребыванія нашего въ Кіевѣ, кажется, ни Французовъ, ни Поляковъ, тамъ совсѣмъ почти не было, а Жидовъ очень мало. Послѣднихъ я нѣсколько времени принималъ за первыхъ и вотъ почему: едва началъ я ходить и говорить, какъ зналъ уже что Спаситель рода человѣческаго былъ Жидами поруганъ, мучимъ и умерщвленъ; еще по-

нятія мои не имѣли настоящей ясности, какъ изо всѣхъ устъ услышалъ я проклятія противъ одного народа, безжалостно пролившаго невинную кровь царя своего, кроткаго, мягкосердаго и который за злобу сего народа платилъ ему отеческою любовію. Все это перепуталось въ головѣ моей и я долго представлялъ себѣ Французовъ весьма нечистыми (въ чемъ и не много ошибся), въ длинныхъ, черныхъ платьяхъ съ бородами, ермолками и фесиками.

Вдругъ одна французская чета поселилась въ Кіевѣ, въ самой крѣпости, въ нашемъ сосѣдствѣ. У насъ въ Россіи въ старину истинная наука мало уважалась, все гонялось за блескомъ, всѣ молодые дворяне лѣзли въ гвардію, изъ нея выпускались въ армейскіе полки не менѣе какъ капитанами, а на артиллерію, на генеральный штабъ, особенно на инженерный корпусъ смотрѣли съ пренебреженіемъ: сіи части необходимыя для войска, за исключеніемъ малаго числа благомыслящихъ дворянъ, наполнялись обыкновенно или людьми низкаго происхожденія, съ похвальными, природными склонностями къ познаніямъ, или чужестранцами, изъ коихъ какъ извѣстно, было въ то время на половину бродягъ *. Не знаю какъ и когда нѣкто г. Шардонъ или де-Шардонъ, какъ онъ требовалъ чтобы къ нему надписывали, вступилъ въ нашу службу инженеромъ: онъ давно уже въ ней находился и все еще ни слова почти не зналъ по-русски, когда въ генеральскомъ чинѣ назначили его инженернымъ командиромъ въ Кіевъ. Никто не хотѣлъ взять труда доискиваться откуда онъ родомъ и происхожденіемъ; Французъ да и только, этого было довольно. Дородная его супруга посѣщала едѣлать визиты дамамъ и, разумѣется, первую почтила своимъ посѣщеніемъ сосѣдку свою, мать мою. Меня не знаю почему, всегда водили на показъ пріѣзжимъ гостямъ: мнѣ сказали, что я увижу Француженку и повели въ гостиную; съ потупленными взорами, съ ужасомъ и ненавистью подступилъ я къ ней; наконецъ поднялъ глаза, взглянулъ на нее, и весь страхъ мой исчезъ. Я расхохотался, и какъ ни старались унять меня, это было дѣло невозможное, пока меня опять не увели.

Представьте себѣ, любезный читатель, старую, полную, румянами крѣпко натертую, смѣющуюся рожу, и посреди ея длинный ястребиный носъ съ двумя широкими отверстіями, источниками двухъ табачныхъ ручьевъ; усы, по коимъ они

* Нынѣ мы стали уняѣе и просвѣщеннѣе, и едва ли есть десятая доля.

протекають, потомъ зобъ, тройной подбородокъ и подь нимъ старую, наморщенную, бронзоваго цвѣта шею и такую же полуоткрытую грудь, украшенную алмазами тульской работы и осыпанную табакомъ. Все это на огромномъ туловищѣ, въ странномъ, пестромъ нарядѣ, въ платьѣ яркаго цвѣта, разъ тридцать перекроеннаго и перешитаго по послѣдней модѣ. Прибавьте къ этому вокругъ ея атмосферу, которою обыкновенно дышать только по близости сельдяныхъ буяновъ. Вы человекъ благоразумный, умѣете владѣть собою, и при видѣ ея, вѣроятно, даже не улыбнулись бы, но не требуйте того отъ ребенка, которому красоты сіи случилось столь внезапно созерцать.

Эта Француженка была баба умная, веселая, страстная охотница до свѣтскихъ забавъ, весьма искательная и совсѣмъ невзыскательная, большая мастерица играть въ бостонъ и неутомимая въ семь упражненіи; не знаю какъ-то, наконецъ, мы всѣ къ ней принюхались. Къ намъ ѣздить повадилась она очень часто; всякій вечеръ находила у насъ гостей, находила партію и увѣряла, что никого въ свѣтѣ такъ не любить, какъ моихъ родителей. Она опрокидывала всѣ понятія, которыя тогда имѣли о важности генеральскаго чина: не было возможности съ нею церемониться; у насъ въ домѣ до того дошли, что только лишь ея хватятся, то, смотря по погодѣ, бывало повелительнымъ тономъ скажутъ: послать карету или человекъ за *Шердоншей*. Такъ называли ее по заочности, но въ глаза поступали съ нею почтительнѣе; у нея спросили: какъ звали батюшку? потомъ изъ семи или восьми именъ, данныхъ ей при крещеніи, выбрали легчайшее для произношенія, и изъ всего этого составили **Марью** Лентьевну.

Она меня также удостоивала своего вниманія, отцу моему давала совѣты касательно моего воспитанія, и мнѣ самому дѣлала наставленія. Въ чемъ же они состояли? держать себя какъ можно прямѣе, стараться лучше выговаривать по-французски (а на этомъ языкѣ говорилъ я тогда хуже чѣмъ она по-русски), наконецъ, стараться быть какъ можно любезнѣе съ маленькими дѣвочками и тѣмъ готовить себя къ будущимъ успѣхамъ съ большими. Любопытнымъ, внимательнымъ окомъ смотрѣлъ я часто на сіе странно существо; мнѣ все хотѣлось вникнуть въ причины мезфитизма, ея распростра- няемаго; ихъ объяснилъ мнѣ съ самымъ важнымъ, съ самымъ

ученымъ видомъ учитель мой, г. Муть, отъ котораго желаній своихъ я скрыть не умѣлъ. „Тучность тѣла, сказалъ онъ мнѣ, располагаетъ ее къ частой транспираціи, а по дурной привычкѣ или по лѣности, она рѣдко мѣняетъ бѣлье; она полагаетъ, что свѣжесть лицу даютъ румяны, а не вода, и употребленіе сего элемента, кажется, ей вовсе не знакомо; наконецъ, любимая пища ея, сколько я могъ замѣтить, голландскій сыръ, трески, чеснокъ и фезандированная, то-есть, полу-согнившая дичина.“ Симъ объясненіемъ совершенно удовлетворилось мое любопытство.

Нѣкоторые [изъ замѣчаній моихъ насчетъ г-жи де-Шардонъ въ послѣдствіи времени оказались весьма основательными. Въ одной изъ комнатъ занимаемаго нами дома висѣло нѣсколько довольно дурно гравированныхъ эстамповъ съ картинъ Теньера и Остада; въ каждой изъ нихъ видѣлъ я по Шердоншѣ; я сказалъ объ этомъ, и тѣ, которые имѣли нѣкоторыя понятія о живописи, начали подозрѣвать, что она принадлежитъ къ фламандской школѣ. Когда эмиграція до того размножилась, что нѣкоторые эмигранты начали даже появляться въ Кіевѣ, то между ними были такіе-то провзжіе старики, которые ни мужа, ни жену за соотечественниковъ признать не хотѣли, утверждая, что они бельгійскіе уроженцы, и тайкомъ увѣряли, будто когда-то видѣли ихъ въ Антверпенѣ или въ Монсѣ, увеселяющими публику пляскою на канатѣ: по ультра-дородному сложенію г-жи де-Шардонъ трудно было этому повѣрять.

Скорѣе можно было найдти что-то плясовое въ походкѣ и тѣлодвиженіяхъ супруга ея; онъ былъ длинный и сухой старикъ, на длинныхъ и сухихъ ногахъ, которыми ежедневно мѣрилъ онъ версты до ~~пятнадцати~~ ^{двадцати} обхода каждой день верхнюю, среднюю и нижнюю части Кіева! Какимъ образомъ онъ сдѣлался инженеромъ, это бы знать весьма любопытно; въ Россію вѣдь не прямо же онъ сорвался съ каната? Если догадки мои справедливы, то прежде того былъ онъ работникомъ у какого-нибудь оптического мастера, ибо черствыя его руки и пальцы носили на себѣ слѣды ремесленныхъ трудовъ, и онъ вѣчно занимался дѣланіемъ барометровъ и термометровъ и, разумѣется за деньги, снабжалъ ими весь Кіевъ. Сверхъ того, онъ былъ великій штукаръ и эскамотеръ; сіе искусство было тогда еще въ дѣтствѣ, мы видѣли въ немъ почти колдуна. Мнѣ приходитъ иногда на мысль, что эти господа Французы, прежде отправленія въ Россію, вѣроят-

но, совѣтуются между собою, а можетъ быть и мечуть жребій кому за кого себя выдавать. Инженерная часть выпала на долю мусью Шардону, а для сей роли онъ уже былъ приготовленъ и прежними своими занятіями.

Существованіе его въ Россіи было, впрочемъ, не блестящее: они съ женой были очень бѣдны, и нынѣшніе инженеры по всѣмъ наименованіямъ должны тому дивиться. Приписать ли сіе безкорыстію его или недостатку въ доходныхъ занятіяхъ? Его все переводили изъ старой крѣпости въ старую крѣпость; строеніемъ же новыхъ въ царствованіе Екатерины занимались Сухтеленъ, де-Витты, де-Воланы, столь же благородные, сколь и ученые и искусные люди, коими насъ одарила Голландія, единственная западная страна, постоянно Россію однимъ полезнымъ надвляющая.

Генералъ де-Шардонъ былъ въ Кіевѣ покровителемъ одной весьма не старой, свѣжей и плотной Жидовки, которая не только умѣла плясать на канатѣ, но даже ходить по проволоцѣ. Прежде, бывало, онъ самъ привозилъ къ намъ и даромъ показывалъ китайскія тѣни, но выучивъ ее тому, уступилъ ей и право свое. Сего мало, онъ составлялъ для нея маленькія піесы, пантомимы, неизвѣстныя еще Кіевлянамъ; въ нихъ увидѣли мы ее Коломбиной, а двухъ гдѣ-то избранныхъ шутовъ Арлекиномъ и Пьерро. Все это чрезвычайно умножало доходы ея и права г. Шардона на ея благодарность. Сія женщина дерзостно и безнаказанно назвала себя мадамъ Россети; слава сего имени не гремѣла еще въ мірѣ, и можетъ-быть сама Жидовка почитала его вымышленнымъ, а можетъ-быть и умѣла на него какое-нибудь право.

Еще нѣсколько словъ о Шардонѣ и Шардоншѣ: я ничего не сказалъ о томъ, были ли они по крайней мѣрѣ добрые люди. Онъ въ обществѣ бывалъ очень мало, а когда бывалъ, то мало говорилъ; ибо немногіе тогда знали по-французски, а онъ, какъ уже я выше сказалъ, не умѣлъ или не хотѣлъ выучиться по-русски: однакоже, злодѣй столько зналъ на нашемъ языкѣ, чтобы говорить, разсердясь за бездѣлицу на деньщика и приказывая его раскладывать: „клади его на сюртурокъ и давай ему сто палкъ.“ Что касается до нея, то она была женщина не злая, и гибкость ея характера, а не стана, служить тому двойнымъ доказательствомъ. Главный порокъ ея былъ непостоянство; душою пухъ, хотя и свинецъ тѣломъ, она быстро мѣняла пріятелей. Дружбою ея обязаны мы были

комнатамъ немного лучше чѣмъ у другихъ убраннымъ, весьма худо, но лучше чѣмъ у другихъ освѣщеннымъ; нанятому довольно искусному повару и для всѣхъ открытому столу, и большому чѣмъ у другихъ числу гостей; но, Боже сохрани, если, бывало, болѣзнь или какая-нибудь скорбь посѣтитъ домъ нашъ, тогда съ ней прощайся, тогда она нашей печали, а мы ея веселости уже видѣть не можемъ, тогда тѣло ея, вмѣстѣ съ духомъ, отъ насъ отлетитъ. Случалось иногда, что завистники подарками стараются ее переманить, и въ томъ успѣваютъ: что за бѣда! если, бывало, старая шляпка отниметъ ее у насъ, то блондовая косынка, ея легкомыслию подобная, опять намъ ее возвратитъ.

Отъ изображенія въ родѣ Гогарта, долженъ я теперь перейти къ картинѣ въ родѣ Рафаэля, и не знаю, другая сія попытка не будетъ ли еще менѣе удачна чѣмъ первая. Не помню, въ 793-мъ или въ 794-мъ году, кievскій вице-губернаторъ Башиловъ пожалованъ былъ оберъ-прокуроромъ въ сенатъ; какъ я его совсѣмъ почти не помню, то и нечего мнѣ о немъ говорить. На его мѣсто прибылъ, изъ Москвы князь Х. въ лѣтахъ еще довольно молодыхъ, служившій въ гвардіи до капитановъ и при отставкѣ получившій бригадирскій чинъ *. Въ первой молодости онъ путешествовалъ по всей Европѣ, зналъ иностранные языки, былъ славный музыкантъ, мастеръ танцовать, брался о всемъ судить, и покрытый симъ машурнымъ блескомъ совсѣмъ было ослѣпилъ насъ, провинціаловъ. Но въ Русскихъ есть врожденная догадливость, которая въ молодости заглушается страстями, но тѣмъ сильнѣе обнаруживается въ ихъ зрѣлыхъ лѣтахъ; изумленные, увлеченные сначала щеголеватостію формъ, изысканностію фразъ, они начинаютъ потомъ требовать болѣе совершенства, истинныхъ досто-

---

* Сихъ бригадировъ называли дюжинами, потому что ежегодно ихъ выпускалось по трое изъ каждаго гвардейскаго полка, коихъ было четыре: это были обыкновенно люди добрые, честные, достаточные, но ни къ чему не способные. Князь Вяземскій ошибается, полагая, что фоль-Визинъ комедіей своею заклеилъ бригадирскій чинъ; его *Бригадиръ* старинный служака, а въ долготѣнее царствованіе Екатерины отставными изъ гвардіи бригадирами наполнилась Москва, и именно безчисленность, невѣжество и ничтожество московскихъ бригадировъ составляютъ смѣшную сторону бригадирства. Скорѣе Дмитріевъ убилъ сей чинъ, да еще и положилъ надъ нимъ эпитафію.

инствъ. Когда первое удивленіе прошло, наши Кіевляне увидѣли въ рѣчахъ князя Х. пустословіе, въ дѣлахъ по службѣ совершенное его невѣжество, въ поступкахъ непростительную вѣтренность и тщеславіе. Онъ не являлся даже тогдашнимъ Европейцемъ; въ тонѣ, въ манерахъ его, можно сказать, видна была смѣсь французскаго не съ нижегородскимъ, а съ московскимъ. Совѣмъ противное случилось съ прибывшею съ нимъ супругою его.

Скромная, тихая, малорѣчивая, просто одѣтая, она съ перваго взгляда много теряла въ сравненіи съ мужемъ, котораго: сверхъ того, года два была и постарѣе. Но скоро обнаружилась любезность ея ума, и кротость нрава, и святость ея дѣяній. Она была урожденная Нарышкина и родная племянница фельдмаршала князя Репнина, но въ ней не было замѣтно ни тѣни нынѣшней аристократической гордости, ни слѣдовъ тогдашней барской спѣси. Не будучи красавицей, она имѣла правильныя черты и самую пріятную наружность; на лицѣ ея, необыкновенной бѣлизны и прозрачности, часто проступалъ яркій румянецъ, предвѣстникъ смерти, а улыбка печальнаго ангела придавала лицу сему трогательную прелесть. Она страдала тѣлесными и душевными недугами, но никому о томъ ни слова не поминала, всякій день принимала у себя или бывала въ обществѣ съ видомъ не веселымъ, но ласковымъ, ко всѣмъ пріятливымъ, никогда себѣ злословія не позволяла; тайнѣ молилась и творила добро, отказывая себѣ иногда въ самонужнѣйшемъ. *Dulce, lächle und stirb*; терпи, улыбайся и умирай; такъ въ трехъ словахъ одинъ нѣмецкій писатель изобразилъ судьбу добродѣтельной женщины, какъ будто имѣя въ виду княгиню Х.

Домъ вице-губернаторскій находился также въ крѣпости и рядомъ съ нашимъ. Не одно сосѣдство, но взаимная любовь и уваженіе сблизили моихъ родителей съ сею княгиней, и дружба съ нею была совѣмъ иного рода чѣмъ съ г-жою де-Шардонъ. Отецъ мой, столь же мало расточительный на похвалы, какъ и скупой на порицанія, сознавался однакоже, что въ жизни ничего совершеннѣе не встрѣчалъ. Мать моя, будучи нѣсколько лѣтъ ея постарѣе, была ей послушна, какъ ребенокъ. Пользуясь симъ и чувствуя всю цѣну добрѣйшаго изъ сердецъ, княгиня Х. съ нѣжностію сестры позволяла себѣ указывать ей на нѣкоторые, впрочемъ, весьма

простительные ея недостатки, молила ея воздерживаться отъ нѣкоторой вспыльчивости, любить мужа безъ ревности, дѣтей безъ баловства и, если возможно, еще болѣе облегчать участь, и безъ того уже не тягостную, домашней крѣпостной прислуги; однимъ словомъ, она сдѣлалась ея второю совѣстію. Жаль только, что сама никогда не хотѣла открыть ей тайныхъ мукъ своего сердца, рѣшившись видно повѣрить ихъ единому Богу.

Давно уже свѣтъ если не одобряетъ, то, по крайней мѣрѣ, извиняетъ невѣрность мужей. Но когда невѣрность сія выказывается съ величайшимъ безстыдствомъ, съ забвеніемъ всякой благопристойности, какъ бы съ нѣкоторымъ хвастовствомъ, когда предметъ ея достоинъ презрѣнія; то она дѣлается отвратительною даже въ глазахъ безнравственныхъ людей. Князь X. любилъ крѣпостную свою дѣвку, стройную, ловкую, но лицомъ столь же неприятную какъ, говорили, и нравомъ. Рядомъ съ спальною своей жены, далъ онъ ей комнату, убранныю со всевозможною, по состоянію его, роскошью: сія несчастная, всегда разряженная какъ кукла, всѣмъ повелѣвала въ домѣ, всѣ трепетали передъ ней; но въ свою очередь, какъ бы повинувась невольному чувству, нечистое созданіе нѣмѣло, смущалось, когда встрѣчало тихіе взоры своей жертвы. Всѣ эти гадости были баснею цѣлаго города; онѣ принадлежали бы къ разряду обыкновенныхъ, даже самыхъ низкихъ сплетней, еслибы не отравили жизнь посвященную добродѣтели.

Для вѣрной супруги, что можетъ быть горестнѣе, унизительнѣе сего положенія? Исполняя долгъ христіанки, она покорялась волѣ мужа и несла безъ ропота тяжелый крестъ сей. Но для бѣдной княгини были еще другіе источники скорби: получивъ въ приданое весьма хорошее состояніе, она принесла его въ жертву прихотямъ своего мужа; имѣніе сіе было со всѣмъ разстроено, все въ долгахъ. Въ то же время умножилась болѣзнь таящаяся въ груди ея, силы изнемогали; и нѣжно любя трехъ малютокъ, дочерей своихъ, она уже видѣла грозящія имъ нищету и сиротство.

У трехъ дѣвочекъ сихъ были со всѣмъ различные характеры и наружность. Старшая изъ нихъ, Наталія, была умна и только этимъ не походила на отца своего; маленькая спѣсь, насмѣшливость, едва замѣтное кокетство, съ лицомъ весьма пріятнымъ, уже въ ребячествѣ дѣлали ее оригинально

привлекательною; уже тогда было замѣтно, что она, подобно отцу своему, будетъ любить все житейское, и она исполнила свое предназначеніе. Средняя, Прасковія, была дѣвочка смиренная, добрая, простая, вся какъ-то сжатая въ комокъ, не хороша собою, и самое неблагообразіе ея не имѣло въ себѣ ничего примѣчательнаго, его можно было назвать общимъ мѣстомъ. Но меньшая, Софія, была, какъ говорили въ старину, вылитая мать; никакому ребенку не могло быть приличнѣе названіе ангела; тоненькое, эфирное созданіе, съ прекраснымъ личикомъ и молящими взорами. Ей также, какъ и матери, не суждено было оставаться долго на землѣ, но участь ея была счастливѣе; она вышла за красиваго благороднаго юношу, который страстно любилъ ее и пошелъ за нею въ могилу. Если еще нужны сравненія, то старшую изъ сихъ сестеръ можно было уподобить молоденькой вакханочкѣ, еще удерживаемой стыдомъ, но готовой скоро его сбросить; меньшая была совершенная сифида, средняя—гномъ.

Князь X. любилъ хлѣбосольство нашего дома, жена его любила хозяйевъ; живши въ двухъ шагахъ другъ отъ друга, наши семейства видѣлись почти каждый день. Я росъ вмѣстѣ съ миленькими дѣвочками, и, признаюсь, общество ихъ предпочиталъ дружбѣ моихъ добрыхъ товарищей. У нихъ не было тогда гувернантки, а няня и учитель, старый Французъ, мусью Фремонъ, который самъ былъ охотникъ буфонить и надъ которымъ всѣ трунили; вскорѣ явился еще Французъ-танцмейстеръ, мусью Пото, маленькій, старенькій, худенькій, чопорный и съ пребольшими претензіями на бельомство; я все болѣе и болѣе дивился, стараясь понять, какъ могутъ царевубійцы быть такъ смѣшны.

Два раза въ недѣлю ходили мы съ маленькимъ Нилусомъ къ князю X. брать танцевальныя уроки у г. Пото: на каждого изъ насъ были по двѣ дамы, три маленькія княжны да еще Настенька Бережецкая, дочь одного обогатившагося бывшаго таможеннаго чиновника, служившаго въ казенной палатѣ подъ покровительствомъ вице-губернатора. Я былъ довольно толстѣ, тяжелѣ, неповоротливѣ и нѣсколько лѣнивѣ, и мнѣ отъ Француза иногда доставалось хлыстикомъ по ногамъ, чтобы выше прыгать. И безъ того уже я его терпѣть не могъ: одинъ случай заставилъ меня его возненавидѣть.

Я любилъ подслушивать, когда говорили о любви, и наконецъ, мнѣ самому вошло въ голову, будто я горю чистой-

шимъ пламенемъ къ меньшей изъ княженъ X.; разумѣется, я ни слова не смѣлъ о томъ сказать ей, равно какъ и старшей ея сестрѣ, которую также любилъ, но какъ-то иначе. Не надобно забыть, что мнѣ еще тогда не было десяти лѣтъ отъ роду. Вдругъ почувствовалъ я третью страсть; въ ней смѣло открылся и не худо былъ принять. У этой маленькой Бережецкой, которая меня годомъ была моложе, были такіе чудесные глазки, и такой поощрительный взоръ, и такія прелестныя губки, что разъ во время танцовальнаго класса, въ углу, гдѣ, я полагалъ, что насъ никто не видитъ, я рѣшился ее поцѣловать, а проклятый Пото очутился тутъ-какъ-тутъ. Онъ раскричался насчетъ безнравственности Русскихъ, у которыхъ даже дѣти заражены порокомъ, и никто не умѣлъ зажать ему ротъ. Я жестоко былъ наказанъ, не тѣмъ, что дома, хорошенько побранивъ меня, поставили на колѣна, но тѣмъ, что бѣдную дѣвочку за меня выскла.

Я и въ ребячествѣ былъ столь же долготерпѣливъ, какъ непокоренъ и упрямъ, когда мѣра терпѣнія моего преисполнилась. Ни угрозы, ни удары хлыстомъ не могли меня сдвинуть съ мѣста, злодѣю Французу отвѣчалъ я на нихъ презрительно-насмѣшливымъ взоромъ; я разказалъ моей матери о рубцахъ, которые покрываютъ мои ноги, и г-ну Пото отказали не совсѣмъ учтивымъ образомъ. Самъ князь X., который о танцовальномъ искусствѣ имѣлъ вообще столь высокое мнѣніе, съ видомъ состраданія, совѣтовалъ отцу моему не тратить за меня понапрасну денегъ; онъ какъ будто хотѣлъ сказать: „жалъ, право, мальчика, изъ него никакого прока не будетъ“. Мадамъ Шардонъ, которая всегда присутствовала при нашихъ танцовальныхъ упражненіяхъ, глядя на меня, также пожимала плечами, дивясь, какъ можно даже на полу не выучиться плясать.

Черезъ нѣсколько времени послѣ того, князь X., не знаю за чѣмъ-то, сколько помнится за владимірскимъ крестомъ на шею, поѣхалъ въ Петербургъ, оставя жену со всѣми признаками злой чахотки и съ началомъ водяной болѣзни. Оттуда вскорѣ прислалъ онъ для образованія дочерей молодую эмигрантку, мамзель де-Рювиль, съ эмигрантомъ отцомъ. Онъ скоро куда-то уѣхалъ, а она, полуденный цвѣтокъ, въ варварскую страну заброшенный, какъ будто всѣмъ брезгала, и была весьма не сообщительна; но, надобно признаться, имѣла отъмѣнный тонъ, вѣжливый и пристойный. Въ обоихъ мнѣ всего

памятиѣ костюмъ ихъ, который былъ новостью для всѣхъ жителей Кіева. Онъ былъ въ темносинемъ, довольно поношенномъ фракѣ, съ непокрытою головою, даже на улицѣ, всегда съ шпагою при бедрѣ и шляпою-блиномъ подъ мышкой; такъ, говорилъ онъ, всегда слѣдуетъ быть легко-кавалерійскому французскому капитану. Прическа его также была замѣчательна; вмѣсто тупея, волосы его въ самой серединѣ головы дѣлились на двое дорожкой, называемою *chemin de Soblence*, въ обѣ стороны шли очень гладко и оканчивались надъ ушами огромными тuffами *à l'aile de pigeon*; сзади, вмѣсто обыкновенной косы, какія тогда носили, былъ у него толстый, довольно короткій, вдвое согнутый *катоганъ*; за неимѣніемъ пудры и помады, то есть денегъ на покупку оныхъ, все это было туго набито саломъ и мукой. Мамзель Рювиль первая явилась къ намъ съ короткою талией, опоясанная преширокою лентой, которая спереди на лѣвой сторонѣ завязывалась огромнымъ бантомъ съ длинными концами; у нея увидѣли мы также въ первый разъ короткій шиньонъ, кнзу расширяющійся и открывающій весь затылокъ, что, кажется, называлось *à la guillotine*.

Конецъ страданій несчастной княгини X. приблизился: она слегла въ постель и съ нея уже болѣе не вставала. Мать моя была при ней неотлучно; кромѣ ея и одной монахини Александры, она никого въ послѣдніе дни своей жизни видѣть не соглашалась. Она велѣла позвать дочерей, благословила ихъ, поручила ихъ моей матери, просила ее взять ихъ къ себѣ до возвращенія отца, потомъ отпустила ихъ, и черезъ нѣсколько минутъ отдала Богу праведную душу свою. Погребеніе ея, которое, по позднему осеннему времени, мнѣ позволено было только видѣть въ окно, было самое необыкновенное; не было ни одного экипажа, но цѣлая толпа, тысячи со стономъ и слезами шли за гробомъ, который важнѣйшіе чиновники несли попеременно съ простолудинами: все многочисленное кіевское духовенство также пѣшкомъ провожало процессію; нѣсколько дней вездѣ встрѣчались печальныя лица, и святыи градъ оплакалъ истинно святую жену. Можно ли повѣрить! лѣтъ четырнадцать тому назадъ былъ я въ Кіевѣ и не нашелъ почти никого, кто бы ее помнилъ; теперь едва ли сыщется кто-нибудь такой, который слышалъ объ ней; я посѣтилъ ея могилу и нашелъ, что, отъ небреженія, время стерло надпись на ея

надгробномъ камнѣ; въ самомъ семействѣ ея, объ ней никогда не поминалось. Грустно подумать, что примѣръ столь высо-кихъ добродѣтелей совсѣмъ потерянь для людей; но я уже счастливъ тѣмъ, что галерею мою, гдѣ столько безобразія, могъ украсить ея священнымъ ликомъ....

Возвращаясь изъ столицы, князь X., на печальныя ему при-вѣтствія, сказалъ нѣсколько словъ въ похвалу покойной, и тотчасъ же потомъ пустился танцовать на кievскихъ ба-лахъ. Ему довольно понравилась дѣвица де-Рювиль, но роя-листка древней фамиліи требовала серіозной, законной люб-ви, Шардонша ладила сдѣлать ея княгиней, дѣло не состоя-лось, она уѣхала, и для меня, по крайней мѣрѣ, слухъ объ ней пропалъ на вѣки.

Послѣ смерти княгини X., наши семейства рѣже видѣ-лись; одинъ несчастный случай опять ихъ на время сбли-зилъ. Вновь перестроенный комендантскій домъ загорѣлся очень рано по утру. Въ ужасной суматохѣ, не знаю какъ все это случилось, что всѣ меня забыли, и родители, и учитель, и слуга, который за мной ходилъ, и хватились только тогда, какъ весь домъ былъ въ пламени. Лакей князя X., высокій, сильный и смѣлый, по прозванію Соко-ловъ, соколомъ бросился въ верхъ и нашелъ что я преспо-койно сплю; не давъ мнѣ опомниться, успѣлъ схватить меня, обернуть въ простыню и сквозь дымъ и пламя бѣгомъ сне-сти по загорѣвшейся уже лѣстницѣ. Я очнулся только на площади, гдѣ нашелъ моихъ родителей; не стану описывать ни радости ихъ, ни благодарности къ мужественному Соко-лову. Какъ я былъ босъ и полунгаъ, а время было холодное, то меня отнесли въ сосѣдній домъ, къ князю X.; тамъ оста-вался я недѣли двѣ, пока заняли другой домъ и все опять пришло въ порядокъ.

Семейство князя X., коего пребываніе въ Кіевѣ мнѣ пришлось столь подробно описывать, послѣ того не долго въ немъ оставалось. Подобно предмѣстнику его, Баши-лову, князя X. сдѣлали оберъ-прокуроромъ въ Сенатѣ, и онъ отправился въ Петербургъ. Нѣсколько разъ въ жиз-ни случалось мнѣ встрѣчаться съ нимъ и съ его дочерь-ми: онъ всякій разъ припоминалъ мнѣ о пожарѣ и Соко-ловѣ, какъ будто почитая самого себя моимъ спасителемъ.

Въ Екатеринино время, было еще въ Кіевѣ нѣсколько при-мѣчательныхъ лицъ, съ коими непременно надобно мнѣ

познакомить читателя, дабы дать ему понятіе о тогдашнемъ кievскомъ обществѣ: на сіе намѣрень я посвятитъ слѣдующую главу.

VIII.

Жилъ былъ тогда въ Кіевѣ одинъ баринъ, да еще же и князь, который, кажется, почиталъ себя выше обыкновенной знати. Фамилія Дашковыхъ происходила отъ рода князей Смоленскихъ, потомство коихъ, за исключеніемъ Вяземскихъ, при польскомъ правительствѣ утратило княжеское свое достоинство. Князья Дашковы не размножились, какъ другіе княжескіе роды, и ихъ имя въ русской исторіи нигдѣ не встрѣчается; первый и послѣдній блескъ дала ему честолюбивая женщина, которая почитала себя рожденною съ тѣмъ, чтобы располагать судьбою царей. Сынъ ея, послѣдній въ своемъ родѣ, былъ ею воспитанъ на славу; она возила его съ собою по всемъ иностраннымъ государствамъ, всему его учила, и въ Эдинбургѣ доставила ему дипломъ на званіе доктора правъ, богословія и даже медицины...

Участію матери своей въ возведеніи на престолъ Екатерины Второй, былъ обязанъ князь Дашковъ быстрому повышенію въ чинахъ: въ двадцать пять лѣтъ онъ командовалъ уже Сибирскимъ гренадерскимъ полкомъ и стоялъ съ нимъ въ Кіевѣ. Тутъ ему приглянулась одна дѣвочка, дочь облагороженнаго чинами купца, Семена Никифоровича Алферова. По высокимъ, философическимъ понятіямъ, которыя почерпнулъ онъ въ своихъ путешествіяхъ, по примѣру англійскихъ лордовъ, коимъ онъ старался подражать, взялъ да и женился, не бывъ даже серіозно влюбленъ. Сей бракъ поспорилъ его съ матерью, разорвалъ связи его съ обществомъ столицъ и заставилъ его поселиться въ Кіевѣ. Онъ сдалъ полкъ, но по старой памяти къ услугамъ матери, производство для него не остановилось, и онъ получилъ чины бригадира и генералъ-майора.

Самолюбивѣйшій изъ смертныхъ, Дашковъ полагалъ, что способенъ управлять государствомъ и осужденъ былъ скрывать свое величіе въ низенькомъ домѣ самаго грязнаго кievскаго переулка. Тамъ собиралъ онъ около себя веселыхъ

людей, какихъ могъ найдти въ Кіевѣ, и шумомъ сего общества старался заглушить страданія своей гордости....

Въ Россіи есть губернскіе и уѣздные города; въ числѣ тѣхъ и другихъ есть такіе, кои должно назвать казенными, потому что въ нихъ встрѣчаются по большей части одни только должностныя лица, помѣщики же бывають въ нихъ только иногда, по дѣламъ. Въ нихъ безпрестанно мѣняется картина общества, которое черезъ десять лѣтъ, можно сказать, возобновляется во всемъ своемъ составѣ. Кіевъ болѣе чѣмъ всякій другой принадлежалъ къ числу сихъ казенныхъ городовъ.

Малороссія, которая нынѣ раздѣлена на двѣ губерніи, Черниговскую и Полтавскую, тогда составлена была изъ трехъ: Кіевской; Черниговской и Новгородско-Сѣверской; большая часть нынѣшней Полтавской губерніи составляла тогдашнюю Кіевскую. Жители черниговскихъ уѣздовъ, а еще болѣе новгородско-сѣверскихъ сохранили или приняли много русскихъ навыковъ, бывши неоднократно подъ владычествомъ московскихъ государей; жители же Южной Малороссіи остались почти такими же казаками, какими были при Хмѣльницкомъ. Богатѣйшіе изъ тогдашнихъ кіевскихъ помѣщиковъ рѣдко покидали свои хутора, съ крестьянами своими, кои лѣтъ десятка два-три передъ тѣмъ были имъ равными, имѣли одинаковые вкусы, одинаковые обычаи, одинаковую пищу, также всему предпочитали борщъ и голушки, столь же нѣжно любили свиней, въ одеждѣ сохраняли ту же запорожскую неопрятность. Ихъ губернскій городъ былъ за Днѣпромъ, почти въ ненавистной имъ Польшѣ, и со времени Петра Великаго въ немъ безпрерывно начальствовали Москали и Нѣмцы. Они чуждались его, хотя въ немъ ни языкъ, ни происхожденіе простаго народа, имъ вовсе не были чужды; однакоже въ послѣдніе годы царствованія Екатерины, то обязанные служить по выборамъ, то привлекаемые пріятностями общежитія, они начали чаще и въ большемъ количествѣ появляться.

Въ изображеніи лицъ составлявшихъ тогдашнее кіевское общество, долженъ буду я слѣдовать, такъ сказать, іерархическому порядку мѣстъ, ими занимаемыхъ, и потому долженъ начать съ губернатора или правителя намѣстничества, какъ Екатерина Вторая, вводившая вездѣ русскія названія, повелѣла имъ именоваться.

Тогда управлялъ кіевскимъ намѣстничествомъ осьмидесяти-

лѣтній, полумертвый старецъ, Семень Ермолаевичъ Ширковъ, старшій генераль-поручикъ по арміи, въ польской лентѣ Бѣлаго Орла. Онъ разрушался, но все упрямялся оставаться на губернаторствѣ; наконецъ его уволили съ честію и пенсіей. Объ немъ самомъ осталось у меня самое тусклое воспоминаіе, но мнѣ очень памятны почести, ему воздаваемые. Изъ уваженія ли къ его глубокой старости, или слѣдуя чиновочитанію, которое въ то время столь строго соблюдалось, мой отецъ всегда на крыльцѣ его встрѣчалъ и до крыльца его провожалъ.

Послѣ Ширкова, былъ губернаторомъ Василій Ивановичъ Красношашевичъ, Смольянинъ, человекъ умный и пріятный, израненный, извѣстный храбростію генераль, который и на гражданскомъ поприщѣ умѣлъ показать усердіе и способности. Онъ былъ холостъ и не слишкомъ богатъ, слѣдственно и не могъ имѣть открытый домъ, однакоже нѣсколько разъ въ годъ давалъ балы. О вице-губернаторахъ или поручикахъ правителя я уже говорилъ.

Изъ губернскихъ предводителей мнѣ памятенъ Демьянъ Демьяновичъ Оболонскій, человекъ уже пожилой, но еще видный и здоровый. Онъ имѣлъ семь или восемь тысячъ душъ и жену красавицу и кокетку. Онъ лѣтомъ обыкновенно жила въ деревнѣ, а только по зимамъ пріѣзжалъ, какъ онъ говаривалъ, покормить бѣдняковъ. Дѣйствительно, говорить, у него столъ не накрывался, а не раскрывался, цѣлый день пили и ѣли; завтракъ оканчивался водкой, за которой непосредственно слѣдовалъ продолжительный обѣдъ: послѣ обѣда закуски, какъ ихъ называли, не сходили со стола; послѣ чаю было кратковременное отдохновеніе и все это заключалось столь же изобильнымъ ужиномъ. Ну ужъ желудки были въ старину! Два раза въ недѣлю пировалъ у него весь городъ; по тогдашнему обычаю, всѣ съѣзжались передъ обѣдомъ и разъѣзжались послѣ ужина. Меня какъ-то разъ взяли съ собой на одинъ изъ сихъ вечеровъ; вотъ что я нашель: двѣ пріемныя комнаты, длинную и низенькую залу и гостиную немного ея поменьше, обѣ обклеенныя самыми обыкновенными бумажными обоями и освѣщенныя довольно плохо, однакоже восковыми свѣчами, что тогда почиталось роскошью; всѣ мебели простаго дерева, обитыя разноцвѣтными ситцами; и посреди такой простоты, на карточныхъ столахъ шандалы, а по угламъ кандеябры, литыя, тяжеловѣсныя, серебряныя, а иныя

позолоченыя; цѣлый полкъ служителей, не совсѣмъ худо одѣтыхъ, на огромныхъ серебряныхъ подносахъ разносящихъ питья и яствы. Жена г. Оболенскаго носила брилліанты, жемчуги и богатыя платья, изъ которыхъ каждое, однакоже, въ зиму разъ по десяти или по пятнадцати безъ всякой на немъ перемѣны, появлялось на балахъ. Изъ всѣхъ малоросійскихъ помѣщиковъ, исключая Разумовскихъ, одинъ Оболенскій позволялъ себѣ такъ жить; но вся эта роскошь, какъ можно видѣть, была весьма не раззорительна; тѣмъ болѣе что цѣны на съѣстные припасы были самыя низкія. Имѣніе свое оставилъ онъ по смерти въ цѣлости, безъ долговъ, единственному сыну своему, не расчетливому, необузданному, сластолюбивому, который началъ жить въ прихотливый вѣкъ и предаваться всѣмъ прихотямъ своимъ, который, гнушаясь вандалскимъ гостепріимствомъ отца, составилъ себѣ въ Петербургѣ избранный кругъ повѣсь и съ ними, невидимымъ образомъ, умѣлъ промотать не только отцовское наслѣдіе, но и другія ему доставшіяся, во французскихъ трактирахъ на страсбургскихъ пирогахъ и шампанскомъ винѣ. Вотъ у насъ въ Россіи постепенный ходъ просвѣщенія.

Я часто говорилъ о кievскихъ балахъ, не описавъ ни одного изъ нихъ, тогда какъ имѣю къ тому возможность, каждую недѣлю видѣвши ихъ у себя дома, ибо дѣтей не только не отсылали къ себѣ въ комнату, но даже возили иногда на нихъ съ собою въ чужіе дома. Они начинались рѣдко позже семи часовъ вечера; хозяинъ дома открывалъ ихъ обыкновенно польскимъ * съ почетнѣйшею изъ дамъ, мушеры выступали важно, выдѣлывали па, мѣняли руки и этотъ церемониальный маршъ продолжался не менѣе получаса. Потомъ начинались англезы или контрдансы, какъ ихъ называли; рядъ мушеры становился противъ ряда женщинъ, старались сколько можно болѣе разнообразить фигуры и самыя названія сихъ контрдансовъ: одному дано было имя Данилы Купера, вѣроятно въ честь композитора его, какого-нибудь Англичанина, Соорер, другому имя Березани, въ честь какой-то побѣды надъ Турками, еще другія назывались Соважъ, Préjugé vaincu,

---

* Любимый польскій былъ тогда сочиненія кажется Козловскаго; онъ былъ извѣстенъ подъ названіемъ: слався симъ Екатерина, по первымъ словамъ на кои онъ былъ положенъ. Съ какою-то восторженною гордостію ходили тогда Русскіе подъ гремящіе его звуки.

англійскій променадь; о мазуркѣ и краковякѣ и слуху еще не было, хотя мы жили въ двухъ шагахъ отъ Польши, также о матрадури и тампетѣ, которые гораздо новѣйшаго изобрѣтенія. Въмѣсто французской кадрили танцовали какой-то монюмаскѣ, а потомъ чего уже не было? наскучивъ веселыми звуками, принимались иногда за менуэты, а тамъ за аллемандѣ, и въ немъ особенно отличался одинъ Нѣмецъ, полусумашедшій нарумяненный докторъ Шенфогель; кто бы могъ подумать, вальсовъ еще не знали. На сихъ балахъ можно было видѣть и малороссійскую метелицу, и голубца, и казачка; плясали и по-русски, и по-цыгански, кто во что гораздъ. Какъ сіи балы всегда должны были начинаться польскимъ, такъ непременно должны были оканчиваться алагрекомъ, который не что иное былъ какъ нынѣшній, чуть ли не покойный гротфатеръ.

Когда пожилые люди не волнуются страстями, когда ихъ не мучатъ ни чрезмѣрная алчность къ золоту, ни зависть, ни пожирающее, безпредѣльное честолюбіе, когда они блаженствуютъ подъ сѣнію мудраго и твердаго правительства, которое равно охраняетъ ихъ безопасность и не допускаетъ возможности преступныхъ, дерзкихъ замысловъ, тогда, спокойные духомъ, они дѣлаются почти молоды и готовы иногда рѣзвиться какъ дѣти. Молодые же люди всегда расположены къ веселости, лишь бы имѣли благоразуміе не отказываться преждевременно отъ юности, блага невозвратнаго. Таковыми были почти всѣ тогда въ Кіевѣ: у одного князя Дашкова начинался новый вѣкъ, у него были уже и трубки, и пуншь, и смѣлое обхожденіе безъ разбора дѣтъ и пола..... Беззаботная же, непринужденная, хотя и пристойная веселость, коей предавались въ описываемыхъ мною собраніяхъ люди разныхъ возрастовъ и состояній, дѣлала всю прелесть старинныхъ нашихъ баловъ. Коноводомъ на нихъ былъ шестидесяти семилѣтній старикъ, Нѣмецъ, артиллерійскій генераль Нилусъ, отецъ моего товарища; онъ распоряжалъ танцами, приказывалъ музыкантамъ и съ неимоверною живостію плясалъ весь вечеръ до упада. Надобно знать также, что онъ былъ подагрикъ; когда сія мучительная болѣзнь его удерживала дома, то отсутствіе его было очень замѣтно, и веселость уменьшалась на вечеринкахъ, но лишь только немного отпуститъ ему, онъ опять явится въ бархатныхъ сапогахъ, и уже

сидя, взоромъ, крикомъ, движеніями, хлопаньемъ возбуждаетъ танцующихъ. Всѣ, кои не были записные бостонисты, несмотря на лѣта, участвовали въ танцахъ и отъ старика Нилуса до меня, осьми или девятилѣтняго мальчика, неудачнаго ученика г. Пото, все бывало въ движеніи. •Однаго отца моего, не знаю почему, исключая польскихъ, я никогда не видалъ танцующимъ.

Какъ бы мы теперь казались смѣшны! Сорокъ лѣтъ времени и тысяча двѣсти верстъ разстоянія дѣлаютъ большую разницу въ понятіяхъ и мнѣніяхъ людей. Танцы были некогда пріятнымъ и для здоровья полезнымъ тѣлеснымъ упражненіемъ, какъ верховая ѣзда, фехтованіе, игра въ волачь или въ помь: тогда могъ всякій безъ претензій въ нихъ участвовать. Они сдѣлались исключительною принадлежностію молодости, съ тѣхъ поръ какъ имъ дана цѣль и они обращены въ средство. Теперь въ состарившихся и въ старѣющихъ, которые танцовать не перестаютъ, позволено подозрѣвать жалкое намѣреніе еще прельщать и нравиться, теперь для не молодыхъ дѣвиць есть въ обществѣ рѣзкая черта, преступная за кою, онѣ становятся смѣшны, если добровольно не хотятъ покинуть забавы первой молодости; прежде невинному веселію границъ не ставили. Говорятъ, что нынѣшніе танцы способствуютъ сближенію молодыхъ людей обою пола, что они даютъ имъ средства короче узнать другъ друга и сокращаютъ имъ путь къ браку: это бы весьма хорошо, но полно такъ ли? Развѣ нынѣ болѣе женятся? Развѣ нынѣ мы видимъ болѣе супружествъ по склонности? А для молодыхъ замужнихъ женщинъ, къ чему нынѣшніе танцы сокращаютъ имъ путь? Не знаю, но мнѣ все кажется, что въ продолженіи двухъ или трехъ часовъ, однообразный шумъ мазурки или котильйона, столь утомительный для слуха, долженъ непременно усыпить осторожность дѣвиць, для нихъ столь необходимую. Безчеловѣчіе къ музыкантамъ, невнимательность, неучитивость ко всѣмъ не танцующимъ, которые во многихъ домахъ, нѣсколько часовъ сряду, состоятъ въ блокадѣ, запираются непроходимую комнату и отрѣзываются отъ своихъ шубъ и шинелей, вотъ, по мнѣнію моему, большія неудобства нынѣшнихъ танцевъ.

Я все забываюсь и невольно переношусь въ настоящее время: спѣшу переброситься лѣтъ за сорокъ тому назадъ

въ мой любезный Кіевъ, чтобы продолжать списокъ чиновныхъ особъ обоего пола, составлявшихъ его общество.

Въ уголовной палатѣ председательствовалъ Иванъ Гавриловичъ Вишневецкой, человѣколюбивѣйшій изъ судей, что, кажется, довольно великая похвала для уголовного председателя. Онъ былъ дѣмосѣдъ и, какъ говорили тогда, человѣкъ начитанный и просвѣщенный. Въмѣсто себя посылалъ онъ въ общество дородную жену свою, Ульяну Степановну, сестру нашего посланника въ Константинополь Тамары, добрую и почтенную даму. Съ нею было у него два сына, которые воспитывались въ Вѣнѣ, и коихъ возвращеніе отняло у кіевскихъ родителей желаніе посылать дѣтей за границу; да еще куча дочерей, очень хорошихъ дѣвокъ, между коими были и хорошенькія. Замѣчательно то, что при нихъ находилась русская мамзель, Прасковья Ивановна: другаго прозванія ей не было; Богъ вѣсть гдѣ и какъ выучилась она иностраннымъ языкамъ, была строгой нравственности и имѣла сверхъ того другія познанія, которыя нельзя найти у выпускныхъ мамзелей. Симвъ доказывается какъ давно можно было бы завести у насъ сей полезный классъ женщинъ.

Предмѣстникъ Вишневецкаго былъ совсѣмъ противныхъ ему свойствъ, грубый невѣжа и страшный взяточникъ: его я совсѣмъ не помню. Вдова его осталась жить въ Кіевѣ; часто насъ посѣщала и вообще вездѣ ее можно было встрѣтить. Она была до чрезвычайности ко всѣмъ ласкова, ни съ кѣмъ не спорила, никого не пересуживала, все хвалила и всѣмъ старалась угождать, а всѣ ее не любили и довольно сухо принимали; это происходило оттого, что она слыла отменно жестокосердою дома; увѣряли будто двухъ или трехъ несчастныхъ крѣпостныхъ дѣвокъ своихъ, единственное свое недвижимое имущество, она таскала всякій день за волосы по полу и била плетью. Явное къ ней недоброжелательство не доказываетъ ли сострадательность, добрыя чувства моихъ тогдашнихъ Кіевлянъ?

Председателемъ гражданской палаты былъ человѣкъ одной изъ извѣстнѣйшихъ фамилій въ Малороссіи, Иванъ Григорьевичъ Туманскій, который дѣлалъ величайшую честь сословію старыхъ холостяковъ. Онъ судилъ по справедливости и законамъ, слѣдственно къ неудовольствію половины тяжущихся, а не было ни одного человѣка, который бы не любилъ его и не уважалъ. Его спокойная совѣсть изображалась на

спокойномъ лицѣ его вмѣстѣ съ тихимъ веселіемъ, ея неразлучнымъ спутникомъ.....

Совѣстный судья, Иванъ Михайловичъ Корбѣ, ужасаль безобразіемъ, но какъ увѣряли, плѣнялъ умомъ и удивлялъ ученостію, что утверждать я не смѣю, ибо тогда не былъ въ состояніи о томъ судить. Жена его, коей имя не запомню, напротивъ была хороша собой, хотя и не молода. Сего нельзя было сказать о пяти или шести его дочеряхъ, онѣ всѣ были въ него, одна другой дурнѣе, одна другой добрѣе. Богъ благословилъ сіе семейство; мнѣ сказывали, что всѣ онѣ вышли замужъ очень счастливо.

Говорить ли о чиновникахъ, занимавшихъ мѣста нынѣ почтаемыя мелкими, которыя тогда считались крупными и доставляли уваженіе занимавшимъ ихъ, о совѣтникахъ губернскаго правленія и палатъ? Здѣсь еще не мѣсто говорить о постепенномъ упадкѣ сихъ должностей въ общемъ мнѣніи, упадкѣ столь вредномъ для пользы государственной службы; тогда еще искали ихъ и старинные дворяне, и заслуженные чиновники, и люди съ достаткомъ, и получивши ихъ, вмѣстѣ съ семействами своими, играли почетную роль въ губернскихъ городахъ. Платя дань нынѣшнему образу мыслей, я умолчу о многихъ, а о другихъ скажу только нѣсколько словъ.

Въ губернскомъ правленіи было тогда только два совѣтника, Николай Ивановичъ Ергольской и Прокофій Федоровичъ Пражевской; строгимъ безкорыстіемъ, умомъ, знаніемъ дѣла и какою-то природною важностію, безъ примѣси чванства, могли бы оба украсить сенатъ, еслибы въ немъ застѣдали. У перваго изъ нихъ было домашнее горе, добрая и любимая жена, Наталья Егоровна, но которая, къ несчастію, имѣла два порока: была пристрашная лгунья, и вечеркомъ наединѣ любила выпить. Послѣдній былъ счастливѣе; странно было видѣть его, малорослаго, рыжеватаго, невзрачнаго, съ женою высокою, дородною, черноволосою, смуглою, всегда и во всемъ ему покорною какъ дитя. Татьяна Екимовна, такъ звали ее, урожденная, если не ошибаюсь, Сахновская, была тѣмъ особенно замѣчательна, что быстрые, огненные ея взоры изображали необыкновенное сердечное добродушіе, и что каждое слово, на выразительномъ малороссійскомъ нарѣчій ея произнесенное, подтверждало то, что глаза ея говорили; за то отъ стара до мала всѣ равно любили ее. Одну только замѣтили въ ней слабость: будучи двоюродною сестрою

Безбородки, какъ она выговаривала, она часто любила о томъ напоминать *.

Ничего, кромѣ похвалъ, не могу я сказать и о другихъ чиновникахъ воинскихъ и гражданскихъ, тогда въ Кіевѣ находившихся и мнѣ нынѣ на память приходящихъ. Но какъ самое лучшее безпрестанно повторяемое можетъ наскучить, то для перемѣны скажу нѣсколько словъ о губернскомъ прокурорѣ, Григоріи Ивановичѣ Краснокутскомъ. Его никто не могъ упрекнуть въ мздоимствѣ, но чрезмѣрное самолюбіе и беспокойный нравъ дѣлали его привязчивымъ и сварливымъ. Онъ былъ бѣденъ и гордъ, чистъ и золъ, и я не берусь его осуждать, хотя онъ причинилъ много досадъ отцу моему. Сынъ его былъ одинъ изъ заговорщиковъ 14-го декабря.

Можетъ-быть отдаленіе украшаетъ въ глазахъ моихъ всѣ предметы, можетъ-быть имѣя въ сердцѣ обильный источникъ любви къ ближнимъ, ничто не препятствовало ему разливать-ся на все меня окружавшее, и я другихъ ссужалъ собственными чувствами; какъ бы то ни было, но мнѣ кажется, что нигдѣ още въ Россіи не собиралось въ одно время столь много добрыхъ, умныхъ и честныхъ людей, какъ тогда въ Кіевѣ, и по мнѣнію моему, сей городъ, былъ тогда вмѣстѣ святой и благочестивый. Одна минута все перемѣнила и тѣмъ доказывается, что время сіе, не для однихъ ребятъ, было золотымъ вѣкомъ Россіи.

Посреди сего всеобщаго благочестія, жилъ одинъ старецъ, ознаменованный небесною благодатію, и молитвы его, конечно, низводили ее на вѣрнѣннѣю ему паству; святитель Самуилъ управлялъ тогда древнѣйшею епархіею въ Россіи. Онъ былъ выраженіе всего, чтъ есть прекраснаго въ ученіи Христовомъ, одицетворенная христіанская любовь и, если смѣю сказать, воплощенное слово Божіе; смотря на него, можно

* У нихъ было довольно многочисленное семейство. Одна изъ дочерей ихъ была замужемъ за генераломъ Левицкимъ, который до 1830 года игралъ столь важную роль въ Варшавѣ: одинъ же изъ сыновей былъ назначенъ въ 1829 году губернаторомъ въ Бессарабію. Когда онъ пріѣхалъ въ Кишеневъ и увидѣлъ его кривыя, неопратныя, вонючія улицы, когда предъ нимъ отверзлась бездна столь же кривыхъ и заруганныхъ дѣлъ, на каждомъ шагѣ встрѣчая нечистоту или нравственную, или физическую, онъ до того испугался, что пробывъ только двѣ недѣли, онъ пожертвовалъ всѣмъ, бросилъ все, и губернаторское мѣсто, и службу, и надежду на повышеніе, и будующіе успѣхи.

было постигать высоту, на кою христіанскія добродѣтели возводятъ человѣка посвятившаго себя единственно Небу. Сей великій іерархъ удостоивалъ мать мою отеческою любовью; обремененный не столько еще лѣтами какъ слѣдствіями труженической жизни, онъ рѣдко покидалъ свое уединеніе, однакоже два или три раза въ годъ посѣщалъ домъ нашъ. Всякій разъ призывалъ онъ меня къ себѣ, сажалъ на колѣна и цѣловалъ; какъ описать мнѣ ощущенія мои при его ласкахъ? невольный трепетъ, неизъяснимую радость, священный страхъ? Одинъ непорочный отрокъ можетъ сіе чувствовать; нынѣ же грѣшный, изнуренный пагубными страстями, едва могу себѣ все это припомнить и съ трудомъ выразить. Можетъ-быть въ другомъ мірѣ и языкомъ неземнымъ буду въ состояніи объяснить сіе.

Не задолго до смерти Екатерины угасъ сей святильникъ вѣры. Похороны происходили въ Софійскомъ соборѣ безъ всякой пышности, не было ни катафалка, ни балдахина; меня какъ малолѣтняго, имѣ любимаго, поставили близь самаго гроба, который довольно низко стоялъ посреди церкви. Я не спускалъ глазъ съ неподвижнаго лица усопшаго праведника, но чтò было со мною, когда знаменитый краснорѣчіемъ протоіерей Леванда, его возлюбленное чадо, приблизился къ гробу и началъ произносить извѣстную рѣчь свою, которая начинается словами: „Пастырь успе, дѣлатель винограда Христова отъ дѣлъ своихъ почилъ!“ Съ прекрасною наружностію Леванда соединялъ звонкій и отменно пріятный голосъ, и проповѣди свои, которыя и понынѣ могутъ служить образцами, говорилъ онъ еще лучше нежели писалъ; въ эту минуту онъ былъ очарователенъ, слезы текли ручьями изъ глазъ его, и отъ рыданій онъ долженъ былъ по временамъ останавливаться. Я никогда не забуду этого трогательнаго часа и если въ послѣдствіи я не предпочелъ всему монашескую жизнь, если я остался только твердъ въ правилахъ моей вѣры и не сдѣлался даже набожнымъ, то видно нѣтъ во мнѣ той благодати, которая необходима для труднаго и славнаго поприща истиннаго христіанна.

IX.

Я говорилъ обо всѣхъ и обо всемъ, что только могъ припомнить въ первомъ моемъ младенествѣ, но не сказалъ ни слова о семействѣ моемъ, то-есть о братьяхъ и сестрахъ. О близкихъ сердцу говорить весьма трудно, все похвальное въ нихъ хочется украсить, все несовершенства хотѣлось бы скрыть, а я обязался вѣщать одну только истину: итакъ пусть ее одну только узнають мои читатели.

Лѣта старшихъ сестеръ моихъ и братьевъ имъ уже извѣстны. Воспитаніе ихъ было не худо; ограниченность состоянія, недостатокъ тогдашняго времени въ хорошихъ учителяхъ, а еще болѣе въ гувернанткахъ, и жизнь въ провинціи не позволили родителямъ моимъ сдѣлать его блестящимъ; для нравственнаго же образованія, имъ достаточно было родительскихъ примѣровъ и наставленій. При сестрахъ моихъ, какъ мнѣ сказывали, являлись по временамъ какія-то мамзели, Нѣмки или Француженки, а можетъ-быть крещеныя Жидовки, которыя за таковыхъ себя выдавали; но доказанная невѣжество или безнравственность скоро заставляли отсылать ихъ. Пограничный Кіевъ представилъ возможность дать имъ нѣкоторые таланты: ихъ учили танцовать и играть на фортепiano; послѣднее, начатое по минованіи уже ребяческихъ лѣтъ, не имѣло большаго успѣха.

Природа была не скупа къ старшимъ сестрамъ моимъ: лучшій ея подарокъ—доброе сердце, и она обвѣзъ имъ одѣла. Старшая Елисавета умомъ и красотой уступала младшей Натальѣ, но едва ли не превосходила ее въ добросердечіи: въ этомъ сравниться трудно, ни голубицы, ни агнцы не могутъ быть незлобивѣе. Она никогда не подозрѣвала существованія зла, ниже хотѣла ему повѣрять; она знала, что есть люди раздражительные и что опасно сердить, но ихъ мщенія, хитрой, постоянной злобы она никогда не могла понять. Когда случатся маленькія, семейныя, минутныя междуусобія, или горничныя, употребляя во зло ея снисходительность, не внимательны къ ея требованіямъ, она бывало надуется, въ ней замѣтно что-то похожее на досаду, но до гнѣва, до брани, до ссоры она отъ роду не умѣла доходить.

Иные скажутъ, что это доказываетъ необыкновенную слабость характера, но въ соединеніи съ строжайшими правилами

ми нравственности, такая слабость не могла имѣть никакихъ неудобствъ для женщины или даже дѣвицы, которой определено было долго ничѣмъ не управлять, и ни надъ кѣмъ не властвовать. Съ такими милыми свойствами сохранены были и нѣкоторые недостатки: легковѣріе, легкомысліе, чрезмерное иногда любопытство; врожденная въ ней набожность съ лѣтами обратилась въ суевѣріе, въ наблюденіе странныхъ, нѣсколько смѣшныхъ формулъ. Все это вмѣстѣ сохранило въ ней, среди преклонныхъ уже лѣтъ, необыкновенную молодость души, она всѣмъ тѣшится какъ дитя, міръ не теряетъ для нея своей свѣжести, своихъ прелестей. Какъ будто нарочно для нея Создатель ниспослалъ въ него надежду, она никогда съ ней не разставалась. Когда тяжкая болѣзнь постигнетъ одного изъ родителей или котораго-нибудь изъ родныхъ, она тиха, печальна, заботлива, но одна только не предается отчаянію; врачи объявляютъ, что опасность съ каждою минутой умножается, она бѣжитъ въ свою комнату, помолится тамъ, поплачетъ передъ образами, и выходитъ оттуда съ лицомъ спокойнымъ, почти веселымъ, какъ будто вынося съ собою жизнь и исцѣленіе; когда же смерть погаситъ передъ нею послѣдній лучъ надежды, она дѣлается молчалива, грустна, но надежды свои быстро переноситъ въ другой міръ, совершенно убѣждена, что милые ея сердцу тамъ блаженствуютъ, и счастлива мыслію о свиданіи съ ними.

Она никогда не была хороша собою, но имѣла весьма правильныя черты, и постоянное выраженіе благосклонности придавало имъ большую пріятность. Были люди, которые искали ея руки, но или ей, или родителямъ не нравились, и Богъ не судилъ ей быть супругой и матерью: она бы могла быть ихъ образцомъ, судя по безпредѣльной любви ея къ роднымъ. Съ самой первой молодости разливала она между ими утѣшеніе и миръ; если кто-нибудь изъ насъ прогнѣваетъ родителей, она не покойна, пока не вымолитъ прощеніе; братьевъ и сестеръ она не только мирила, но старалась предупреждать малѣйшее несогласіе, всему находила извиненіе, всегда готова была вину взять на себя. Обманутыя надежды, безбрачная жизнь, необходимость покорности въ такія лѣта, когда уже можно располагать собою и другими, весьма естественно портятъ нравъ старѣющихъ дѣвицъ; кротость же сестры моей съ лѣтами, кажется, все умножалась. О достохвальныхъ ея подвигахъ мнѣ не разъ придется говорить, если продлятся

записки сіи; покаместъ ограничусь сказаннымъ. Счастливъ если сего достаточно, чтобы заставить полюбить ее.

Беззащитное, безобидное существо! У одра полумертвой матери поклялся я быть твоею опорой, но что бы могъ я для тебя сдѣлать? Награждая твои добродѣтели, самъ Всемогущій среди старости, бѣдности, сиротства твоего, послалъ незнакомаго тебѣ благодѣтеля*, который душевною добротою даже съ тобою поспорить можетъ.

Во второй сестрѣ моей природа еще была щедрѣе: всѣ называли ее красавицей; это былъ портретъ красивой матери, списанный искуснымъ живописцемъ, который бы захотѣлъ польстить ей; правомъ же совершенно походила на отца. Тогда какъ старшая сестра вездѣ видѣла друзей и тайны невинной души своей готова была повѣрить каждому, меньшая была осторожна, осмотрительна, даже нѣсколько недоувѣрчива, и веселостямъ своего возраста предавалась съ умѣренностію, какъ бы повинясь необходимости; не было ли это предчувствіемъ всѣхъ горестей, которыя она должна была испытать въ жизни? Ничего чувствительнѣе и вмѣстѣ съ тѣмъ менѣе демонстративнаго я не знавалъ; высокія чувства, коимъ тогда не знали даже названія, таились въ глубинѣ ея сердца, и иногда изливались въ дѣяніяхъ, но не въ рѣчахъ; старые люди дивились чрезвычайному благоразумію молодой дѣвочки, и въ обхожденіи съ нею самихъ родителей, замѣтно было какое-то особенное уваженіе. Скромность, чувство приличія и собственного достоинства инымъ казались гордостью, но они скоро узнавали ошибку свою, увидя сколько она строга къ себѣ и снисходительна къ недостаткамъ другихъ. Умъ самый основательный, сужденія всегда логическія привели ее рано изъ ряда подругъ и ровестницъ, и тогда какъ они занимались исключительно нарядами и городскими забавами, предметомъ ея нѣжнѣйшихъ попеченій сдѣлался маленькій братъ, который только десятью годами былъ ей моложе.

Мои читатели вспомнятъ можетъ-быть о книгѣ Х.; сіи двѣ женщины умѣли понять другъ друга, несмотря на великую разницу въ лѣтахъ. Ея примѣру, ея нѣжной любви обязана сестра моя отчасти развитіемъ прекрасныхъ свойствъ, насажденныхъ въ ней природою. Первые годы моей

---

* Министръ Блудовъ, выпросившій ей пенсію, на которую по законамъ она не имѣла никакого права. *Примѣч. автора.*

юности, внѣ родительскаго дома, провель я вмѣствъ съ нею, слѣдственно, буду часто имѣть случай говорить объ ней и потому считаю излишнимъ здѣсь далѣе распространяться.

Та же самая разница, которую можно было найти въ характерѣ двухъ сестеръ, встрѣчалась также въ обоихъ старшихъ братьяхъ. Оба были исполнены доброты, правдолюбія и чести, но старшій тысячью преимуществами блисталъ передъ младшимъ. Онъ былъ уживчивѣе, уступчивѣе, острѣе и веселонравнѣе, не говоря уже о природныхъ способностяхъ его ко всякаго рода серіознымъ занятіямъ, которыя показалъ онъ въ продолженіи службы. Меньшой же Николай былъ нраву весьма крутаго, чрезвычайно вспыльчивъ и потомъ упрямъ, какъ всѣ люди не одаренные хорошимъ разсудкомъ. Страшная охота спорить, совершенное отсутствіе логики и всегда кривые толки дѣлали его тягостнымъ не только для постороннихъ, но даже для родныхъ. Намѣренія же его всегда были чисты и похвальны; изобразивъ его недостатки, мнѣ пріятно отдать справедливость и добрымъ его качествамъ. Замѣтно было, что онъ менѣе всѣхъ любимъ родителями, онъ самъ это зналъ, а со всѣмъ тѣмъ никто изъ насъ не могъ равняться съ нимъ въ безпредѣльной къ нимъ преданности, въ безусловной покорности: онъ видѣлъ, въ нихъ нѣчто божественное. Несмотря на безконечные его споры, онъ страстно любилъ сестеръ и особливо брата и съ непритворнымъ удовольствіемъ признавалъ его превосходство надъ собою: сей же послѣдній, въ безпрестанномъ съ нимъ сообществѣ, вѣроятно, научился терпѣливости, которою отличается.

Старшій братъ Павелъ былъ весьма недурень собою; одинъ несчастный случай его нѣсколько обезобразилъ; кусокъ фаянса, отскочившій отъ лопнувшей чашки, попалъ ему въ глазъ, когда еще онъ былъ ребенкомъ, и всѣ старанія, чтобъ его вылѣчить потомъ, остались тщетны. Наружность меньшаго не имѣла ничего привлекательнаго; у него были сѣрые глаза и лице блѣдное, ничего не выражающее, испорченное оспой. Наружные недостатки старался онъ замѣнить франтовствомъ, былъ чистоплотень, и въ мелочахъ акуратень до крайности, имѣлъ однакоже наклонность къ расточительности, но былъ всегда удержанъ страхомъ прогнѣвить родителей. Вообще онъ, кажется, родился болѣе въ братьевъ отца нашего, чѣмъ въ него самого, нѣмецкая кровь громче въ немъ говорила

чѣмъ въ комъ-либо изъ насъ, и съ малолѣтства курительный табакъ сдѣлался уже одною изъ потребностей его души.

Братья мои получили весьма хорошее воспитаніе: въ пензенскомъ уединеніи, въ промежутки времени между полковничествомъ и командантствомъ, отецъ былъ самъ первымъ ихъ наставникомъ. По пріѣздѣ въ Кіевъ вручилъ онъ ихъ г. Гагеру, и изъ всего что я слышала объ немъ можно заключить, что онъ имѣлъ основательныя познанія и былъ почтеннаго характера. Въ 1792 году мать моя со всѣми старшими дѣтьми отправилась въ Петербургъ, съ тѣмъ чтобы въ первый разъ показать его дочерямъ, а сыновей окончательнымъ ученіемъ приготовить ко вступленію въ службу и въ свѣтъ. Къ счастью, ей указали весьма хорошій пансіонъ г. Девеля, куда всѣ почтенные, просвѣщенные и благоразумные родители отдавали тогда дѣтей; знатные же своихъ воспитывали дома или за границей, ибо объ аббатѣ Николѣ тогда еще и помину не было. Пристроивши ихъ, она скоро воротилась въ Кіевъ.

Странные были тогда обычаи, въ сіе впрочемъ столь счастливое для Россіи время: въ пятнадцать лѣтъ обыкновенно уже оканчивалось воспитаніе мальчиковъ, полагали, что они уже всему выучены, и спѣшили ихъ отдавать въ службу, чтобы они ранѣе могли выйти въ чины. Многіе изъ родителей съ сокрушеннымъ сердцемъ смотрѣли на пагубу, которая угрожала нѣжному возрасту и неопытности сыновей ихъ, но не властны были не слѣдовать общему примѣру, опасаясь обвиненія, что они препятствовали счастью и возвышенію своихъ дѣтей.

Была еще другая странность, которую можно даже назвать злоупотребленіемъ: въ каждомъ гвардейскомъ полку сотнями считались сержанты, вахмистры, унтеръ-офицеры, каптенармусы, капралы; всѣ они были малолѣтныя, живущіе дома и ожидающіе очереди къ производству. Каждому изъ сихъ гвардейскихъ нижнихъ чиновъ соответствовалъ въ арміи одинъ изъ оберъ-офицерскихъ, и потому при записываніи дѣти получали сіи чины смотря по связямъ родителей съ начальниками, по покровительству, а иногда и по заслугамъ ихъ.

Благодаря весьма дальнему родству матери моей съ конногвардейскимъ премьеръ-майоромъ, отъ арміи генераль-поручикомъ Петромъ Ивановичемъ Боборыкинымъ, насъ всѣхъ троихъ, братьевъ за азбукой, а меня въ колыбели, записали

вахмистрами лейбъ-гвардіи въ конный полкъ. Старшинство между тѣмъ сохранялось и для братьевъ приближалось уже время производства въ офицеры; стоило только подождать годъ, другой, но какимъ мальчикамъ не хочется ранѣе быть на свободѣ? Они убѣдили родителей дозволить имъ, какъ говорилось тогда, подать въ армію, и едва показавшись на службу, они были выпущены 1 января 1795 года рѣтмистрами въ Нѣжинскій карабинерный полкъ. Подобная участь въ послѣдствіи ожидала и меня, и я, признаюсь, ожидалъ ея также съ нетерпѣніемъ.

Тотъ полкъ, въ который вышли братья мои, стоялъ тогда на квартирахъ во вновь присоединенной отъ Польши Изяславской губерніи, нынѣшней Волынской бывшемъ Заславскомъ воеводствѣ, не очень далеко отъ Кіева: по снисходительности начальства и вообще по необращенію въ мирное время строгаго на то вниманія, они большую часть года проводили у родителей. Пріѣздъ ихъ меня совсѣмъ не обрадовалъ; три года отсутствія въ тогдашнія мои лѣта были цѣлая вѣчность, я ихъ совсѣмъ почти не помнилъ, и смотря на ласки, расточаемыя имъ матерью и сестрами, видѣлъ въ нихъ только пришлецовъ, похищающихъ мои права.

Непріязненное къ нимъ чувство еще умножилось, когда они начали мнѣ приказывать, на мнѣ взыскивать; пусть бы сестры, думалъ я: онѣ бранять такимъ нѣжнымъ голосомъ, когда онѣ принуждены даже взять за ухо, отъ прикосновенія ихъ менѣе боли, чѣмъ удовольствія; а эти карабинеры, по какому праву? Сіе право я нынѣ уважаю, право старшинства между родными, оно было тогда освящено обычаемъ и проистекало изъ самыхъ ясныхъ понятій о взаимныхъ обязанностяхъ единокровныхъ. Имъ крѣпится союзъ въ семействахъ; никакой ребенокъ не могъ тогда остаться совершенно сиротой, напрасно смерть похищала у него отца и мать; дяди и тетки, старшіе братья и сестры, при жизни ихъ уже участвовавшіе въ ихъ обязанностяхъ, тотчасъ заступали ихъ мѣсто и становились естественными покровителями младенца, отрока или даже юноши. Общее мнѣніе поручало имъ беззащитнаго и требовало отъ нихъ строгаго отчета; безжалостный братъ или хищный дядя были имъ преслѣдуемы и были столь же рѣдки какъ жестокосердые родители; но за то и они находили въ питомцахъ своихъ покорность и нѣжность. Узелъ, прикрѣпляющій дѣтей къ родителямъ, а за

неимѣнемъ ихъ къ старшимъ въ родѣ, служъ къ господамъ и взаимно, сей самый узелъ связывалъ гражданъ между собою и привязывалъ ихъ къ правительству, вѣрѣ и отечеству. Горькая истина! всѣ сіи узы до того нынѣ ослабѣли, что стоить бездѣлицы, дабы совсѣмъ развязать ихъ. О всегубительный вихорь Запада!

Напрасно будутъ говорить, что народы всегда любятъ правительства, коихъ благотворные законы ограждаютъ ихъ безопасность и собственность, что людямъ необходима кака-либо вѣра, и сія необходимость заставляетъ любить ее, что общія выгоды всегда соединяютъ людей на защиту ихъ, что слуги волею или неволею и теперь повинуются господамъ, что если дѣти и не оказываютъ нынѣ родителямъ принужденнаго уваженія какъ прежде, если позволяютъ себѣ безпрестанно съ ними обо всемъ спорить и смѣются надъ ихъ ветхими предразсудками, то не менѣе того ихъ любятъ по привычкѣ, по воспоминаніямъ о младенствѣ. Хорошо еслибъ и такъ; но это дѣйствіе необходимости, разсудка, расчета, а прежде все это было чувство, и кажется, что одно всегда бывало сильнѣе другаго.

Настоящее заставляетъ меня часто забывать прошедшее; спѣшу опять въ немъ утѣшиться. Итакъ братья мною командовали; изъ нихъ старшій, а изъ сестеръ средняя преимущественно мною занималась, мнѣ покровительствовали, меня предпочитали, тогда какъ старшая сестра и средній братъ всегда оказывали совершенное пристрастіе къ самой меньшей сестрѣ нашей, Александрѣ, которая, какъ уже сказавъ я, была шестью годами меня моложе.

Сія послѣдняя отъ природы получила все, и умъ, и красоту, и доброе сердце; но, къ сожалѣнію, все это напрасно. Если оспа не совсѣмъ ее изуродовала, то по крайней мѣрѣ весьма испортила ея лицо; кожь необыкновенной бѣлизны и тонкости и чертамъ самымъ привлекательнымъ дала нѣкоторую грубость и выраженіе не совсѣмъ пріятное, оставивъ ей одни только прекрасные глаза; дурное воспитаніе еще болѣе испортило ея нравъ и не дало природному уму ея развиться и украситься. Сей Веніаминъ женскаго пола былъ идоломъ покойнаго родителя; не отягченный еще, но уже побѣжденный лѣтами, онъ не могъ сохранить съ нею притворнаго равнодушія, которое показывалъ старшимъ дѣтямъ; вся вѣжность отца, усиленная продолжительнымъ воздержаніемъ отъ ея

изъявленія, излилась на малютку, послѣдній плодъ счастливаго его супружества. Ея появленіе всякій разъ раждало улыбку на устахъ его, при ней терялъ онъ обычную свою важность; чадолюбивѣйшая изъ матерей не хотѣла или не смѣла показать ей малѣйшей строгости, старшіе братья и сестры тѣшились ею какъ куклой, а одинъ изъ нихъ, отличающійся нѣкоторою суровостію въ характерѣ, позволялъ ей все съ собою; наконецъ и мнѣ, который въ ребячествѣ имѣлъ склонность къ постыднымъ порокамъ зависти и ревности, ни минути не приходило на сердце ей позавидовать, и мы по близости лѣтъ чрезвычайно другъ друга любили. Все позволялось ей, всѣ ея прихоти исполнялись; долго не рѣшались занимать ее ученіемъ, а когда и принялись за то, никто не смѣлъ ее приневоливать; однимъ словомъ, это было самое избалованное дитя, и если Веніаминъ не сдѣлался наконецъ Митрофанушкой въ юбкѣ, то его спасли единственно хорошіе примѣры въ семействѣ, а можетъ-быть и счастливые дары природы.

Коротко познакомивъ читателей со всѣмъ моимъ семействомъ, мнѣ предстоитъ теперь обязанность доставить имъ новыя знакомства съ посторонними лицами и приступить къ описанію совсѣмъ новой эпохи въ моей жизни.

X.

Кому изъ пожилыхъ нынѣ людей не памятенъ роковой 1796 годъ? Великія народныя бѣдствія постигли Россію въ первое десятилѣтіе царствованія Екатерины; на югѣ война пылала съ Турціей, Польша волновалась и угрожала опасностію ея западнымъ границамъ, всѣ ея юго-восточныя области кипѣли ужаснымъ Пугачевскимъ бунтомъ, и моровая язва, опустошивъ южныя предѣлы, проникла въ самое сердце ея, Москву. Твердостію, счастіемъ и мудрыми выборами Екатерины, зло физическое и нравственное было вездѣ побѣждено, когда Румянцовъ предписывалъ Туркамъ условія мира, Бибиковы, Панины, Суворовы укрощали мятежь, а Еропкины и Орловы спасали древнюю столицу. Бѣдствія миновались, и наступила для Россіи славная тишина, какой нельзя дотолѣ найти во всѣхъ ея лѣтописяхъ. Тишина не есть однакоже бездѣйствіе: спокойствіе, коимъ болѣе двад-

цати лѣтъ наслаждалась Россія при Екатеринѣ, можно уподобить лѣтнему зною, когда въ молчаніи поля и лѣсъ, люди и стада щутъ прохладу, а силою великаго свѣтила зрѣють жатвы и плоды.

Въ сіи двадцать слѣшкомъ лѣтъ быстро, хотя сначала едва примѣтно, естественно и непринужденно просвѣщеніе разливалось по всѣмъ отраслямъ управленія, проникало въ дѣльный составъ народный. Подъ государственное зданіе, наскоро, нетерпѣливою, насильственною рукою Петра Великаго воздвигнутое, подведенъ прочный фундаментъ, котораго оно не имѣло: грубый чертежъ его во многомъ измѣнился, и въ сей передѣлкѣ, приспособленной къ нашему народному быту, соблюдены стройность и пріятность формъ. Народный духъ, болѣе пятидесяти лѣтъ подавляемый сначала Петромъ, а послѣ него Меншиковымъ и Бирономъ, воспрянулъ уже при Елисаветѣ, но въ немъ была замѣтна не столько привязанность къ достоинству русскаго имени, сколько къ предразсудкамъ, къ варварскимъ обычаямъ старины. Первые искры національнаго самолюбія, просвѣщеннаго патріотизма показали при Екатеринѣ; при ней родились и вкусъ, и общее мнѣніе, и первыя понятія о чести, о личной свободѣ, о власти законовъ.

Пустоши, необитаемыя степи покрылись при ней селеніями, мало извѣстныя селенія обратились въ многолюдныя, губернскіе города и зацвѣли торговлей и общежитіемъ. Она никого не принуждала, но во всѣхъ умѣла возбуждать желаніе учиться, и Русскіе, какъ будто бы слѣдуя собственному внушенію, стремились сравняться съ народами, многими вѣками въ образованіи ихъ опередившими. Все шло какъ бы само собою, и очарованная ею Россія, упоенная славой, пресыщенная завоеваніями, предавалась какому-то сладкому забвенію, отъ котораго только по временамъ столь же пріятно была пробуждаема громомъ граничныхъ нашихъ побѣдъ.

Говорять, что ея придворные, какъ и вездѣ, пресмыкались, завидовали и клеветали, пристально вглядывались въ царскія слабости, старались угождать имъ и въ то же время нескромными рѣчами старались поносить ихъ. Но въ дали солнце Россіи являлось намъ во всемъ своемъ блескѣ, Державинъ пѣлъ его, Суворовъ ему служилъ, мы согрѣвались его лучами, мы озарялись его свѣтомъ. Мы блаженствовали, мы ликовали, мы все болѣе и болѣе предавались врожденной

намъ безпечности, забывая о прошедшемъ, не думая о будущемъ, какъ будто бы безсмертная дѣлами была также безсмертна и тѣломъ.

Въ ноябрѣ мѣсяцѣ 1796 года ужасная вѣсть о ея внезапной кончинѣ прервала пѣвнительный сонъ, въ который погружена была вся Россія. День именинъ моихъ съ покойнымъ отцомъ, 14-го ноября, былъ днемъ торжественнымъ для нашего семейства и праздникомъ для цѣлаго города: въ этотъ день съ ранняго утра до обѣденнаго времени посѣтители и даже посѣтительницы являлись безпрестанно съ поздравленіями; между тѣмъ во всѣхъ комнатахъ накрывались столы, за которые тѣсно садились потомъ духовные, воинскіе и гражданскіе чиновники и нѣсколько почетнѣйшихъ кievскихъ купцовъ; это былъ, какъ говорилось, пиръ про весь міръ. Лишь только исчезали столы, какъ начинали съѣзжаться на вечеръ и далеко за полночь веселились; самый пріятный и утомительный для насъ день.

Онъ взошелъ какъ обыкновенно; домъ нашъ наполнился всякаго званія людьми; со всѣхъ сторонъ доброжелательныя лица и нельсгивыя уста привѣтствовали добраго, всѣми любимаго хозяина и его семейство. Сѣли за обѣдъ и къ концу его, радость, кажется, болѣе нежели когда-либо блистала на всѣхъ лицахъ и изливалась въ шумныхъ нескладныхъ рѣчахъ. Вотъ уже встали изъ-за стола, уже наступилъ вечеръ, и молодежь съ нетерпѣніемъ ожидала первыхъ ударовъ смычка, какъ вдругъ вызвали губернатора Милашевича, а за нимъ и отца моего, и чрезъ нѣсколько минутъ они воротились съ видомъ мрачнымъ и безпокойнымъ. Немногіе это замѣтили, но спустя полчаса отецъ мой объявилъ, что музыканты отосланы и пляски не будетъ. Старыя барыни приступили къ нему съ убѣжденіями и съ требованіемъ отмѣнить сей безчеловѣчный приговоръ, молоденькія дѣвицы взорами молили его о томъ же, онъ остался непреклоненъ; одна мать моя, которая знала что онъ никогда не дѣйствовалъ по капризамъ и подозрѣвала важную тайну, была сильно встревожена. Вечеръ прошелъ довольно скучно, и всѣ рано разѣхались по домамъ.

На другой день поутру весь городъ узналъ ужасную тайну. Проѣхавшій наканунѣ изъ Петербурга курьеръ къ фельдмаршалу графу Румянцову, генераль-губернатору Малороссіи, съ подорожной, на которой было выставлено имя Павла Пер-

ваго, былъ остановленъ на почтѣ и проведенъ къ губернатору, который тогда находился у отца моего, и они оба узнали отъ него нѣкоторыя подробности о кончинѣ Екатерины Второй, которыхъ никому не спѣшили сообщить. Ночью прѣвхалъ другой курьеръ съ манифестомъ о восшествіи на престолъ императора Павла.

Какъ описать видѣнное мною? Я помню всеобщее оцѣпенѣніе, я помню какъ сквозь слезы поздравляли другъ друга съ новымъ государемъ, помню изъявленіе надежды, что онъ будетъ милосердъ къ своимъ подданнымъ..... Онъ явился на тронѣ, и Россія въ безмолвіи, съ благоговѣніемъ и трепетомъ преклонила колѣна предъ сыномъ Екатерины и правнукомъ Петра.

Первыя извѣстія полученныя потомъ изъ Петербурга многихъ обрадовали: щедроты явились рѣкою.....

Всѣ окружавшіе Петра III были признаны ко двору и осыпаны милостями. Вѣроятно, въ спускъ не столь важныхъ лицъ при немъ находившихся, нашлось и имя отца моего; такъ должно полагать, ибо безъ всякаго представленія, безъ всякой извѣстной причины вдругъ получилъ онъ милостивый рескриптъ отъ царя и на шею Анненскій крестъ, огромную бляху, составленную изъ красныхъ и бѣлыхъ стеколъ изображающихъ яхонты и алмазы. Награда нынѣ маловажная, даже обидная для генерала, но въ первые мѣсяцы царствованія Павла она почиталась лестною; отмѣнивъ раздачу орденовъ учрежденныхъ Екатериною, Георгіевскаго и Владимірскаго, онъ хотѣлъ замѣнить ихъ Анненскимъ, и для того раздѣлялъ его на три степени, почитая вторую наравнѣ съ второю степенью Владимірскаго ордена. Получивъ крестъ отъ сына Петра III и въ память его, отецъ мой надѣлъ оный съ растроганнымъ сердцемъ.

Ровно черезъ мѣсяцъ послѣ Екатерины, 6-го декабря, скончался близъ Кіева одинъ изъ знаменитѣйшихъ ея полководцевъ, Румянцовъ-Задунайскій. Онъ съ давняго времени жилъ въ помѣстьѣ своемъ Ташани, во ста верстахъ отъ Кіева, и оттуда управлялъ Малороссіей, то-есть имѣлъ главное наблюденіе надъ ходомъ въ ней дѣлъ, но все время нашего тамъ пребыванія ни разу не посѣтилъ Кіева. Заслуженные воины, поклонники отечественной воинской славы, съ разныхъ сторонъ стекались къ нему какъ на богомолье. Изъ подчиненныхъ его отецъ мой, имъ особенно любимый, раза два или

три въ годъ посѣщала его и гостила у него по недѣлѣ. Графъ Румянцовъ воспитывался въ кадетскомъ корпусѣ при Аннѣ Ивановнѣ, слѣдственно тогда еще былъ напитанъ германскимъ духомъ; подъ начальствомъ графа Фермора сражался съ великимъ Фридрикомъ и среди самыхъ побѣдъ нашихъ надъ вѣнчанымъ полководцемъ, дивился его искусству и гению; въ послѣдствіи имѣлъ случай узнать его лично и безъ восторга не могъ говорить объ немъ. Отечественное оны мало уважалъ и жилъ всегда окруженный Нѣмцами. За то и Россія, платя ему дань удивленія, ограничивалась симъ холоднымъ чувствомъ, тогда какъ имя Суворова еще и понынѣ заставляетъ биться сердца патриотовъ. *

Тѣло покойнаго фельдмаршала привезено было въ Кіевонечерскую крѣпость и по приказанію Павла предано землѣ въ Лавръ, съ величайшими военными почестями. Три холостые сына, изъ коихъ младшему, Сергѣю Петровичу, было уже за сорокъ лѣтъ, прибыли къ печальной церемоніи. Они принимали посѣщенія, но сами ихъ никому не дѣлали, и одинъ

---

* Въ новѣйшее время у русскаго войска было также два любимца: Воронцовъ и Ермоловъ. Первый изъ нихъ и доселѣ еще управляетъ (Читатели конечно не забыли что воспоминавія Вигеля писаны много лѣтъ тому назадъ. *Ред.*) обширнымъ, мало населеннымъ, пограничнымъ краемъ; оны живить его, устраиваетъ, заселяетъ и посвящаетъ ему весь умъ свой, познанія, дѣятельность, могущество и богатство; послѣдній во многомъ обвиняемъ, а болѣе всего въ ошибкахъ, устраненный отъ дѣлъ, немощій, зарылся въ деревнѣ, величаво уединился. До двадцатилѣтняго возраста воспитанный въ Лондонѣ, графъ Воронцовъ имѣетъ всѣ англійскіе навыки, въ частной жизни какъ и въ общественной являетъ себя болѣе лордомъ чѣмъ бояриномъ. Ермоловъ видитъ въ Русскихъ (среди ихъ варварства или просвѣщенія, все равно) пергый народъ въ мірѣ, оны властолюбивъ иногда до жестокосердія, мраченъ и остроуменъ въ насмѣшкахъ, имѣетъ великодушіе, отважность и самую наружность царя лѣсовъ. Его обвиняютъ, а на каждомъ шагу вы можете найдти между военными, гражданами и купцами сильныхъ и усердныхъ его адвокатовъ; старая, вѣрная Москва хотѣла утѣшить его избраніемъ въ свои предводители; самыя милости къ нему правительства имѣютъ значеніе, главнымъ образомъ, какъ знака уваженія къ общественному мнѣнію и принимаются имъ съ восторгами бл гонарности. Послѣ того пусть скажутъ, что у насъ вовсе нѣтъ національности. Мы въ этомъ случаѣ нѣсколько похожи на древнихъ Грековъ; въ нашихъ богахъ и полубогахъ мы любимъ находить наши слабости и даже наши пороки, мы желаемъ, чтобъ они были мы же, но гораздо въ большемъ размѣрѣ.

только изъ нихъ, Николай Петровичъ, умѣлъ со всѣми быть любезенъ и привѣтливъ. Въ память уваженія отца своего къ моему, подарилъ онъ ему богатую конскую сбрую и любимую лошадь покойника, вороную, откормленную, на которой онъ изрѣдка выѣзжалъ, и которая потомъ болѣе шести лѣтъ служила отцу моему для прогулокъ.

Хвалясь вниманіемъ Румянцова къ покойному родителю, я было забылъ похвастаться ласками къ нему Суворова. Это еще было на Кубани, гдѣ Суворовъ сражался съ Горцами и жилъ еще съ молодою, добродушною женой, которую отменно тогда любилъ. Она была красавица въ русскомъ вкусѣ, была румяна и полна, ума не высокаго, съ воспитаніемъ стариннымъ. Въ Таганрогъ и Черкасскъ, среди тогдашнихъ казачекъ, пріятно было встрѣтиться русскимъ барынямъ, и она очень сдружилась съ моею матерью. Самъ Суворовъ, навѣщая жену, очень полюбилъ ее, былъ съ нею чрезвычайно любезенъ и часто при ней геніально дурачился. Но съ тѣхъ поръ мои родители уже съ ними нигдѣ не встрѣчались.

Великій Суворовъ, Одець Русскаго воинства, вдругъ былъ отставленъ какъ простой офицеръ и посланъ жить въ деревню.....

XI.

Перемѣны шли при Павлѣ съ неизмовѣрною быстротой.

Званіе намѣстниковъ и генераль-губернаторовъ уничтожено и замѣнено званіемъ военныхъ губернаторовъ, управляющихъ и гражданскою частію. Въ сію должность назначали того же самаго графа Румянцова, но онъ умеръ, и на его мѣсто прибылъ вновь пожалованный фельдмаршалъ графъ Иванъ Петровичъ Салтыковъ. Военные генералы, управлявшіе губерніями, переименованы въ соотвѣтствующій ихъ классу гражданскій чинъ и названы гражданскими губернаторами. Оберъ-коменданты лишились сего названія, остались просто комендантами, и у нихъ отняли инспекцію надъ крѣпостями и гарнизонами: но за то въ ихъ вѣдѣніе поступили полиціи губернскихъ городовъ, и въ случаѣ отсутствія военнаго губернатора не гражданскіе губернаторы, а они заступали его мѣсто.

Не самая важная, но для наружности самая примѣчательная переѣна произошла въ воинскомъ нарядѣ. Щеголеватость одежды Екатерининскихъ воиновъ найдена женоподобною: въ самое короткое время, сначала гвардія, а потомъ вся армія обмундированы по новой формѣ. Описание новаго костюма довольно, кажется, любопытно: онъ состоялъ изъ длиннаго и широкаго мундира довольно толстаго сукна, не съ отложнымъ, а лежащимъ воротникомъ и съ фалдами, которыя спереди совсѣмъ почти сходились; изъ шпаги между сими фалдами, воткнутой сзади; изъ ботфортовъ съ штибель-манжетами или штиблетъ чернаго сукна; изъ низкой, сплюснутой треугольной шляпы; узкаго чернаго галстука, коимъ офицеры казались почти давленными; перчатокъ съ огромными раструбами; простаго дерева форменной палки съ костянымъ набалдашникомъ и наконецъ изъ двухъ насаженныхъ надъ ушами буколей съ длинною, туго проволокою и лентой перевитою косою. Исключая кавалеріи, всѣ одѣты были въ мундиры одинаковаго цвѣта, но за то отвороты и обшлага были и розовые, и абрикосовые, песочные, кирпичные, всѣхъ въ мірѣ цвѣтовъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, сдѣланы были и такія переѣны, которыя были весьма полезны для службы, хотя инья и оскорбили тогда ребяческое мое самолюбіе. Безчисленныя толпы гвардейскихъ сержантовъ и вахмистровъ потребовали на службу: иные оставлены въ гвардіи, другіе выпущены въ армію не болѣе какъ прапорщиками, а малолѣтныя за невѣжкою исключены вовсе изъ полковъ; нѣтъ нужды говорить, что я попалъ въ число послѣднихъ.

Начало 1797 года, между прочимъ, ознаменовано одною важною государственною ошибкою, коей вредныя послѣдствія ощущаемъ мы и понынѣ. Сіе дѣло было для меня предметомъ постоянныхъ горестныхъ размышленій, и я позволю себѣ здѣсь изложить ихъ съ нѣкоторою подробностію.

Остзейскія провинціи были нѣкогда достояніемъ великаго Новгорода и полоцкихъ князей. Не задолго до нашествія Татаръ и вторженій литовскихъ, начали изъ-подгашка въ маломъ числѣ показываться монахи и рыцари на Ливонскихъ берегахъ и съ дозволенія безпечныхъ Новгородцевъ и Полочанъ строить замки и кирки. Когда двѣ кровавыя тучи, одна послѣ другой, съ востока и запада, покрыли почти всю раздробленную Россію, тогда и наши Нѣмцы, усиленные при-

бытіемъ многочисленныхъ сподвижниковъ, начали расширяться на сѣверѣ. Татары нагрянули, вломилась, Нѣмцы же воспользовались гостепріимствомъ и засѣли, мечомъ начали крестить несчастныхъ Эстовъ и скоро захватили два русскіе города, Юрьевъ и Ругодивъ, нынѣшніе Дерптъ и Парву; еслибы не могущество республикъ Новгородской и Псковской, они бы проникли во внутренность Россіи.

Итакъ хищные враги со всѣхъ сторонъ рвали на части и до того уже междуусобіями раздираемое наше отечество. Какъ оно не погибло, а возродилось, вознеслось, это чудо Провидѣнія, о которомъ здѣсь не мѣсто говорить. Лишь только установилось у насъ единодержавіе, лишь только справились съ Татарами, какъ тотчасъ хватились отнятаго у насъ Нѣмцами: мужество Баторія не допустило грознаго царя удержать за собою завоеванную уже Ливонію. Безчеловѣчныя же ея владѣтели, истребители ея тишины и свободы, давно уже утратили неукротимое мужество предковъ и угонали въ нѣбѣ, въ роскоши, въ развратѣ; тѣснимые сильными государствами, они должны были попеременно признавать надъ собою господство Польши, Даніи и Швеціи. Они принадлежали послѣдней, когда возгорѣлась война между Карломъ XII и Петромъ Великимъ: перваго ненавидѣли они за отнятіе будто бы какихъ-то правъ, а послѣднему поддались бы неохотно. Правда дѣло шло объ нихъ и за нихъ, но не съ ними; имъ оставалось ожидать кому они достанутся.

По праву побѣды и завоеванія, по праву прежняго владѣнія и по Ништадскому трактату, не съ ними, а съ Шведскимъ правительствомъ заключенному, земли ими захваченныя, возвращены опять Россіи. При сдачѣ одного города, Риги, были сдѣланы нѣкоторыя условія, и они утвѣряютъ будто на сихъ условіяхъ вся Ливонія добровольно покорилась Россійской державѣ. Петръ Великій обрадовался новымъ подданнымъ, просвѣщеннымъ, напудреннымъ и выбритымъ, и утвердилъ всѣ ихъ привилегіи..... Всѣмъ извѣстно какъ возблагодарили они насъ за то, сіи завоеванные наши тираны, во время Бирона. При Екатеринѣ Второй дѣла пошли иначе, сближеніе ихъ съ нами сдѣлалось возможнымъ, но смерть ея отдала ихъ отъ насъ. Шарлотта Карловна Ливенъ, осыпанная ея милостями, коей она поручила воспитаніе своихъ внуковъ, представила сыну ея нѣкоторыя нововведенія какъ посяга-

тельство на священнѣйшія права Лифляндскаго и Эстляндскаго дворянства. Не довольствуясь симъ, она успѣла увѣрить его что и введеніе русскаго языка и законовъ въ губерніяхъ, вновь приобрѣтенныхъ отъ Польши, есть вопіющее насиліе.

Не станемъ говорить о справедливости или несправедливости присоединенія Литвы, Украйны и Бѣлоруссіи; тому, кто знаетъ хорошо русскую исторію, разрѣшить вопросъ сей будетъ не трудно.

Жители Польши покорились судьбѣ, начинали привыкать къ новому порядку вещей: особенно тѣ же, кои по раздѣлу поступили въ подданство къ Россіи. Они были присоединены къ народу Славянскому, не чужому; простой народъ въ томъ краю не переставалъ называть себя русскимъ, двѣ трети его исповѣдывали греко-россійскую вѣру, а остальные, насильно вовлеченные въ латинство и унию, готовы были возвратиться въ нѣдра православія. Дворянамъ не постыдно было промѣнять имя храбрыхъ Поляковъ на имя доблестныхъ Россіянъ, которое носили ихъ предки. Опредѣляя однихъ только коренныхъ Русскихъ на всѣ мѣста въ новыхъ губерніяхъ, употребляя Поляковъ въ арміи и внутри государства, такъ сказать, тасуя два народа, Екатерина изглаживала слѣды взаимной ихъ вражды. Ея преемникамъ оставалось только, слѣдуя по пути ея проложенному, собирать плоды ея мудрой системы. Примѣръ Смоленска, а еще болѣе Бѣлоруссіи, въ самое короткое время забывшей, что она принадлежала Польшѣ, показали на опытъ какъ легко и естественно сливаются славянскія племена подъ однимъ управленіемъ. Какъ подживает переломленный членъ осторожно перевязанный искуснымъ врачомъ, такъ Украйна начинала было приростать къ Россіи. И вдругъ толчокъ, и пробужденіе усыпленной боли; и волненіе замысловъ, и несбыточныя надежды, и ветхій Литовскій статутъ....

Въ началѣ сего самаго 1797 года сдѣлано генеральное перемежеваніе губерній, то-есть весьма многія изъ нихъ упразднены и причислены къ сосѣднимъ, въ томъ числѣ и наша Пензенская; но для чего? это одинъ Богъ знаетъ. Три мало-россійскія губерніи слились въ одну, Кіевъ отъ нихъ отдѣлился и сдѣлался главнымъ городомъ Брацлавской губерніи, наполненной польскими помѣщиками. Вскорѣ потомъ изъ

Дубно, мѣстечка Волынской губерніи, переведены въ него контракты, родъ дворянской биржи, на которую они, въ известное время года, съѣзжались для разнаго рода сдѣлокъ, покупки и продажи имѣній, отдачи капиталовъ въ займы и прочаго. Тутъ представляется вопросъ, для чего это? Не съ намѣреніемъ ли сблизить Поляковъ съ Русскими?

Итакъ я въ малолѣтствѣ своемъ сдѣлался свидѣтелемъ великой метаморфозы. Древняя столица великихъ князей Русскихъ, даже при польскомъ правительствѣ сохранившая себя невредимою отъ польскаго вліянія, вдругъ ополячилась. Въ продолженіи 1797 года число русскихъ чиновниковъ и малороссійскихъ дворянъ начало примѣтно въ ней уменьшаться, а число пановъ въ той же пропорціи увеличилось. Но таковы были слѣдствія направленія даннаго ума въ предшествовавшее царствованіе, что они не только не чуждались общества Русскихъ, но сами искали его, были ласковы до униженія, чтобы не сказать до подлости, и даже, какъ умѣли, старались говорить по-русски. О Екатеринѣ говорили съ почетомъ и съ восторгомъ о ея сынѣ, называя его своимъ благодѣтелемъ... Они его дѣйствительно любили; странное однакоже дѣло: они при немъ не смѣли питать тѣхъ надеждъ, кои съ такою силою обнаруживали при его преемникѣ...

Немного времени спустя послѣ коронаціи императора Павла, начались у насъ въ Кіевѣ потѣхи и празднества. Начальники губерній, сбросивъ трауръ, заботились объ увеселеніяхъ. Въ одной изъ крытыхъ аллей прекраснаго дворцоваго сада настлали гладкій полъ и надъ нимъ изъ двухъ или трехъ палатокъ сдѣлали наметъ; въ сей открытой галереѣ новаго рода, ярко освѣщенной, танцовали два раза въ недѣлю; право входа имѣли въ нее всѣ безъ исключенія, начиная отъ высшихъ классовъ до порядочно одѣтыхъ людей. Сверхъ того, всякую недѣлю былъ балъ у военнаго губернатора графа Салтыкова: онъ жилъ тогда въ построенномъ давно, но дотолѣ никѣмъ не обитаемомъ, обширномъ деревянномъ домѣ графа Разумовскаго, который, такъ-сказать, висѣлъ надъ стремниной, и изъ коего были чудесные виды за Днѣпръ. Домъ сей казался волшебнымъ, когда въ лѣтнюю, темную ночь полуденнаго края, онъ блисталъ огнями; сверхъ того, въ царскіе дни были маленькіе фейерверки, иллюминаціи, и иногда спускались небольшіе воздушные шары.....

Тутъ въ первый разъ увидѣли мы привлекательныхъ

Полекъ; они отличались не столько еще красотой и любезностію ума, сколько ловкостію и смѣлостію. Ихъ самонадѣянность, ихъ ласковое, веселое, и вмѣстѣ съ тѣмъ нѣсколько насмѣшливое обхожденіе приводило въ смятеніе нашихъ добрыхъ барынь и барышень; отъ разговоровъ ихъ онѣ часто должны были краснѣть. Что касается до меня, то мнѣ казалось, что я въ первый разъ вижу женщинъ; онѣ къ намъ въ домъ очень часто начали ѣздить; я не зналъ кого предпочесть, которую изъ двухъ Залѣсскихъ, панью ли Гурковскую, или Росцишевскую, или Пупертову? Наше кievское общество составляло одно семейство, и взрослые, и молодыя дѣвѣцы, какъ будто видя во мнѣ маленькаго брата, обходились со мною какъ съ мальчикомъ. А эти милыя Польки, онѣ шутили, рѣзвились со мною, щипали меня, и даже съ ребенкомъ не забывали кокетствовать.

Между сими Польками, были тогда двѣ старухи, довольно замѣчательныя. Одна изъ нихъ была вдовствующая княгиня Яблоновская, урожденная княжна Корибутъ Воронежская, женщина лѣтъ шестидесяти, довольно добрая, не надменная, но тщеславная, не столько глупая, сколько помѣшанная. Двѣ знатныя фамиліи, къ которымъ она принадлежала, были въ родствѣ съ Чарторыйскими и Радзивилами, кои какъ извѣстно, породнились съ домами прусскимъ и виртембергскимъ; она была въ свойствѣ съ Понятовскимъ, который сидѣлъ на польскомъ тронѣ, и съ Понинскими, изъ коихъ одна была за курляндскимъ герцогомъ. Все это вскружило голову ея покойному супругу, онъ возмечталъ, что самъ онъ царь, и промотался на милостяхъ къ своимъ подданнымъ. Поврежденіе ума его привидось и къ ней; въ небольшомъ помѣстьѣ Стебловѣ, какъ-то уцѣлѣвшемъ, въ ветхомъ, не весьма обширномъ домѣ, который величала она замкомъ и паладомъ, сидѣла она, окруженная портретами родственниковъ своихъ, императоровъ и королей; дворню свою называла дворомъ, имѣла нѣсколько голодныхъ фрейлинь, паповъ служонцевъ, а изъ мелкой, дробной шляхты ей не трудно было набрать маршалковъ и шталмейстеровъ: когда же посѣщала сосѣдей, то два казака съ пиками, должны были всегда передъ ней ѣхать верхомъ *. Визитныя ея карточки были огромныя панкарты,

* Сей обычай соблюдается и понынѣ между польскими помѣщиками въ Украйнѣ. Его бы слѣдовало строго отмѣнить, ибо онъ напоминаетъ

на которыхъ былъ напечатанъ весь ея титулъ, кастелянша такая-то и такая-то, кавалерша австрійскаго ордена звѣзднаго креста (*dame de la croix étoilée*) и владѣтельница города Стеблова. Впрочемъ, она была очень тиха и благосклонна, особливо когда ей говорили о знаменитыхъ ея связяхъ и тѣшили титуломъ свѣтлости. Такія затѣи и такихъ чудаковъ случалось мнѣ послѣ видѣть и внутри Россіи.

Оригинальность другой старухи, также княгини, была иного рода. Богъ знаетъ какимъ образомъ, однофамильцы или родственники несчастнаго царя Василія Ивановича Шуйскаго остались въ Польшѣ и вступили въ ея подданство: можетъ-быть кто-нибудь и присвоилъ себѣ самовольно сіе униженное имя, никѣмъ не оспариваемое, судьбою гонимое. Какъ бы то ни было, но послѣдній, который носилъ его, жилъ въ помѣстьѣ своемъ Ясногородкѣ, въ бывшемъ Киевскомъ воеводствѣ. Вдова его слыла нѣкогда красавицей; жила долго и никогда этого не могла забыть. Не знаю какихъ лѣтъ была она, когда мы ее увидѣли, но на взглядъ ей казалось болѣе семидесяти. Какъ бы описать ее? Это былъ вѣчный розами изсохшій трупъ, въ которомъ, однакоже, замѣтны еще были признаки жизни; сухощавая, сгорбленная, вся дрожащая старушка, одѣтая, какъ шестнадцатилѣтняя дѣвочка, предметъ ужаса, состраданія и смѣха. Румяны и бѣлыи съ нея сыпались, но она была мрачна, угрюма и въ падшихъ очахъ ея неподвижные взоры горѣли какимъ-то страшнымъ жаромъ. Любовь оспаривала у смерти сію жертву, но торжество послѣдней казалось весьма близкимъ. Любопытно было видѣть этотъ мосоль подлѣ жирной Шардонши; обѣ съ удовольствіемъ говорили объ любви, но для послѣдней была она только веселымъ воспоминаніемъ, а для первой серіознымъ, всеневнымъ упражненіемъ; и не удивительно: у одной было тощество, у другой былъ тощій карманъ. Три или четыре Поляка, красивые атлеты, записные обожатели княгини Шуйской, безъ стыда и ревности всюду ее сопровождали; надобно признаться, что въ семъ случаѣ наши Русскіе уступали въ храбрости Полякамъ: ни одинъ изъ нихъ не дерзнулъ вступить въ ея свиту.

У нея было двѣ дочери, изъ коихъ старшая была прекрасна

давно уже не существующее, польское тиранское владычество надъ храбрыми народами русскаго племени.

собою, а меньшая весьма не дурна. Въ сію послѣднюю влюбился старшій братъ мой, и дѣло шло на ладъ, но онъ былъ еще слишкомъ молодъ, да и мать моя, которая въ обществѣ любила видѣть Полекъ, всегда страшилась видѣть ихъ своими невѣстками. Однакоже дурной примѣръ и дурное воспитаніе видно не подѣйствовали на этихъ княженъ: обѣ, какъ говорятъ, въ послѣдствіи подавали собою примѣръ цѣломудрія и кротости.

Изъ русскихъ домовъ, ни въ одномъ столько Поляковъ не собиралось какъ у насъ; учтивость и образованность хозяйина, врожденная любезность и умное добродушіе хозяйки, мѣсто, которое отецъ мой занималъ и что-то гостепріимное, которымъ все у насъ дышало, привлекали ихъ къ намъ. Я часто видѣлъ настоящихъ или такъ-называемыхъ графовъ, Чацкаго, Ржевускаго, Грохольскаго, Дульскаго, Олизара, и многихъ другихъ, людей отмѣнно вѣжливыхъ, хорошаго тона, остатки лучшаго варшавскаго общества. Нужно ли повторять здѣсь, что въ нихъ не было замѣтно и тѣни недоброжелательства къ Россіи; отечество за отечество, они предпочитали ее Австріи и Пруссіи, гдѣ ихъ обирали и гнули въ дугу.

Я не могу воздержаться, чтобы не сказать здѣсь нѣсколько словъ о Полякахъ вообще, тѣмъ болѣе что мнѣ не скоро придется опять говорить объ нихъ.

При описаніи событій настоящаго времени, я долженъ буду представить ихъ, какъ народъ совсѣмъ другой, ибо разныя происшествія, для нихъ благоприятныя, или пагубныя, которыя въ продолженіи сорока лѣтъ имѣли вліяніе на судьбу ихъ, во многомъ измѣнили ихъ характеръ. Итакъ я позволю себѣ теперь объяснить мысли мои о прежнихъ Полякахъ.

Славянскія племена, основавшіяся на сѣверо-востокахъ Европы, въ странахъ почти неизвѣстныхъ, въ девятомъ и десятомъ столѣтіяхъ, слились въ одинъ могущественный народъ, который назвался Русскимъ. Другія племена Славянскія, подвигавшіяся на западъ, раздробились на мелкія княжества; иныя изъ нихъ втѣснились въ самое сердце Германіи, но встрѣтившись съ силою оружія Карла Великаго, а потомъ императора Оттона, не только были побѣждены, но и вошли въ составъ народовъ германскихъ. Между сими западными и сѣверо-восточными Славянами, образовалось не

весьма обширное государство и отъ тѣхъ и отъ другихъ начало отдѣльно существовать. Поляки несмотря на слабость силъ своихъ, какъ всѣ единоплеменные имъ народы, властолюбивые, храбрые, даже дерзкіе, не хотѣли признать передъ собою первенства безконечной, бездонной Россіи и не утрашили вступить въ опасное для нихъ соперничество. Рѣдко побѣдители, часто, весьма часто побѣждаемые, они избѣгнули завоеванія, благодаря кровавымъ междуусобіямъ князей, слѣдствіямъ пагубной удѣльной системы, но еще болѣе они симъ были обязаны для самихъ Русскихъ непонятному, тайному влеченію на Югъ, куда стремились они за славою, за золотомъ, и гдѣ обрѣли они лучшее сокровище, сохранившій ихъ въ бѣдствіяхъ спасительный свѣтъ христіанской вѣры.

Симъ свѣтомъ озарились Русскіе и Поляки, почти въ одно и тоже время: но первые приняли греко-восточную вѣру, послѣдніе латинскую. Несогласія двухъ церквей умножили несогласія двухъ народовъ, они приняли направленія совѣтъъ противоположныя, и препятствія къ ихъ соединенію сдѣлались неодолимы. Когда внезапно гнѣвъ Божій наложилъ на Русскій народъ ярмо татарское, тогда Польша начала добровольно налагать на себя иго западныхъ народовъ: сосѣдство съ Нѣмцами, зависимость отъ папы, а болѣе всего прельщенія Франціи развратили нравы ея жителей, испортили ихъ языкъ и породили безчисленные беспорядки, коихъ она не преставала быть жертвою.

Посреди двухвѣковыхъ жестокихъ испытаній, Русскіе сохранили нравы и обычаи предковъ, утвердились въ любви къ отечеству, научились терпѣнію, не переставали презирать хищныхъ своихъ властителей, гнушаться ихъ вѣрою и, какъ драгоценный металлъ, вышли чисты изъ горнила, плѣна монгольскаго. А бѣдная Польша! Все болѣе и болѣе предавалась обычаямъ Запада, принимала къ себѣ феодальныя, готическія учрежденія, совѣтъъ не сродныя славянскимъ племенамъ, сначала лишилась Силезіи, а потомъ нѣмецкій орденъ отрѣзалъ ее отъ моря: скоро, подобно Богеміи, превратилась бы она въ нѣмецкое курфиршество, и существованіе ея, какъ независимаго государства, должно было прекратиться. Но брачный союзъ католички Ядвиги съ язычникомъ Ягелло перемѣнилъ судьбу ея, и варвары Литовцы дали ей новую жизнь, новыя силы.

Симъ возрожденіемъ воспользовался одинъ только духовный Римъ; въ послѣдствіи оно сдѣлалось вредно для Россіи, а для Польши было бесполезно. Правда, распространивъ въ Литвѣ римско-католическую вѣру, она взяла въ ней перевѣсъ, начала въ ней преобладать и, такъ сказать, всосала ее наконецъ въ себя со всѣми ея обширными, блестящими завоеваніями. Но что значитъ распространеніе предѣловъ государства, когда въ немъ теряется духъ народности? Бѣдная Польша! Изгнанные отъсюду Жиды стеклись въ нее и обратили ее въ помойную яму Европы, стали между господами и ихъ вассалами, первымъ облегчили средства къ полученію и умноженію доходовъ, и тѣмъ умножили склонность къ расточительности, послѣднихъ изнурили до невозможности поборамъ; развращали и разоряли тѣхъ и другихъ. Бравши все на откупъ, они вездѣ истребили вкусъ къ домашнему и сельскому хозяйству. Высшіе классы предались отъ того праздности, а бѣдный простой народъ доведенъ ими до безнадежности, до безчувственности, до истуканства, почти до состоянія скотовъ.

Потомъ начали на польскомъ тронѣ являться французенки *: ихъ вліяніе на судьбу Польши было самое пагубное. Они взялись образовать въ ней прекрасный полъ и совершенно въ томъ успѣли. Жены и дѣвы Славянскія славились дотолѣ своею непорочностію, набожностію, трогательною покорностію ко власти родителей и супружеской: отъ сего тяжкаго ига избавили ихъ Французенки: онѣ сдѣлали болѣе, онѣ научили ихъ распалать страсти въ мущинахъ, возбуждать въ нихъ и месть, и злобу, однимъ словомъ, научили ихъ надъ ними властвовать. Сдѣлавшись честолюбивыми, алчными, ничѣмъ не удерживаемыя, ни страхомъ Божиимъ, ни законами человѣческими, могли ли Польшки не забыть обязанностей супругъ и матерей? Бракъ, ими безпрестанно разрываемый, потерялъ всю святость свою и обратился въ законное наложничество, онѣ сами превратились въ очаровательныхъ Цирцей; какая-то волшебная сила заступила въ нихъ мѣсто силы небесной, коею прежде они были одарены, и тогда-то въ

---

* Марія де-Гонзагъ де-Неверъ была замужемъ за послѣднимъ Владиславомъ, и потомъ вышла за роднаго брата его, къ тому же кардинала, Яна Казимира, который отрекся отъ духовнаго званія и сдѣлался королемъ. Дѣвица д'Аркіеъ была женою Іоанна Собѣскаго. Въ числѣ польскихъ королей не надобно забывать и женоподобнаго Генриха Валуа.

Польшѣ, говоря словами незабвеннаго, вѣчно милаго поэта нашего, прекрасный полъ:

. . . . Утратилъ навсегда
Стройность робкую движеній,
Прелесть явги и стыда.

Но что же дѣлали тогда мужчины? Какими глазами смотрѣли они на сей ужасный переворотъ? ихъ также Француженки увѣрили, что ревность постыдный порокъ, свойственный однимъ только варварамъ; что въ просвѣщенныхъ земляхъ женщины должны быть свободны какъ воздухъ, какъ солнечный свѣтъ, что ими составляются, поддерживаются и украшаются общества, что малѣйшая прихоть ихъ должна быть закономъ для мужчинъ и что сіи послѣдніе одними угожденіями могутъ имъ быть любезны. Вотъ наши Поляки принялись по-своему рыцарствовать, пить венгерское вино изъ женскихъ башмаковъ и отечество свое обратили въ царство женщинъ и пародію Франціи.

Къ умноженію золь и безпорядковъ, нагрянули іезуиты и съ извѣстною ихъ хитростію овладѣли умами. На праздность, расточительность, тщеславіе, легкомысліе Поляковъ смотрѣли они снисходительнымъ окомъ; ничего отъ нихъ не требовали, кромѣ слѣпаго повиновенія римской власти; главный догматъ ихъ, что нѣтъ преступленія, которое бы не могло быть отпущено католику, и нѣтъ добродѣтельной жизни, которая бы могла спасти еретика, сдѣлали богатыхъ Поляковъ совершенно необузданными. Я не хочу входить въ разсмотрѣніе чудовищнаго образованія Польши, королевства и республики въ одно время, и многихъ другихъ разрушительныхъ причинъ, во скажу только, могло ли ожидать славной будущности государство, коимъ управляли женщины, іезуиты и Жиды, то-есть, страсти, обманъ и корысть? Горьки были для Польши плоды европейскаго образованія!

Когда всё язвы сіи не глубоко еще проникли въ цѣлый составъ Польши, она встрѣтилась опять съ сестрой своею, со-сѣдкой, соперницей. Но она предстала ей не въ прежнемъ уже видѣ малолюднаго княжества, хранимаго только одною отвагою своихъ жителей; она явилась ей могучею, грозною, обогащенною ея же безчисленными потерями.

Поюнѣвшая же, изъ пепла, какъ фениксъ, возникшая Россія была также сильна своею новою молодостію и въ то же время опытомъ, плодомъ двухъ-вѣковыхъ протекшихъ бѣд-

ствій; была сильна единовластіемъ царей, единомысліемъ народа. На ней еще видны были слѣды тяжкихъ оковъ, которыя недавно она сбросила и истоптала, но самый видъ заживающихъ ранъ, самое воспоминаніе о Татарахъ, еще болѣе воспламеняли ее противъ Литвы, ибо имя Польши было ею уже давно забыто.

Началась семейная распря, народная еивацда, упорная, лютая борьба, изрѣдка прерываемая перемиріями. Въ семь кровавомъ процессѣ, одинъ Богъ былъ судьей, Европа въ наши дѣла не мѣшалась, и сей Высшій Судія постоянно, многократно рѣшалъ въ пользу варварства противъ полупросвѣщенія. Нынѣ, послѣ троекратнаго, въ глазахъ нашихъ совершившагося покоренія, Поляки подають на аппеляцію въ Парижъ; о какъ жалки они! Судей, коихъ участь мы недавно сами рѣшили, мы не должны страшиться.

Но прежде чѣмъ Польша перестала существовать, увы что случилось съ самой Россіей! Высшіе слои общества потеряли въ ней совершенно народную физіономію. Сначала противъ воли, потомъ все болѣе и болѣе увлекаемые, мы наконецъ съ остервенѣніемъ устремились на Западъ, будто бы за познаніями, а въ самомъ дѣлѣ за всѣми утонченностями роскоши и порока.... Насъ потащили на сей опасный путь, и въ ослѣпленіи своемъ, часто требуютъ отъ насъ невозможнаго, любви къ отчизнѣ вмѣстѣ съ пристрастіемъ къ иноземному и такимъ образомъ ставятъ себя въ безпрестанное съ собою противорѣчіе. Насъ ни мало не ужасаетъ примѣръ Польши; милосердное къ намъ Небо между Европой и Россіей поставило ее какъ строгій спасительный урокъ; но мы не внемлемъ ему, и горе намъ! Позволено ли будетъ, говоря о столь важномъ предметѣ, сдѣлать сравненіе не совсемъ важности его приличное? Мнѣ все кажется, что судьба поступаетъ съ нами и съ Поляками какъ иной господинъ, который во устрашеніе барскаго сына своего, безъ милосердія наказываетъ холопскаго мальчика: судьба сѣкла и сѣчетъ еще Польшу, а барченокъ Россія на то глядитъ, и все шалить, все проказничаетъ и если не уймется, то рано или поздно сломить себѣ шею.

Коль скоро дѣло коснется до Польши и до русскаго европанизма, то кровь бросается мнѣ въ голову, мысли во множествѣ начинаютъ въ ней тѣсниться, и я дѣлаюсь плодовитъ, хотъ и десятой доли ихъ не въ состояніи выразить. Такимъ образомъ, желая изобразить характеръ Поляковъ, я

заговорился о политическомъ состояніи прежней Польши, но имъ же и можно объяснить пороки, въ коихъ обвиняютъ ея жителей. Ни одно государство въ мірѣ не имѣло столь бурной жизни: славянская природа въ немъ спорила съ европейскими навыками, западная церковь съ восточною; въ немъ можно было найти все что вольность имѣетъ унижительно; все это приучило Поляковъ къ сильнымъ ощущеніямъ, и все являлось въ нихъ въ преувеличенномъ видѣ, и гордость и униженіе. Мужикъ, который попадалъ въ шляхтичи, почиталъ высокоомѣрие обязанностію своего новаго званія, и въ то же время, по старой привычкѣ, не переставалъ падать до ногъ, и цѣловать репки пански у тѣхъ коихъ считалъ выше себя. За то мы называемъ ихъ спѣсивыми подлецами: кто гордъ и подлъ, тотъ обыкновенно бываетъ трусъ, а можно ли этимъ упрекнуть Поляковъ? Изъ множества словъ латинскихъ, вкравшихся въ польскій языкъ, ни одно такъ не ласкаетъ слуха ихъ, какъ гоноръ. Впрочемъ, падомъ до ногъ въ разговорѣ то же самое, что покорнѣйшій слуга въ письмѣ,— одна учтивость. Весьма безтолково называемъ ихъ также безмозглыми: когда страсти не заглушали разсудокъ? Еслибъ отъ сильнаго ихъ волненія онъ и помрачился у Поляковъ, то у нихъ всегда сохранится необыкновенная живость ума и воображенія. Въ вѣкъ философіи и либерализма, всѣми обманутые, всѣми обиженные, раздѣленные и перераздѣляемые своими и чужими, то возносимые до чрезмѣрности незаслуженными похвалами, то унижаемые столь же незаслуженнымъ презрѣніемъ, всѣ понятія ихъ о ихъ правахъ и обязанностяхъ, о настоящей ихъ пользѣ, о истинномъ патриотизмѣ смѣшались и перепутались....

Я не думалъ быть защитникомъ Поляковъ, тѣмъ болѣе что имѣю много причинъ негодовать на нихъ, но я люблю истину и вспомнилъ Поляковъ моей молодости. Вѣковая ихъ вражда тогда погасла въ изумленіи предъ побѣдившимъ ихъ дивнымъ геніемъ Екатерины; ея народъ раздѣлилъ съ нею невольное ихъ уваженіе; но когда потомъ увидѣли они своихъ завоевателей на колѣняхъ въ грязи передъ тѣми, коихъ почитали своими друзьями и наставниками, то удивленіе прошло, и прежде чѣмъ они стали насъ вновь ненавидѣть, уже научились они насъ презирать.

Итакъ въ царствованіи Павла Поляки еще не смѣли ничего затѣввать; напротивъ, они старались привыкать къ своему

новому положенію и въ томъ совершенно успѣвали. Общее горе, общія опасенія сблизили всѣхъ, даже личныхъ непріятелей. Въ западныхъ губерніяхъ императоръ продолжалъ во множествѣ раздавать деревни русскимъ генераламъ и министрамъ, губернаторскія и другія мѣста въ нихъ попрежнему наполнялись одними Русскими; если въ Киевѣ увеличилось число Поляковъ, за то и Русскіе безпрестанно размножались въ другихъ городахъ вновь пріобрѣтеннаго края. По крайней мѣрѣ съ этой стороны твореніе Екатерины еще не начинало разрушаться, ея духомъ еще исполнена была Россія, и государственныя лица, совѣтники царскіе въ дѣлахъ политическихъ, все еще шли путемъ, ею начертаннымъ.

XII.

На преобразование войска было обращено главнѣйшее вниманіе императора. Подобно отцу, онъ былъ страстенъ къ фронту и всегда восхищался порядкомъ и устройствомъ, кои видѣлъ въ прусской арміи. Въ послѣднее время Екатерины дисциплина дѣйствительно нѣсколько ослабѣла въ нашемъ войскѣ, но ее можно было возстановить менѣ крутыми средствами.....

Названія армій, корпусовъ и бригадъ не существовали первые два года при Павлѣ Первомъ. Была одна только армія безъ главнокомандующаго, раздѣленная на двѣнадцать дивизій, и каждая изъ нихъ имѣла по два инспектора, одного по пѣхотѣ и артиллеріи, а другаго—по кавалеріи. Такимъ образомъ генералы остались бы безъ занятія, еслибы каждому изъ нихъ не дано было по полку съ названіемъ шефа. Все это я очень помню, ибо жилъ тогда въ крѣпости и мечталъ только о военной службѣ.

Изъ инвалидовъ, болѣе чѣмъ гарнизонныхъ, кіевскихъ батальоновъ, велѣно вдругъ составить гарнизонный полкъ, совсѣмъ на полевой ногѣ. Всѣ старые изувѣченные солдаты отосланы въ инвалидныя команды и замѣнены новонабранными рекрутами. Отецъ мой, который былъ шефомъ этого полка и который долженъ былъ отвыкнуть отъ фронтовой службы, но который вѣкогда былъ кадетскимъ офицеромъ

Петра III, вспомнилъ молодость и дѣлалъ чудеса. Несмотря даже на недостатокъ въ хорошихъ офицерахъ, черезъ три мѣсяца полкъ его ни въ чемъ не уступалъ лучшимъ старымъ линейнымъ полкамъ. Это было доведено до свѣдѣнія императора, и онъ не замедлилъ наградить его чиномъ генерал-лейтенанта, который, впрочемъ, ему слѣдовалъ и по старшинству.

Чтобъ удостовѣриться въ успѣхахъ предпринятаго имъ военнаго преобразованія, сверхъ инспекторовъ, находившихся при каждой дивизіи, Павелъ первый разсылалъ еще инспектовать полки такъ-называемыхъ гатчинскихъ офицеровъ, пережалованныхъ имъ въ генералы и полковники. Это были по большей части люди грубые, совсѣмъ необразованные....

Войска, въ Кіевской губерніи расположенныя, были счастливѣе другихъ. Узнали, что пріѣхалъ изъ Петербурга генералъ-адъютантъ Баратынскій *, о которомъ дотоле не слыхивали: всѣ вздрогнули, всѣ ожидали видѣть людоѣда; тѣмъ пріятнѣе всѣ были изумлены, когда узнали сего почтеннаго, тогда еще довольно молодаго челоуѣка, благонамѣреннаго, ласковаго, съ столь же пріятными формами лица, какъ и обхожденія. Казалось, что онъ пріѣхалъ не столько осматривать полки, сколько учить ихъ по новому уставу, и онъ дѣлалъ сіе съ чрезвычайнымъ усердіемъ, съ неимовѣрнымъ терпѣніемъ, какъ будто обязанный наравнѣ съ ихъ начальниками отвѣчать за ихъ исправность. Онъ охотно разговаривалъ о своемъ государѣ и благодѣтелѣ, увѣряя всѣхъ въ извѣстной ему добротѣ его сердца.....

Мѣсяца черезъ три пріѣхалъ инспекторъ, другой Гатчинецъ, молодой измайловскій полковникъ Малютинъ: новый страхъ, новое успокоеніе. Этотъ Малютинъ былъ добрый малый, гуляка, великій другъ роскоши и всякихъ увеселеній, который имѣлъ особенное искусство придавать щеголеватость даже безобразному, тогдашнему военному костюму. Но это въ немъ было не главное: въ фронтовомъ дѣлѣ былъ онъ величайшій мастеръ; за то все ему прощалось, даже страсть его къ щегольству.....

Въ числѣ полковъ, коимъ въ Кіевѣ Малютинъ дѣлалъ

---

* Отецъ извѣстнаго поэта Баратынскаго. Онъ недолго оставался въ милости; вскорѣ узнали въ Кіевѣ съ прискорбіемъ, что онъ отставленъ отъ службы и едва ли не соидеть въ деревню.

смотръ, былъ также и Кіевскій гренадерскій. Его шефомъ былъ тогда знаменитый графъ Ферзенъ, побѣдитель Косцюшки, Нѣмецъ, какихъ давай Богъ болѣе Русскихъ. Онъ не скрывалъ сколь тяжко ему *покинуть лавровой главой* почти передъ мальчикомъ; очень умно и вѣжливо сказалъ онъ это ему самому, но Малютинъ не былъ видно потомокъ Малюты Скуратова, а если и былъ, то не походилъ на своего предка, ибо съ благоговѣніемъ и стыдомъ принялъ рапортъ отъ Ферзена.

Послѣ такого героя, отцу моему уже не стыдно было представить новый полкъ свой на смотръ г. Малютину. Мнѣ въ первый разъ случилось тутъ увидѣть покойнаго отца передъ фронтомъ: я не могъ имъ налюбоваться. Ему было тогда около шестидесяти лѣтъ, но всѣмъ кто тутъ былъ показался онъ двадцатью годами моложе. Самъ Малютинъ удостоилъ его величайшихъ похвалъ.

Мимоходомъ сказалъ я нѣсколько словъ о графѣ Ферзенѣ; я никакъ не могу симъ ограничиться, ибо сей человекъ, ко-его именемъ украшаются наши военныя лѣтописи, былъ частымъ посѣтителемъ нашего дома, и мнѣ не рѣдко удавалось слышать любопытный его разговоръ. Онъ былъ щедеушень, роста не большаго, имѣлъ носъ длинный, щеки впалыя, лицо блѣдное; голосъ его былъ тихъ, и наружность всегда спокойна, даже тогда какъ говорилъ онъ съ жаромъ, только одни глаза его разгорались огнемъ ума и чувства. Воинъ Екатерины, онъ, подобно ей, всѣми силами пламенной души своей, прилѣпился къ нашему великому отечеству и служилъ ему не какъ наемникъ, а какъ преданнѣйшій сынъ. Германія сдѣлалась ему вовсе чуждою; несправедливость ея сыновъ противъ народа, его благороднымъ сердцемъ избраннаго, противъ земли, подательницы побѣдъ и славы, его жестоко оскорбляла. Когда соотечественники его сдѣлались образцами для нашего войска, онъ не скрывалъ намѣренія оставить службу, прибавляя, что если возгорится у насъ война съ Пруссіей, либо съ Австріей, то онъ опять готовъ вступить въ нее, хотя бы простымъ рядовымъ.

Домашнія несогласія давно разлучили его съ женой, и единственнаго сына своего онъ видѣлъ только въ колыбели. Этотъ сынъ, молоденькій мальчикъ, вызванный имъ изъ Лифляндіи, къ горю его, пріѣхалъ въ Кіевъ. „Посудите“, говорилъ Ферзенъ отцу моему, „каково мнѣ глядѣть на него? и глупъ, и

ни слова не знает по-русски.⁴ А между тѣмъ ни одинъ портретъ, ни одна статуя не могли быть такъ схожи съ полинникомъ какъ отецъ съ сыномъ; послѣдній былъ совершенно старикъ Ферзенъ, помолодѣвшій и не одушевленный.

Примѣчательно, что при Екатеринѣ всѣ Нѣмцы, служившіе въ нашей арміи, дѣлались наконецъ Русскими. Взаимная ихъ ненависть съ нами, возбужденная при Аннѣ Иоанновнѣ, не совсѣмъ потухла еще при Елисаветѣ Петровнѣ и на минуту опять было пробудилась при Петрѣ III, но искусствомъ Екатерины совершенно погашена. При ней одинъ нѣмецкій генераль обрѣкъ себя на вѣрную гибель, чтобы цѣною ея купить для Россіи побѣду, которую онъ не долженъ былъ раздѣлять: Вейсманъ былъ Русскимъ Леонидомъ, какъ образовавшійся при ней Барклай былъ послѣ русскимъ Эпаминондомъ. Нельзя винить Нѣмцевъ, если въ послѣдующія царствованія они начали отдѣляться отъ насъ, составлять между собою какое-то братство и обратились наконецъ въ status in statu. Безпрестанно оказываемое предпочтеніе ливонскому дворянству передъ коренными жителями Россіи должно было возгордить его и озлобить послѣднихъ.....

Мнѣ необходимо говорить теперь о вельможѣ, въ 1797 году начальствовавшемъ въ Кіевѣ; его пребываніе въ семь городѣ имѣло большое вліяніе на судьбу нѣкоторыхъ членовъ моего семейства и на мою собственную. Въ предыдущей главѣ, кажется, упомянулъ уже я о графѣ Иванѣ Петровичѣ Салтыковѣ. Въ немъ можно было видѣть типъ стариннаго барства, но уже привыкшаго къ европейскому образу жизни; онъ любилъ жить не столько прихотливо какъ широко, имѣлъ многочисленную, но хорошо одѣтую прислугу, дорогіе экипажи; красивыхъ лошадей, блестящую сбрую: если не всякій, то по крайней мѣрѣ весьма многіе имѣли право ежедневно садиться за его обильный и вкусный столъ. Въ обхожденіи его, весьма простомъ, былъ всегда замѣтенъ навыкъ первенства и начальства; вообще онъ былъ ума не высокаго, однакоже не безъ способностей и сметливости, онъ не чуждъ былъ даже хитрости, но она въ немъ такъ перемѣшана была съ добродушіемъ, что его же за то хвалили; какъ воинъ, онъ болѣе былъ извѣстенъ храбростію, чѣмъ искусствомъ.

Семейство его находилось въ Петербургѣ. Кто въ званіи генераль-губернатора не любитъ одиночества, тотъ чувство-

вать его не будетъ: къ графу Салтыкову каждый вечеръ собирались на бостонъ, иногда даже и дамы. Но для перемѣны любилъ онъ разъ или два въ недѣлю проводить вечера у насъ, и обыкновенно въ сопровожденіи Алексѣева, любимѣйшаго изъ своихъ адъютантовъ.

Необыкновенная привязанность графа Ивана Петровича къ этому молодому человѣку, носящему прозваніе, которое могъ всякій принять, и котораго, сверхъ того, звали еще Ильей Ивановичемъ, заставляла думать, что онъ его побочный сынъ. Но онъ былъ просто небогатый дворянинъ Московской губерніи, рано лишившійся отца, и по симъ двумъ причинамъ не получивъ никакого образованія, еще въ дѣтствѣ былъ отданъ въ военную службу. Графъ Салтыковъ, который прежде командовалъ конною гвардіей, увидѣлъ у себя на ординарцахъ хорошенькаго, живаго, проворнаго мальчика, у котораго любовь и усердіе къ начальству и службѣ были написаны на лицѣ, велѣлъ чаще его наряжать, полюбилъ его и наконецъ оставилъ при себѣ.

У этого Алексѣева была самая счастливая физіономія, самый счастливый характеръ; я не зналъ почти людей, которые бы его не любили и ни одного, котораго бы онъ не любилъ. Апатія равнодушныхъ людей спасаетъ ихъ отъ враговъ, они обыкновенно ихъ не имѣютъ, но за то не имѣютъ и друзей; Алексѣевъ же былъ исполненъ огня и былъ веселый другъ вселенной. Случалось, иногда онъ вскипитъ, но тотчасъ же и простынетъ; съ нимъ бывали часто минуты гнѣва, но часовъ досады онъ не знавалъ. Его филантропія не была дѣйствиємъ разсудка, слѣдствіємъ правилъ; гдѣ было ему взять ихъ? но горячее, врожденное сердечное чувство, коего притягательная сила дѣйствовала на все его окружающее. Это былъ геній доброты: что дѣлать, если другаго генія въ немъ было?

Умному отцу моему и умной сестрѣ Натальѣ съ самаго начала полюбилось въ немъ что-то такое, что лучше богатства, ума и знатности; прекрасная душа въ стройномъ тѣлѣ, которая отражалась на свѣжѣмъ какъ утро, румяномъ, красивомъ лицѣ. Онъ влюбился въ сестру мою и видно очень страстно, потому что обыкновенно смѣлый, онъ сдѣлался робокъ и долго не рѣшался открыться. Дочери знаютъ только что любить, а матери, забывая, что сами то же дѣлали,

гордясь красотою и достоинствами дочерей, болѣе чѣмъ цѣнили собственныя, всегда бываютъ разборчивы. Наша мать, которая въ цѣлой Россіи не видѣла столь завиднаго жениха, котораго бы, по ея мнѣнію, любимая дочь ея не была достойна, разумѣется, обидѣлась предложеніемъ двадцати-пяти-лѣтняго адъютанта, майора, у котораго всего только было 40 душъ. Но всѣ его любили, всѣ были въ заговорѣ противъ нея, самъ старшій фельдмаршалъ принялся сватать; какъ человѣкъ придворный, не поспешилъ на убѣжденія, на обѣщанія, и она почти противъ воли принуждена была наконецъ дать свое согласіе.

Въ нашемъ семействѣ было одно маленькое существо, которому бракъ сей не нравился еще болѣе чѣмъ матери моей: это былъ я. Свободное обхожденіе съ сестрой моей мужчиною, который наканунѣ еще былъ намъ постороннимъ, мнѣ казалось верхомъ неблагопристойности, которая должна была стыдомъ покрыть сестру и всѣхъ ея родныхъ: я сказалъ уже, что любилъ ее, и въ тайной досадѣ моей было много ревности. Мнѣ трудно было привыкнуть къ мысли, что она перестанетъ носить одно со мною фамильное имя.

Не прошло мѣсяца послѣ сговора, который былъ 14-го октября 1797 года, какъ графъ Салтыковъ получилъ извѣстіе, что онъ переведенъ военнымъ губернаторомъ въ Москву. Сіе извѣстіе, возвыщающее отцу моему разлуку съ дочерью, его опечалило, но матери моей подаде надежду, что скорый отъѣздъ Алексѣева; а потомъ продолжительное отсутствіе, отдалять не совсѣмъ пріятный для нея бракъ, а можетъ-быть и не дадутъ ему состояться. Напрасно: графъ Салтыковъ, который тогда пользовался особою довѣренностію царя и вслѣдствіе ея большими правами, уѣзжая объявилъ, что онъ адъютанта своего оставляетъ въ Кіевѣ на неопредѣленное время.

Итакъ двойное горе: надобно было приготовляться въ одно время и къ свадьбѣ, и къ разлукѣ. Среди сихъ приготовленій, отцу моему пришло на мысль отправить меня съ зятемъ и сестрой, коей попеченіямъ, несмотря на ея молодость, можно было поручить меня съ полною довѣренностію. Около года у меня не было учителя: послѣ отъѣзда г. Мута, старались безуспѣшно приискать кого-нибудь на его мѣсто, и я жилъ въ праздности, пагубной для столь нѣжнаго возраста.

У меня была особливая комната, и при мнѣ находились изъ крѣпостныхъ людей пьяный дядька Быковъ, для присмотра за мною, и шаловливый мальчикъ для прислуги. Первый обыкновенно напивался тайкомъ, только не отъ меня, а я старался скрывать его порокъ, сколько изъ состраданія къ нему, столько изъ опасенія, что заступившій его мѣсто будетъ мнѣ менѣе потворствовать; наконецъ, однакоже, его наказали и прогнали.

Къ счастью, я страстно любилъ читать, и мнѣ открыта была маленькая библіотека отца моего, вся состоявшая изъ нѣмецкихъ книгъ; я зналъ хорошо по-нѣмецки и нѣкоторыя изъ нихъ по нѣскольку разъ перечитывалъ. Болѣе всего любилъ я путешествія, исторію и географію, описанія земель и происшествій; Шрёкка и Бюшинга зналъ я почти наизусть, также и басни Геллерта, хотя не любилъ тогда поэзію; но за то какой же Геллертъ поэтъ?—Въ такомъ положеніи мнѣ оставаться было невозможно; что бѣ изъ меня вышло? Дѣло рѣшено, чтобы воспользоваться удобнымъ случаемъ и везти меня доучиваться въ Москву.

Послѣ отъѣзда графа Салтыкова, отецъ мой около мѣсяца исправлялъ должность военнаго губернатора, до прибытія вновь назначеннаго въ сію должность генерала Розенберга. Когда новый начальникъ пріѣдетъ въ провинцію, то первое дѣло ея жителей сравнивать его съ предмѣстникомъ: по склонности людей къ перемѣнѣ, сравненія сіи бывають рѣдко въ пользу оставляющихъ мѣста. Сіе, однакоже, случилось въ Кіевѣ, когда увидѣли Розенберга. Какой контрастъ! Старый Нѣмецъ, который столицу видѣлъ только въ первой молодости, который болѣе двадцати лѣтъ жилъ въ забытіи и чѣмъ-то командовалъ, то на Кавказѣ, то въ Крыму, человекъ весьма не богатый, а еще болѣе разчетливый, чтобы не сказать скупой, невзначай, какъ часто бывало въ то время, попалъ по старшинству на мѣсто знатнаго русскаго барина, жившаго пышно, всѣмъ милостиво улыбавашагося. Розенбергъ никогда не улыбался, а былъ, однакоже, весельчакъ, то что Нѣмцы называютъ „брудеръ лустихъ“, и безпрестанно любилъ пошучивать; но извѣстно, что веселость Нѣмца всегда тяжела и несообщительна и веселитъ его только самого. То ли дѣло Французы!

Этотъ г. Розенбергъ былъ великій чудакъ; онъ никогда не

хотѣлъ жениться, а до того любилъ женскій полъ, что дѣвки у него подавали чай и даже, говорятъ, служили за столомъ, что, впрочемъ, въ Кіевѣ бывало не часто, ибо признавъ отца моего земляка, онъ въ домъ у насъ почти поселился и всякій день обѣдалъ. Онъ у себя дома не выпускалъ трубки изо рта, а какъ при дамахъ тогда вѣжливость дѣлать сего не позволяла, то отъ насъ, кажется, ѣздилъ онъ домой только покурить. Въ царскіе дни, всѣ обѣденные столы, долженъ былъ, какъ говорилось тогда, справлять отецъ мой, любезный ландманъ (землякъ): это было гораздо экономнѣе для г. Розенберга. Когда насъ съ сестрой уже не было въ Кіевѣ, пріѣхали туда принцъ Конде съ герцогомъ Ангіенскимъ и со всѣмъ своимъ главнымъ штабомъ и прожили тамъ три дня: показывая отвращеніе отъ Французовъ и извиняясь незнаніемъ французскаго языка, Розенбергъ предоставилъ отцу моему заниматься ими и ихъ угощать*.

Приближались для меня дни радости и дни печали: первое путешествіе и первая разлука съ семействомъ. Что касается до свадьбы сестры моей, то я съ чувствомъ дѣтскаго удовольствія, приготовлялся держать надъ нею вѣнецъ, такъ какъ старшій братъ мой назначенъ былъ въ шаферы къ жениху. Но и въ семъ утѣшеніи мнѣ было отказано; на бѣду мою, въ самый день свадьбы пріѣхалъ средній братъ изъ Петербурга, куда онъ отъ полку былъ посыланъ для наученія кавалерійской службѣ: итакъ я долженъ былъ удовольствоваться послѣднею ролью, то-есть нести только образъ.

Кстати о братьяхъ: я было и позабылъ сказать, что въ послѣдніе мѣсяцы царствованія Екатерины, за какіе-то подвиги при усмиреніи какихъ-то мятежниковъ въ западныхъ губерніяхъ, произвели ихъ въ майоры, тогда какъ у старшаго еще не было и пуху на подбородкѣ. Такъ какъ при Павлѣ нельзя было часто отлучаться отъ полку, а родители наши желали имѣть при себѣ котораго-нибудь изъ сыновей, то и

---

* Страшная была участь генерала Розенберга. До шестидесяти пяти лѣтъ, никогда не оставая военною службою, онъ не видалъ войны. Въ первый разъ увидѣлъ онъ непріятельскій огонь въ италянскую кампанію 1799 года: хладнокровнымъ мужествомъ и знаніемъ военнаго дѣла заставлялъ онъ Суворова жалѣть, что не ранѣе былъ употребленъ.

выпросили они, чтобы старшаго, любимѣйшаго, будто бы по неспособности къ кавалеріи, перевели въ пѣхоту, изъ Нѣжинскаго карабинернаго, тогда уже кирасирскаго, въ Кіевскій гренадерскій полкъ, который тогда квартировалъ въ самомъ Кіевѣ.

Свадьбу сыграли мы 20-го января 1798 года, а въ путь отправились 16-го февраля. Въ слѣдующей главѣ вступаю я въ новый міръ и повлеку въ него за собою читателя, если онъ не остановится, наскучивъ мелочными моими разказами.

XIII.

Есть чувствованія, которыя не только другимъ, но и самому себѣ объяснить весьма трудно. Первый разъ въ жизни покидалъ я все родимое, все мнѣ любезное, священный Кіевъ и благословенное семейство, въ которомъ я родился. Какъ будто нарочно все сдѣлалось передъ отъѣздомъ ко мнѣ ласковѣе, самъ отецъ мой мнѣ началъ улыбаться; даже дворовые люди наши и женщины находили сказать мнѣ что-нибудь необыкновенно-нѣжное. Безпрестанно былъ я въ горестномъ волненіи и слезы нерѣдко навертывались на глазахъ моихъ, но въ то же время, сердце было наполнено неописаннымъ восторгомъ. Какъ часто изъ окошекъ своихъ, любопытнымъ, жаднымъ взоромъ глядѣлъ я на Запднѣпровье, на этотъ густой, темный боръ, для меня заповѣдный, какъ будто заколдованный, который сколько разъ уже то зеленѣлъ, то чернѣлъ въ глазахъ моихъ: никогда еще не ступалъ я въ него ногой; теперь проникну въ глубину его; что говорю я? Онъ только занавѣсь, скрывающая отъ меня незнакомый мнѣ міръ: его увижу я, его узнаю. Голова моя была полна слышанными разказами, про Москву бѣлокаменную, про ея обширность, ея велелѣніе, ея сорокъ сороковъ церквей. Въ семъ расположеніи духа, съ печалію и радостію вмѣстѣ, выѣхалъ я изъ Кіева.

Въ трехъ кубиткахъ быстро мчались мы по свѣжной дорогѣ: единообразіе зимняго пути меня скоро утомило. Фев-

ральское солнце, которое въ Малороссіи грѣеть сильнѣе и свѣтитъ ярче, чѣмъ на сѣверѣ, и снѣгъ, который отъ него блисталъ и таялъ, днемъ еще кое-какъ развеселяли мои мысли; но какъ пришла ночь, я почувствовалъ тоску необычайную. Даромъ что я былъ съ сестрой и зятемъ, и что старшій братъ провожалъ насъ до перваго маленькаго города Козельца, мнѣ вдругъ показалось, что я совсѣмъ осиротѣлъ: сидя одинъ въ кибиткѣ, въ потьмахъ, я не могъ заснуть и заливался слезами. Такъ прошелъ первый день; слѣдующіе были не забавнѣе.

Мнѣ стало еще грустнѣе, когда въѣхавъ въ Орловскую губернію, въ первый разъ увидѣлъ я себя въ черной законченной избѣ, куда спаслись мы отъ метели и гдѣ долженъ былъ я ночевать между телятами и поросятами: избѣженному мальчику, каковымъ былъ я тогда, это показалось верхомъ злополучія.

Въ то время между малороссійскими деревнями и мѣстечками и малороссійскими городами не было замѣтно почти никакой разницы. Въ тѣхъ и въ другихъ встрѣчались, почти одинаковой величины, чистенькія мазанки, съ чистыми окнами, которыя ежемѣсячно бѣлились свнутри и снаружи. Всѣ они между собою, равно какъ и отъ улицы, отдѣлялись садами, коихъ высокія деревья осыпали ихъ кровли, что нѣкоторымъ изъ деревень давало видъ пріятныхъ рощей, въ коихъ бѣлѣлись разсѣянные сельскіе домики. Все показывало, что тутъ живетъ народъ, который столь же мало знакомъ съ роскошью, какъ и съ нищетой; общество, коего члены были всѣ равны между собою и отличались однѣми заслугами, оказанными войску, и почестями, личною храбростію или личными достоинствами пріобрѣтенными. И потому-то образъ жизни помѣщиковъ столь же мало разнился тогда отъ быта крестьянскаго, какъ видъ городовъ отъ наружности селеній.

Но коль скоро переѣдешь за Глуховъ, картина совсѣмъ перемѣняется: бѣдность и нечистота деревенскихъ жилищъ, особенно же въ господскихъ имѣніяхъ, поражаетъ своею противоположностью съ прочностію строеній городскихъ. Когда увидѣлъ я первыя великороссійскія деревни, то полагалъ, что города немного развѣ лучше, и оттого не весьма красивый Сѣвскъ изумилъ меня своими каменными пала-

тами. Вслѣдъ за тѣмъ Орелъ и наконецъ Тула показались мнѣ столицами.

Москва произвела на меня то дѣйствіе, которое обыкновенно производятъ большія столицы на провинціаловъ, никогда ихъ не видавшихъ, старыхъ ли или малыхъ: я былъ еще болѣе огуменъ ея шумомъ чѣмъ удивленъ огромностію ея зданій. По набожности сестры моей, мы отъ заставы отправились прямо къ Воскресенскимъ воротамъ, помолиться Иверской Богоматери; вокругъ часовни, гдѣ поставленъ ея образъ, въ двухъ узкихъ отверстіяхъ, ведущихъ къ Кремлю, безпрестанно кипитъ народъ, ломаются экипажи: во время молебна мнѣ все казалось, что подлѣ насъ идутъ на приступъ.

Квартира, которую дали зятю моему въ казенномъ домѣ, называемомъ Тверскимъ, или Чернышевскимъ, или домомъ главнокомандующаго, была просторна, довольно красива, а мнѣ показалась даже великолѣпна. Мы занимали комнату двѣнадцать въ одномъ изъ загнутыхъ флигелей внутри двора сказаннаго дома: изъ окошекъ были видны только высокія палаты, въ коихъ жилъ начальникъ Москвы и зять моего, и предъ коимъ нашъ флигель казался на колѣняхъ, да еще не весьма обширный дворъ, съ утра до вечера наполненный каретами, въ коихъ прѣзжали не къ намъ съ посѣщеніями, а съ поклоненіемъ къ фельдмаршалу и его женѣ.

Сестрѣ моей нужно было нѣсколько дней, чтобъ обмундироваться по модѣ и приготовиться предстать предъ графиней Салтыковой: обрядъ сей совершился не совсѣмъ къ ея удовольствію. Потомъ пустилась она развозить рекомендабельныя письма, данныя ей отъ родителей, и имѣла причины быть болѣе довольна сдѣланными ей приѣмами. Двѣ статсъ-дамы, фельдмаршальша графиня Каменская и княгиня Долгорукова, жена князя Юрія Владиміровича, предмѣстника графа Салтыкова, не замедлили сами сдѣлать ей визиты и осыпали ласками робкую провинціалку. Обѣ бывали въ Кіевѣ и были очень знакомы съ нашею матерью: первая же одинъ разъ провела въ немъ цѣлоелѣто. Другія дамы, менѣе знатныя, оказали прѣзжей еще болѣе вѣжливости, но графиня Салтыкова не обратила ни малѣйшаго вниманія на бѣдную сестру мою, никогда къ себѣ не приглашала, позволяя развѣ только по временамъ къ себѣ являться: это было совсѣмъ неодобрительно, это было даже безчеловѣчно въ отно-

шеніи къ молодой женщинѣ, которая, по тогдашнимъ понятіямъ, находилась, такъ сказать, при дворѣ ея сіятельства.

Сія графиня, Дарья Петровна Салтыкова, была между тѣмъ женщина чрезвычайно умная и отиѣнно добродушная: наружности своей, отъ природы суровой, старалась она, по примѣру Екатерины, придать нѣкоторую величественность и тѣмъ пугала не коротко ее знавшихъ. Она была, дѣйствительно, самой строгой добродѣтели: примѣромъ и наставленіями старалась внушить она ее дочерямъ, но была, можетъ-быть, слишкомъ снисходительна къ единственному сыну и вообще въ постороннихъ расположена была видѣть одну только хорошую сторону. Будучи дочерью графа Чернышева, болѣе двадцати лѣтъ русскаго посла въ Лондонѣ и Парижѣ, она всю первую молодость провела за границей и оттого не совсѣмъ свободно объяснялась по-русски, тогда какъ французскій языкъ не былъ еще въ столь общемъ употребленіи, какъ нынѣ. Сіе затрудненіе дѣлало ее часто молчаливою съ другими женщинами, но за то она строго соблюдала всѣ формы вѣжливости, всѣмъ безъ изыятія платила визиты, и у себя была внимательною къ каждому, никого не оставляя безъ того, чтобы не сказать нѣсколько словъ.

Отчего же столь почтенная женщина показывала болѣе чѣмъ холодность существу, ничѣмъ ее не оскорбившему, существу, которое имѣло даже нужду въ ея покровительствѣ?... У нея въ домѣ находилась тогда одна Француженка, madame Laurent, ловкая, хитрая, довольно пригожая и не старая, въ качествѣ болѣе собесѣдницы чѣмъ гувернантки при взрослыхъ ея дочеряхъ.... Преувеличенныя похвалы графа Салтыкова красотѣ невѣсты любимаго его адъютанта возбудили мерзкія подозрѣнія въ душѣ Француженки: она поспѣшила сообщить ихъ обманутой графинѣ еще прежде нашего пріѣзда.

Опасенія госпожи Лоранъ должны были исчезнуть, коль скоро она только увидѣла сестру мою; порокъ узнаеть тотчасъ добродѣтель по тайному стыду, который она въ немъ производитъ; но она не вдругъ еще успокоилась. Графъ Салтыковъ поступилъ въ семъ случаѣ благоразумно и деликатно: онъ только одинъ разъ, по пріѣздѣ ихъ, навѣстилъ молодыхъ супруговъ.

Впрочемъ, безразсудныя подозрѣнія не выходили изъ тѣснаго круга, въ которомъ родились, и не долго существо-

вали. Прошелъ мѣсяць или два, и графиня Салтыкова приглашеніями, привѣтами старалась заставить забыть свою первую несправедливость; но оскорбленная сестра моя осталась непреклонна и долго еще чуждалась ея высокаго общества. Для мужа все это было непонятно, онъ дивился своему нравію жены, но не смѣлъ ее упрекать въ томъ.

Мы жили почти въ совершенномъ уединеніи: сестра рѣдко дѣлала и принимала визиты. Шумъ и блескъ были вокругъ стѣнъ нашихъ, а внутри царствовали тишина и молчаніе. Я начиналъ сравнивать настоящее положеніе наше съ прошедшимъ.... тяжело вздохнулъ я; мнѣ казалось, что наша доля самая низкая въ мірѣ. Моральная болѣзнь, врожденная, хотя и не наследственная, которую ни религія, ни разсудокъ, ни опытъ доселѣ совершенно излѣчить не могли, жестокое самолюбіе, источникъ немногихъ для меня наслажденій и безчисленныхъ страданій въ жизни, сія болѣзнь въ первый разъ открылась во мнѣ съ нѣкоторою силою.....

Въ Кіевѣ мечталъ я о Москвѣ; въ Москвѣ только и думалъ что о Кіевѣ: но безъ насъ все уже тамъ перемѣнилось. Въ мартѣ мѣсяцѣ генераль Розенбергъ переведенъ военнымъ губернаторомъ въ Смоленскъ, а на его мѣсто назначенъ графъ Иванъ Васильевичъ Гудовичъ. Сей послѣдній не успѣлъ еще съ Кавказа пріѣхать въ Кіевъ, какъ его перевели въ Каменецкъ-Подольскъ, а на его мѣсто назначили... кто бы могъ ожидать? того самаго князя Дашкова, который жилъ въ Кіевѣ брошенный всѣми. Онъ находился шефомъ какого-то полка, былъ за чѣмъ-то вызванъ въ Петербургъ, и тамъ до того полюбился императору, что вдругъ получилъ ленту, чинъ генераль-лейтенанта и мѣсто кіевского военного губернатора. Трудно объяснить, что побудило князя Дашкова говорить царю объ отцѣ моемъ? Мнѣ пріятно думать, что онъ надѣялся доставить ему новое, высшее назначеніе. Онъ съ видомъ откровенности сказалъ, что ему совѣстно сдѣлаться начальникомъ заслуженнаго человека, который старѣе его въ чинѣ и гораздо старѣе лѣтами.... Отецъ мой былъ уволенъ отъ службы.

Будучи въ отставкѣ, не имѣя болѣе средствъ жить въ прежнемъ изобиліи, отецъ мой желалъ оставить Кіевъ, куда личный его непріятель прибылъ начальникомъ, и отправиться въ Пензу, которую онъ любилъ и куда призывали его хозяйственныя дѣла. Къ несчастію, въ послѣдній годъ своей служ-

бы, онъ увлекся страстію къ строеніямъ и затѣялъ огромный домъ, который надѣялся или выгодно отдавать внаймы или съ прибылью продать: ему необходимо было его окончить...

Въ Москвѣ жилъ я, между тѣмъ, въ совершенной праздности и скукѣ; не имѣлъ знакомыхъ, не имѣлъ книгъ, и нетерпѣливо ожидалъ минуту, когда отдадутъ меня въ какое-нибудь учебное заведеніе. Но зять мой, по своему пекшіюся о моемъ благѣ, полагалъ, что для меня будетъ величайшая честь воспитываться вмѣстѣ съ молодымъ графомъ, сыномъ его начальника: у него шли о томъ негоціаціи и отъ того медлили рѣшить мою участь. Я зналъ о его намѣреніи и трепеталъ отъ ужаса сдѣлаться наперсникомъ московскаго дефина. Въ Кіевѣ естественнымъ образомъ бралъ я верхъ надъ своими маленькими товарищами, въ Москвѣ я ожидать сего не смѣлъ, но все-таки не хотѣлось же находиться въ свитѣ сына, какъ зять мой былъ при особѣ отца: * въ одномъ равенствѣ видѣлъ я свое спасеніе.

Моего мнѣнія не спрашивали, и дѣло было почти полагено. Въ одинъ вечеръ пригласили меня, то есть призвали, къ знатному моему ровеснику. Я чувствовалъ, что иду на смотръ: московское житіе сдѣлало меня робкимъ, застѣнчивымъ, но отчаяніе дало мнѣ силы и я вооружился невѣдомою мнѣ дотолѣ наглостію. Я нашелъ графчика одного: я ожидалъ найдти въ немъ спѣсь, но онъ мнѣ показался въ смущеніи, въ замѣшательствѣ; притворная смѣлость моя его ободрила, мы начали говорить вздоръ и, какъ водится между мальчиками, черезъ нѣсколько минутъ коротко познакомились. Я уже умягчался душой, какъ вдругъ показались мои судьи, сперва мусью Морино, наставникъ графа, за нимъ г. Лоранъ, воспитатель его, и, наконецъ, сама госпожа Лоранъ, супруга послѣдняго. Она была вся разряжена и, благосклонно улыбаясь, сказала мнѣ: „*bon jour, mon petit*“; не имѣя понятія о ея интригахъ, не знаю самъ отъ чего я весь вспыхнулъ и готовъ былъ въ нее вѣрнуться. Съ трехъ сторонъ посыпались на меня вопросы; я прескверно говорилъ по-французски, тутъ

---

* Кажется, съ этихъ поръ началъ я вездѣ и ос. баяно въ службѣ являть слово *при* и *у*, и всегда предпочитать имъ частицу *съ*.

нарочно я коверкалъ языкъ, вралъ и дурачился. Плеча пожимались, уста насмѣшливо улыбались, и все мнѣ показывало, что я успѣлъ въ своемъ намѣреніи. Можетъ-быть я и напрасно приписываю себѣ успѣхъ въ семь дѣлъ; я не имѣлъ довольно ума и искусства, чтобы прикидываться глупымъ, можетъ-быть я показался бы имъ неуклюжимъ и безъ всякихъ усилій; но какъ бы то ни было, я торжествовалъ, чувствуя, что мнѣ забрили затылокъ.

Послѣ того я съ сыномъ графа Салтыкова встрѣчался только изрѣдка въ манежѣ отца его, куда ходилъ я учиться верховой ѣздѣ. Онъ всегда ласково протягивалъ мнѣ руку, говоря съ сожалѣніемъ о невозможности намъ часто видѣться. Онъ былъ прѣблагородный, предобрый малый. не имѣлъ понятія о спѣси. Единственный наслѣдникъ большаго состоянія и знатнаго имени, природою не обиженный, онъ достоинъ былъ лучшаго воспитанія. Лораны были просто интриганы и пройдохи, которые мало заботились о своемъ воспитанникѣ, но имѣли по крайней мѣрѣ свѣтское образованіе; поклонникъ же ихъ Морино, какъ узналъ я послѣ, былъ пошлый дуракъ, совершенный невѣжда, и въ обращеніи настоящій мужикъ. Въ то время стоило лишь быть Французомъ, чтобы заслужить довѣренность знатныхъ родителей.

Я сказалъ выше, что у меня въ Москвѣ не было знакомыхъ, забывъ, что одному нечаянному случаю былъ я обязанъ весьма пріятнымъ знакомствомъ. Мы жили въ приходѣ Космы и Даміана, куда по воскресеньямъ и по праздникамъ ходилъ я слушать обѣдню: однажды я замѣтилъ группу женщинъ, откуда смотрѣли на меня съ московскимъ любопытствомъ, которое тогда было гораздо сильнѣе и выразительнѣе чѣмъ нынѣ. По окончаніи богослуженія, одна изъ сихъ женщинъ, постарѣе другихъ, отдѣлилась отъ группы, подошла ко мнѣ и спросила: „чей ты, голубчикъ?“ Я покраенѣлъ отъ сего вопроса, который мнѣ показался обиднымъ, однакоже назвался. За отвѣтомъ моимъ послѣдовало громкое восклицаніе: „ахъ, Боже мой, какъ я рада; да какъ милъ, какъ хорошъ!“ Потомъ пожилая дама потребовала, чтобъ я слѣдовалъ за нею, прибавляя, что она живетъ въ двухъ шагахъ; я отговаривался тѣмъ, что не смѣю ни къ кому ходить безъ позволенія сестры. „Пустое, пустое, батюшка“, сказала она, „мы ведемъ тебя не въ худое какое мѣсто; пошлемъ слугу“

твоего сказать сестрицѣ, что ты у насъ, и она успокоится.“ Взглянулъ я на нихъ: старыя показались мнѣ такъ добры, молодыя такъ милы, что я пересталъ отговариваться. По узкому переулку пришли мы къ калиткѣ, чрезъ нее вошли въ садъ; потомъ, пройдя дворъ, я очутился въ барскихъ, разукрашенныхъ хоромахъ.

Надобно, однакоже, объяснить причины столь внезапнаго знакомства. Почти за годъ до того, въ июльскій палящій зной, у насъ кто-то смотрѣлъ въ окошко и указалъ матери моей старую, дряхлую женщину, которую два дюжихъ лакея болѣе тащатъ чѣмъ ведутъ подъ руки, а за нею толпу женщинъ въ дорожномъ платьѣ. Изнеможеніе, страданія были на лицѣ старушки: мать моя послала предложить ей карету и просить ее показаться къ себѣ отдохнуть, что приняла она съ благодарностію. Это вышла одна почетная дама, Авдотья Ивановна Талызина, прѣхавшая на богомолье; у нея что-то изломалось, да и лошади рѣшительно отказались взвезти тяжелый экипажъ ея на крутую, сыпучую, Печерскую гору. Ее успокоили, угостили и не прежде отпустили, пока не прискакали хорошей квартиры. Она была чрезвычайно тронута гостепріимствомъ незнакомыхъ ей людей и потомъ, хотя имѣла намѣреніе посѣщать одни только монастыри и церкви, прѣзжала и къ намъ, увѣряя, что въ назидательно-веселой бесѣдѣ матери моей находитъ столько же наслажденій какъ и въ молитвѣ.

Съ нею была одна родственница, Александра Николаевна Полтева, зрѣлая дѣва, которая, оплакивая потерю жениха, рѣшилась посвятить себя иноческой жизни въ Киево-Флоровскомъ монастырѣ; благое намѣреніе, которое сохранила она всю жизнь свою, не проводя его въ исполненіе. Возвращаясь въ Москву, госпожа Талызина поручила ее утѣшеніямъ и попеченіямъ моей матери. Ея-то старшая сестра Анна Николаевна Полтева, замѣтила меня во храмѣ, и узнавъ фамильное имя мое, увлекла съ собою. Она жила у третьей сестры своей, которая была замужемъ за княземъ Петромъ Ивановичемъ Одоевскимъ, братомъ госпожи Талызиной.

Домъ князя Одоевскаго, коего сдѣлался я частымъ посѣтителемъ, не былъ шуменъ, пышенъ, какъ другіе дома богатыхъ въ Москвѣ людей, но онъ былъ, однакоже, вѣрное изо-

браженіе тогдашнихъ нравовъ древней столицы; въ описаніи его вижу и обязанность принятаго мною званія разкащика. Въ одѣяніи, поступи, въ самомъ выраженіи лицъ господскихъ людей виденъ характеръ господина; тамъ, гдѣ безпорядокъ, они лѣнны, неопрятны, оборваны; тамъ, гдѣ ихъ содержатъ въ строгости, они одѣты довольно чисто, вытянуты въ струнку, но торопливы и печальны. Видъ спокойствія, довольство, даже тучность домашней прислуги князя Одоевскаго, почтительно-свободное ея обхожденія съ хозяевами и гостями, вмѣстѣ съ тѣмъ, замѣтный порядокъ и чистота показывали, что онъ отечески управляетъ домою. Дѣйствительно онъ былъ баричъ, который, по достиженіи совершеннолѣтія, долго путешествовалъ за границей, и, возвратясь оттуда, сохранилъ въ домоу своемъ обычай старины, прибавивъ къ нимъ устройство и опрятность, которыя заимствовалъ онъ у европейскихъ народовъ. *

Онъ былъ сухенькій старичокъ, но весьма живой и, какъ говорятъ Французы, еще зеленый. Мнѣ сказали, что онъ отставной полковникъ, а я, признаюсь, сначала принялъ его за отставнаго камергера. Онъ нисколько не походилъ на тѣхъ отважныхъ екатерининскихъ полковниковъ, которыхъ прежде я видѣлъ въ Кіевѣ; несмотря на имя его, я даже не вдругъ повѣрилъ, что онъ Русскій; не знаю, природа ли или искусство дали ему совершенно французскую наружность, хрустальныя ножки и какое-то затрудненіе въ выговорѣ. Но въ домоу его все напоминало русское барство и въ немъ только онъ одинъ былъ аристократъ. Различіе между сими двумя названіями—аристократіей и барствомъ надѣюсь я объяснить въ другомъ мѣстѣ.

Онъ не гнался за почестями: въ это время бригадирскимъ питьемъ или камергерскимъ ключомъ заключалось обыкновенно поприще честолюбивѣйшихъ или тщеславнѣйшихъ изъ Москвичей. Онъ жилъ въ кругу родныхъ и коротко знакомыхъ, довольствовался ихъ любовью и уваженіемъ, наслаждался спокойствіемъ, богатствомъ и воспоминаніемъ молодости, проведенной въ Парижѣ. Тамъ былъ онъ въ концѣ царствованія Лудовика XV и въ качествѣ русскаго принца былъ представленъ ко двору его.

---

* Изъ цѣлой Москвы едва ли не у него только была передняя, въ которой можно было дышать не зараженнымъ воздухомъ.

Большая, набожная княгиня рѣдко выходила изъ внутреннихъ своихъ покоевъ: въ гостиной мѣсто ея занимала молодая дворянка, Анна Васильевна Сабурова, неимущая сирота, не столько ею, сколько мужемъ ея призрѣнная..... Двѣнадцатилѣтнюю дочь князя Одоевскаго, воспитывала французская гувернантка мамзель Дюбуа, которая была совершенная красавица и до того мила, что во мнѣ... стыдно сказать, родилось сожалѣнiе, что я не дѣвочка и что не она моя наставница.

Несмотря на княжескія прихоти, которыя у насъ въ Россіи могли бы войти въ поговорку, какъ за границей баронскія фантазіи, совершенное согласіе царствовало въ семь домѣ. Посѣтителей въ немъ видѣлъ я весьма мало, молодыхъ ни одного, но зато посѣтельнымицами онъ изобиловалъ. Большая часть изъ нихъ были такъ-называемыя московскія старыя дѣвки. Въ Москвѣ было въ старину одно почтенное, трогательное обыкновеніе: въ каждомъ домѣ, смотря по состоянію, принималось на жительство нѣкоторое число убогихъ дѣвицъ, преимущественно дворянокъ; одна старѣлась въ нихъ и даже умирали, другихъ съ хорошимъ приданымъ выдавали замужъ; связи первыхъ съ своими благодѣльницами отъ времени становились или гда крѣпче, чѣмъ самыя родственныя узы. Въ домахъ женатыхъ людей положеніе сихъ дѣвицъ было не совсѣмъ безопасно, но у вдовъ и у незамужныхъ старушекъ, ихъ общество составляли родъ свѣтскихъ монастырей или, лучше сказать, капитуловъ, коихъ они были канониссами. Ихъ жизнь была дѣятельно праздная; въ домѣ они кой-за-чѣмъ присматривали, исполняли нѣкоторыя комиссіи своей хозяйки-аббатиссы, раскладывали съ ней грань-пасьянсъ, посѣщали иногда подругъ своихъ. Ихъ набожность ограничивалась одними наружными обрядами религіи, но они соблюдали ихъ съ точностію мелочною; они знали всѣ храмовыя праздники и тамъ, гдѣ бывало архіерейское служеніе, или наподнялась половина церкви. Такъ проходила ихъ безпорочная, ихъ бесполезная жизнь.

Цѣлыми стаями слетались эти барышни къ своимъ знакомымъ у князя Одоевскаго; бывало спросишь: кто онѣ такія? скажутъ такая-то живетъ у княгини Марьи Ивановны, такая-то у княжны Лизаветы Ѳедоровны. Нельзя себѣ представить ихъ дѣтскаго добродушія; разговоръ ихъ былъ невинный лепетъ перваго возраста. Онѣ меня чрезвычайно любили, осыпали ласками, и будучи сами престаранныя лакомки,

и меня прикармливали вареньями и постилой: сладко мнѣ о нихъ воспоминаніе! Изрѣдка попадаются нынѣ такого рода женщины и я всегда встрѣчаю ихъ съ сердечнымъ удовольствіемъ. Дому Одоевскихъ останусь я всегда благодаренъ за пріятныя минуты, въ немъ проведенныя, хотя, впрочемъ, меня, свѣжаго мальчика, довольно оригинальнаго, любили тамъ и тѣшились мною среди единообразной жизни, какъ забавляются обезьяной, карлицей или попугаемъ. Князя Одоевскаго благодарить мнѣ нечего; онъ, кажется, не любилъ мой полъ, я же былъ не совсѣмъ ребенокъ, и онъ всегда на меня косился.....

Мнѣ было весьма трудно уговорить сестру сдѣлать первое посѣщеніе княгини Одоевской; съ каждымъ днемъ она болѣе дичала, но рѣшилась, наконецъ, сіе сдѣлать, чтобы поблагодарить за оказанныя мнѣ ласки. Въ разговорѣ о затрудненіяхъ, куда бы меня лучше пристроить, была призвана на совѣтъ мамзель Дюбоа; она разсыпалась въ похвалахъ пансіону госпожи Форсевиль, своей единоземки. Мнѣ чрезвычайно хотѣлось учиться въ университетскомъ пансіонѣ; но французскій языкъ, коимъ преимущественно и почти исключительно говорили тогда высшія сословія, былъ вывѣскою совершенства воспитанія; я на немъ объяснялся плохо, а воспитанники университетскіе не славидись его знаніемъ. Это замѣтила мамзель Дюбоа, прибавляя, что изъ рукъ госпожи Форсевиль молодые люди выходятъ настоящими Французами. Разсуждая, что мнѣ предназначено быть свѣтскимъ и военнымъ человѣкомъ, а не ученымъ и юристомъ, сестра моя нашла, что дѣйствительно лучше отдать меня къ Французамъ. Видно на роду у меня было написано не получить основательнаго образованія.

Исполненіе намѣренія предать меня въ руки мадамы замедлилось нѣсколько дней по случаю тревоги, въ которой находилась вся Москва, и особенно свита графа Салтыкова. Ожидали скорого прибытія императора, полки собирались на маневры, и всѣ исполнены были страха, надеждъ и любопытства. Я стоялъ съ трепетомъ 10-го мая на Тверской, подлѣ дома главнокомандующаго, когда Павелъ Первый въ нѣсколькихъ шагахъ проѣхалъ мимо меня. Онъ сидѣлъ въ открытой коляскѣ съ своимъ наследникомъ и съ улыбкой кланялся..... Въ продолженіе шестидневнаго пребыванія своего въ Москвѣ онъ всѣхъ изумилъ своею снисходительностію; щедротами

онъ удивить уже не могъ. Войскамъ объявилъ совершенное свое удовольствіе. Шефа одного полка, который былъ дѣйствительно очень дурень, онъ наказалъ только тѣмъ, что ничего ему не далъ, но не позволилъ себѣ ему сдѣлать даже выговора: всѣхъ же другихъ завѣшалъ орденами, засыпалъ подарками. Графу Салтыкову пожаловалъ онъ четыре тысячи душъ въ Подольской губерніи, а всѣхъ адъютантовъ его, въ томъ числѣ и зятя моего, произвелъ въ слѣдующіе чины.

Въ пансіонѣ, въ который, наконецъ, отвезли меня, воспитывались дѣти обоюго пола, подъ непосредственнымъ наблюденіемъ содержательницы его. Я ожидалъ найти въ ней другую мамзель Дюбоа; можетъ-быть лѣтъ двадцать до нашего знакомства была она и лучше. Тогда она была женщина лѣтъ сорока пяти, высокая, полная, бѣлая, которая задыхалась отъ здоровья, у которой щеки алѣли всегда отъ удовольствія когда не багровѣли отъ гнѣва. Она деспотически управляла ввѣренными ей ребятишками, и мнѣ казалось обиднымъ, что меня ставятъ на одну съ ними ногу, тогда какъ почти всѣ они были меня моложе. Я, напротивъ, имѣлъ притязанія на совершенную свободу, коею пользовался соученикъ мой Лутвиновъ, пятнадцати или шестнадцатилѣтній дюжій мальчикъ, который ничему не учился, ничего не дѣлалъ или, лучше сказать, дѣлалъ все что ему было угодно. Еслабъ я былъ нѣсколько постарѣе, то можетъ быть умѣлъ бы присвоить себѣ равныя съ нимъ права; а можетъ-быть и нѣтъ, ибо румянецъ осенняго листа, ветчинная свѣжесть госпожи Форсевиль мнѣ были вовсе не по вкусу.

Былъ также и мусью Форсевиль; онъ принадлежалъ къ тому роду не замѣтныхъ мужей, коихъ существованіе поглощается и исчезаетъ въ великой знаменитости супруга, какъ мужъ госпожи Жоффренъ или госпожи Каталани. Заведеніе находилось подъ его фирмой, но въ немъ почти ни во что онъ не мѣшался. Онъ мало выходилъ изъ своей каморки, прозванной кабинетомъ, развѣ только потому, что въ ней находился маленькій шкафъ, съ двумя дюжинами какихъ-то книгъ, прозванной библіотекой. Тутъ не было ни письменнаго столика, ни даже чернильницы, а одни станки, да пилы, буравы, всѣ принадлежности токарной и столярной работы: все было засорено стружками и опилками, и все обличало присутствіе болѣе мастераго, чѣмъ грамотнаго человѣка. На природномъ языкѣ говоритъ онъ какъ простолюдинъ, за

то увѣрялъ, что весьма хорошо знаетъ англійскій, и взялся два раза въ недѣлю учить меня оному: недостатокъ ли въ его знаніи или въ моихъ способностяхъ, былъ причиною, что я никакихъ успѣховъ не сдѣлалъ. Онъ былъ совершенный сморчокъ, старичишка добрый, по крайней мѣрѣ для меня; довѣренность его ко мнѣ до того простиралась, что изъ учениковъ я только одинъ имѣлъ входъ въ такъ называемый кабинетъ его, гдѣ таинственно предавался онъ своимъ занятіямъ. Онъ долго жилъ въ Англїи и всегда предпочиталъ ее своему отечеству: теперь я увѣренъ, что онъ тамъ былъ ремесленникомъ. Богъ вѣсть, какъ занесло его къ намъ и какъ встрѣтился и совокупился онъ съ французенкой въ Россіи, родившеюся хотя безграмотною, но досужею и проворною бабой. Обо всемъ онъ говорилъ равнодушно, кромѣ Англїи; самая покорность его супругѣ, кажется, была не что иное, какъ слѣдствіе уваженія его къ той землѣ, гдѣ королевы женятся.

Пребываніе мое въ пансіонѣ мнѣ сначала полюбилось. Лѣто было прекрасное: отъ барства, шуму, духоты городской, мнѣ казалось, что я перенесенъ въ тихое, сельское уединеніе. Домъ, въ которомъ помѣщался Форсевилевъ пансіонъ, находился у подошвы невысокой горы, на которой построены упраздненный Новинскій монастырь; сей пригорокъ заслонялъ намъ видъ городскихъ строеній, а съ другой стороны открывался прекрасный видъ къ Москвѣ-рѣкѣ, на роцѣ, сады и невысокіе деревянные дома между ими разбѣянные. Товарищи мои рѣчами и манерами также напоминали деревню; каждый изъ нихъ былъ оттуда прямо привезенъ въ училище, въ Москвѣ никого почти не зналъ, и могъ только, въ незанимательныхъ разговорахъ своихъ, познакомить меня съ образомъ жизни нашихъ мелкопомѣстныхъ дворянъ. Ихъ было человекъ тридцать: каждаго изъ нихъ могъ бы я и теперь назвать по имени и отчеству, хотя съ самой минуты нашей первой разлуки, я ни съ однимъ ни встрѣчался, ни объ одномъ не слыхивалъ ни слова. Въ пространномъ мірѣ, называемомъ Россїя, въ сей цѣлой части свѣта болѣе чѣмъ въ государствѣ, люди, съ которыми долго живешь и бесѣдуешь, не переставая существовать, часто исчезаютъ какъ атомы, теряются въ безызвѣстности. Куда дѣвались мои товарищи? Не зная ничего о судьбѣ ихъ, но судя по ихъ способностямъ и образу воспитанія, могу съ достовѣрностію разказать ихъ

исторію. Въ пятнадцать или въ шестнадцать лѣтъ ихъ опредѣляли въ армейскіе полки унтеръ-офицерами, потомъ черезъ годъ или два производили въ прапорщики: одни воспользовались симъ первымъ чиномъ, чтобы выйдти въ отставку, другіе, болѣе алчные къ почестямъ, дослужились до поручиковъ или до штабсъ-капитановъ, но наскучивъ службою, также ее оставили. Всѣ они зарылись въ деревнѣ, начали гоняться за зайцами, бить мужиковъ, обольщать дѣвокъ, потомъ завелись женой и дѣтми; одни спились, промотались и потомство свое привели въ состояніе однодворцевъ, другіе, болѣе степенные, пошли служить по выборамъ и попали уже вѣрно не болѣе какъ въ засѣдатели или исправники; безъ угрызенія совѣсти, слѣдуя общему примѣру, стали не право наживаться, чтобы каждаго сына, сколь бы ихъ много ни было, поставить на ту точку, съ которой сами пошли.

Дѣвицы, которыя съ нами воспитывались, обѣдали, а иногда и учились за однимъ съ нами столомъ; жили, однакоже, въ особой половинѣ. Онѣ были также маленькія провинціалки, но граціознѣе и остроумнѣе мальчиковъ. Изъ двадцати или двадцати пяти, одну только Ложечникову можно было назвать хорошенькою; не знаю, гдѣ умѣли набрать такихъ уродцевъ. Обхожденіе съ ними Форсевильши было болѣе строгое: отъ взгляда ея, отъ одного движенія губъ бѣдняжки приходили въ ужасъ. Болѣе всѣхъ тирански преслѣдовала она бѣдную, четырнадцати или пятнадцати-лѣтнюю Француженку, дочь какого-то пріятеля, которая училась у нея даромъ, а за то употреблялась для разныхъ домашнихъ упражненій безъ платы; расцвѣтающія прелести были ея виною въ глазахъ отцвѣтшей мадамы. Ее звали Лабордъ, она родомъ казалась болѣе изъ Индіи, чѣмъ изъ Франціи; весь пламень Востока и Юга блисталъ въ черныхъ глазахъ ея, самый яркій румянецъ выступалъ на смугло-свѣжихъ ея щекахъ; ея волосы, уста и губы позволилъ бы я себѣ сравнить съ эбеномъ, коралломъ и перлами, еслибъ отъ частаго употребленія сии сравненія мнѣ самому не надоѣли, выраженіе же лица юной одалиски словами не выразиимо. Живши съ ней подъ одною кровлей, видя ее часто, я бы влюбился въ нее, еслибы былъ постарѣе; однакоже, несмотря на отрочество мое, я не былъ къ ней совершенно равнодушенъ, написалъ какой-то вздоръ и всунулъ ей потихоньку въ руку во время танцовальнаго класса, который для дѣвочекъ почти столь

же опасень, какъ беды для дѣвицъ, а для меня всегда былъ часомъ искушеній. Я ожидалъ отвѣта, но тиранка Форсевиль имѣла свою тайную полицію; кто-то изъ уродцевъ подсмотрѣлъ и донесъ. На другой день тревога, позоръ и срамъ: призвали виновныхъ, осыпали ихъ ругательствами, самыми грубыми, непристойными укоризнами; я стоялъ какъ вкопанный, не внималъ имъ, а только смотрѣлъ на слезы и на тяжело вздохами волнуемую грудь и былъ весь раскаяніе. Определено обоихъ выгнать изъ пансіона, и приговоръ исполненъ въ тотъ же день; меня отослали къ роднымъ, но какъ шурина адъютанта главнокомандующаго, я на другой же день воротился съ письменнымъ увѣреніемъ, что дома строго былъ наказанъ. Наказаніе мое состояло въ грустныхъ, нѣжныхъ упрекахъ сестры; зять же мой расхохотался, называя меня молодцомъ. Черезъ три дня, явилась и бѣдная Лабордъ, но съ тѣхъ поръ я не смѣлъ уже подходить къ ней, а она на меня даже и глазъ не подымала*. Примѣръ сей не нуженъ, чтобы доказать сколь опасно воспитывать вмѣстѣ дѣтей разнаго пола; теперь это вывелось, а въ старину полагали, что до пятнадцати лѣтъ всѣ дѣти должны быть столь же безстрастны какъ грудные младенцы.

Главный вопросъ, который долженъ былъ сдѣлать всякій и который могу я самъ себѣ сдѣлать: да чему же мы тамъ учились? Богъ знаетъ, помнится всему, только элементарно. Эти иностранные пансіоны, коихъ тогда въ Москвѣ считалось до двадцати, были хуже чѣмъ народныя школы, отъ которыхъ отличались только тѣмъ, что въ нихъ преподавались иностранные языки. Учители ходили изъ сихъ школъ давать намъ уроки, которые всегда спѣшили они кончить: одинъ только нѣмецкій учитель, нѣкто Гильфердингъ, былъ похожъ на что-нибудь. Онъ одинъ только бралъ на себя трудъ разсуждать съ нами и толковать намъ правила грамматики; другіе же разсѣянно выслушивали заданное и вытверженное учениками, которые все забывали тотчасъ послѣ классовъ: мы были настоящее училище попугаевъ. Догадливые родители

---

* Я тщетно старался послѣ развѣдать о ея участи. Черезъ нѣсколько лѣтъ только узналъ я, что она замужемъ за старымъ, ревнивымъ Нѣмцемъ кланайкорднымъ мастеромъ, и что нѣтъ возможности ее видѣть. Милая Лабордъ! я почти увѣренъ, что она погибла во цвѣтъ лѣтъ жертвою пылкихъ страстей.

не долго оставляли тутъ дѣтей, а отдавали ихъ потомъ въ пансіонъ университетскій. Сіе неминуемо должно было со мною случиться, но странность судьбы моею къ тому не допустила.

Четыре тысячи душъ въ Подольской губерніи пожалованная императоромъ графу Салтыкову предоставлены были его выбору. Пользуясь необыкновенною милостью царя, онъ выпросилъ у него позволеніе отправить адъютанта своего, подполковника Алексѣева, чтобы сдѣлать сей выборъ. Оказывая неограниченную довѣренность зятю моему, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ доставлялъ ему безсрочный отпускъ. Въ концѣ августа собралась сестра моя съ мужемъ въ Кіевъ къ родителямъ, а въ началѣ сентября оставила меня одного въ Москвѣ.

Мое одиночество показалось мнѣ ужаснымъ, хотя въ положеніи оставленнаго въ пансіонѣ мальчика не было ничего необыкновеннаго. Сестра, отъѣзжая, поручила меня попеченіямъ близкой родственницы мужа своего, не очень старой, но и не весьма молодой дѣвицы, Дарьи Ивановны Корольковой, которая имѣла собственный домъ за Сухаревою башней. Сей доброй и умной, кроткой и твердой женщиной не доставало только воспитанія; своимъ примѣромъ она доказывала, что оно всегда бываетъ необходимо для собственного счастья и для блага окружающихъ. У нея также жили двѣ барышни, подъ именемъ компаньенокъ, и онѣ всѣ вмѣстѣ старались утѣшать меня. Всякую субботу или наканунѣ праздника, у подъѣзда пансіона всегда являлся за мною экипажъ и отвозилъ меня къ моей попечительницѣ. Главныя заботы ея обо мнѣ состояли въ томъ, чтобы меня исправно водили у нея въ баню, вычесывали голову, чаще мѣняли бѣлье, и чтобы поутру къ чаю всегда подавали мнѣ свѣжіе крендели. Поведеніемъ моимъ она не могла нахвалиться, и какъ не быть довольну такимъ человѣкомъ, который сидитъ сложивъ руки, все молчитъ и тайкомъ зѣваетъ? Она меня очень любила и потому неохотно отпускала меня иногда въ домъ Одоевскихъ, гдѣ, признаюсь, мнѣ всегда бывало гораздо веселѣе съ губительницей моею Дюбоа.

Письмами своими старался я разжалобить родителей и въ томъ успѣлъ: но не вполне достигъ я своей цѣли, ибо вмѣсто того чтобы отдать меня въ университетскій пансіонъ, вѣрно обратно меня отправить въ Кіевъ: причина

тому была нижеслѣдующая. Въ числѣ имѣній князя Потемкина, коими наслѣдовали племянницы его, находилось въ Кіевской губерніи село Казацкое, доставшееся на часть княгини Голицыной, женѣ извѣстнаго князя Сергія Феодоровича. Мужъ ея нѣкогда воспитывался въ кадетскомъ корпусѣ, въ одно время съ отцомъ моимъ, и хотя нѣсколько лѣтъ былъ его моложе, всегда помнилъ его, любилъ и сохранялъ съ нимъ сношенія; она же была родная сестра графини Браницкой. По симъ уваженіямъ, какъ часто говорится въ канцелярскихъ бумагахъ, проѣзжая въ сказанное имѣніе чрезъ Кіевъ, она прямо остановилась у моей матери, хотя до того не была съ нею знакома. Ея супругъ начальствовалъ тогда надъ корпусомъ, посылаемымъ на помощь Австріи противъ Французовъ, а она намѣревалась нѣсколько лѣтъ прожить въ деревнѣ, для поправленія разстроенныхъ хозяйственныхъ дѣлъ.

Покойная мать моя, которая съ ней скоро подружилась, не въ состояніи была не говорить о томъ, что ей казалось моею миловидностію и затѣйливостію, и о тяжкой для нея разлукѣ со мною; слушая ее, княгиня Голицына предложила ей взять меня къ себѣ, чтобы не подалеку отъ Кіева воспитываться вмѣстѣ съ ея сыновьями, и прибавила, что многочисленность ея семейства и разные учителя дѣлаютъ изъ я дома настоящій пансіонъ. Предложеніе было принято, и я, ничего о томъ не вѣдая, несказанно возрадовался, въ упованіи вновь узрѣть богоспасаемый градъ Кіевъ.

Одну московскую барыню, на житъе переселившуюся въ Кіевъ и находившуюся тогда въ Москвѣ, по какимъ-то дѣламъ, просила мать моя привести меня съ собою. Итакъ госпожа Королькова взяла меня отъ госпожи Форсевиль и передала госпожѣ Турчаниновой; тогда судьба моя была переходить изъ рукъ въ руки къ женщинамъ. Но прежде чѣмъ отправлюсь изъ Москвы, хочу описать сколь можно вкратцѣ какъ особу, съ которою долженъ былъ совершить путешествіе, такъ и семейство ея.

Во время походовъ Миниха и Ласси, маленькой Турченокъ былъ взятъ Русскими въ плѣнъ и привезенъ въ Петербургъ къ Аннѣ Іоанновнѣ, которая его крестила. Елизавета Петровна отдала его въ услуженіе наслѣднику своему; господинъ и государь его не имѣлъ времени пожаловать его графомъ или свѣтлѣйшимъ княземъ, и въ день кончины его онъ назывался только Александромъ Александровичемъ Турчаниновымъ, ка-

мердинеромъ полковничьяго ранга. При Екатеринѣ онъ скрылся, потомъ на сбереженные деньги купилъ имѣніе въ Орловской губерніи, потомъ женился на сосѣдкѣ, двѣцѣ Сибилевой, также съ нѣкоторымъ достаткомъ. Семейство ихъ въ тихомолку плодилось и множилось, равно какъ и состояніе, и наконецъ они имѣли даже домъ въ Москвѣ у Пречистенскихъ воротъ.

Воцареніе Павла пробудило давно заснувшія надежды малаго числа приверженцевъ Петра III; въ числѣ ихъ предсталъ и г. Турчаниновъ предъ новымъ императоромъ, который приказалъ производить ему все содержаніе, кое получалъ онъ при отцѣ его, а сверхъ того выдать ему оное за все время царствованія Екатерины съ выросшими процентами и рекамбіями. Составился значительный капиталъ, на который искалъ онъ купить хорошее имѣніе. Тогда въ Киевской губерніи продавались за ничто помѣстья князя Станислава Понятовскаго, брата послѣдняго короля; для сбыта ихъ былъ данъ ему самый краткій срокъ, ибо онъ переѣхалъ въ Австрію и не хотѣлъ сдѣлаться русскимъ подданнымъ. Бывши въ Киевѣ на богомольѣ, госпожа Турчанинова о томъ провѣдала, купила селеніе Степанцы, состоявшее изъ 1.000 душъ, кажется, не болѣе какъ за 60.000 рублей и потомъ подвластнаго ей мужа выписала изъ Ора.

Онъ былъ сухенькій, сладенькій старичокъ, который всегда улыбался и до того ко всѣмъ былъ ласковъ, что рождалъ недовѣрчивость. Супруга его, женщина еще видная, соединяла твердость съ добротою душевною; слабость ея, впрочемъ весьма простибельная, была желаніе казаться моложе и потому-то погибшія на лицѣ ея розы и лиліи она весьма, неускусно замѣняла искусственными. Изъ многочисленнаго семейства ихъ, одна только младшая дочь была примѣчательна и сдѣлалась даже въ послѣдствіи извѣстною.

Не имѣя еще двадцати лѣтъ отъ роду, она избѣгала общества, одѣвалась неряхою, занималась преимущественно математическими науками, знала латинскій и греческій языки, собиралась учиться по-еврейски и даже пописывала стихи, хотя весьма неудачно: у насъ ее знали подъ именемъ философки Вся кievская ученость скрывалась тогда подъ иноческими мантиями въ стѣнахъ Братскаго монастыря: она открыла ее и свела тѣсную дружбу съ нѣкоторыми монахами, преподававшими науки въ духовной академіи. Съ такой высоты вдаргъ

опустила она вниманіе на маленькаго невѣжду, котораго пугали и странность ея наряда, и мрачное выраженіе ея лица.

Когда она выпросила меня къ себѣ въ гости, и меня въ первый разъ къ ней послали, то я отправился весьма неохотно; только сей первый шагъ былъ для меня труденъ, а потомъ я надѣдалъ просьбами о дозволеніи посѣтить ее. Чистота ли ея души, сквозь неопрятную оболочку, сообщалась младенческой душѣ моей, или магнетическая сила ея глазъ, коихъ дѣйствіе испытывали въ послѣдствіи изувѣченныя дѣти, дѣйствовала тогда и на меня, я находился подъ очарованіемъ. Я не нашелъ въ ней и тѣни педантства: всегда веселая, часто шутливая, она объяснялась съ дѣтскою простотою. Правда, иногда бралась она допрашивать меня о томъ, чему я учился, и ужасалась глубины моего невѣдѣнія; но вдругъ потомъ, какъ Писея на треножникѣ, какъ бы содрогаясь отъ вдохновенія, сверкала очами и начинала предрекать мнѣ знаменитость. Увы! пророчества ея столь же мало сбылись, какъ и удалось ея лѣченіе.

Разговоры ея были для меня чрезвычайно привлекательны: она охотно разказывала мнѣ про связи свои съ почтенными учеными мужами, профессорами Московскаго университета; хвалилась любовію и покровительствомъ стараго Хераскова, дружбою Ермила Кострова и писательницы княжны Урусовой. Поэзія доступна понятіямъ какъ младенчеству ихъ народовъ, такъ и людей, и хотя она была для меня халдейскимъ языкомъ, дѣвица Турчанинова заставляла меня иногда читать нѣкоторыя мѣста изъ Россіяды и негодовала, когда неодолимая зѣвота мѣшала мнѣ продолжать сіе чтеніе. Тогда принималась она за мелкія стихотворенія, подчивала меня ими, упрашивала выучить наизусть, и одно только изъ нихъ, „Ода на смерть сына моего,“ Капниста, мнѣ полюбилось и осталось доселѣ у меня въ памяти. Первое знакомство съ русскими музами сдѣлалъ я въ запыленномъ, засаленномъ кабинетѣ моей любезной Турчаниновой.

Лѣтъ тридцать спустя, увидѣлъ я ее опять въ Петербургѣ, вскорѣ послѣ того какъ имя ея надѣлало въ немъ великій шумъ, но столь же кратковременный какъ и надежды, кои возбудила она въ сердцахъ скорбныхъ родителей обѣщаніемъ исцѣлить ихъ дѣтей. Я не нашелъ въ ней почти никакой переменны; черные, прекрасные, мутные и блуждающіе глаза ея все еще горѣли прежнимъ жаромъ; черныя, длинныя, нече-

санья космы, какъ и прежде, выбивались изъ-подъ черной скуфы, и вся она, какъ черная трюфель въ маслѣ, совершенно сохранилась въ своемъ сальномъ одѣяніи. Я не упомянулъ объ ней, говоря о Кіевѣ; тамъ видѣлъ я еще много другихъ примѣчательныхъ особъ и умолчалъ объ нихъ съ намѣреніемъ ихъ послѣ описать, но мѣрѣ какъ въ совершеннѣйшій случай опять сводилъ меня съ ними.

Съ ея родительницей я долженъ былъ отправиться и отъѣздъ нашъ былъ назначенъ на третій день послѣ Рождества. Я былъ внѣ себя отъ радости, но въ самую почти минуту сего отъѣзда, къ ней примѣшалось маленькое горе. Младшій сынъ госпожи Турчаниновой, по совѣту сестры, учился въ университетскомъ пансіонѣ, къ нему пришли товарищи и начали при мнѣ читать *Московскія Вѣдомости*, лежавшія на столѣ. Въ нихъ было помѣщено извѣстіе объ экзаменѣ, за нѣсколько дней передъ тѣмъ въ семь пансіонѣ происходившемъ, и имена учениковъ, получившихъ награды. Двумъ только даны были золотыя медали; одинъ изъ нихъ, г. Кириченко-Астромовъ, находился тутъ на лицѣ; привѣтствія ему и поздравленія хозяйки были мнѣ какъ острый ножъ. Отецъ его занималъ какую-то маленькую должность въ Кіевѣ, и онъ ласково подошелъ ко мнѣ, называя себя моимъ землякомъ, но я спѣсиво и холодно отвѣчалъ ему, что никогда имени его не слыхивалъ: этой глупости я въ вѣкъ себѣ не прощу. Имя другаго ученика, цѣлой Россіи послѣ знакомое, имя Жуковского, было тогда столь же мало извѣстно. Послѣ восторговъ, произведенныхъ во мнѣ его стихами, мнѣ нечего раскаиваться въ зависти, которую возбудило во мнѣ имя его въ первый разъ какъ я его услышалъ.

XIV.

Несмотря на весьма хорошій, гладкій, зимній путь, мы ѣхали медленно на Лихвинъ, Калугу, Бѣлевъ и Болховъ. Близъ новой сей для меня дороги, жили родные госпожи Турчаниновой, Цанины, Кривцовы и другіе, и она безпрестанно къ нимъ сворачивала. Я сидѣлъ съ ней рядомъ въ четверомѣстномъ возкѣ, а противъ насъ довольно толстая и безобразная горничная, которую прозвала она бомбой. Я находилъ довольно разсѣянности въ разговорахъ самой госпожи, она любила разказывать, я любилъ слушать и узналъ отъ нея

множество старинныхъ анекдотовъ и генеалогію знатнѣйшихъ въ Москвѣ домовъ. Страсть ея казаться моложе не покидала ее и дорогой, всякій день покрывала она румянами синеву, которую сильный холодъ производитъ на старыхъ лицахъ; въ городахъ же и въ гостяхъ у родныхъ, вездѣ гдѣ только останавливалась она на сутки, не упускала бѣлиться и проводить себѣ синія жидки, и лицо ея, какъ трехдвѣтное знамя, гордо подымалось противъ законнаго могущества времени.

Украина была для меня настоящая родина; сильно забилось во мнѣ сердце, когда, послѣ годоваго отсутствія, я опять ее увидѣлъ. Когда въ Есмани, первой малороссійской станціи, вошелъ я въ хату и услышалъ: „що, пане,“ то едва не заплакалъ отъ радости. Старая сопутница моя, которая часто бывала недовольна моимъ упрямымъ молчаніемъ, удивилась моей внезапной болтливости; я вступалъ въ разговоры со всѣми мужиками и крестьянками, которыхъ находилъ на станціяхъ; нарѣчіе Хохловъ, по мнѣнію нашему столь грубое, мнѣ казалось райскимъ пѣніемъ, какъ Батюшкову, знакомыми звуками хотѣлось мнѣ насытить свой жадный слухъ. Но чтѣ сдѣлалось со мною, когда, оставя Бровары, сквозь чащу лѣса въ глазахъ моихъ,

Какъ заѣздочка зажглася

Глава Печерская съ крестомъ?

Турчаниновой показалось что я сошелъ съ ума; я крестился, я плакалъ, я дрожалъ. Давно уже зналъ я, чтѣ такое любовь къ ближнимъ и къ несчастію до сихъ поръ не совсѣмъ еще тому разучился; тогда въ первый разъ ощутилъ я, какъ сильно и неодушевленные любимые предметы могутъ говорить нашимъ чувствамъ. Отъ восторга къ восторгу, ощутился я наконецъ въ объятіяхъ родителей, сестеръ и братьевъ.

Это было въ половинѣ января 1799 года. Все наше семейство довольно тѣсно помѣщалось тогда въ одномъ флигелѣ, вновь построеннаго, но еще неотдѣланнаго дома на Печерскомъ форштатѣ, близъ Никольскаго монастыря. Отецъ мой жилъ благородно, довольно открыто, но уже не было слѣдовъ маленькой роскоши, въ которой домъ нашъ я оставилъ. Сестра моя медленно оправлялась послѣ первыхъ, мучительныхъ родовъ мертвою дочерью. Братья были оба въ отставкѣ: старшій получилъ ее по просьбѣ, а о меньшомъ

прочитали разъ въ приказахъ, что онъ отставляется отъ службы, безъ всякой оговорки..... Вообще въ образѣ жизни моихъ родителей нашелъ я большую перемѣну: менѣ шуму, менѣ суеты, но за то еще болѣе семейственнаго согласія, семейственнаго счастія и тихаго веселія.

Князя Дашкова уже въ Кіевѣ не было. Новымъ поведеніемъ своимъ онъ заставлялъ забывать прежніе свои поступки, съ усердіемъ исправлялъ лежащія на немъ обязанности, и всѣ имъ были довольны. По какому-то недоразумѣнію, или наговору, Богъ вѣсть за что, царь на него прогнѣвался и отставилъ его отъ службы; онъ поклонился и уѣхалъ въ деревню.

Объ немъ бы стали можетъ-быть даже жалѣть, но преемникъ его того не допустилъ. Это былъ извѣстный природнымъ умомъ, правдивостію и опытностію въ дѣлахъ, Александръ Андреевичъ Беклешовъ, одинъ изъ государственныхъ людей, образованныхъ Екатериной. Воспитанный въ кадетскомъ корпусѣ вмѣстѣ съ отцомъ моимъ, въ такое время когда юношество училось нѣмецкому языку болѣе чѣмъ французскому, онъ зналъ его лучше другихъ и для того былъ императрицей опредѣленъ губернаторомъ въ Ригу, гдѣ и пробылъ онъ лѣтъ пятнадцать. Онъ имѣлъ отъ нея тайное порученіе, которое онъ одинъ только въ состояніи былъ выполнить: стараться познакомить Нѣмцевъ съ русскимъ языкомъ и приучить ихъ къ нашимъ обычаямъ, законамъ и правамъ. Наружное безобразіе, видъ брюзгливый, всегда недовольный, голосъ грубый, сначала рождали въ подвластныхъ ему отвращеніе и страхъ; твердость воли и что-то откровенное въ обхожденіи вселяли потомъ къ нему довѣренность, наконецъ благодарность за добро, которое онъ никогда не отказывалъ дѣлать кому только могъ, обращали все это въ искреннее къ нему уваженіе. Въ немъ была и русская хитрость, но онъ не тратилъ ее на мелочи, а употреблялъ для видовъ государственной пользы, не для собственныхъ успѣховъ при дворѣ.

Потомъ былъ онъ генераль-губернаторомъ орловскимъ и курскимъ: въ послѣднемъ изъ сихъ городовъ имѣлъ онъ постоянное пребываніе и былъ настоящимъ его основателемъ, обстроивъ его, украсивъ и введя въ немъ пріятности общезжитія. Курская губернія, коей уѣзды примыкающіе къ Малороссіи были искони наполнены бѣглецами, бродягами, преступниками, при немъ только переставала быть разбой-

ничьимъ вертепомъ. При Павлѣ дали ему въ управление Подолію и Волинь; потомъ перевели его въ Малороссію и придали ему наконецъ Кіевъ и Минскую губернію.

Старинную дружбу, сведенную съ отцомъ моимъ въ молодыхъ лѣтахъ, возобновилъ онъ въ старости и часто наединѣ требовалъ его совѣтовъ. Какъ въ Ригѣ плѣнилъ онъ Нѣмцевъ, заставляя ихъ однакоже, какъ говорится, плясать по своей дудкѣ, такъ въ Кіевѣ умѣлъ обворожить Поляковъ, которые для него рады были все сдѣлать, мнѣ кажется, даже перемѣнить вѣру. Нѣсколько такихъ людей какъ Беклешовъ были драгоцѣннѣйшее наследство оставленное Екатериной и нѣкоторое время ими только и жила Россія.

Только въ одной наружности Кіева не нашелъ я ни малѣйшей перемѣны; въ обществѣ же его почти на половину встрѣчались мнѣ совершенно новыя лица. Я не успѣлъ еще ознакомиться съ ними, не успѣлъ еще хорошенько узнать ихъ именъ, какъ родители мои объявили мнѣ о намѣреніи своемъ отдать меня въ домъ Голицыныхъ для усовершенствованія моего образованія и самимъ везти меня туда. Мнѣ это было очень не по сердцу, но дѣлать было нечего. Итакъ Кіевъ мелькнулъ только передо мною, ибо въ первыхъ числахъ февраля отправились мы въ новое для меня мѣстопробываніе.

Въ первый день остановились мы въ Бѣлой Церкви и весь слѣдующій провели у графини Браницкой: я говорю у графини, ибо супругъ ея въ домѣ ничего не значилъ, такъ точно какъ мужья госпожъ Форсевиль и Турчаниновой. Онъ былъ человекъ старый, но образованный и довольно еще любезный, ума весьма посредственнаго; славился же онъ безпримѣрнымъ аппетитомъ вмѣстѣ съ утонченнымъ вкусомъ въ гастрономіи. Несмотря на свою скупость, графиня Браницкая нанимала изящнѣйшаго повара Француза и ничего не щадила для стола, дабы симъ пріятнымъ занятіемъ отвлечь супруга отъ хозяйственныхъ дѣлъ, въ которыхъ онъ ничего не понималъ и въ кои отъ скуки онъ захотѣлъ бы, можетъ-быть, мѣшаться. Они жили въ обширномъ деревянномъ домѣ, внутри оштукатуренномъ, коего стѣны были выкрашены просто, а потолоки выбѣлены. Но главныя комнаты сего дома были наполнены драгоцѣнными вещами, бронзовыми, мраморными, фарфоровыми, хрустальными, изъ коихъ, какъ увѣряли, ни одна не была куплена графиней Браницкой; всѣ онѣ были даны дружбою и щедротою Екатерины, а

иные подарены или завѣщаны княземъ Потемкинымъ. Изъ всѣхъ мнѣ болѣе показалась примѣчательна одна высокая бронзовая гора, на вершинѣ коей сидѣлъ двуглавый русскій орелъ; изъ боковъ ея струились живородные хрустальные ручьи, а внутри ея устроенный механизмъ производилъ музыку, которая подражала журчанію волъ. На полугорѣ сидѣлъ Сатурнъ съ косою за плечами, одною рукою опираясь объ часы, а другою держа миниатюрный портретъ Екатерины на мѣди писанный, въ оправѣ изъ стразовъ, какъ бы забывая время свое и любуясь ея изображеніемъ.

При двухъ сыновьяхъ и трехъ дочеряхъ, также какъ у графа Салтыкова, находились учитель и гувернеръ съ гувернанткой, мужъ съ женой, г-нъ и г-жа Дорини и мусью Бробекъ. Сверхъ того, жили въ семъ домѣ польскія и русскія дамы и барышни, иностранный медикъ и нѣсколько отставныхъ, военныхъ, неимущихъ, довольно образованныхъ чиновныхъ людей, занимавшихъ должности домоправителей, прикащиковъ надъ деревнями, конюшихъ и тому подобное. * Двѣ враждебныя націи жили тутъ въ совершенномъ согласіи. Домашняя услуга вся состояла изъ шляхтичей, и въ семъ домѣ, безъ лишнихъ прихотей, все напоминало однакоже феодальное могущество.

Княгиня Голицына, къ которой везли меня, была родная сестра графини Браницкой, но въ это время произошла между ними если не явная ссора, то, по крайней мѣрѣ, сильная простуда родственной любви. Обѣ хотѣли купить Корсунь, помѣстье князя Понятовскаго, которое вмѣстѣ съ окружающими его деревнями имѣло до восьми тысячъ душъ; у Браницкой были огромные капиталы, а у Голицыной не было даже большаго кредита; слѣдственно первая стоговала имѣніе. Павелъ Первый помирилъ ихъ, купивъ оное для Петра Васильевича Лопухина, котораго, вмѣстѣ съ тѣмъ, пожаловалъ свѣтлѣйшимъ княземъ. Мать моя взялась довершить примиреніе начатое императоромъ и кажется въ томъ успѣла.

* Нельзя себѣ представить сколько добрыхъ и честныхъ людей, удаленныхъ изъ службы, въ сіе время скитались безъ пропитанія. Они принимали всякія низкія должности въ знатныхъ и помѣщичьихъ домахъ. У князя Куркина жилъ въ деревнѣ одинъ видный собою майоръ, котораго обязанность состояла только въ томъ, чтобы съ палкою въ рукѣ ходить передъ княземъ, когда оный изволилъ шествовать въ свою домовую церковь.

Село или мѣстечко Казацкое, въ которое мы пріѣхали, было изъ числа тѣхъ имѣній, кои польскіе короли раздавали магнатамъ въ Украинѣ, послѣ раздѣленія ея на русскую и польскую. Магнаты никогда въ нихъ не пріѣзжали, жили въ Варшавѣ или Вильнѣ и получали съ нихъ только доходы; казацкая вольница не страдала отъ панскаго присутствія. Князь Потемкинъ, еще при польскомъ правительствѣ, властію и деньгами пріобрѣлъ всѣ тѣ имѣнія, которыя находились въ сосѣдствѣ съ Новороссійскимъ краемъ: по смерти его, они достались его наслѣдникамъ. Проѣзжая чрезъ сіи имѣнія, чрезъ Богуславъ, Корсунъ, я не могъ надивиться тому, что вездѣ вижу православныя церкви, вездѣ слышу малороссійское нарѣчіе и только изрѣдка встрѣчаю Поляковъ. Невѣжество мое, которое, впрочемъ, раздѣлялъ я со всѣми жителями внутренней Россіи, заставляло меня думать, что все находящееся за старою нашею границей, есть и было всегда настоящая Польша.

Еще не было году, что семейство Голицыныхъ поселилось въ Казацкомъ. Мы пріѣхали туда въ сумерки. Безконечный дворъ, обнесенный тыномъ, въ глубинѣ коего открывались деревянныя барскія хоромы, наскоро выстроенныя, а по бокамъ находились шесть довольно просторныхъ мазанокъ, вмѣсто флигелей, и садъ разведенный только осенью и представляющій одни только ряды прутьевъ, и все это занесенное снѣгомъ, имѣли въ глазахъ моихъ видъ мрачный и угрюмый. Тѣ, кои вспомнятъ, какъ тяжела мнѣ была мысль сдѣлаться пріемышемъ въ знатномъ домѣ, даже среди шума блестящей столицы, могутъ посудить о томъ, что во мнѣ происходило въ сію истинно горестную для меня минуту.

Намъ отвели особливныя комнаты. Въ тотъ же самый вечеръ меня представили княгинѣ, и я познакомился какъ съ гувернеромъ, коему меня поручили, такъ и съ маленькими моими товарищами. Я не скажу теперь ни слова о впечатлѣніи, которое произвело на меня мое новое знакомство, ибо всѣхъ членовъ многочисленнаго семейства, среди коего пришлось мнѣ жить, также и всѣ лица, кои, находясь въ семъ домѣ, составляли его общество, намѣренъ я въ послѣдствіи перебрать поодиночкѣ. Права гостепріимства я почитаю священными, но я ни мало не нарушу моихъ обязанностей, если о постороннихъ людяхъ скажу истину съ такою же откровен-

ностью съ какою говорилъ о самыхъ близкихъ родныхъ. Черезъ два дни родители мои воротились въ Кіевъ, оставивъ меня между людьми мнѣ дотоле въ все незнакомыми.

Съ нетерпѣніемъ ожидала княгиня Варвара Васильевна (такъ звали госпожу Голицыну) извѣстій отъ мужа изъ арміи, которая на походѣ находилась тогда въ Литвѣ; скоро получила она письмо его, коимъ онъ ее увѣдомлялъ, что государь за что-то на него прогнѣвался, отставилъ его отъ службы, отдалъ корпусъ его генералу де-Ласси, велѣлъ ему жить въ деревнѣ, и что фельдъегерь не замедлитъ привезти его къ намъ. Конечно, было за что подосадовать, но гнѣвъ княгини Голицыной превосходитъ всякое описаніе . . . . .

Дни три спустя послѣ того, прибылъ или былъ привезенъ самъ князь Голицынъ, въ сопровожденіи втораго сына своего, Ѳедора, отставнаго гвардіи корнета, который отправился къ нему въ армію, въ надеждѣ подѣ начальствомъ его опять вступить въ службу, но встрѣтясь съ нимъ на дорогѣ, вмѣстѣ воротился. Не прошло недѣли, какъ изъ Петербурга прислали старшаго сына его князя Григорія, генераль-адъютанта и любимца Павла Перваго, внезапно отставленнаго и высланнаго изъ столицы. Это было въ февраль, а въ половинѣ лѣта еще прислали къ намъ третьяго и четвертаго сыновей князя Голицына, Сергія и Михаила, семеновскихъ офицеровъ. . . . .

Я не былъ свидѣтелемъ свиданія супруговъ; мы въ это время сидѣли за книгами: когда же кончился классъ и меня представили хозяину дома, то видъ его спокойный, довольно веселый, и ласково-покровительственный мнѣ пріемъ меня чрезвычайно ободрили.

Теперь приступлю къ обѣщанному выше, къ изображенію людей, съ коими прожилъ я около года въ совершенномъ удаленіи отъ міра и коихъ характеръ слѣдственно могъ хорошо изучить. Чтобы успокоить читателя, спѣшу предупредить ^{от} его, что между ими были лица отмѣнно замѣчательныя и начинаю съ главы семейства.

Воспитанный въ кадетскомъ корпусѣ, въ концѣ царствованія императрицы Елисаветы, князь Сергій Ѳедоровичъ учился съ успѣхомъ математическимъ наукамъ и, исключая русскаго, зналъ еще хорошо нѣмецкій языкъ. Вышедъ изъ него, онъ въ обществѣ получилъ навыкъ къ французскому; знаніе языковъ было тогда не бездѣлица, оно вело къ повышенію. Онъ

не принадлежалъ къ знаменитой вѣтви Голицыныхъ, Дмитрія и двухъ Михайловъ Михайловичей, коихъ счастье при Петрѣ Великомъ равнялось великимъ ихъ заслугамъ и коихъ семейства приобрѣли новую славу въ глазахъ Русскаго народа, падая умилительными жертвами нѣмецкаго тиранства при Аннѣ Иоанновнѣ. Его отецъ, князь Феодоръ Сергѣевичъ, былъ человѣкъ и не чиновный, и не богатый, и не разчетливый: прельстившись всѣмъ заграничнымъ, куда какъ-то его занесло, онъ получилъ неоторимое отвращеніе ко всему отечественному. Разказывали, что по возвращеніи изъ путешествій онъ тотчасъ завелъ флеровую фабрику и потомъ, гнушаясь названіями ржи и проса, онъ всѣ поля свои засѣялъ французскимъ табакомъ, и скоро до того раззорился, что накопедъ не на чемъ ему было посѣять и рѣпы. Когда просвѣщеніе блеснетъ передъ полуварварами, то прежде всего хватаются они за роскошь, какъ дѣти, которыя ловятъ огонь.

Къ счастью молодого сына, онъ вовсе не походилъ на отца; въ немъ билось истинно русское сердце, онъ былъ наружности пріятной, былъ добръ, уменъ и храбръ: безъ того, несмотря на сіятельное свое происхожденіе, ему бы не возможно было выбиться изъ княжеской толпы *. Много ему спо-

---

* Наша Россія въ этомъ отношеніи не сходствуетъ ни съ сопредѣльною съ нею Азіей, въ которой рѣдко гдѣ можно найти аристократическія наслѣдственныя права, ни съ сосѣдственною феодальною Европой, гдѣ до конца послѣдняго столѣтія привилегированныя касты такъ много еще толковали о геральдикѣ, о своихъ родословныхъ, о своихъ пергаменахъ и гордились длиннымъ рядомъ предковъ всегда болѣе чѣмъ богатствомъ, чѣмъ талантами и доблестями. У насъ пути къ славѣ, чинамъ и богатству открыты для всѣхъ состояній; сего мало: новое имя, получившее великую знаменитость, всеобщую извѣстность, самая противоположность низкаго происхожденія и высокой степени, до которой изъ него достигаютъ люди счастливые или способные, имѣетъ для Русскихъ особую привлекательность. Люди, которые, безъ личныхъ достоинствъ, хвастаются предками, у насъ становятся смѣшны; за то вельможи, которые не красѣютъ отъ родства съ простолюдинами, приобрѣтаютъ новыя права на уваженіе. Со всѣмъ тѣмъ, однакоже, дворянскимъ достоинствомъ никто не пренебрегаетъ, ибо дворянство имѣетъ у насъ права, какими нигдѣ оно въ другихъ земляхъ не пользуется право собственности надъ единокровными людьми. Въ понятіяхъ о благородствѣ, какъ и во многомъ, у насъ еще можно найти смѣшеніе европейскаго съ азіатскимъ. Въ нашемъ холодномъ климатѣ мы привыкли къ свѣжести, мы любимъ ее; какъ громады, каменные дѣмы наши почти ежегодно почииваются

собствовало къ тому родство съ извѣстнымъ фельдмаршаломъ, графомъ Захаромъ Григорьевичемъ Чернышевымъ, президентомъ военной коллегіи, коего по матери былъ онъ родной племянникъ; а еще болѣе женитьба на племянницѣ князя Потемкина, который, впрочемъ, не очень его любилъ, но не могъ отказать ему въ уваженіи. То же самое было и съ другими тогда царскими любимцами.

Павель Первый, вступивъ на престолъ, осыпалъ его ласками и наградами.... Но скоро долженъ былъ князь Голицынъ оставить службу и поселиться въ Москвѣ. Но когда война съ Французами заставила вызвать Суворова изъ заточенія, тогда вспомнили и о другихъ брошенныхъ мечахъ Екатерины. Призванный въ Петербургъ, обласканный Голицынъ отправился ко вѣренному ему корпусу, а вскорѣ потомъ въ ссылку, за какое-то откровенное письмо къ императору.

Онъ былъ тогда полный генералъ и обвѣщавъ всеми перво-степенными орденами, за военные подвиги полученными. Онъ былъ въ крѣпости силъ и лѣтъ, ибо ему еще не было пятидесяти, и по его опытности, дѣятельности и безстрашію казалось, что судьба предназначала его быть однимъ изъ лучшихъ нашихъ полководцевъ; сіи ожиданія никогда не сбылись. Но можно утвердительно сказать, что еслибъ ему порученъ былъ корпусъ Кюсакова или Германа, то слава рускаго оружія въ Голландіи или Швейцаріи прогремѣла бы тогда не менѣе чѣмъ въ Италіи; самыя важныя происшествія взяли бы тогда, можетъ-быть, иной оборотъ.

Росту былъ онъ небольшого, но сложенія очень плотнаго и чрезвычайно полнокровенъ. Одинъ глазъ его былъ косой, и онъ имѣлъ обыкновеніе его прищуривать; сіе придавало ему видъ нѣсколько насмѣшливый, улыбка же его всегда выражала добродушіе, и это вмѣстѣ дѣлало лицо его весьма примѣчательнымъ. Кажется, кромѣ военной исторіи и стратегическихъ книгъ, онъ другаго чтенія не любилъ; о литературѣ и помину не было. Въ хозяйственныя дѣла онъ не

и перекрашиваются, чтобы тѣшить наши взоры, такъ и древніе роды должны безпрестанно успѣхами по службѣ или при дворѣ наводить на себя новый лоскъ, чтобъ оставаться на нѣкоторой высотѣ въ глазахъ соотечественниковъ.

мѣшался; по тогдашнему обычаю, воспитаніе дѣтей представлялъ гувернерамъ и учителямъ. Въ чемъ состояли кабинетныя его занятія, мнѣ не извѣстно, ибо мы видѣли его только въ обѣденное время, и по вечерамъ онъ долженъ былъ часто скучать. Въ хорошую погоду ѣздилъ онъ прогуливаться въ коляскѣ или верхомъ, а въ вечеру сражался иногда съ кѣмъ-нибудь на шахматной доскѣ и почти всегда побѣждалъ противниковъ. Осень и начало зимы было для него самое лучшее время года; тогда по цѣлымъ днямъ могъ онъ гоняться за зайцами.

Всѣ склонности его были молодецкія: говорятъ, что смолоду онъ былъ отчаянный игрокъ, часто до послѣдней копѣйки все проигрывалъ, пока фортуна не сдѣлалась къ нему благосклоннѣе, и онъ нѣсколько сотъ тысячъ не приобрѣлъ игрой; тогда онъ побѣдилъ сію страсть и карты пересталъ брать въ руки. Къ вину онъ никогда не былъ склоненъ, а страсть къ женщинамъ превратилась у него въ постоянную любовь къ одной. Благородство души его было неимовѣрное, оно не позволяло зависти ея коснуться; надобно было видѣть его сердечную радость, его восторги при чтеніи тогда новостей изъ Италіи! сраженіе при Нови готовъ онъ былъ торжествовать какъ собственную побѣду; за то надобно было видѣть и его глубокую печаль при полученіи извѣстія о Цюрихскомъ дѣлѣ. Изгнанникъ восхищался и рукоплескалъ соперникамъ! Какой запасъ славныхъ отличныхъ лѣтей оставила Екатерина!

Какъ домашнимъ такъ и деревенскимъ хозяйствомъ исключительно занималась княгиня, „его супруга златовласа, Пльнира сердцемъ и лицомъ“ *. Когда я началъ знать ее, такое названіе уже ей не было прилично, хотя черты ея были безподобныя, и въ сорокъ лѣтъ она сохраняла свѣжесть двадцатилѣтней дѣвы. Но сильныя страсти, коихъ вслѣдствіе дурнаго воспитанія она никогда не умѣла обуздывать, дали ея лицу весьма непріятное выраженіе. Въ ея власти находились чада и домочадцы, слуги и крестьяне; однакоже мужъ не переставалъ быть господиномъ, и хотя всѣмъ она управляла, всѣмъ повелѣвала, но онъ сохранялъ права генеральной инспек-

---

* Такъ называетъ ее Державинъ, въ извѣстномъ стихотвореніи: *Осень во время осады Очакова.*

ци и контроля: самый благоразумный образ правления в доме.

Я худо объяснился, если мои читатели увидят в княгинѣ Годицыной злую женщину: между злою и сердитою разница превеликая. Еслибы гнѣвъ ея никогда не былъ продолжителенъ, то ее просто можно было бы назвать вспыльчивою. Она чрезвычайно любила власть и деньги, любила безъ памяти мужа и одного изъ сыновей своихъ, и терпѣть не могла противорѣчій; а какъ разсудокъ ея былъ не весьма обширенъ, то никакіе доводы не могли ее убѣждать. Сообразуясь съ симъ, можно было избѣгать неприятныхъ съ нею столкновений, и въ ея управленіи не было замѣтно и тѣни тиранства: но горе тому, кто, возбудивъ ея гнѣвъ, не спѣшилъ покорностию смягчить его; тогда она забывала все, и свой санъ, и свой полъ, и начинала даже руками давать волю. Разказывали ужасы: будто бы одинъ разъ она пріятельницу свою, помѣщицу, у себя въ гостиной, при всѣхъ таскала ла волосы; будто бы дорогой, измучившись отъ несправности, въ которой она находилась, она среди поля при себѣ велѣла разложить сопровождавшаго ее застѣдателя и высѣчь плетью: тогда еще былъ живъ князь Потемкинъ, и не было даже возможности жаловаться на нее. Надобно сказать, однакоже, къ ея чести, что на совершенно беззащитныхъ, напримѣръ на горничныхъ дѣвокъ, никогда рука ея не подымалась.

Съ такимъ нравомъ ей не легко было жить въ обществѣ; въ столицахъ она обыкновенно вела жизнь уединенную, стараясь окружить себя одними только угодниками и угодницами, а въ деревнѣ тогда не трудно было знатной барынь сосѣднихъ мелкопомѣстныхъ дворянокъ обращать въ свои прислужницы. Потому-то ея Зубриловка, въ Саратовской губерніи, была любимымъ ея мѣстопребываніемъ: тамъ степень ея довѣренности указывала мѣста всѣмъ уѣзднымъ барынямъ.

Получивъ село Казацкое по наслѣдству отъ дяди, она долго не рѣшалась въ него пріѣхать. Одна только сильныя привычки удерживали тогда на сѣверѣ новыхъ помѣщиковъ завоеваннаго края, но они восхищались мыслию, что могутъ, когда захотятъ, поселиться въ тепломъ, прекрасномъ климатѣ; нынѣ, еслибы государь имѣлъ власть раздавать имѣ-

ня близъ Ниццы и Флоренціи, то получившіе ихъ наши Руссо-Европейцы, едва ли бы тому такъ радовались. Княгиню Голицыну къ переселенію побудили другія причины; всѣ эти имѣнія, находящіяся въ рукахъ арендаторовъ, заброшенныя, забытыя, польскими помѣщиками, приносили чрезвычайно мало дохода въ сравненіи съ великороссійскими деревнями; она хотѣла личнымъ присутствіемъ стараться его умножить.

Часто, часто вздыхала она о своей Зубриловкѣ: въ благословенной странѣ, среди роскошной природы, она жила какъ въ пустынѣ; вокругъ были одни крупныя помѣстья, и самыя ближніе сосѣди во ста верстахъ. Всѣ ея навыки, всѣ ея вкусы были старинныя русскіе. Кому было угождать имъ, кому было раздѣлять ихъ съ нею? Конечно, она бы могла собрать разсѣянныхъ въ округѣ шляхтянокъ, но какъ ихъ подпустить къ себѣ? Въ глазахъ ея онѣ стояли ниже ея служанокъ. Одна своя семья и живущіе въ ней составляли ея безсмѣнное, единообразное общество. Поутру она занималась дѣломъ, за обѣдомъ хорошо кушала (и по большей части одні русскія блюда); послѣ обѣда, она сидѣла за *столикомъ въ соборѣ*, какъ изобразилъ ее Державинъ, скука ея одолевала. „Что бы намъ дѣлать? иногда говорила она, — чего бы намъ поѣсть?“ И моченныя яблоки, и рябинная пастила, и брусничная вода, и клюквенный морсъ, и морошка въ сахарѣ, иногда просто липовый медъ, всѣ сѣверныя лакомства предпочтительно южнымъ плодамъ, смѣняли другъ друга, чтобы прогонять нашу скуку. Добрая, сердитая княгиня! Истая боярыня! Несмотря на твой постоянно-угрюмый видъ, на твои страшныя иногда взоры, я чту, я люблю твою память; прости мнѣ мою откровенность: ты теперь въ обители вѣчной истины и дозволишь мнѣ говорить ее о тебѣ.

Десять сыновей родила княгиня Голицына мужу своему, и одинъ только изъ нихъ умеръ въ малолѣтствѣ. Старшій, князь Григорій, при рожденіи былъ пожалованъ гвардіи капитаномъ, какъ первенецъ изъ внуковъ Потемкина, то-есть сыновей его племянницъ. Императоръ Павелъ, при вступленіи на престолъ, сдѣлалъ его, тогда семнадцатилѣтняго мальчика, полковникомъ и своимъ флигель-адъютантомъ, а года черезъ полтора генералъ-адъютантомъ. Онъ нѣ-

сколько времени управляя военною канцеляріей и докладывалъ по дѣламъ ея государю, слѣдственно былъ родъ начальника штаба; кто его зналъ прежде и послѣ, тому это покажется вовсе непонятнымъ. Онъ лицомъ походилъ на отца, хотя былъ красивѣе его и ростомъ выше; не имѣлъ пылаго характера матери, но у нея заимствовала страсть первенства надъ мелкими людьми. Его воспитывалъ какой-то баронъ Эйбень, который, даромъ что Нѣмецъ, ни самъ ничего не зналъ, ни его ничему не училъ. Много придется мнѣ говорить объ этомъ человѣкѣ въ послѣдствіи времени; теперь сказаннаго здѣсь считаю достаточно точнымъ.

Второй сынъ, восемнадцатилѣтній князь Федоръ, не только въ нашемъ маленькомъ обществѣ, но и въ самомъ блистательномъ, многочисленномъ, былъ бы замѣчательнѣе. Получивъ столь же плохое воспитаніе, какъ и братья, онъ приобрѣлъ, однакоже, въ большомъ свѣтѣ этотъ хорошій тонъ, который человѣку, одаренному умомъ, даетъ такъ много средствъ его выказывать, а неумущему скрывать его недостатки: болѣе всего помогаетъ онъ обходить затруднительные вопросы, которые могли бы изобличить въ невѣжествѣ; имѣя самыя поверхностныя познанія, можно съ нимъ прослыть едва ли не ученымъ. Во Франціи, гдѣ родился онъ, прикрывались имъ пороки и даже злодѣяства, пока революція не истребила его, какъ бесполезный покровъ. Давно уже вывезли его къ намъ, молодые, знатные наши путешественники, Шуваловы, Бѣлосельскіе, Чернышевы, но болѣе всего эмигранты распространили его въ лучшемъ обществѣ. Въ немъ образовался князь Федоръ Голицынъ; а какъ французскій языкъ былъ исключительный органъ хорошаго тона, безъ котораго и понъ нѣ онъ у насъ не существуетъ, то онъ выражался на немъ такъ свободно и пріятно, какъ я дотолѣ не слыхивалъ.

Казалось, что онъ взялъ себѣ девизомъ: все для большаго свѣта, его успѣховъ и наслажденій. И потому-то я мало зналъ людей, которые бы имѣли столько свѣтской любезности и ума. Лицо русской кормилицы, бѣлое, полное, широкое, румяное, но съ огненнымъ взглядомъ и привлекательною улыбкой, дѣлало наружность его весьма пріятною; самой необычайной толщинѣ своей умѣлъ онъ въ молодомъ

сти, посредствомъ туалета, давать щеголеватую форму. Онъ прекрасно пѣлъ романсы и прилежно читалъ романы; въ этомъ, кажется, заключались всѣ его знанія.

Сверхъ того, былъ онъ одаренъ необыкновеннымъ вкусомъ, не тѣмъ изящнымъ вкусомъ, который умѣетъ давать цѣну произведеніямъ ваятеля, зодчаго или живописца и котораго одобренія почитаютъ они лучшею наградой, — нѣтъ, онъ самъ сознавался, что ничего не смыслить въ наружной архитектурѣ, что красоты ея для него не существуютъ, и никогда не хотѣлъ взглянуть на картину. Но что касается до внутренняго расположенія комнатъ, до убранства ихъ всѣми драгоценными бездѣлками, то на вымыслы въ этомъ родѣ былъ онъ настоящій гений. Еслибъ онъ остался живъ и захотѣлъ бы себя на то для другихъ употребить, то я увѣренъ, что въ нынѣшнее время онъ бы затмилъ, уничтожилъ Монферрана.

Еще одну великую способность имѣлъ князь Федоръ: никто въ Россіи не умѣлъ такъ славно готовить великолѣпные праздники и быть ихъ распорядителемъ. Съ большимъ состояніемъ, которое наконецъ онъ получилъ и съ маленькою бережливостію, которой никогда онъ не имѣлъ; такіе люди, какъ онъ, служатъ если не подпорою государства, то по крайней мѣрѣ украшеніемъ двора.

Моложе его годомъ, князь Сергій, третій братъ, былъ похожъ на него лицомъ, но лучше его, выше ростомъ и не такъ толстъ. Онъ его взялъ за образецъ и сіе искусное подражаніе была одна только его блестящая сторона.

Но четвертымъ, Михаиломъ, не безъ причины гордился отецъ; его любила мать, любили братья, товарищи по службѣ, весь домъ, всѣ знакомые. Нельзя было сыскать дурного лица столь пріятнаго, въ не высокомъ ростѣ нельзя было найдти болѣе мужественнаго вида; изъ-подъ наморщенного чела, изъ-подъ нахмуренныхъ всегда бровей, никакіе глаза не выражали столько сердечной доброты; столько веселой смѣлости. Онъ безъ памяти любилъ женщинъ и былъ столько въ нихъ счастливъ, сколько скромнень насчетъ успѣховъ своихъ. Съ перваго взгляда физіогномистъ могъ узнать въ немъ русскаго человѣка... Но смерть всегда выбираетъ лучшія жертвы, и онъ погибъ въ сраженіи при Прейсшъ-Эйлау, имѣя не болѣе двадцати трехъ лѣтъ отъ роду.

За нимъ слѣдовалъ пятый братъ, Николай, несчастный, больной, искаженный въ ребячествѣ отъ испуга, лишенный разсудка, и который потомъ, двадцати лѣтъ умеръ на рукахъ у няньки.

Шестой и седьмой, Павелъ и Александръ, были мои товарищи, но двумя или тремя годами моложе меня. Ни тотъ, ни другой далеко не пошли.

Самые меньшіе, Василій и Владиміръ, едва выходили тогда изъ младенчества. Первый весьма не глупъ и всегда оставался добрымъ и честнымъ человѣкомъ; онъ могъ бы быть болѣе человѣкомъ полезнымъ; но баловство страстной къ нему матери много повредило ему. Болѣе всѣхъ изъ братьевъ надѣлалъ шуму меньшой, Владиміръ. Его называли Аполлономъ; онъ имѣлъ силу Геркулеса и былъ ума веселаго, затѣйливаго, и отъ того вся жизнь его была сцѣпленіе проказъ.

Отецъ болѣе всего заботился о физическомъ образованіи дѣтей; ему желалось ихъ всѣхъ видѣть молодцами. Конечно, это весьма похвально, особливо въ то время, когда родители не только высшаго, но и средняго состоянія думали отличиться отъ простонародія, воспитывая дѣтей своихъ въ совершенной нѣгѣ, державши ихъ вѣчно въ теплѣ и не давая никакой свободы ни ихъ мыслямъ, ни ихъ движеніямъ. Человѣкъ, однакоже, не растеніе, и нужно приготовить его къ перенесенію непогодъ и нравственной атмосферы. Объ этомъ, кажется, никто не думалъ въ томъ домѣ, гдѣ я находился. Молодые князья были искусны во всѣхъ гимнастическихъ упражненіяхъ: они шибко бѣгали, высоко лазили, славно катались на конькахъ, мастерски перепрыгивали черезъ рвы; смотря по возрасту у каждаго изъ нихъ были разныхъ величинъ свайки, и они тѣшились ими между собою или съ дворовыми людьми; зимою и лѣтомъ каждое утро обливали ихъ холодною водою. Развитіе же ихъ умственныхъ способностей оставлено было на произволь судьбы; никакихъ наставленій они не получали, никакихъ правилъ объ обязанностяхъ человѣка имъ, преподаваемо не было. Гувернеръ ими очень мало занимался и только изрѣдка, какъ Онѣгина, *слегка бранилъ*. Дядьки говаривали: „Полноте, ваше сіятельство, вѣдь за васъ на мнѣ взыщутъ.“

Что касается до наукъ, то исключая гувернера, который училъ ихъ по-французски и зналъ хорошо правописание, несмотря на то что онъ былъ эмигрантъ, находился еще при нихъ учитель математики. Имѣя намѣреніе ихъ всѣхъ посвятить военной службѣ, отецъ чувствовалъ всю необходимость для нихъ сей науки.

Будучи воспитанъ какъ благородное дитя, то-есть лѣнивый тѣломъ и мало приученный къ холоду, новая метода, которой и я долженъ былъ слѣдовать, была мнѣ вовсе не по вкусу: дѣлать было нечего, и я привыкъ къ ней. Здоровое и крѣпкое сложеніе, которое получилъ я отъ природы, могло бы со временемъ быть обезсилено тѣлеснымъ бездѣйствіемъ, и я весьма благодаренъ дому Голицыныхъ за сохраненіе многихъ физическихъ способностей. Но какъ добро бываетъ рѣдко безъ худа, то въ семь же домѣ (съ горестію долженъ въ томъ признаться) въ первый разъ познакомился я съ идеями порока и разврата. Опасность явилась съ той стороны, гдѣ ея менѣе ожидать было можно. Старшій изъ моихъ маленькихъ товарищей, моложе меня, какъ сказалъ я выше, заговорилъ со мною такимъ языкомъ, который сначала показался мнѣ непонятенъ, я покраснѣлъ отъ стыда и ужаса, когда его понялъ, но вскорѣ потомъ началъ слушать его съ удовольствіемъ.

Кто бы могъ повѣрить! другой соблазнитель мой былъ самъ нашъ гувернеръ, Шевалье де - Ролень де - Бельвиль, французскій подполковникъ, человѣкъ лѣтъ сорока. Не слишкомъ молодой, умный и весьма осторожный, сей повѣса старался со всѣми быть любезенъ и умѣлъ всѣмъ нравиться, старымъ и молодымъ, господамъ и даже слугамъ. Обхожденіе его со мною съ самой первой минуты меня плѣнило; я еще помнилъ строгую мораль, которую читалъ въ глазахъ г. Мута; недавно разстался съ брюзгливымъ Форсевилемъ, и вдругъ нахожу наставника, который хочетъ увѣрить меня, что я уже не ребенокъ, а въ отроческія лѣта кому не хотѣлось быть постарѣе! Онъ началъ давать мнѣ дружескіе совѣты и одну только неловкость мою исправлять тонкими насмѣшками; я чувствовалъ себя совсѣмъ на свободѣ. Во время нашихъ прогулокъ, которыя начались съ открывшеюся весной, онъ часто забавлялъ меня остроумною болтовней; объ отечествѣ своемъ говорилъ какъ всѣ

Французы, безъ чувства, но съ хвастовствомъ, и съ состраданіемъ, болѣе чѣмъ съ презрѣніемъ, о нашемъ варварствѣ. Мало-по-малу пріучилъ онъ меня видѣть во Франціи прекраснѣйшую изъ земель, вѣчно озаренную блескомъ солнца и ума, а въ ея жителяхъ избранный народъ, надъ всѣми другими поставленный; революціонеры, новые Титаны, по словамъ его, только временно овладѣли симъ Олимпомъ, но, подобно имъ, будутъ низвергнуты въ бездну. При словѣ религія, онъ съ улыбкой потуплялъ глаза, не позволяя себѣ однакоже ничего противъ нея говорить; какъ средствомъ, видно, по мнѣнію его, пренебрегать ею было нельзя. Онъ познакомилъ меня съ именами (не съ сочиненіями) Расина, Мольера и Буало, о которыхъ я, къ стыду моему, дотолѣ не слыхивалъ, и возбудилъ во мнѣ желаніе ихъ прочесть.

Посреди сихъ разговоровъ, вдругъ началъ онъ заводить со мною нескромныя рѣчи и разказывать самые непристойныя, даже отвратительныя анекдоты: я не зналъ что мнѣ дѣлать; я такъ уже привыкъ въ него вѣровать, что стыдился своего стыда. А онъ, злодѣй, наслаждался моимъ смятеніемъ; еще пріятнѣе было ему видѣть, какъ постепенно исчезала моя робость и умножалось безстыдство. Какая была цѣль его? Просто, въ этихъ людяхъ есть нѣчто демонское. Когда между Французами таковы были поборники вѣры и законнаго правительства, то что же такое были ихъ противники?

Изобразивъ поступки этого человѣка, надобно сказать нѣсколько словъ и о наружности его: онъ былъ высокъ и сухощавъ, имѣлъ самые маленькіе, сѣрые, сверкающіе глаза и огромный носъ, который, описывая правильную дугу, составлялъ четверть круга. Онъ былъ чрезвычайно опрятенъ и никогда не покидалъ крестика Св. Лазаря, который доставляли не заслуги, а доказательства стариннаго дворянства.

И вотъ въ какихъ рукахъ находилась тогда, конечно, половина благороднаго русскаго юношества! При Павлѣ размножились у насъ эмигранты: не было полка въ арміи, въ коемъ бы не находилось ихъ по два и по три человѣка. Вообще тѣмъ, коимъ удалось попасть въ службу, болѣе другихъ посчастливилось; графскій титулъ, который, по безчисленности носящихъ

его мелкихъ, мало извѣстныхъ дворянъ, во Франціи уже былъ ни почемъ, у насъ тогда еще былъ въ рѣдкость, и наши знатныя или богатые невѣсты охотно выходили за сихъ мнимознатныхъ людей, особливо когда они имѣли русскій чинъ. Такимъ образомъ Лавали, Модены, Кенсоны у насъ сдѣлались величайшими аристократами, не только сравнивались съ знаменитѣйшими нашими фамиліями, но начали почитать себя выше ихъ. Не такова была участь тѣхъ, кои принуждены были приняться за воспитаніе дѣтей; званіе учителя, въ нашихъ варварскихъ понятіяхъ, казалось намъ не много выше холопа-дядьки, вѣчнаго соперника *мусси*. Французы это замѣтили; но какъ не было возможности ихъ всѣхъ помѣстить, ибо прибывающія ихъ толпы безпрестанно увеличивались, то слѣдуя нашей половицѣ (я думаю у нихъ же заимствованной) „плоха честь, когда нечего ѣсть“, они разсѣялись по лицу земли Русской, чтобы какимъ-либо образомъ добывать себѣ хлѣбъ. Умножающееся употребленіе французскаго языка способствовало имъ къ отысканію мѣсть; скоро въ самыхъ отдаленныхъ губерніяхъ, всякій небогатый даже помѣщикъ началъ имѣть своего маркиза. * Не было у насъ для Французовъ середины; ils devenaient outchitels ou grands seigneurs.

Когда между Французами, между эмигрантами, встрѣтятся человѣкъ благоразумный, просвѣщенный, скромный, съ религіозными чувствами и строгою нравственностію, то надобно говорить объ немъ какъ о диковинкѣ. Такая диковинка находилась у насъ въ селѣ Казацкомъ. Къ сожалѣнію, не ему было поручено воспитаніе наше: онъ только давалъ намъ уроки. Г. Керлеро, о коемъ хочу говорить, не пріѣхалъ, а пришелъ въ Россію съ корпусомъ принца Конде. Какъ искуснаго инженернаго офицера, его бы охотно приняли во всякую иностранную службу, но онъ предпочелъ надѣть ледунку, взять ружье и стать въ ряды простыхъ воиновъ, защитниковъ королевскихъ правъ, кои почитали они священными: когда корпусъ, къ коему принадлежалъ онъ, былъ принятъ въ русскую службу, то скоро наскучивъ

---

* Я зналъ въ Пензенской губерніи одного-г. Жедринаскаго, у котораго было не болѣе трехъ сотъ душъ обремененныхъ долгами. Его сына воспитывалъ виконтъ де-Мельвилъ.

гарнизонную жизнь, онъ опредѣлился учителемъ въ домъ Голицыныхъ.

Въ этомъ коротенькомъ и крѣпкомъ человѣчкѣ нельзя было предположить ни костей, ни мяса, ни жиру, а одни только мускулы: онъ весь былъ какъ одна только сильная пружина. Родомъ былъ онъ изъ Бретани. Я не знаю должно ли Бретонцевъ почитать Французами. Изъ завоеванныхъ кельтическихъ племенъ, они одни подъ римскимъ владычествомъ сохранили нѣкоторую твердость, независимость, честные и дикіе нравы и неблагозвучный свой языкъ, когда вся Галлія приняла обычаи своихъ завоевателей. Гордые ихъ единоплеменники, отдѣленные отъ нихъ проливомъ, также легко переродились въ Англосаксовъ и Норманновъ, какъ скоро были ими покорены. Оружіе Франковъ позже всего проникло въ ихъ Арморикю, и Вандея была послѣдняя защитница прежняго порядка. Пусть назовутъ ихъ непреклонными или упрямыми; таковы остались они и понынѣ, таковъ былъ и мой любезный Керлеро.

Онъ съ добродушною настойчивостію побѣдилъ во мнѣ отвращеніе къ математическимъ наукамъ, и въ одно лѣто прошли мы съ нимъ геометрію и алгебру; ему обязанъ я тѣмъ, что не остался совсѣмъ безчестнымъ. Съ величайшимъ терпѣніемъ училъ онъ маленькихъ князьковъ, но усердно и успѣшно занимался съ шестнадцатилѣтнимъ отставнымъ офицеромъ, княземъ Михаиломъ, который одинъ изъ братьевъ пожелалъ вознаграждать потерянное на службѣ время.

И такъ въ семь домѣ было два Француза, было еще и два Нѣмца: отставной ротмистръ, который завѣдывалъ конюшнею и смотрѣлъ за лошадьми, и лѣкарь, который морилъ людей; послѣдній былъ женатъ. Потомъ былъ Грекъ, отставной майоръ, главный управитель надъ деревнями, который всегда улыбался, прищучивалъ и обкрадывалъ своихъ вѣрителей; въ немъ одно только мнѣ памятно: отъ него ужасно несло курительнымъ табакомъ, цвѣтъ лица онъ имѣлъ совсѣмъ кофейный и ежедневно пилъ по двѣнадцати чашекъ кофе. Всѣхъ вышесказанныхъ, но не вышеименованныхъ особъ, лѣтъ двадцать тому назадъ могъ бы я назвать читателю, который впрочемъ не много бы отъ того выигралъ, и горе только одному мнѣ, кому память столь

примѣтно измѣняетъ. * Наконецъ былъ и Полякъ, Загурскій, панъ экономъ съ своею паньей. Грекъ и Нѣмцы обѣдали съ нами только по праздникамъ и по воскресеньямъ, и шляхтича съ женой, тоже по воскресеньямъ, пускали только по утру съ поклономъ къ княгинѣ, которая мило-стиво давала имъ цѣловать ручку.

Все это были должностныя лица, но въ нашемъ обществѣ находились еще два почетные члена, изъ коихъ одинъ давно уже членомъ Россійской Академіи, а другой доселѣ тщетно ожидаетъ сей чести.

Родной племянникъ Александра Петровича Сумарокова, одного изъ извѣстнѣйшихъ нашихъ старинныхъ писателей, Павелъ Ивановичъ служилъ въ Преображенскомъ полку подъ начальствомъ князя Сергѣя Федоровича и женился на двоюродной сестрѣ его, княгинѣ Маріи Васильевнѣ Голицыной. Прижитыхъ съ нею двухъ дѣтей, сына и дочь, отдалъ онъ на воспитаніе въ домъ своего родственника и покровителя. Принужденъ будучи, подобно многимъ, оставить службу и не имѣя большаго состоянія, онъ находился тогда вмѣстѣ съ ними и гостилъ въ Казацкомъ.

Весьма бы любопытно было сдѣлать психологическое изысканіе, отчего люди, имѣющіе сколько-нибудь разсудка, иногда до того бываютъ ослѣплены высокимъ о себѣ мнѣніемъ, что выказываютъ его на каждомъ шагу, при каждомъ словѣ, не замѣчая сколь неприлично сіе въ обществѣ, сколь противно для самолюбія другихъ. Каждый изъ насъ, если только захочетъ взять трудъ разсмотрѣть себя, то найдетъ внутреннее, вѣрное чувство, которое поможетъ ему лучше другихъ сдѣлать самому себѣ оцѣнку. Многие, ужасаясь умственной нищеты своей, холоднымъ молчаніемъ ограждаютъ ее отъ пронизательности людей; высокоумнымъ обхожденіемъ, какъ плотною мантіей, прикрываютъ они природныя свои рубища.

Непомѣрная спѣсь г. Сумарокова превосходила всякое

---

* Чтобы имѣть по образцу каждой націи, учился съ нами маленькій, красивый Англичанинъ, Жозъ Личъ, сынъ какого-то ремесленника. Я недавно зналъ его архитекторомъ медико хирургической академіи, во что опредѣлилъ его извѣстный его единокоремецъ Вилліе, хотя онъ никогда архитектурѣ и не думалъ учиться.

описание: никакіе успѣхи не смягчали его гордости, безчисленныя неудачи не могли никогда его образумить. Въ обращеніи со всѣми, кого смолода не привыкъ онъ почитать выше себя, было всегда что-то грубое, жесткое, нестерпимое.... Два раза былъ онъ губернаторомъ, потомъ сенаторомъ.

Онъ одинъ видѣлъ въ себѣ государственнаго человѣка и литературнаго гения; никто даже въ шутку его въ томъ не увѣрялъ. Вѣроятно, у него былъ двойникъ, и ихъ взаимное удивленіе, обожаніе утѣшало его въ мнимой несправедливости людей. Нельзя думать, чтобы творенія его дошли до потомства; библиоманамъ было бы однакоже не худо ихъ сохранять; они могутъ служить образцами дурнаго слога, дурнаго вкуса, самохвальства. Стараясь спасти ихъ отъ забвенія, въ которомъ, можетъ-быть, и самъ потону, спѣшу назвать извѣстнѣйшія: *Досуги крымскаго судьи*, *Прогулка за границу* и повѣсть: *Геодора*....

Въ ненастное время пернатые пѣвцы скрываются въ густотѣ лѣса; деревню и домъ князя Голицына избралъ тогда убѣжищемъ одинъ весьма мохнатый пѣвецъ, извѣстный чудесными дарованіями. Я назвалъ его пѣвцомъ мохнатымъ, потому что въ поступи его и манерахъ, въ ростѣ и дородствѣ, равно какъ и въ слогѣ, есть нѣчто медвѣжье, та же сила, та же спокойная угрюмость, при неуклюжествѣ,— та же смышленость, затѣйливость и ловкость. Его никто не назоветъ лучшимъ, первѣйшимъ нашимъ поэтомъ, но конечно онъ долго останется извѣстнѣйшимъ, любимѣйшимъ изъ нихъ. Многіе догадаются, что я хочу говорить о Крыловѣ.

Онъ былъ тогда лѣтъ тридцати шести и болѣе двѣнадцати извѣстенъ въ литературѣ. Онъ находился у насъ въ качествѣ пріятнаго собесѣдника и весьма умнаго человѣка, а о сочиненіяхъ его никто, даже онъ самъ, никогда не говорилъ. Мнѣ это доселѣ еще непонятно: отъ того ли сіе происходило, что онъ не былъ иностранный писатель? отъ того ли, что въ это время у насъ дорожили одною только воинскою славой? Какъ бы то ни было, но я не подозревалъ, что каждый день вижу человѣка, коего творенія печатаются, играютъ на сценѣ и читаются всѣми просвѣщенными людьми въ Россіи; еслибы зналъ это, то конечно смотрѣлъ бы на него совсѣмъ иными глазами.

Собственное его молчаніе не можетъ почитаться слаб- ствіемъ скромности, а болѣе сметливости его: онъ выка- зывалъ только то, что въ состояніи были оцѣнить; истин- ные же сокровища ума своего ему не передъ кѣмъ было расточать.

Происхожденіе его мало извѣстно; кажется, онъ долженъ быть сыномъ новаго, мелкаго, бѣднаго дворянина. Природа сама указала ему путь, на которомъ онъ встрѣтился съ фортуной, потому-то онъ мало заботился о службѣ. Но въ Россіи, особливо лѣтъ пятьдесятъ тому назадъ, никакъ нельзя было оставаться безъ чина и его куда-то записали. Неимущій, безпечный юноша онъ долго не имѣлъ соб- ственнаго угла и всегда гостилъ у кого-нибудь. Такимъ образомъ попалъ онъ къ князю Голицыну и жилъ у него уже года два до нашей встрѣчи. Онъ сопутствовалъ ему въ армію въ званіи частнаго секретаря, надѣялся за гра- ницей получить новыя впечатлѣнія, приобрѣсть новыя по- знанія; но неблагопріятный оборотъ, который взяли дѣла его патрона, заставилъ его съ нимъ вмѣстѣ укрыться въ деревнѣ.

Въ тучномъ тѣлѣ его обращалась кровь не столь ме- дленно какъ нынѣ, въ немъ было болѣе живости, даже бо- лѣе воображенія; но уже тогда былъ онъ замѣчательнъ не- опрятностью, лѣнностью и обжорствомъ. Въ этомъ необык- новенномъ человѣкѣ были положены зародыши всѣхъ та- лантовъ, всѣхъ искусствъ. Природа сказала ему: выбирай любое; и онъ началъ пользоваться ея богатыми дарами, сдѣлался поэтъ, хорошій музыкантъ, математикъ. Скоро тяжестью тѣла какъ бы прикованный къ землѣ и самымъ пошлымъ ея удовольствіямъ, его умъ сталъ рѣже и ниже парить. Одного ему не было дано — душевнаго жара, свя- щеннаго огня, коимъ согрѣлась, растопилась бы сія масса, поглотившая у насъ столь много наслажденій. Мы дивим- ся, мы восхищаемся тѣмъ, что ускользнуло отъ могуще- ства плоти; что бы мы увидѣли, еслибъ она могла быть по- бѣждена!

Крылова называютъ русскимъ Лафонтеномъ; тотъ и дру- гой первые баснописцы въ своей землѣ; но какъ поэтъ, мнѣ кажется, Французъ стоитъ выше. Какъ онъ бываетъ иног- да трогателенъ, увлекателенъ, надримѣръ въ баснѣ: „Два Го-

лубя“. Читая его никто не спроситъ: былъ ли онъ добрый человѣкъ? Всякій это почувствуетъ. Еслибъ о Крыловѣ мнѣ сдѣлали сей вопросъ, то я долженъ бы былъ отвѣчать отрицательно. Чрезмѣрное себялюбіе, даже безъ злости, нельзя назвать добротой; въ дѣяніяхъ Крылова, въ его разговорахъ былъ всегда одинъ только расчетъ, въ его стихахъ чистота, стройность и размѣръ, вездѣ умъ, нигдѣ не проглянетъ чувство, а умъ безъ чувства то же что свѣтъ безъ теплоты. Человѣкъ этотъ никогда не зналъ ни дружбы, ни любви, никого не удостоивалъ своего гнѣва, никого не ненавидѣлъ, ни о комъ не жалѣлъ. Никогда не вспоминалъ онъ о прошедшемъ, никогда не радовался ни славѣ нашего оружія, ни успѣхамъ просвѣщенія; если онъ и завидовалъ другимъ знаменитымъ современнымъ нашимъ писателямъ, то развѣ въ тайнѣ, былъ съ ними привѣтливъ, но никогда ихъ не читалъ, никогда не хотѣлъ говорить о ихъ сочиненіяхъ. Единственную страсть, или лучше сказать что-то похожее на нее, имѣлъ онъ къ карточной игрѣ, но и въ ней былъ всегда остороженъ и всегда презиралъ угроковъ, съ коими однакоже прожилъ вѣкъ. Двѣ трети столѣтія прошелъ онъ одинъ сквозь нѣсколько поколѣній, одинаково равнодушный какъ къ отцвѣтшимъ, такъ и къ зрѣющимъ.

Съ хозяевами домовъ, кои, по привычкѣ, онъ часто посѣщалъ, гдѣ ему было весело, гдѣ его лелѣвали, откармливали, былъ онъ очень ласковъ, любезенъ; но если печаль какая ихъ постигала, онъ не охотно ее раздѣлялъ. Еслибъ его спросили, какое слово въ русскомъ языкѣ ему кажется нѣжнѣйшимъ, то я увѣренъ, что онъ бы отвѣчалъ: кормилецъ мой. Что дѣлать! видно сердце у него въ желудкѣ; изъ сего источника почерпнулъ онъ большую часть своихъ мыслей, и надобно сказать правду, онъ имъ не худо былъ вдохновенъ.

Тотъ, кто остается чуждъ житейскихъ бурь, кто на страсти людей, благородныя или пагубныя, смотритъ съ улыбкою презрѣнія, тотъ не долженъ имѣть ихъ слабостей, а еще менѣе ихъ предразсудковъ. Но таковы несообразности въ каждомъ изъ насъ, такое несогласіе бываетъ между разумомъ и склонностями, что не сыщется нынѣ человѣка, который бы болѣе Крылова благоговѣлъ передъ высокимъ

чиномъ. или титуломъ, въ глазахъ коего сїятельство или звѣзда имѣли бы болѣе блеска. Положимъ, это слѣдствіе господствовавшаго прежде мнѣнія, подъ вліяніемъ коего онъ выросъ, и я очень далекъ, чтобы видѣть тутъ что-нибудь худое; но зачѣмъ же богатство имѣеть равное право на его почитательную нѣжность? Отчего же такое жестокое невниманіе ко всѣмъ, кто обиженъ не природой, а фортуной? Гдѣ же твердый мужъ? Гдѣ же философъ? Надобно было видѣть въ Казацкомъ его умное, искусное, смѣлое раболѣпство съ хозяевами, надобно было видѣть какъ онъ самъ возбуждалъ ихъ къ шуткамъ, какъ часто въ угожденіе имъ трунилъ надъ собою.

Грустно это вспомнить, а еще грустнѣе подумать, что на немъ выпечатанъ весь характеръ простаго русскаго народа, какимъ сдѣлали его татарское иго, тиранство Іоанна, крѣпостное надъ нимъ право и желѣзная рука Петра, и если Крыловъ вѣрное изображеніе его недостатковъ, то онъ же и представитель его великихъ способностей. Въ простомъ языкѣ его, который иногда употребляетъ онъ и въ разговорѣ, изъ простыхъ его изреченій схватилъ онъ все, что показываетъ его глубокомысліе, и безъ лишнихъ украшеній, безъ приправы, составилъ изъ нихъ оригинальныя свои творенія, какъ славный поваръ изъ простыхъ, но самыхъ свѣжихъ припасовъ готовить вкусный столъ, который можетъ удовлетворить прихотямъ взыскательнѣйшаго гастронома. Подобно восточнымъ стихотворцамъ, въ коихъ самовластіе не могло заглушить таланта, но кои не дерзаютъ явно говорить истины, рѣшился и онъ яснымъ мыслямъ своимъ, вѣрнымъ наблюденіямъ дать форму аполога.

Несмотря на свою лѣность, онъ отъ скуки предложилъ князю Голицыну преподавать русскій языкъ младшимъ сыновьямъ его и слѣдственно и соучащимся съ ними. И въ этомъ дѣлѣ показалъ онъ себя мастеромъ. Уроки наши проходили почти всѣ въ разговорахъ; онъ умѣлъ возбуждать любопытство, любилъ вопросы и отвѣчалъ на нихъ также толковито, также ясно, какъ писалъ свои басни. Онъ не довольствовался однимъ русскимъ языкомъ, а къ наставленіямъ своимъ примѣшивалъ много нравственныхъ поученій и объясненій разныхъ предметовъ изъ другихъ наукъ.

Изъ слушателей его никого не было внимательнѣе меня, и я долженъ признаться, что если имѣю сколько-нибудь ума, то много въ то время около него набрался.

Обхожденіемъ его со мной я былъ очень доволенъ: правда, онъ напоминалъ мнѣ иногда о почтеніи, коимъ обязанъ я ребятамъ, молодымъ князьямъ, моимъ товарищамъ, что мнѣ было весьма не по сердцу; но за то маленькому Англичанину Личу при мнѣ говаривалъ онъ, что ему не слѣдуетъ забываться передо мной, генеральскимъ сыномъ.

Чтобы никого не пропустить изъ нашего деревенскаго общества, долженъ я назвать еще два лица, отставнаго капитана Таманскаго, побочнаго сына князя Сергія Федоровича, и живущую у княгини русскую барышню, Прасковью Андреевну, которыя ничтожества свои, во время пребыванія моего въ Казакѣ, совокупили законными брачными узами.

Насъ человѣкъ двадцать каждый день садилось за столъ, но по праздникамъ бывало и болѣе двадцати пяти. Казалось, будто мы океаномъ или непроходимыми горами отдѣлены отъ другихъ частей міра, и только одинъ разъ въ недѣлю, посредствомъ почты, имѣемъ съ нимъ сообщеніе. Меня увѣряли послѣ, будто за нами присматривали: но кажется, кому бы было? Земской полиціи мы въ глаза не видали, а между нами не было ни одного человѣка, который бы когда-либо запятналъ себя предательствомъ.

Почтовые дни были для насъ днями радости. Я зналъ тогда хорошо по-нѣмецки и съ жадностію бросался на гамбургскія газеты, которыя по прочтеніи вручалъ мнѣ князь съ одобрительною улыбкой. *Московскія Вѣдомости* не менѣе тогда были любопытны: не было номера, въ коемъ бы не упоминалось о Суворовѣ. Я шелъ за нимъ черезъ Адижъ, Требию и По, за нимъ летѣлъ на высоты Альповъ и съ нетерпѣніемъ ожидалъ его въ Парижѣ; голова моя горѣла, сердце билось при чтеніи блистательныхъ его реляцій. Я дома былъ извѣженъ и слѣдственно трусливъ; тутъ откуда взялась бодрость; съ восхищеніемъ мечталъ я объ опасностяхъ, стыдился малѣйшей робости и побѣждалъ ее. Такъ сильно дѣйствуютъ великіе люди въ отдаленнѣйшихъ отъ насъ мѣстахъ, на самые низшіе классы и на самый нѣжный возрастъ.

Тутъ въ первый разъ узналъ я сладостное чувство любви къ отечеству, меня потомъ никогда не покидавшее; въ этотъ достопамятный для меня годъ познакомился я съ пороками и добродѣтелями, мнѣ до того неизвѣстными, въ уединенномъ углу Россіи вкусилъ я отъ древа познанія добра и зла. Скудны были мы настоящими происшествіями, но за то, исключая дѣтей, всѣ были богаты воспоминаніями, и потому-то большая часть разговоровъ проходила въ разказахъ. Изъ разныхъ странъ собрались тутъ образчики разныхъ націй и состояній; съ обыкновеннымъ вниманіемъ я все выслушивалъ, позволялъ себѣ мѣшаться въ разговоры, дѣлать вопросы и получалъ снисходительные и удовлетворительные отвѣты. Такимъ образомъ, въ самомъ тѣсномъ кругу, въ коемъ прожилъ я тогда близъ года, чрезвычайно расширился кругъ моихъ идей.

Напримѣръ, я узналъ между прочимъ, что знатный родъ и блестящія связи не только замѣняютъ заслуги и чины, кои они доставляютъ или должны доставлять, но стоятъ на высотѣ, для сихъ послѣднихъ недосыгаемой. Сію вѣру исповѣдывали всѣ члены семейства въ коемъ я жилъ; изъ нихъ, кажется, первый князь Федоръ принялъ ее въ тогдашнихъ Петербургскихъ гостиныхъ, куда вывезена была она прямо изъ Сень-Жерменскаго предмѣстія статскою совѣтницей княгиней Натальей Петровной Голицыной, урожденной графиней Чернышевой, сестрой фельдмаршалши Салтыковой. Находясь въ Парижѣ во время революціи, сія знаменитая дама схватила священный огонь, угасающій во Франціи и возжгла его у насъ на сѣверѣ. Сотни свѣтскаго и духовнаго званія эмигрантовъ способствовали ей распространить свѣтъ его въ нашей столицѣ. Составилась компанія на акціяхъ, куда вносились были титулы, богатства, кредитъ при дворѣ, знаніе французскаго языка, а еще болѣе незнаніе русскаго. Присвоивъ себѣ важныя привилегіи, компанія сія назвалась высшимъ обществомъ и правила французской аристократіи начала прилаживать къ русскимъ правамъ, столь же удачно, какъ въ нынѣшнихъ французскихъ водевиляхъ маркизы де-Сенваль и виконтессы де-Жюссакъ на нашей сценѣ перерождаются Авдотьями Дмитриевнами и Марьями Семеновнами. Екатерина благопріятствовала сему обществу, видя въ немъ одинъ изъ оплотовъ престола противъ вольнодумства. . . . .

Не одинъ разъ придется мнѣ говорить о семъ высококомъ сословіи, не болѣе какъ съ полсотни лѣтъ у насъ образовавшемся, о преимуществахъ, коими оно пользуется, о сомнительныхъ правахъ нѣкоторыхъ изъ его членовъ. Чтобы съ нѣкоторою подробностію изобразить его, я хочу дождаться времени, когда мнѣ дано было почтительно приблизиться къ его святилищамъ; сказанное теперь почитаю покамѣстъ достаточнымъ. Въ малолѣтствѣ не совсѣмъ деликатно давали мнѣ чувствовать его могущество, но оно еще являлось мнѣ какъ огромный блестящій фантомъ, коего образъ сокрытъ былъ отъ меня таинственнымъ покровомъ, коего не видѣлъ я слабыхъ сторонъ и коего власти не зналъ я границъ.

Барская спѣсь съ примѣсю французскихъ предрасудковъ, дѣлала самохвальство молодыхъ Голицыныхъ иногда несноснымъ. Ни у одного не было дурнаго сердца, не было даже гордости, но губительное для нихъ въ послѣдствіи тщеславіе и легкомысліе. Имъ все еще грезилась тѣнь дѣдушки Потемкина; изъ словъ ихъ можно было узнать, что они болѣе видятъ въ себѣ побѣжденныхъ сильнымъ противникомъ, чѣмъ караемыхъ грознымъ владыкой. Съ своими слугами они обходились также просто, какъ и съ живущими у нихъ въ домѣ; эта ласка была такого рода, какая оказывается любимой лошади, собакѣ или птицѣ. Такой ласки я снести не могъ, и смѣю похвастаться, что умѣлъ отразить покровительственный тонъ, который хотѣли взять со мною молодые люди; съ родителями ихъ было дѣло другое.

Прошло лѣто, наступила осень, и уже близилась зима; съ каждымъ днемъ все у насъ въ деревнѣ становилось мрачнѣе и печальнѣе. Заграничныя извѣстія сдѣлались менѣе радостны, уменьшилась быстрота полета Суворова; сколь ни славенъ былъ переходъ его черезъ Альпы, но онъ отдалялъ насъ отъ цѣли; наши Франгузы-роялисты повѣсили голову, а я чуть не плакалъ отъ досады.

Мои родители изъ Кіева отправились въ Москву, чтобы быть при родахъ сестры моей Алексѣевой, которая въ октябрѣ благополучно и разрѣшилась сыномъ Александромъ. Это извѣстіе меня обрадовало и возгордило: въ первый разъ я сдѣлался дядей.

Къ концу года, приготовились для меня новыя перемѣны

въ жизни. Тайный іезуитъ, аббатъ Николь, завелъ въ Петербургъ аристократическій пансіонъ. Онъ объявилъ, что сыновья вельможъ одни только въ немъ будутъ воспитываться; и сколько съ намѣреніемъ затруднить вступленіе въ него дѣтямъ не богатыхъ состояній, столько изъ видовъ корысти положилъ немовѣрную плату: ежегодно по 1.500 рублей, нынѣшнихъ шесть тысячъ. Обстоятельства способствовали успѣхамъ сего заведенія, которое находилось у Обухова моста, на Фонтанкѣ, рядомъ съ великолѣпнымъ домомъ князя Юсупова. Супруга его, княгиня Татьяна Васильевна, отдала сына своего къ аббату Николу, коего чрезвычайно поддерживала; будучи сестрою княгини Голицыной, она письменно и ее убѣждала прислать туда же младшихъ сыновей своихъ, на что послѣдняя долго не изъявляла согласія. Но какъ невозможно было наконецъ не подмѣтить безнравственности г. Ролена, такъ какъ совѣстились ему прямо отказать и затруднились въ пріисканіи ему преемника, то и рѣшились отправить мальчиковъ въ Петербургъ. О семъ намѣреніи увѣдомили также и моихъ родителей, возвращавшихся тогда изъ Москвы.

Едва успѣли они воротиться, какъ прислали за мной довѣреннаго слугу. Исключая Михаила Голицына и учителя Керлеро, я разстался почти безъ всякаго сожалѣнія съ людьми, съ коими, казалось, одна свечка должна уже была меня связать; не меня винить надобно, а ихъ равнодушіе даже между собою, даже другъ къ другу. Въ самое Рождество, отужинавъ, простился я со всѣми довольно холодно и пошелъ къ себѣ спать, съ тѣмъ чтобы до свѣта выѣхать. Странное дѣло! Лишь только пришелъ въ свою комнату и сталъ раздѣваться, какъ мнѣ сдѣлалось грустно. Такъ послѣ со мною бывало и вездѣ, особенно тамъ, гдѣ люди не оказывали мнѣ и не возбуждали во мнѣ большаго участія: вмѣсто ихъ, роднился я съ мѣстами и ихъ только покидалъ какъ друзей. Менѣе сутокъ пробылъ я въ дорогѣ и далеко за полночь, когда уже у насъ всѣ спали, пріѣхалъ я въ Кіевъ.

XV.

Когда по утру увидѣли меня родители, то едва могли узнать: такъ много съ небольшимъ въ десять мѣсяцевъ измѣнилась моя наружность. Они оставили меня отрокомъ, я предсталъ имъ юношей. Я похудѣлъ, я вытянулся какъ спаржа; въ теплицѣ порока насильственно и быстро я созрѣлъ.

Они не знали что со мной дѣлать; мои лѣта требовали еще продолженія учебныхъ занятій, мой ростъ и тогдашніе обычаи дѣлали меня годнымъ для службы. Къ тому же имъ жаль было со мной разстаться; изъ многочисленнаго семейства находился я при нихъ тогда почти одинъ, ибо старшая сестра и старшій братъ остались гостить у замужней сестры въ Москвѣ, а средній братъ поѣхалъ въ Петербургъ попытаться войти опять въ службу.

Въ Кіевѣ былъ тогда одинъ пріѣзжій нѣмецкій профессоръ, г. Граффъ, человекъ ученый и кроткій, который не хотѣлъ заводить школы, а только для образованія въ наукахъ взялъ къ себѣ жить пять или шесть молодыхъ людей. Мой отецъ хотѣлъ меня къ нему отдать, но мать моя, которая весьма была на то согласна, выпросила меня только недѣли на три, чтобы мной потѣшиться.

Въ это время военнымъ губернаторомъ былъ Беклешовъ, но не тотъ, котораго я оставилъ, а меньшей братъ его, Сергѣй Андреевичъ. Старшаго же императоръ еще лѣтомъ вызвалъ въ Петербургъ и сдѣлалъ генераль-прокуроромъ. Завѣдывая всѣми частями государственнаго управленія, Беклешовъ сохранилъ однакоже военное званіе и военный мундиръ.

Въ то время дворянству воспрещено было первоначально вступать въ гражданскую службу. Въ званіи военнаго и гражданского чиновника вмѣстѣ, Беклешовъ предложилъ составить новый пѣхотный полкъ, подъ именемъ Сенатскаго, и его назначить шефомъ того полка; не ограничивать

числа вступающихъ въ него подпрапорщиковъ изъ дворянъ, а симъ послѣднимъ, въ одно время преподавать законовѣдѣніе и учить ихъ фронтовой службѣ. Сія мысль была довольно куріозна; она немедленно была приведена въ исполненіе. Брату моему, находившемуся тогда въ Петербургѣ, поручилъ Беклешовъ написать къ моимъ родителямъ, чтобъ они прислали меня къ нему для опредѣленія въ этотъ полкъ и не заботились потомъ о моей судьбѣ. Выгоды казались очевидны; сей новый планъ разстроилъ прежній: отдать меня къ г. Граффу, и только ожидали случая, чтобъ отправить меня въ Петербургъ.

Кіевъ оживился тогда контрактами и ярмаркой, но мы съ матерью почти все сидѣли дома, чтобы рѣже разлучаться. Во время вторичнаго отсутствія моего, число незнакомыхъ мнѣ лицъ еще болѣе въ немъ умножилось; должностные же успѣли въ это время раза два перемѣниться, а прежніе, Екатерининскіе, между прочимъ Шардонъ съ Шардоншей, были всѣ въ отставкѣ и тихо доживали вѣкъ.

Одно поразило меня тогда въ Кіевѣ: новые костюмы. Въ это время запрещено было носить круглыя шляпы, фраки, жилеты, панталоны, ботинки и сапоги съ отворотами; ихъ велѣно замѣнить односторонними кафтанами съ стоячимъ воротникомъ, трехугольными шляпами, камзолами, короткимъ нижнимъ платьемъ и ботфортами. Въ столицахъ уже давно успѣли привыкнуть къ сему костюму, въ провинціяхъ позже, а къ намъ въ деревню или приказаніе не дошло, или оно въ ней не исполнялось. И мнѣ все платье пришлось перекроить; ибо уже года два ходилъ я въ галстукъ и снялъ куртку.

Въ первыхъ числахъ февраля, княгиня Варвара Васильевна прислала къ намъ въ домъ двухъ сыновей своихъ, Павла и Александра, чтобы всѣмъ нужнымъ запастись для дальнѣйшаго пути. Сыновей князя Голицына привезъ въ Кіевъ г. Таманскій, о коемъ въ предыдущей главѣ я, кажется, что-то сказалъ; онъ долженъ былъ сопровождать ихъ до самаго Петербурга. Вотъ и удобный случай меня отправить; имъ воспользовались, на-скоро меня снарядили и поручили попеченіямъ и надзору г. Таманскаго.

Этотъ разъ поѣхалъ я уже безъ всякаго восторга, съ однимъ только чувствомъ горести. Въ чужбинѣ такъ мало испыталъ я радостей, что въ будущемъ ничего не смѣлъ себѣ

пріятнаго общать. Въ виду у меня были двойныя занятія и военная служба, въ которой, какъ увѣряли, дворяне не имѣющіе офицерскаго чина не избавлялись тогда отъ тѣлесныхъ наказаній. Зима была ужасная и продолжительная, мы сидѣли закутанные въ крытыхъ кибиткахъ, и свѣту Божьяго не видѣли. Но насъ было четыре мальчика, сорвавшихся съ узды: двое Голицыныхъ, Англичанинъ Личъ и я, а надъ нами Таманскій, котораго никто не слушался, на котораго никто изъ насъ не хотѣлъ глядѣть. Въ такой веселой компаніи скоро можно было забыть горе; Таманскій разчитывался, расплачивался, суетился, а мы безъ заботъ, даже безъ замѣчаній, скакали день и ночь, мѣняли лошадей, а на станціяхъ только что проказничали и рѣзвились: послѣдній разъ въ жизни былъ я ребенкомъ.

Въ одномъ только Витебскѣ чрезвычайная стужа заставила насъ остановиться на сутки, чтобъ отдохнуть и отогрѣться. Въ Порховѣ узнали мы отъ одного, проѣзжаго, что Беклешовъ отставленъ, и уже уѣхалъ изъ Петербурга: „Что же Сенатскій полкъ?“ спросилъ я у проѣзжаго.—„Переименованъ въ Литовскій, отвѣчалъ онъ, у сената нѣтъ уже гвардіи, одинъ государь можетъ ее имѣть.“—„Что же со мною будетъ?“ подумалъ я, и тяжко вздохнулъ.

Наконецъ, 18-го февраля 1800 года, по утрамъ въ Гатчинѣ едва выпивъ чашку чаю въ торопяхъ, къ полдню въ первый разъ я увидѣлъ Петербургъ. Спустившись съ Пулковой горы, наши извозчики остановились, чтобы поправить лошадей; я этимъ воспользовался, чтобы въ находившейся тутъ каменной лавочкѣ купить пряничныхъ орѣховъ на послѣднія десять копѣекъ мѣдью, которыя у меня въ карманѣ оставались; деньги же на прогоны и другія потребности, были моими родителями отданы въ распоряженіе г. Таманскаго, который ихъ всѣ уже издержалъ.

У самой заставы объявилъ мнѣ онъ, вѣроятно наскучивъ мною дорогой, что мнѣ открыты всѣ четыре стороны, что онъ взялся меня только довести, но отнюдь не намѣренъ заботиться обо мнѣ въ столицѣ, и самъ съ молодыми людьми отправился прямо къ княгинѣ Юсуповой. Что мнѣ было дѣлать? Изъ писемъ зналъ я, что братъ мой живетъ у одного кievскаго пріятели нашего семейства, артиллерійскаго генерала Бѣгичева, но гдѣ? Я думалъ, что объ этомъ знаетъ на

заставъ караульный офицеръ, онъ улыбнулся моему вопросу и совѣтовалъ мнѣ узнать о томъ въ Ордонансъ-Гаузѣ. Онъ находился въ Милліонной, на углу Мошкова переулка; туда я и отправился; тамъ ничего мнѣ не могли сказать, а полагали, что мнѣ надобно искать его на Литейной, гдѣ живутъ всѣ артиллеристы, и что квартиру его мнѣ, вѣроятно, укажетъ первый, попавшійся мнѣ, артиллерійскій солдатъ

Когда я объявлялъ о томъ своему ямщику, то онъ наморщился, однакоже повезъ меня далѣе. Это былъ послѣдній день масленицы: не знаю, хотѣлось ли ему погулять или дѣйствительно лошади были измучены, но онъ безпрестанно, съ нетерпѣніемъ оборачивался ко мнѣ, спрашивая: скоро ли кончатся наши странствованія? Я молчалъ; вдругъ онъ вновь повернулся ко мнѣ съ вопросомъ: много ли я ему дамъ на водку. Мы уже были на Литейной, противъ арсенала. Я имѣлъ нескромность отвѣчать ему, что у меня нѣтъ ни копѣйки; тогда онъ остановился и самымъ грубымъ образомъ объявилъ мнѣ, что онъ отпрягаетъ лошадей и бросаетъ меня на улицѣ. Со мною, для прислуги, былъ только глупый деревенскій мальчикъ Лѣвка, мой ровесникъ; я обомлѣлъ, онъ, кажется, испугался еще болѣе меня.

Пусть представляютъ себѣ положеніе провинціального недоросля, брошеннаго среди улицъ, которыхъ онъ не знаетъ, въ столицѣ, гдѣ ему никто незнакомъ, и безъ гроша денегъ. Но этимъ бѣда еще не кончается. Вдругъ налетаетъ верхомъ полицейскій офицеръ, и кричитъ намъ: „Шанки долой, становись за кибитку!“ Только успѣлъ я безмолвно исполнить сіе приказаніе, какъ вижу, что отъ Литейнаго двора несутся сани, запряженные парой красивыхъ, лихихъ лошадей, покрытыхъ огромными бѣлыми фартуками: я въ нихъ узналъ самого государя, котораго одинъ разъ уже въ жизни видѣлъ. Онъ сидѣлъ съ императрицей и ѣхалъ кататься на горы, которыя тогда устроены были на Невѣ, близъ Смольнаго монастыря. Лишь только промчался царь, полицейскій грозно возопилъ ко мнѣ: какъ смѣю я быть въ запрещенномъ нарядѣ? Но, вѣроятно, тронутый моими лѣтами, невѣдѣніемъ, совѣтовалъ скорѣе куда-нибудь убраться, чтобы меня не взяли на съѣзжій дворъ. На мнѣ была черная шанка съ длинными ушами, и онъ недавно передъ тѣмъ были запрещены въ столицѣ.

Между тѣмъ, какъ ямщикъ медлил откладывать лошадей;

можетъ-быть и не посмѣлъ бы сего сдѣлать, но я не зналъ своихъ правъ, и лишь только опомнился отъ испуга, то вмѣстѣ съ Лѣвкой прибѣгнулъ къ мольбамъ. Проходящій въ это время солдатъ сказалъ намъ, что генераль Бѣгичевъ живетъ на концѣ Кирочной улицы, у самаго Таврическаго сада, въ деревянномъ угольномъ домѣ. Берегъ былъ виденъ, хотя еще въ отдаленіи, и жестокій ямщикъ сѣлъ опять на мѣсто и поѣхалъ далѣе, но во время переѣзда поминутно осыпалъ насъ ужасными ругательствами, изъ коихъ названіе нищихъ было еще самое сносное.

Вотъ, наконецъ, мы вѣхали и на дворъ, но что же? Новое горе: ни Бѣгичева, ни брата, ни ихъ людей не было дома; всѣ гуляли на масленицѣ или были въ гостяхъ; остались какіе-то два деньщика, которые не только не соглашались пустить меня въ комнату, но даже хотѣли прогнать со двора, принимая Бога вѣсть за кого. На бѣду и на счастье мое, ямщикъ нашъ былъ человѣкъ отчаянный, дерзкій; онъ прикрикнулъ на нихъ, ихъ не послушался, проворно отпрегъ лошадей и опретью ускакалъ.

Мнѣ оставалось только сидѣть въ кибиткѣ и ожидать возвращенія брата; я то и сдѣлалъ, но мнѣ было скучно и холодно. Я рѣшился оставить Лѣвку, а самъ пошелъ ходить по улицѣ, не отдаляясь однакоже отъ жилища своего, то-есть кибитки. Попавшіеся мнѣ какіе-то люди, съ коими завязалъ я разговоръ, сказали мнѣ, что если пойду вдоль Таврическаго сада и потомъ поворочу влѣво, то выйду къ самымъ горамъ и увижу увеселенія русскаго народа. Любопытство, юношеская вѣтренность и надежда встрѣтить можетъ-быть брата, заставили меня пойти. Нынѣшній Преображенскій плацъ былъ тогда безконечное поле, занесенное снѣгомъ, на краю котораго едва виднѣлись низкія лачужки; я держался той стороны, которою онъ примыкаетъ къ саду, шелъ медленно, ибо вязнулъ безпрестанно въ глубокомъ снѣгу и былъ отягченъ дорожнымъ платьемъ. Дорогой я никого не встрѣтилъ, и мнѣ казалось, что я иду стенью. Когда, пройдя садъ, заворотилъ я налѣво, то замѣтилъ, что начинается смеркаться и вспомнилъ несчастную свою черную шапку; измученный, истомленный, голодный, ибо ничего этотъ день не ѣлъ, кромѣ пряничныхъ орѣховъ, еще медленно потянулся я назадъ. Когда я воротился, то почти уже смерклося, но я нашелъ счастли-

вую перемѣну въ моихъ дѣлахъ; слуга моего брата пришелъ домой и помогала уже Лѣвкѣ перетаскивать мои пожитки.

Мнѣ ужасно хотѣлось ѣсть; къ несчастію, люди г. Бѣгичева не возвращались; безъ нихъ все было заперто, а избавитель мой въ этотъ день прогулялъ свои деньги. Въ комнатѣ, которую братъ мой занималъ, кое-какъ устроили и мнѣ кровать; я бросился на нее; за недостаткомъ пищи, спѣшилъ укрѣпить себя сномъ и безъ просыпа полсутки проспалъ. Въ эту ночь, не знаю, видѣлъ ли я что во снѣ. Но если мнѣ снилось, то вѣрно уже сѣвѣсное. Случайное сіе негостепріимство Петербурга, оставило во мнѣ непріязненное къ нему впечатлѣніе, которое двѣ трети жизни въ немъ проведенныя не могли совершенно изгладить.

На другой день братъ меня разбудилъ и неодѣтаго повелъ къ нашему хозяину. Онъ былъ самый почтенный, самый добродѣтельный чудакъ, уменъ, благороденъ, но непреклоненъ и дикъ, не любилъ большаго общества; при видѣ малознакомыхъ, сердце его какъ будто замерзало, и онъ обдавалъ ихъ холодомъ, за то оно совершенно таяло съ ближними и пріятелями; наконецъ, страсть его къ трубкѣ довершала сходство его съ однимъ государственнымъ человѣкомъ, котораго я послѣ зналъ. Онъ меня разцѣловалъ и скорѣе велѣлъ накормить завтракомъ. Послѣ того отправились мы съ братомъ по лавкамъ и къ портному, дабы заказать мнѣ нарядъ... Тутъ только могъ я полюбоваться зданіями Петербурга; накануне мнѣ не дотого было.

Я былъ привезенъ въ Петербургъ для опредѣленія въ службу, но куда? Теперь сдѣлалось неизвѣстно. Надобно было брату подумать, что изъ меня сдѣлать, продолжать ли меня занимать ученіемъ, или просто отдать въ какой-нибудь полкъ. Онъ ни на что не смѣлъ рѣшиться, не спросясь напередъ родителей, и завелъ о томъ съ ними переписку. Пока онъ получилъ ихъ согласіе, а въ послѣдствіи и полномочіе располагать моею судьбой, пока онъ хлопоталъ объ опредѣленіи въ Пажескій корпусъ, пока ему это обѣщали и водили его, пока, убѣдясь что ожиданія его тщетны, онъ началъ пріискивать для меня другой родъ службы,—прошло пять мѣсяцевъ. По истеченіи ихъ, наши родители, не видя никакого успѣха, полагая, что забавы Петербурга удерживаютъ въ немъ брата столько же, какъ и хлопоты (въ чемъ и не совсѣмъ ошиба-

лись), къ тому же не въ состояннн будучи продолжать издержекъ на наше содержаніе, приказали намъ немедленно отправиться въ Москву, и тамъ ожидать новыхъ приказаній.

Въ продолженіи сихъ пяти мѣсяцевъ сдѣлалъ я нѣсколько новыхъ знакомствъ, впрочемъ не весьма интересныхъ: о самыхъ занимательныхъ не могу оставить читателя въ невѣдѣннн.

Мой братъ не былъ знакомъ въ аристократическомъ кругу, который въ Петербургѣ тогда и не очень былъ обширенъ: большая часть вельможъ жили въ Москвѣ, или въ удаленнн, въ деревнѣ; небольшое число изъ нихъ имѣли дозволеніе путешествовать за границей. Первое знакомство, доставленное мнѣ братомъ, было въ домѣ одного стараго Француза, Шевалье де-Лабать де-Виванса, который, вслѣдствіе какого-то поединка, долженъ былъ оставить Францію гораздо прежде революціи и эмиграціи. Вступивъ у насъ въ военную службу, онъ гасконскою оригинальностію скоро понравился начальникамъ и сдѣлался наконецъ любимцемъ самого князя Потемкина, который, причисливъ его къ своему штату, назначилъ смотрителемъ собственннхъ дворца и сада, нынѣшнихъ Таврическихъ. По смерти Потемкина, они поступили въ казну, а его мѣсто изъ партикулярнаго обратилось въ придворное. При Павлѣ Таврической дворецъ превращенъ въ казармы лейбъ-гусарскаго полка, а г. Лабать, который и его смѣшилъ, сдѣланъ кастелланомъ строившагося Михайловскаго замка.

Оставивъ въ отечествѣ дворянскіе предрасудки, Лабать въ Россіи женился на дочери извѣстнаго въ свое время французскаго парикмахера, Марміона. Его супруга хотѣла играть роль знатной дамы, никогда не теряла важности и строгимъ взоромъ часто останавливала неприличныя, по мнѣнню ея, порывы веселости своего мужа. Она, къ счастью, рѣдко показывалась, а гостей принимали двѣ дочери ея, добрыя, милыя, весьма уже зрѣлыя, но еще не пожилыя дѣвы, съ которыми мнѣ было чрезвычайно пріятно и весело.

Онъ когда-то былъ одинъ изъ проѣзжихъ, безчисленныхъ посѣтителей нашего дома въ Кіевѣ и за гостепрнмство желалъ заплатить услугою. Онъ вызвался брату хлопотать объ опредѣленн меня въ Пажескій корпусъ у двухъ вельможъ, оберъ-каммергера графа Шереметева и оберъ-гофмаршала Нарышкина, съ которыми онъ былъ на короткой ногѣ. Но иное видно вышучивать трудно; бояре забавникамъ обща-

ють, водять ихъ, отшучиваются, и все дѣло наконецъ обра-
щается въ шутку. Впрочемъ, главнымъ препятствіемъ къ мо-
ему опредѣленію былъ мой ростъ; тогда обыкновенно при-
нимали мальчиковъ двѣнадцати лѣтъ, а я казался семнадцати.

Еще были мы вхожи въ домъ одного пріятеля нашихъ ро-
дителей, Никиты Ивановича Пещурова. Онъ вѣровалъ въ одно
только могущество при дворѣ; любимцы царей, любимцы вель-
можъ и ихъ любимцы составляли его олимпъ, небесную іерар-
хію, которой онъ поклонялся. Чтò всего страннѣе, онъ не былъ
честолюбивъ, не искалъ власти, а любилъ ее въ другихъ: ему
нужно было молиться, и какъ праздныя женщины, которыя
въ Москвѣ всякое утро таскаются отъ часовень къ собо-
рамъ, и отъ приходскихъ церквей къ монастырямъ, такъ и
онъ, прежде нежели отправится къ должности, любилъ возить
набожность свою по приемнымъ. За другихъ онъ никогда не
хотѣлъ просить, а за себя очень рѣдко; онъ ѣздилъ безъ
всякой нужды; просто пріѣдетъ, подождетъ, выйдетъ боя-
ринъ, скажетъ „здравствуй, братецъ Никита Ивановичъ, ка-
ковъ ты?“ а онъ съ благодарностію поклонится, слава моль
Богу, и потомъ на цѣлый день доволенъ, а когда пригласятъ
откушать, то и совершенно счастливъ. Говоря всегда съ
восхищеніемъ о сильныхъ, онъ никогда не позволялъ себѣ
злословить падшихъ, въ ожиданіи, что они когда-нибудь воз-
станутъ; онъ не шелъ противъ нихъ, а почтительно и молча-
ливо ихъ убѣгалъ. Генеральскій чинъ нашего отца, который въ
то время предполагалъ нѣкоторыя важныя связи, давалъ намъ
право на его улыбку, по крайней мѣрѣ на ласковый, разсѣ-
янно-покровительственный его пріемъ.

Бывало мы по праздникамъ дѣлаемъ ему утреннія посѣще-
нія; мнѣ памяты: простыня разостланная посреди комнаты,
на ней стоящій стулъ и Никита Ивановичъ на немъ сидящій
въ пудрамантѣ. Мы и нѣкоторыя другія, не весьма высокія,
однакоже привилегированныя особы, сидѣли вдоль стѣны въ
почтительномъ разстояніи, въ которомъ впрочемъ держали
насъ и облака пудры летящія на тупей г. Пещурова; тѣ, ко-
торыя стояли сзади его, конечно играли въ мірѣ весьма
скромныя роли. Обычай принимать людей ниже себя за ту-
алетомъ, былъ, кажется, введенъ императрицей Екатериной:
у нея переняли его вельможи, а отъ нихъ видно перенелъ

онъ и къ подчиненнымъ ихъ. Никита Ивановичъ былъ тогда статскій совѣтникъ и совѣтникъ ассигнаціоннаго банка; теперь это менѣе чѣмъ ничто, а тогда, о, блаженное время! это было что-то, такъ сказать, полугенеральство, и маленькое его чванство казалось весьма естественнымъ, ни мало не смѣшнымъ. Въ теченіе долголѣтней службы своей онъ не имѣлъ случая оказать великихъ услугъ государству, двѣ трети жизни своей онъ подписывалъ ассигнаціи, онъ началъ и кончилъ свое поприще въ этомъ банкѣ, и умеръ въ чинѣ тайнаго совѣтника, управляя онымъ. Съ двумя сыновьями его, тогда офицерами Семеновскаго полка * я сблизился несмотря на разность нашихъ лѣтъ. Какъ всѣ молодые люди того времени, они были образованы для свѣта и для военной службы, но и въ этомъ не имѣли ничего блестящаго. Они были со всѣми отменно вѣжливы, а ко мнѣ особенно внимательны.

Я много имъ обязанъ тѣмъ, что не совсѣмъ праздно провелъ тогда время въ Петербургѣ: они ссудили меня новыми новостями Флоріана, и я перевелъ ихъ на русскій языкъ, но уже какъ? Это бы мнѣ любопытно было теперь знать. Я полагаю, что этотъ переводъ не существуетъ, ибо мой братъ, который былъ невеликій литераторъ, хотя любилъ чтеніе, написалъ, что онъ достоинъ быть напечатанъ, и съ этимъ намѣреніемъ взялъ его къ себѣ, а потомъ затерялъ.

Станный былъ составъ маленькой бібліотеки молодыхъ Пещуровыхъ, особливо для офицеровъ: полное собраніе сочиненій Флоріана, всѣ творенія Дората, маленькій томъ Буффлера, Театръ Мариво, *Письма къ Эмилиі о живологіи* г. Демутье, Шолье и Лафаръ, Бернисъ и Жанги Бернаръ; все легкое, розовое, амурное, ни одной военной, ни одной русской книги. Въмѣстѣ съ версальскими предразсудками вошла у насъ въ моду и французская литература; въ высшемъ обществѣ знали наизусть классическихъ ея авторовъ, и вѣкъ Лудовика XIV ставили выше вѣковъ Августа и Перикла; знатныя дамы съ восхищеніемъ читали Массильона и Бурдаду, и нѣкоторыя изъ нихъ аббатами приготовлялись уже къ воспріятію католицизма; полупросвѣщенные повѣсы проповѣдывали безбожіе и клялись Вольтеромъ и Дидеротомъ;

---

* Меньшой убитъ въ Фридландѣ, а старшій былъ въ послѣдствіи губернаторомъ въ Псковѣ.

чувствительные юноши, женщины принадлежація ко второ-степеннымъ обществамъ и молодые литераторы, также чуждые высшему кругу, плѣнялись нѣжностями, мадригалами, гримасными улыбками мелкихъ французскихъ писателей.

Третій домъ нами посѣщаемый былъ полуаристократическій, не по знатности, не по тону, а по богатству, по связямъ, а еще болѣе по претензіямъ. Мой братъ учился въ пансіонѣ вмѣстѣ съ однимъ молодымъ Демидовымъ, свелъ и сохранилъ съ нимъ дружбу, и сдѣлался домашнимъ у его родителей. Потомки знаменитаго кузнеца, во дни Петра Великаго открытіемъ рудъ и усовершенствованіемъ желѣзныхъ работъ стяжавшаго столь великое богатство, что каждая изъ раздробленныхъ между многочисленными его правнуками частицъ составляетъ еще милліоны, потомки сіи почти всѣ отличаются желѣзнымъ упрямствомъ и удивительными причудами. Внукъ сего Акинѳія Демидова, Петръ Григорьевичъ, отецъ товарища моего брата, тотъ самый, къ которому мы ѣздили, если всѣхъ ихъ не превосходилъ странностями, то никому и не уступалъ. Я скажу только о тѣхъ, кои въ глазахъ свѣта казались смѣшныя, а по моему мнѣнію, ему дѣлаютъ честь.

Около тридцати лѣтъ былъ онъ тогда уже женатъ. Заведенный имъ порядокъ съ тѣхъ поръ ни на волосъ не измѣнялся, и сей порядокъ кажется существовалъ еще въ домѣ его отца и дѣда. Въ убранствѣ комнатъ, въ обычаяхъ, въ распредѣленіи времени, во всемъ было замѣтно нѣчто голландско-нѣмецкое. Сверхъ нижняго жилья, одноэтажный каменный домъ его въ большой Мѣщанской сохранилъ еще и нынѣ старинный свой фасадъ. Нѣсколько узкихъ длинныхъ комнатъ сего дома были назначены для приѣма гостей; гораздо же большее число внутреннихъ, какъ сердце г. Демидова, открывались только задушевнымъ его друзьямъ. Всѣ онѣ были съ прочными сводами, украшенными лѣпными изображеніями; стѣны однихъ были завѣшены множествомъ хорошихъ и дурныхъ картинъ, въ другихъ они были составлены изъ изразцовъ, въ иныхъ видна была дубовая рѣзная работа; столовые и стѣнные часы, люстры, всѣ мебели одни другимъ соотвѣтствовали; вездѣ встрѣчалась опрятность и роскошь Монплезира и маленькаго Екатерингофскаго дворца. Одна изъ комнатъ была убрана китайскими шелковыми

обоями, она называлась чайною, и въ шесть часовъ вечера, не позже, разливали въ ней сей горячій напитокъ, разводили огонь въ каминѣ, и гостямъ мужескаго пола подавали каждому по маленькой бѣлой трубкѣ съ табакомъ: обычай, который конечно ни въ одномъ порядочномъ петербургскомъ домѣ тогда встрѣтить было невозможно.

Изъ сего можно видѣть, что Петръ Григорьевичъ чрезвычайно любилъ старину *. Однѣ сѣдины и морщины давали права на его привѣтливость; на молодыхъ людей, даже на молодыхъ женщинъ, онъ не обращалъ ни малѣйшаго вниманія. Ими съ большею любезностію занималась супруга его, Екатерина Алексѣевна, урожденная Жеребцова. Родной братъ ея былъ женатъ на извѣстной нѣкогда въ Петербургѣ, Ольгѣ Александровнѣ, родной сестрѣ князя Зубова, любимца Екатерины; родная же племянница г. Демидова была замужемъ за однимъ графомъ Головкинымъ, а родной племянникъ, также Демидовъ, женатъ на княжнѣ Лопухиной, родной сестрѣ извѣстной княгини Гагариной.... Столь знатное родство, посѣщавшее сей домъ, давало ему нѣкоторый блескъ, но странности въ немъ встрѣчаемыя всегда удаляли отъ него цвѣтъ тогдашняго лучшаго общества.

Странная мысль вошла тогда брату моему въ голову. Онъ никогда не бывалъ въ домѣ у Григорія Александровича, племянника г. Демидова, а съ молодою, прекрасною, меланхолическою женой его рѣдко имѣлъ случай разговаривать. Ему показалось, впрочемъ весьма неосновательно, будто она къ нему не равнодушна. Желая казаться болѣе интереснымъ и воспользоваться мнимымъ ея хорошимъ расположеніемъ, онъ сталъ описывать ей братскую ко мнѣ любовь и нѣжныя попеченія о моей участи. Женское ли самолюбіе, которое дало угадать сильное впечатлѣніе сдѣланное на человѣка, хотя не красиваго, но молодаго, смѣлаго и пылкаго; просто ли до-

---

* Старину, а не древность русскую; ибо голандско-нѣмецкая, мѣщанская, чистоплотная роскошь, введенная у насъ при Петрѣ Великомъ, и не во многихъ домахъ едва сохранившаяся до временъ Екатерины, не имѣетъ ничего общаго съ древнимъ боярскимъ житьемъ, хлѣбосольнымъ, довольно безпорядочнымъ, не весьма опрятнымъ, которое и доселѣ пробивается сквозь европейскія утонченности и grand genre вышнихъ аристократовъ.

брота женскаго сердца возбудила въ ней состраданіе къ бѣдному мальчику, — но она сама вызвалась говорить обо мнѣ графу Растопчину, министру иностранныхъ дѣлъ, и сдержала слово. Трудно было тогда отказать въ чемъ-нибудь сестрѣ княгини Гагариной, и министръ черезъ нее велѣлъ мнѣ подать просьбу объ опредѣленіи въ службу.

Запрещеніе принимать въ гражданскую службу молодыхъ дворянъ все еще существовало, но изъ сего правила сдѣлано было изъятіе для дипломатической части. Дозволено было при иностранной коллегіи имѣть двадцать человекъ юнкеровъ 14 класса и десять при московскомъ ея архивѣ, дабы такимъ образомъ ограничить число привилегированныхъ юношей. Легко себѣ можно представить, какъ много было желающихъ занять такія мѣста и какое нужно было покровительство, чтобы получить ихъ.

Вмѣстѣ съ дворомъ находился тогда графъ Растопчинъ въ Петергофѣ: надобно было лично подать ему просьбу, и однимъ утромъ мы отправились туда съ братомъ въ наемныхъ дрожкахъ. День былъ прекрасный, воздухъ жаркій, но безпрестанно прохлаждаемый вѣтеркомъ, дующимъ со взморья. Петергофская дорога, по которой ѣхалъ я въ первый разъ, была тогда въ окрестностяхъ столицы, единственное мѣсто, гдѣ богачи всѣхъ сословій проводили лѣто, люди же другихъ состояній такой прихоти себѣ не дозволяли и жили все въ городѣ. Двадцать шесть верстъ почти непрерывно тянулась предо мною двойная цѣпь красивыхъ дачъ, нынѣ въ развалинахъ или обращенныхъ въ фабрики, дворцы, барскія палаты, кіоски и пагоды, монументы, мѣстами каскады и фонтаны, каналы и затѣйливые черезъ нихъ мостики, цѣлыя рощи цвѣтовъ, украшающія крыльца и балконы, попеременно мелькали предо мною, и я съ жаднымъ вниманіемъ смотрѣлъ на все то, чѣмъ искусства и произведенія чуждыхъ намъ климатовъ такъ удачно прикрываютъ уродливую петербургскую природу. Я былъ очарованъ, переходилъ отъ изумленія къ изумленію, и во-всю дорогу забывъ и горе свое, и свои надежды.

На заставѣ у Петергофа долженъ былъ я о томъ вспомнить. Караульный офицеръ посмотрѣлъ на насъ съ видомъ подозрительнымъ, спросилъ наши имена, зачѣмъ мы пріѣхали и долго ли пробудемъ; и записавъ все это, потребовалъ,

чтобы мы долѣе назначеннаго нами времени не оставались. Растончинъ жилъ въ деревянныхъ, такъ-называемыхъ кавалерскихъ домикахъ, близко отъ дворца. Мы, оставя дрожки наши гдѣ-то въ полѣ, старались пробраться оконечностію нижняго сада. Когда мы пришли, то насъ ввели въ небольшую комнату и оставя въ ней однихъ, тотчасъ пошли объ насъ докладывать. Мы дожидались не долго: отворилась дверь и вышелъ графъ Растончинъ, съ видомъ довольно угрюмымъ. Звѣрообразное, калмыковатое лицо его и свирѣпый взглядъ когда онъ бывалъ не веселъ, должны были въ каждомъ производить страхъ. Братъ мой назвалъ госпожу Демидову, а у меня чуть не подкосились ноги, когда я безмолвно подалъ просьбу. Принявъ ее, министръ сказалъ только: „хорошо посмотримъ;“ и мы, поклонясь, тѣмъ же путемъ отправились обратно въ Петербургъ.

Не прошло двухъ дней послѣ того, какъ мы получили грозное письмо отъ родителей. Пятимѣсячное пребываніе наше въ столицѣ становилось тягостно; они дѣлали всевозможныя пожертвованія, чтобы содержать насъ прилично, но братъ мой, какъ сказалъ я гдѣ-то выше, былъ болѣе чѣмъ неразчетливъ и надѣлалъ долговъ. Не видя никакого успѣха въ моемъ опредѣленіи, нашъ отецъ рѣшился приказать намъ немедленно оставить Петербургъ и отправиться въ Москву къ зятю и сестрѣ, чтобъ отдать меня тамъ въ Екатеринославскій кирасирскій полкъ, тогда называвшійся именемъ шефа своего, фельдмаршала графа Салтыкова. Дѣлать было печего, малѣйшее отлагательство исполненія родительской воли казалось дѣломъ невозможнымъ, а согласіе, изъявленное графомъ Растончинымъ, весьма походило на отказъ. Сборы наши были не долги; нѣсколько дней спустя, съ двумя слугами, сѣли мы въ двѣ телѣги и на перекладныхъ поскакали въ Москву.

Я было и забылъ сказать, что въ это время мы жили въ Коломенѣ, близъ Никольскаго рынка, у добраго дяди нашего Яковъ Лаврентьевича, въ тѣсной, но уютной и чистенькой квартирѣ его и раздѣляли почти ежедневно скромную его трапезу. Ни одной изъ женъ его тогда при немъ не было, а хозяйствомъ его и его старостію управляла нѣкая Авдотья, служанка-госпожа или кухарка-сударка, какъ иные такихъ женщинъ называютъ. Онъ меня чрезвычайно любилъ и часто бывалъ моимъ защитникомъ отъ брата, съ коимъ житье по

исти́нѣ было несносное. Отъ родителей онъ былъ надо мною уполномоченъ и дѣйствительно не щадилъ стараній, чтобы выгоднымъ образомъ меня пристроить; сіе дало ему высокую мысль о неограниченности его правъ, кои не весьма охотно я соглашался признавать. Онъ былъ восемью годами меня старѣе, но все-таки, по мнѣнію моему, равный мнѣ братъ, и мнѣ все казалось, что въ незрѣломъ мозгу моемъ болѣе идей и соображеній, чѣмъ въ зрѣломъ умѣ его. Безразсудная его взыскательность была въ безпрестанномъ столкновеніи съ моимъ упрямствомъ, съ моимъ самолюбіемъ, ибо тогда, какъ и нынѣ, почиталъ я унизительнымъ не только виниться, но даже и оправдываться. Мое сердитое молчаніе приводило его въ бѣшенство, возставали сильныя бури, и одинъ лишь старый дядя нашъ умѣлъ ихъ усмирять. Грѣха таить нечего, дѣло иногда доходило и до побоевъ.

Прежде нежели оставлю я Петербургъ, молодой городъ, который тогда не праздновалъ еще и перваго своего юбилея, мнѣ хочется вкратцѣ описать его и дать понятіе о тогдашнемъ его состояніи; читатели не только простятъ мнѣ сіе, но можетъ быть и поблагодарятъ за то. Всѣ увѣряютъ, будто послѣ двадцатилѣтняго или даже десятилѣтняго отсутствія, никто не можетъ узнать Петербурга; сіе могло быть справедливо при Екатеринѣ; но при ней сдѣлано въ немъ все основное; перемѣны же, которыя съ тѣхъ поръ послѣдовали, суть только прибавленія къ цѣлому (*accessoires*). Къ несчастію, она усвоила себѣ мысль Петра Великаго, развила ее и, такъ сказать, осуществила. Всѣ творенія ея носятъ печать вѣчности, и городъ сей, который тридцати-пятилѣтними ея стараніями возвысился и распространился; городъ, которымъ щеголяетъ Россія, забывая, что кости сотенъ тысячъ нашихъ братій, погибшихъ при ископаніи сей бездны, служатъ ему основаніемъ, сей городъ проститъ въ вѣлѣніи столь же долго, какъ и слава царства Русскаго: безъ Екатерины онъ скоро потонулъ бы въ болотѣ, среди коего возникъ. Въ моихъ глазахъ онъ какъ зданіе, котороѣ близь сорока лѣтъ тому назадъ, увидѣлъ я въ первый разъ совсѣмъ оконченнымъ, но коего нѣкоторыя только части не были совсѣмъ отдѣланы и изъ коихъ многія потомъ изукрасились. Главныя примѣчательнѣйшія строенія тогда уже существовали и почти въ такомъ же видѣ, въ какомъ находятся и по-

нынѣ: дворцы—Зимній, Аничковскій, Мраморный, Таврическій; три академіи; Большой театр; кадетскіе корпуса; церкви—Спаса на Свѣнной и Николая Морскаго; стѣны Петропавловской крѣпости и берега Невы, Фонтанки и Екатерининскаго канала были уже выложены гранитомъ, рѣшетка Лѣтняго сада уже изумляла красотой, Михайловскій, что нынѣ Инженерный, замокъ тогда достраивался.

Число и самая величина частныхъ каменныхъ домовъ въ Петербургѣ, съ умноженіемъ народонаселенія, конечно, съ тѣхъ поръ утроились. Послѣдній годъ жизни Екатерины въ немъ жителей, говорятъ, было до полутора ста тысячъ; при Павлѣ число сіе значительно уменьшилось, съ тѣмъ, чтобы при наследникѣ его опять быстро увеличиться. Въ Большой Коломаѣ можно встрѣтить теперь болѣе экипажей и народу, чѣмъ тогда на Невскомъ проспектѣ..... Въ сопровожденіи Кутайсова императоръ всякій день обѣзжалъ обѣ набережныя, обѣ Морскія, всѣ главныя улицы столицы. Всѣ ѣдущіе въ каретахъ обязаны были, поровнявшись съ нимъ, останавливаться и выходить изъ нихъ; мушкетеры же въ такихъ случаяхъ должны были сбрасывать плащи и шубы.

Одна только часть Петербурга была въ 1800 году еще въ совершенномъ запустѣніи. Невскіе острова были тогда острова необитаемые. На Крестовскомъ—ветхій домъ, на Каменномъ—пустой, невысокій дворецъ и маленькая церковь являли тогда только слѣды человеческого присутствія. Мосты еще не существовали, сообщенія между островами не было; вездѣ дичь, вездѣ непроходимый лѣсъ и болото. Одинъ разъ братъ возилъ меня туда кататься на шлюбкѣ; дедалъ протоковъ, густая зелень сихъ острововъ, отражаемая зеркаломъ Невы, меня восхищали; самое глубокое молчаніе, которое вокругъ насъ царствовало, и было только прерываемо шумомъ нашихъ весель, имѣло что-то величественное. Изрѣдка попадались намъ ялики, нагруженные купеческою семьей и самоваромъ; они приставали къ влажнымъ берегамъ и гуляющіе, выбравъ какое-нибудь маленькое возвышеніе, располагались на немъ почайничать.

Ничто такъ меня не прельстило въ Петербургѣ, какъ театръ, который увидѣлъ я первый разъ въ жизни, ибо въ Кіевѣ его не было, а въ Москвѣ меня туда еще не пускали. Нѣсколько о томъ словъ будутъ здѣсь не лишнія. Русской.

труппы я тогда не видалъ или, лучше сказать, о ней и не слыхалъ, и названіе ни одного изъ актеровъ мнѣ не было извѣстно; знающихъ по-французски въ сравненіи съ нынѣшнимъ временемъ не было и десятой доли, и отличающимся знаніемъ сего языка было бы стыдно, еслибъ ихъ увидѣли въ русскомъ театрѣ: онъ былъ оставленъ толпѣ пріѣзжихъ помѣщиковъ, купцовъ и разночинцевъ. Тощій нашъ репертуаръ ей казался неисгощимъ; безъ скуки и утомленія слушала она безпрестанно повторяемая передъ ней трагедіи Сумарокова и Княжнина; національныя оперы: *Мельникъ*, *Сбитенщикъ*, *Розана и Любимъ*, *Добрый солдатъ*, *Федулъ съ дѣтьми*, *Иванъ Царевичъ* лѣтъ двадцать сряду имѣли ежегодно отъ двадцати до тридцати представлений. Въ это же время переведенныя съ италіянскаго оперы придворнаго капельмейстера Мартини *Родкая Вещь* и *Дианино Древо* начали знакомить нашу публику съ хорошею музыкой, а комедіи фонъ-Визина чистить вкусъ и нравы. Сей вкусъ, однакоже, былъ угрожаемъ и порчей отъ драматическихъ произведеній Коцебу, коими переводчики наводнили тогда нашъ театръ.

Когда братъ бывалъ мною доволенъ, что случалось весьма рѣдко, то бралъ съ собою во французскій театръ. Такъ какъ кресель было тогда не болѣе двухъ рядовъ, то обыкновенно всѣ ходили въ партеръ, куда за входъ платили только по одному рублю. Всего удалось мнѣ видѣть спектакль три раза и слѣдственно награды мнѣ за хорошее поведеніе стоили не болѣе трехъ рублей мѣдью. Въ первый разъ играли комедію *Le vieux célibataire*, какъ бы въ предзнаменованіе моей будущей судьбы; я не въ состояніи былъ судить объ искусствѣ и потому-то, вѣроятно, чудесная игра госпожи Вальвиль не могла примирить меня съ ея безобразіемъ; старый Офренъ игралъ стараго холостака и для этой роли мнѣ показался слишкомъ старъ; онъ былъ знаменитый трагическій актеръ, комедія была не его дѣло. Несмотря на все это, я не дышалъ во время представленія, боялся проронить слово; новое удовольствіе, которое ощутилъ я тогда, было столь сильно-что въ этотъ вечеръ далъ я себѣ слово не пропускать спектакля, коль скоро позволено мнѣ будетъ располагать собою и своимъ карманомъ.

Отъ втораго представленія, которое я видѣлъ, я было совсемъ сошелъ съ ума. Давали оперу Грегори *Прекрасную Ар-*

сену, коей музыка и тогда была не весьма новая, но всёхъ еще восхищала. Оркестръ, богатые костюмы, декорации, превращенія, все меня очаровало, но болѣе всего мадамъ Шевалье—красавица, столь же славная пѣвица, какъ и актриса. Когда она запѣла: „et je régnerai dans les cieux“, мнѣ казалось, что она меня туда за собою увлекала. Въ послѣдній разъ видѣлъ я вторично эту сирену въ маленькой оперѣ *Le Prisonnier*; ничего не могло быть милѣе, и ни одна актриса меня съ тѣхъ поръ такъ не плѣняла. Послѣ оперы былъ балетъ или дивертисементъ, утвердительно сказать не могу; помню, что были пастухи и пастушки, гирлянды и амуры, были двѣ молодыя танцовщицы, которыя въ то время другъ у друга оспаривали пальму первенства и на которыхъ смотрѣлъ я съ большимъ удовольствіемъ, даже тотчасъ послѣ Шевалье. Одна изъ нихъ Франдуженка, Роза Колинетъ, вышла потомъ замужъ за извѣстнаго балетмейстера Дидло и, кажется, еще и нынѣ находится въ живыхъ; другая—Русская, Берилова, болѣе извѣстная подъ простымъ, нѣжнымъ названіемъ Настеньки, воплощенная грація, которая черезъ годъ или два послѣ того увяла цвѣткомъ. Я никогда не былъ великій охотникъ до балетовъ и всегда полагалъ, что лишь языкъ можетъ говорить уму и сердцу, а одни прыжки и тѣлодвиженія говорятъ только чувственности и сего рода наслажденія я никогда не искалъ на сценѣ.

Въ Петербургѣ былъ тогда одинъ только театръ, Большой или Каменный, близъ Коломны; ибо манежъ, отведенный для Нѣмцевъ въ домѣ Ланскаго, что нынѣ главнаго штаба, на Дворцовой площади, сего имени не заслуживаетъ. Русскіе, Франдузы и Итальянцы играли попеременно на Большомъ театрѣ; первые обыкновенно по воскресеньямъ и праздничнымъ днямъ, когда торговый народъ, который весь почти у насъ русскій, ничего не дѣлаетъ, и онъ-то поддерживалъ національныя представленія. Ремесленный же классъ, всегда состоящій здѣсь изъ разчетливыхъ Нѣмцевъ, охотно, за весьма умеренную цѣну, ходилъ слушать на сценѣ Иффланда и Кодебу; общество и образованные иностранцы наполняли французскій театръ. Но откуда брались слушатели для итальянской оперы, когда и теперь еще у насъ такъ мало дилеттанства? И что всего удивительнѣе, первая итальянская труппа была выписана при Елисаветѣ Петровнѣ, когда еще

не существовало ни французскаго, ни нѣмецкаго здѣсь театра, а русскій былъ еще въ пеленкахъ. Какъ тогда, такъ и теперь, музыка у насъ роскошь, въ Италиі—потребность, въ Германіи—наука. Представленія италіянскихъ оперъ были весьма рѣдки; со всѣмъ тѣмъ, какъ увѣряли, чудесный голосъ Павла Мандини гремѣлъ, и волшебные звуки Маджіор-летти раздавались часто въ пустой почти залѣ.

Я хотѣлъ сказать нѣсколько словъ о театрѣ и написалъ три страницы о любимомъ предметѣ. Кто, не посвящая себя литературѣ и музыкѣ, подобно мнѣ, страстно ихъ любитъ и имѣлъ много празднаго времени, тотъ въ хорошемъ театрѣ находитъ свое блаженство. Я тогда едва хлебнулъ только отъ чаши наслажденій, которая потомъ такъ упоила мою молодость.

Но пора оставить Петербургъ; я слишкомъ долго прощаюсь съ нимъ, хотя и не на долгое время.

XVI.

Первая молодость сливается съ тѣлѣгой въ воспоминаніяхъ всѣхъ русскихъ моихъ современниковъ; ни дорожнаго, ни домашняго комфорта мы столько не знали, какъ нынѣшніе молодые люди. Недавно остроумнѣйшій изъ нашихъ стихотворцевъ украсилъ тѣлѣжную ѣзду всею прелестію поэзіи; трогательная шутка его расшевелила мнѣ сердце до самой глубины. Улыбаясь, сквозь слезы, читалъ я прекрасные его стихи къ Орловскому о быломъ мученіи, которое мы такъ весело выносили. Мнѣ казалось, онъ описывалъ первую поѣздку мою изъ Петербурга въ Москву; все нашелъ я тутъ: и вихрю подобный бѣгъ тройки, и ловкость ухорскаго ямщика, и шляпу его украшенную даровою лентой, и руку его вооруженную *вдохновительнымъ кнутомъ*, и русокосыхъ красотокъ, коими любовался я, несмотря на боль моихъ реберъ. Ни я, ни онъ, хотя меня моложе, добровольно не согласились бы теперь безъ памяти и скакать и прыгать по крупнымъ камнямъ и мелкимъ бревешкамъ тогдашней мостовой, а вспоминать о томъ право пріятно!

Первую ночь я никакъ не могъ уснуть отъ быстроты и силы движенія, въ коемъ находился; на другую ночь довольно крѣпко заснулъ, а третій день, при безпрестанныхъ толчкахъ, почти весь проспалъ преспокойно. Конечно, я съ истерпѣніемъ ожидалъ конца того, что почиталъ моею пыткой; однакоже, любопытство, коимъ я одаренъ или одержимъ, какъ угодно, не позволяло мнѣ ни единого предмета пропустить безъ особаго вниманія, ни башенъ и куполовъ древняго Новгорода, ни Валдайскихъ горъ, ни дѣвокъ и баранокъ, ни вышневолодскихъ шлюзовъ, ни сафьянныхъ издѣлій Торжка, ни улицъ Твери по указу и шнурку выстроенныхъ.

Мы спѣшили пріѣхать въ Москву 20 іюля, день именинъ нашего зятя, а прибыли только 21-го передъ разсвѣтомъ, и ни его, ни сестры не нашли въ городѣ; они были это время въ подмосковной графа Салтыкова. Я и забылъ сказать, что зятя моего произвели въ полковники и что вслѣдъ за тѣмъ не безъ причины онъ былъ отставленъ отъ службы. Государь прогнѣвался на графа Салтыкова, который младшую дочь свою выдалъ за графа Орлова. Онъ отставилъ бы его, но былъ удержанъ уваженіемъ къ графинѣ, которая одна изъ пожилыхъ дамъ внушала ему къ себѣ почтеніе и которая пріѣзжала въ Петербургъ ходатайствовать за мужа. Но чтобы какимъ-нибудь образомъ показать ему свою немилость, отставилъ онъ его адъютантовъ. Итакъ бѣдный Алексѣевъ нѣсколько времени долженъ былъ жить одною помощію своего бывшего начальника.

Я увидѣлъ Москву съ великимъ удовольствіемъ, какъ старую знакомку; одинъ Кіевъ тогда почиталъ я роднымъ мѣстомъ. Мы вѣхали на квартиру зятя и сестры, которые сохранили ее по милости главноначальствовавшего въ Москвѣ, въ томъ же самомъ загнutomъ флигелѣ казеннаго тверскаго дома, гдѣ жили и прежде. Узнавъ о пріѣздѣ нашемъ, они дня черезъ два успѣшили воротиться. Какъ положеніе ихъ, такъ и склонности заставили ихъ жить въ тѣсномъ, неблестящемъ кругу знакомства. Удовольствіе быть вмѣстѣ было одно, которымъ могли мы тогда пользоваться.

Надобно было приготовить меня къ кавалерійской службѣ: главное было тотчасъ сдѣлано, надѣли на меня ботфорты, которыхъ потомъ при Павлѣ уже я болѣе не снималъ. Я отвыкъ отъ верховой ѣзды, ни въ Козацкомъ, ни въ Петербургѣ не имѣвъ случая въ ней упражняться. Послали

меня опять въ тотъ же манежъ графа Салтыкова; близъ мѣсяца по шести разъ въ недѣлю я учился ѣздить, и усилія мои, вѣроятно, были успѣшны, ибо заготовлена уже была просьба къ полковому командиру того полка, куда я долженъ былъ вступить. Мнѣ теперь самому странно о томъ подумать; но вѣдь я Русскій по матери, а изъ русскаго человѣка можно сдѣлать все чѣмъ ему велятъ быть, онъ ко всему пригодится. Кто знаетъ, что бѣ изъ меня вышло; ни мало не было бы удивительно, еслибъ я сдѣлался хорошей наѣздникъ и воинъ. Судьба расположила иначе.

Время и опытъ дали узнать графинѣ Салтыковой милыя и почтенныя свойства моей сестры; она ее душевно уважала, а жалкое состояніе, въ которомъ находились тогда супруги, заставляло ее принимать самое искреннее участіе въ ихъ дѣлахъ. Сестра, посѣщала ее гораздо чаще: въ одинъ вечеръ, между разговорами, она не скрыла отъ нея опасеній своихъ насчетъ моей участи, находя, что не замѣтно было во мнѣ ни охоты, ни способностей къ тому роду службы, который принуждены были для меня избрать и упомянула о неудачной попыткѣ у графа Раstopчина. Услышавъ его имя, графиня воскликнула: „зачѣмъ же вы мнѣ прежде не сказали, вѣдь мы съ нимъ большіе друзья: онъ мнѣ ни въ чемъ отказать не можетъ, завтра же пишу къ нему“.

Разумѣется, что съ просьбою къ полковому командиру мы пріостановились. Отвѣтъ графа Раstopчина не заставилъ себя долго ждать, мы получили его не съ большимъ черезъ недѣлю. Вотъ содержаніе его письма: „покровительствуемый де вами давнымъ давно опредѣленъ въ число юнкеровъ при коллегіи положенныхъ, но доселѣ неизвѣстно было куда онъ дѣвался; если вамъ непременно угодно его имѣть въ Москвѣ то хотя въ архивѣ комплектъ уже наполненъ, я беру на свою отвѣтственность перевести его туда сверхъ штата.“

Служба теперь въ Россіи есть жизнь; почти всѣ у насъ идутъ въ отставку, какъ живые въ могилу, въ которой имъ тѣсно, и душно, и изъ которой, при первомъ удобномъ случаѣ, они вырываются. Въ старину, на этотъ счетъ, были благородныя; были, однакоже, семейства, и мое въ томъ числѣ, которыя въ отставкѣ, видѣли уничтоженіе, потерю всѣхъ надеждъ, лишеніе всѣхъ удовольствій самолюбія. Всѣ члены моего семейства, одинъ за другимъ, были удалены отъ службы; самый младшій изъ нихъ вступалъ въ нее и прямо офицер-

скимъ чиномъ; можно себѣ представить, по тогдашнимъ понятіямъ, какую радость сіе происшествіе произвело между нами.

Въ самый день именинъ сестры моей, 23 августа, графиня Салтыкова прислала ей письмо министра, вмѣсто подарка; лучшаго она ей сдѣлать не могла. Повезли меня къ обѣднѣ, отслужили молебень, послали за портямъ, заказали мнѣ мундиръ, созвали кого успѣли изъ пріятелей и въ два часа по полудни сѣли пировать. На другой день поручили господину Яковлеву, чиновнику почтамта, представить меня господину Бантышъ-Каменскому, его старинному знакомому, а моему новому и первому начальнику. Бумага обо мнѣ еще не была получена и только въ первыхъ числахъ сентября началъ являться я на службу въ московскій архивъ коллегіи иностранныхъ дѣлъ.

Эти двѣ недѣли были я въ непрерывномъ восторгѣ: я пользовался всѣми выгодами службы, не подозрѣвая ни одной изъ ея непріятностей. Мнѣ принесли мундиръ, я не зналъ что дѣлать; прежде нежели облекся я въ сію одежду мужа, *gobe virile*, мнѣ хотѣлось расцѣловать ее *. Я пошелъ благодарить графиню Салтыкову, которую въ первый разъ увидѣлъ я вблизи; она обласкала меня и даже поцѣловала съ чувствомъ содѣяннаго благодаренія, а на другой день, уже какъ юношу, прислала пригласить обѣдать. Дома въ шутку величали меня благородіемъ, а я не шутя тѣмъ гордился. Не одинъ только чинъ 14 класса такъ возвышалъ меня въ глазахъ моихъ; всякое званіе имѣеть только ту цѣну, которую даетъ ему общее мнѣніе; а молоденькіе децемвиры архива, коллегіи юнкера, казались существами привилегированными. Въ московскихъ обществахъ, на московскихъ балахъ, архивные юноши долго, очень долго заступали мѣста екатерининскихъ гвардіи сержантовъ и уступили его, наконецъ, только числу нынѣшнихъ камеръ-юнкеровъ.

Никакая эпоха такъ живо не осталась въ моей памяти, какъ первые мѣсяцы по вступленіи моемъ въ службу. Никогда еще, ни прежде, ни послѣ, не встрѣчалъ я сближенія такихъ противоположностей, соединенія такихъ странно-

---

* Ботфорты, которые велѣно было носить штатскимъ, въ службѣ находящихся, а внѣ ея позволено всѣмъ желающимъ, я уже прежде того надѣлъ.

стей, какъ въ первомъ мѣстѣ моего служенія. Разказъ мой о томъ будетъ длинень, но для читателя если въ половину столь занимателенъ, какъ для меня самого, то мнѣ нечего у него просить прощенія.

Въ одномъ изъ отдаленныхъ кварталовъ Москвы, въ глухомъ и кривомъ переулкѣ, за Покровкой, старинное, каменное зданіе возвышается на пригоркѣ, коего отлогость, мѣстами усѣянная кустарникомъ, служитъ ему дворомъ. Темные подвалы нижняго его этажа, узкія окна, стѣны чрезмѣрной толщины и низкіе своды верхняго жилья показываютъ, что оно было жилищемъ одного изъ древнихъ бояръ, которые, во время Петра Великаго, держались еще обычаевъ старины. Для храненія древнихъ хартій, копій съ договоровъ, ничего нельзя было приискать безопаснѣе и приличнѣе сего стариннаго каменнаго шкапа, съ желѣзными дверьми, ставнями и кровлею. Все строеніе было наполнено, завалено кипами частію разобранныхъ, частію не разобранныхъ старыхъ дѣлъ: только три комнаты оставлены были для присутствующихъ и канцелярскихъ.

Въ мрачномъ сентябрѣ, предсталъ я въ мрачной хранилѣ предъ мрачнаго старца, всегда сердитаго и озабоченнаго. Онъ позвалъ какого-то худоцаваго, безобразнаго человѣка, съ отвислою, распушею нижнею губою въ нарывахъ и указалъ ему на меня. Тотъ меня усадилъ въ той же комнатѣ противъ самага брюзги-начальника, и зачѣмъ-то ушелъ. Прежде нежели онъ воротился, сдѣлался я, какъ новичокъ, предметомъ любопытнаго, но непродолжительнаго вниманія моихъ новыхъ товарищей. Скоро притащилъ безобразный человѣкъ тетрадь чистой бумаги и огромный пукъ полустлѣвшихъ столбцовъ, наполненныхъ мертвыми для меня буквами, въ чистыхъ оберткахъ съ нумерами и надписями о ихъ содержаніи и велѣлъ надписи сіи переписывать въ тетрадь. Работа не трудная, но всякій день это дѣлать и видѣть то что я увидѣлъ, мнѣ показалось тяжело. Тоска уже мною овладѣвала, какъ вдругъ легкій, но внятнѣйшій шепотъ началъ пробѣгать по всей комнатѣ; я сталъ прислушиваться; отрывистый, шутливый, довольно умный разговоръ окружавшей меня молодежи оживилъ меня и изумилъ. Съ перваго взгляда всѣ лица мнѣ показались печальны и въ такомъ мѣстѣ я не ожидалъ ни встрѣтить улыбки, ни услышать веселаго слова. Тихіе вокругъ меня звуки голосовъ мнѣ были

столь же пріятны, какъ бы шумъ живаго, игриваго ручейка, среди могильнаго молчанія. Но я скоро замѣтилъ, что разговаривающіе не смѣютъ ни поднять головы, ни возвысить голоса.

Нашъ начальникъ имѣлъ несчастіе лишиться слуха отъ побоевъ разъяренной черни, когда она, во время чумы, вломившись въ комнаты роднаго дяди его, московскаго архіепископа Амвросія Зертысь-Каменскаго, убила мудраго своего пастыря. Изъ уваженія къ памяти сего мученика, приложилъ онъ русское фамильное его имя къ своему молдавскому прозванію. Дѣдъ его, Константинъ Бантышъ, при Петрѣ Великомъ прибылъ въ Россію въ свитѣ князя Кантемира, а отецъ вступилъ въ службу и женился на его матери, священнической дочери Каменской, сестрѣ убитаго архіерея.

Итакъ онъ былъ глухъ. Люди одержимые симъ недугомъ бываютъ обыкновенно подозрительны, въ каждомъ движеніи губъ видятъ они предательство. Вотъ почему Николай Николаевичъ, управлявшій архивомъ, не любилъ чтобы при немъ разговаривали: прилежаніе къ дѣлу, котораго было такъ мало, служило ему предлогомъ требовать всеобщаго молчанія. Сейчасъ мы видѣли, какъ исполнялись, въ этомъ случаѣ, его приказанія.

Наше высшее духовенство, до архіерейскаго сана, обыкновенно ничего не видѣло, кромѣ родительской хижины, семинаріи и келій монастырскихъ. Сначала богословскіе диспуты, потомъ уединенная жизнь и молчаніе, среди коего безъ всякаго противорѣчія образуются ихъ мысли и правила, наконецъ, неограниченная власть, къ которой переходятъ они вдругъ, отъ безпредѣльной покорности. . . . . , Г. Каменскій, который выросъ при дядѣ и воспитанъ въ Славяно-греко-латинской академіи, еще съ молода физическимъ недостаткомъ и склонностію къ кабинетной жизни былъ удаленъ отъ общественной. Лицо примѣчательное, которое рѣшительно не принадлежало ни къ одному изъ двухъ состояній; это былъ старый семинаристъ, бѣлый монахъ. свѣтскій архіерей. Со всѣми преосвященными велъ онъ обширную и частую переписку и былъ совѣтникомъ и повѣреннымъ во всѣхъ ихъ дѣлахъ; онъ умственно жилъ въ духовномъ мірѣ семь, и такъ-сказать былъ цѣпью его съ грѣшнымъ нашимъ свѣтомъ. Послѣ того ничего нѣтъ удивитель-

наго въ грубомъ его съ нами обращеніи; какъ архимандритъ, онъ въ вѣтреныхъ мальчикахъ видѣлъ только послушниковъ, коихъ надлежитъ держать подъ искусомъ.

Одни, робкіе, его страшились, другіе бѣсился на него, а иные, благоразумнѣйшіе, оставались весьма равнодушны и очень искусно, почти въ глаза ему смѣялись. Впрочемъ, бояться было нечего, далѣе ругательствъ и брани тиранство его не простиралось; но для щекотливыхъ самолюбій, такое наказаніе, кажется, довольно жестокое. Я принадлежалъ ко всѣмъ тремъ разрядамъ, а какъ лишеніе одного изъ пяти чувствъ, замѣняется у людей изощреніемъ другаго, и зрѣніе у него было рысье, то въ глазахъ моихъ читалъ онъ попеременно и страхъ, и досаду, и насмѣшку и отъ того терпѣть меня не могъ. Я былъ какъ обреченная жертва постоянно дурнаго расположенія его духа, ибо сидѣлъ прямо противъ него и былъ безпрестанно подъ молніей его взглядовъ, которая изъ-подъ тучи бровей сверкала мнѣ какъ мечъ Дамоклеса. Спросить, что могло такъ часто приводить его въ гнѣвъ? да такъ: если перестанешь писать, заглядишься въ сторону, сдѣлаешь ошибку, или встанешь съ мѣста чтобъ идти куда-нибудь.

Молодые дворяне, какъ извѣстно, при Екатеринѣ и до нея вступали единственно въ военную службу, болѣе блестящую, веселую и тогда менѣе трудную чѣмъ гражданская: если въ продолженіи оной переходили въ штатскую, чтобы занять выгодныя мѣста, то собственно званіемъ канцелярскаго гнушались, и оно оставлено было дѣтямъ священно-и церковно-служителей и разночинцевъ. При Павлѣ, строгости военной дисциплины побѣдила неодолимое отвращеніе молодыхъ Русскихъ къ подъяческой службѣ, какъ они ее называли, до того, что наконецъ запретили имъ въ нее входить. Слѣдственно до того времени московская молодежь едва ли знала о существованіи московскаго архива. Три члена съ равными правами и властію, управляли имъ, раздѣливъ между собою занятія. Двое изъ нихъ, нѣкто Соколовскій и ученый Стриттеръ, въ глубокой уже старости, и третій Бантышъ-Каменскій, немного помоложе ихъ, почти всю жизнь, вдали отъ свѣта, въ пыльной атмосферѣ, перебирали, пересматривали и отряхали безчисленные рукописи, ихъ храненію ввѣренныя. Нѣсколько несчастныхъ, довольно знающихъ грамоту, чтобы читать и переписывать, изъ скуднаго жалованья, безъ вся-

кой надежды на повышение, болѣе въ видѣ слугъ чѣмъ служителей канцелярскихъ ими употреблялись и старѣлись съ ними въ машинальныхъ трудахъ. Вдругъ нарушается тишина сего мирнаго убѣжища; одна волна недорослей, франтовъ гонитъ на архивъ другую; напрасно полный комплектъ юнкеровъ на время затворяетъ въ него входъ; скоро производство въ переводчики опять его отпираетъ. Старики спѣшатъ удалиться; одинъ изъ нихъ остается, чувствуя въ себѣ довольно силы, чтобъ укротить ярость бурныхъ волнъ, смѣшавъ ихъ съ землею, съ старыми подчиненными.

Вотъ въ какомъ положеніи нашель я этотъ архивъ. По разнымъ возрастамъ служившихъ въ немъ юношей и ребятъ, можно было видѣть въ немъ и университетъ, и гимназію, и приходское училище; онъ былъ вмѣстѣ и канцелярія и кунсткамера. Самая ранняя заря жизни встрѣчалась въ немъ съ позднимъ ея вечеромъ; семидесятилѣтній надворный совѣтникъ Ивановъ сидѣлъ близко отъ одиннадцатилѣтняго переводчика Васильцовскаго; манерные, раздушенные Евреиновы и Курбатовы писали вмѣстѣ съ Большаковыми и Щученковыми, которые сморкались въ руку. Подлѣ князя Гагарина и графа Мусина-Пушкина, молодыхъ людей принадлежавшихъ къ знатнѣйшимъ, богатѣйшимъ фамиліямъ въ Москвѣ, вы бы увидѣли Тархова, въ старомъ фризовомъ сертукѣ, того уroda, который надѣлялъ насъ работой, и во мзду своей снисходительности, выпрашивалъ у насъ старое исподнее платье и камзолы. Конечно, и теперь молодые люди хорошихъ фамилій во множествѣ занимаются по канцеляріямъ разныхъ вѣдомствъ, съ людьми разныхъ состояній, но теперь это вошло уже въ обыкновеніе, а тогда было ново: къ тому же сослуживцы ихъ, къ какому бы сословію ни принадлежали, и лѣтцами, и образованностію, и приличіемъ одѣянія мало, а часто и ничѣмъ нынѣ отъ нихъ не разнятся.

Въ помощь къ г. Бantyшь-Каменскому, управляющему архивомъ, данъ былъ г. Малиновскій, въ званіи канцеляріи совѣтника или младшаго члена. Лѣтъ двадцать моложе его, сей послѣдній былъ у насъ представителемъ новѣйшихъ временъ. Онъ былъ, уже безъ примѣси, русскаго и духовнаго происхожденія, ибо протоіерей, отецъ его, находился тогда законоучителемъ въ Московскомъ университетѣ. Контрастъ между нашими двумя начальниками былъ разителенъ: г. Малиновскій, кислосладкій, какъ прозваніе его, чуждался всего, что напо-

минало его левитизмъ; гонялся за ученостію, но еще болѣе имѣлъ приязаній на свѣтскую любезность. Одинъ обижалъ насъ краткими энергическими бранными словами, другой всѣхъ казнилъ безконечными, поучительными, изысканными фразами. Онъ засѣдалъ во второй комнатѣ, немного поменѣе первой, гдѣ всегда копался или ворчалъ г. Каменскій, а въ третьей находился секретарь архива, г. Ждановскій, тихій человекъ, который ни передъ кѣмъ пикнуть не смѣлъ. Такимъ образомъ, на столь маломъ пространствѣ можно было найдти три разныя формы правленія, въ первой комнатѣ деспотизмъ со всѣми его ужасами, во второй нѣчто конституціонное, въ третьей совершенное безначаліе. Я не попалъ туда; сѣвной случай располагалъ мѣстами нашего сидѣнія и онъ мнѣ не поблагодаривалъ.

Изъ сослуживцевъ моихъ, одни часто будутъ встрѣчаться мнѣ въ жизни, съ другими, оставивъ архивъ, я мало имѣлъ сношеній. Говорить о первыхъ буду имѣть много случаевъ а изображеніе послѣднихъ представитъ мало занимательнаго. По большей части, всѣ они закоренѣлые Москвичи, рѣдко покидали обширное и великолѣпное гнѣздо свое и преспокойно тонуть или потонули въ неизвѣстности. Ни высокими добродѣтелями они не блистали, ни постыдными пороками не запятнались; если имѣли нѣкоторыя странности, то общія своему времени и мѣсту своего жительства. Мнѣ однакоже весьма памяты сильныя впечатлѣнія, которыя оставили во мнѣ нѣкоторыя изъ моихъ товарищей, и я не могу упустить, чтобы не описать ихъ.

Къ старшему сыну моего главнаго начальника, уже надворному совѣтнику и весьма зрѣлому молодому человекъ, я почувствовалъ нерасположеніе, при первыхъ словахъ, которыя обратилъ онъ ко мнѣ..... Меньшой сынъ, Димитрій, едва выходилъ изъ дѣтства.....

Двое братьевъ Евреиновыхъ, взрослые молодые люди, о коихъ я уже упомянулъ, жили въ большомъ свѣтѣ, ко всѣмъ знатнымъ ѣздили на балы. Голова вкружилась у нихъ отъ сего счастья; они бредили имъ и часто, съ самодовольнымъ состраданіемъ, разказывали мнѣ о томъ, стараясь, но тщетно, возбудить во мнѣ зависть.

Чего не могли братья Евреиновы, то сдѣлали братья Булгаковы. И было чему позавидовать. Два красавца, лѣтъ по двадцати, сыновья знаменитаго и чиновнаго человекъ, неодно-

кратно прославившагося въ посольствахъ, Якова Ивановича Булгакова, предъ всѣми своими сослуживцами брали неоспоримое первенство. какъ въ архивѣ, такъ и въ обществахъ. Они родились въ Константинополь, отъ чужестранной матери. . . . . и носили на себѣ отпечатокъ Востока. Старшій, Александръ, имѣлъ лицо болѣе нѣжное и веселое, выражающее одну чувственность сладострастія, что на молодомъ лицѣ весьма непротивно; меньшей, Константинъ, былъ одаренъ красотою мужественною и тогда уже смотрѣлъ на женщинъ съ видомъ скромнаго побѣдителя, какъ бы приглашая ихъ къ безопасному паденію. Съ самой колыбели сіи братья были связаны тѣснѣйшею дружбой, одно прекрасное чувство, которымъ могли они хвалиться. Дѣйствуя заодно, къ достиженію желаемаго употребляли двойныя силы и каждымъ успѣхомъ вдвойнѣ наслаждались. Но старшій долженъ былъ чаще заимствовать помощь у младшаго, который въ высшей степени владѣлъ искусствомъ, немногимъ тогда извѣстнымъ: онъ имѣлъ то, что Франгузы называютъ à plomb, и что по-русски не иначе можно перевести какъ: смѣшеніе наглости съ пристойностію и приличіемъ. И умъ, и любезность, и знаніе, и добродушіе, все имъ приписывалось и старыми и молодыми, и мужчинами и женщинами. . . . . Сколько разъ потомъ въ продолженіи жизни моей, готовъ я былъ, глядя на нихъ, воскликнуть какъ Ипполитъ о Федрѣ: „Боги, кои знаете ихъ и награждаете, неужели за добродѣтели!“ . . . . . По неопытности моей, и я нѣкогда вѣровалъ въ ихъ совершенство.

Другой юноша, о коемъ похвалы не гремѣли въ московскихъ гостиныхъ, цвѣлъ тогда уединенно въ семейномъ кругу и украшалъ собою молодое наше архивное сословіе. Андрей Тургеневъ, со всею скромностію великихъ достоинствъ, стоялъ тогда на распутіи всѣхъ дорогъ ведущихъ къ славѣ: какую ни избралъ бы онъ, можно утвердительно сказать, что онъ далеко бы по ней ушелъ. Но изъ отличныхъ людей Провидѣніе сохраняетъ только нужное число для Его благотворныхъ видовъ; остальные гибнутъ рано, и старшій Тургеневъ не долго оставался на свѣтѣ. Ему завидовать я не смѣлъ; несмотря на свое самолюбіе, я чувствовалъ, что успѣховъ, какіе сулитъ ему будущность, я обѣщать себѣ не могъ. Меньшой братъ его Александръ былъ совсѣмъ не то чѣмъ мы его послѣ видѣли: тоненькій, жиденькій, румяный, ласковый мальчикъ, чрезвычайно застѣнчивый.

Этого нельзя было сказать о другомъ молодомъ мальчикѣ, котораго всякій съ перваго взгляда въ нашей толпѣ могъ бы замѣтить. Чрезвычайная живость его, необыкновенная смѣлость слова и взгляда неприятнымъ образомъ меня поразили, и я избѣгалъ съ нимъ разговоръ; а между тѣмъ когда онъ велъ рѣчь съ другими, я заслушивался. Въ идеяхъ, кои выражалъ онъ, все мнѣ казалось такъ ново, такъ внезапно, и всегда лакомый до ума, я невольнымъ образомъ началъ съ нимъ сближаться. Непонятно мнѣ было чувство, которое онъ во мнѣ производитъ; все меня отталкивало отъ него, и все меня къ нему привлекало; не доказываетъ ли это, что между людьми, какъ и между небесными тѣлами, есть также законы тяготѣнія, гравитациі? Маленькій Блудовъ былъ тогда блуждающая комета, которая, какъ бы безъ цѣли быстро несясь въ пространство міровъ, могла въ немъ встрѣтить разрушеніе. Я не могъ тогда предвидѣть, что скоро ходъ ея сдѣлается столь правильнымъ, но уже какъ будто предчувствовалъ, что мнѣ суждено долго обращаться вокругъ нея и даже содѣлаться однимъ изъ ея спутниковъ, когда, достигнувъ созвѣздія министерства, она будетъ сіять въ немъ столь тихимъ, чистымъ и благотворнымъ свѣтомъ.

Жеманство, которое встрѣчалось тогда въ литературѣ можно было также найти въ манерахъ и обращеніи нѣкоторыхъ молодыхъ людей. Женopodobіе не совсѣмъ почиталось стыдомъ, и ужимки, которыя противно было бы видѣть и въ женщинахъ, казались утонченностями свѣтскаго образованія. Тѣ, которые этимъ промышляли, выказывали какую-то изнѣженность, неприличную нашему полу, не скрывали никакой боязни и, что всего удивительнѣе, не совсѣмъ были смѣшны. Между нами были также два молодца, или лучше сказать, двѣ дѣвочки, которыя въ этомъ родѣ дошли до совершенства, Колычевъ и Ижоринъ. Время ихъ наружность и все вокругъ нихъ измѣнило, но не измѣнило ихъ склонностей и характера; теперь обѣ уже старушки, а послѣдняя весьма добрая и почтенная. Истребляя между нашими молодыми людьми наружныя формы, столь поносныя, особенно для Русскихъ, нынѣшній вѣкъ перенесъ ихъ въ другую крайность и мужественности ихъ часто придаетъ мужиковатость.

Послѣдствія прежняго французскаго воспитанія сильно между нами обнаруживались; почти всѣ мои товарищи не могли ступить безъ французскаго языка. Говоря на немъ,

хотя многіе дѣлали часто ошибки, но съ русскою переимчивостію весьма удачно умѣли перенять голосъ и манеры Французовъ, жившихъ у ихъ родителей. Никто однакоже не успѣлъ столько въ томъ, какъ молодой Ефимовичъ; онъ былъ вылитый Французъ: маленькій ростъ, тоненькія ножки, увертки его и самое безобразное его старообразіе, дѣлали его настоящимъ маркизомъ. Для многихъ изъ насъ былъ онъ предметомъ уваженія и подражанія. Впрочемъ онъ былъ не безъ ума, хорошо занимался литературой и принадлежалъ къ числу тѣхъ людей, которые берутся за все, общаются много и изъ которыхъ наконецъ не выходитъ ничего.

Исключая двухъ Тургеневыхъ и Блудова, едва ли кто зналъ изъ моихъ товарищей, что есть уже русская словесность. Живши въ одномъ городѣ съ Дмитриевымъ и Карамзинымъ, они слышали объ нихъ, можетъ-быть встрѣчались съ ними, знали, что они что-то пишутъ, но читать ихъ? этого не приходило имъ въ голову. Честь и хвала малому числу избранныхъ юношей-отроковъ, которые, плѣняясь и заграничнымъ просвѣщеніемъ, не заражались однакоже окружающими ихъ примѣрами. Геній Россіи съ раннихъ лѣтъ вдохнулъ въ сердца ихъ чувство ея величія, а уму ихъ далъ способность постигать красоты благозвучнаго языка нашего и искусство выражаться на немъ. Увы! сихъ похвалъ я не заслуживалъ. Въ домѣ Голицыныхъ положено основаніе моею галломаніи, которая такъ быстро усилилась въ кругу архивныхъ юношей. Они снабжали меня французскими книгами, по большей части романами, и я воображалъ что занимаюсь полезнымъ чтеніемъ, когда пожиралъ ихъ по ночамъ: часто бывалъ я внѣ себя отъ ужасовъ г-жи Радклиффъ, кои мучительно пріятнымъ образомъ дѣйствовали на раздражительныя нервы моихъ товарищей.

Въ продолженіи зимы занимали насъ переводами съ французскаго: не знаю были ли они хороши, по крайней мѣрѣ не мои, а впрочемъ, какъ мнѣ кажется, г. Малиновскій, руководитель нашъ въ семь дѣлъ, не весьма былъ въ состояніи о томъ судить. Потомъ г. Бантышъ-Каменскій заставлялъ насъ въ одинъ форматъ переписывать на-чисто древнія грамоты и договоры, съ намѣреніемъ отдать собраніе ихъ потомъ въ печать. Въ послѣдствіи я сдѣлался съ нимъ гораздо смѣлѣе, а онъ ко мнѣ снисходительнѣе: одна только бѣда, мой почеркъ ему не нравился; въ угожденіе ему я началъ писать

свои литеры по старинному до того, что пишу теперь какъ церковникъ.

Я напрасно хвалюсь иногда твердостью; я всегда былъ довольно челоуѣкоугодливъ; старшимъ, равнымъ и даже подчиненнымъ всегда готовъ былъ сказать или сдѣлать что-нибудь пріятное; когда же поступки ихъ лично противъ меня, а еще болѣе противъ совѣсти или закона заставляютъ меня дѣлать противное, они мнѣ становятся ненавистны, ибо лишаютъ меня величайшаго удовольствія. Въ нѣжномъ возрастѣ, кто не чувствовалъ вліянія людей и обстоятельствъ, среди коихъ жилъ; но ни на кого они столь сильно не дѣйствовали какъ на меня: мнѣ кажется, я былъ восковой, всякое впечатлѣніе сглаживалось, но не совсѣмъ изглаживалось новымъ, каждое положеніе, въ коемъ я находился, каждое общество, чрезъ кое проходилъ, оставляли на мнѣ слѣды, и такъ-то въ описываемые мною послѣдніе два-три года образовались всѣ странности моего характера. Къ счастью, посреди сего сохранилось во мнѣ чувство справедливости и чести, данное мнѣ природою и первымъ воспитаніемъ и никогда меня не покидавшее.

Мѣсяца черезъ полтора по вступленіи моемъ въ службу, вновь былъ принятъ въ нее и зятъ мой, отставной полковникъ Алексѣевъ. Причины сего обстоятельства, повидимому мало-важнаго, заслуживаютъ однакоже, чтобъ ихъ объяснить. Между гатчинскими офицерами былъ Пруссакъ Эртель, котораго сама природа создала начальникомъ полиціи; онъ былъ весь составленъ изъ капральской точности и полицейскихъ хитростей: съ конца 1798 года былъ онъ оберъ-полицеймейстеромъ въ Москвѣ. Графъ Салтыковъ сначала никакъ не могъ догадаться, что къ нему приставленъ дядька, а когда убѣдился въ томъ, то началъ искать средствъ отъ него избавиться. Сдѣлать это было не легко: Эртель пользовался особою довѣренностію Павла I-го и сохранялъ тѣсныя связи съ самыми приближенными ему людьми. Не прошло года, и онъ едва не успѣлъ свергнуть самого графа Салтыкова: тотъ покорился необходимости, оставилъ себѣ весь блескъ представительности, оставилъ себѣ гражданскую часть по губерніи и военную по гарнизону, сдѣлался такъ сказать гражданскимъ генераль-губернаторомъ и оберъ-комендантомъ, а полицейскую часть столицы предоставилъ совершенно распоряженіямъ оберъ-полицеймейстера. Эртель былъ челоуѣкъ живой, веселый, дѣятельный и совсѣмъ не мстительный;

онъ симъ раздѣломъ остался совершенно доволенъ, сталъ любезничать съ начальникомъ, угождать ему, и чтобы скрѣпить съ нимъ союзъ, испросилъ у него позволеніе представить отставнаго, любимаго его адъютанта къ должности полицеймейстера, что онъ и сдѣлалъ прямо отъ себя.

Когда бывало попадешь на Эртеля, то трудно отъ него отвязаться, и потому долженъ я еще нѣсколько объ немъ поговорить. Москва весьма его не любила, и никогда не любила большаго порядка. Всѣ знали, сверхъ того, что онъ часто дѣлалъ тайныя донесенія о состояніи умовъ въ старой столицѣ, всякій могъ опасаться сдѣлаться предметомъ обвиненія неотразимаго, часто ложнаго, всегда незаконнаго, и хотя нельзя было указать ни на одинъ примѣръ человѣка чрезъ него пострадавшаго, но ужасъ невидимой гибели, который вокругъ себя распространяютъ такого рода люди, самымъ непріязненнымъ образомъ располагалъ къ нему жителей Москвы. Но они не могли однакоже не согласиться, что цѣль хорошей полиціи, спокойствіе ихъ, была совершенно при немъ достигнута. Въ немъ была врожденная страсть наступать и хватать разбойниковъ и плутовъ, столь же сильная какъ въ кошкѣ ловить крысъ и мышей. Никакой воръ, никакое воровство не могли отъ него укрыться, можно вездѣ было наконецъ держать двери на отперти; ни одинъ большой сѣвздъ, ни одно народное увеселеніе не ознаменовалось при немъ несчастнымъ приключеніемъ; на пожарахъ пламень какъ будто гаснулъ отъ его приближенія. Онъ былъ совсѣмъ не свѣсивъ, въ обхожденіи не церемоненъ и не грубъ, но только жестокъ съ людьми, хотя бы дворянами, коихъ мошенничество было доказано.

Главная, непростительная вина его въ глазахъ Москвичей было строгое наблюденіе за сохраненіемъ странныхъ формъ одѣянія, предписанныхъ въ то время. Москва разнообразна, пестра и причудлива какъ сама природа: гнуть и тѣснить ее столь же трудно, какъ и бесполезно. Въ ней выдуманы слова приволье, раздолье, разгулье, выражающія наклонности ея жителей: какъ въ старину, такъ и нынѣ никто почти изъ нихъ не мечталъ о политической свободѣ; за то всякій любилъ совершенную независимость какъ въ общественной, такъ и въ домашней жизни. Между ими и западными вольнодумцами та же разница, что между поэтомъ, составившимъ себѣ идеалъ совершенства, который всю жизнь онъ прощеть напрасно, и простымъ человѣкомъ, который

скоро найдетъ любимую женщину, безъ великихъ затруднений женится на ней, и преспокойно въ любви и совѣтѣ проведетъ съ нею вѣкъ. Только не касайся ихъ всендневныхъ привычекъ, ихъ безвинныхъ предразсудковъ, и Москвичи предовольны. Но коль скоро вздумаютъ слишкомъ распрямлять своевольную старушку, она закричитъ голосами тысячи врагей своихъ, тысячи своихъ болтуний, и правительство, если безъ уваженія, то не совсѣмъ однакоже безъ вниманія можетъ оставить бозсмысленный сей шумъ. . . . . Самъ Эртель долженъ былъ по времени возчувствовать всецильное ея дѣйствіе: но въ немъ оставалось еще довольно нѣмецкаго, чтобы не спастись отъ ея проклятій. Голубушка Москва любитъ маленькій безпорядокъ, она почитаетъ себя заключенною въ монастырѣ, коль скоро видитъ вокругъ себя порядокъ, слишкомъ строго соблюдаемый. Хорошо ли это? худо ли это? Богъ знаетъ; Биронъ съ Анной Ивановной бѣжали изъ нея, Елисавета Петровна проводила въ ней половину жизни; первые терзали Россію, при послѣдней она блаженствовала.

Зять мой, человѣкъ недостаточный, поневолѣ принужденъ былъ принять должность полицеймейстера и сдѣлался весьма полезнымъ сотрудникомъ Эртеля, хотя не имѣлъ ничего съ нимъ общаго ни въ правилахъ, ни въ нравѣ. Странное дѣло, онъ съ такою же неутомимою дѣятельностію, какъ и начальникъ его, началъ преслѣдовать безпорядки, а былъ столько же любимъ, особливо простымъ народомъ, сколько тотъ былъ ненавидимъ. Не отъ того ли что онъ былъ Русскій? не отъ того ли что въ самой строгости Русскаго есть что-то добродушное? не отъ того ли что въ нашемъ народѣ чувство справедливости сильнѣе чѣмъ въ высшихъ классахъ, и что простолюдинъ пойманный въ преступленіи столь же мало видитъ врага въ исполнителѣ надъ нимъ законовъ, какъ въ камнѣ, о который онъ ушибся неосторожно на него падая?

Обычай не позволялъ въ старину русскимъ боярамъ входить въ подряды и откупа, ни въ какія торговля дѣла, а еще менѣе отдавать въ наймы палаты свои по частямъ или въ цѣлости. Какъ бы долго ни продолжалось ихъ отсутствіе, жилища ихъ должны были безъ нихъ вдовствовать и въ безмолвіи ожидать ихъ возвращенія какъ дворцы царскіе. Друзья и родственники имѣли часто однакоже право безъ

платы и даже безъ позволенія въ нихъ останавливаться. Барыши, золото, одно золото оставлено было людямъ среднихъ состояній въ замѣнъ блестящихъ преимуществъ, которыми пользовались одни только знаменитые роды. Только заслуги, щедроты монарховъ и бережливость могли умножать достояніе дворянъ. Почтенному сему предразсудку слѣдовали еще болѣе на Западѣ, пока герцогъ Орлеанскій не обратилъ жилища своего въ базаръ и подъ именемъ Королевскаго дворца не стали разумѣть средоточія парижской торговли. Чтобы разбогатѣть, князья и графы теперь у насъ, даже самые богатые, употребляютъ одинакія средства съ мѣщанами, строятъ пивоварни, торгуютъ въ кабакахъ и все-таки предъ послѣдними кичатся своими громкими именами; возможно ли чтобъ ихъ уважали? поклоненіе златому тельцу равняетъ всѣ состоянія. Не такъ было при Павлѣ лѣтъ сорокъ тому назадъ. У графа Салтыкова было въ Москвѣ три дома; въ одномъ, на Дмитровкѣ, жила дочь его, госпожа Мятлева съ семействомъ, другой, загородный, служилъ ему для прогулокъ, а третій, маленькій каменный у Тверскихъ воротъ, подлѣ церкви Дмитрія Селунскаго, стоялъ совсѣмъ пустой. При новой должности Алексѣева не было положено казенной квартиры: желая избавить его отъ убытковъ наемной, графиня Салтыкова, которой принадлежалъ собственно послѣдній изъ сихъ домовъ, предложила ему помѣститься въ немъ, и мы ѣхали въ него около половины ноября.

Я тогда вблизи увидѣлъ полицейскую жизнь и чиновниковъ полиціи. Въ Москвѣ въ то время, когда не было столько роскоши, столько потребностей и слѣдственно такой жадности къ прибыли, полицейскіе чиновники, обезпеченные доходами, которые почитались почти законными, не прибѣгали къ ужаснымъ, притѣснительнымъ средствамъ, чтобъ у бѣдныхъ обывателей выжимать деньги. Частные пристава жили роскошнѣе полицеймейстеровъ, и никто не ставилъ имъ этого въ вину. То что называется нынѣ красть, называлось тогда брать и было дѣйствительно болѣе добровольнымъ даромъ чѣмъ грабежомъ. Отъ лицъ, какъ слышалъ я, они ничего не принимали, а только общества торговцевъ, мастеровыхъ, въ ихъ части живущихъ, дѣлали между собою умѣренныя складки и по большимъ праздникамъ подносили имъ въ видѣ почтительныхъ приношеній.

Почитая себя нѣкоторымъ образомъ честными людьми, они съ успокоенною совѣстію могли безпристрастно исполнять свои обязанности; общее же мнѣніе въ Москвѣ никогда ихъ не клеймило, и бѣдные дворяне, армейскіе офицеры, съ честью служившіе, могли безъ стыда принимать полицейскія должности.

Имѣя офицерское званіе, мнѣ казалось что я въ правѣ почитать себя совершеннолѣтнимъ. Отецъ мой, который опредѣленіемъ меня въ службу болѣе всѣхъ былъ обрадованъ, въ письмахъ своихъ перемѣнилъ со мною тонъ и изъ Филипушекъ произвелъ меня въ Филиппы Филипповичи; только въ письмахъ и устахъ матери моей долго сохранялъ я еще дѣтское свое имя. Первый разъ въ жизни получилъ я деньги на собственныя, безотчетныя издержки; мнѣ прислали сто рублей, огромную сумму, изъ которой употребленіе я не скоро началъ дѣлать, желая все приобрести и не умѣя рѣшиться въ выборѣ. Послѣ того прискорбно мнѣ было замѣтить, что узда только опущена, а не совсѣмъ снята еще съ меня; я все еще оставался подъ строгимъ надзоромъ сестры и брата. Впрочемъ, важный шагъ сдѣланъ, мнѣ позволено ходить по улицамъ безъ сопровожденія слуги, чего дотолѣ не было; отъ дурной привычки страхъ вмѣстѣ съ радостію ощутилъ я, когда въ первый разъ увидѣлъ себя такимъ образомъ на свободѣ.

Отлучаясь, долженъ я былъ однакоже всякій разъ спрашивать себя и сказывать куда иду. Три раза въ продолженіи зимы воспользовался я такими позволеніями чтобы видѣть московскій театръ, не знаю зачѣмъ названный Петровскимъ, ибо во всемъ городѣ былъ онъ тогда одинъ. * Играли на немъ одни только русскіе актеры: изъ нихъ чета Сандуновыхъ болѣе всѣхъ приманивала публику; мужъ игралъ лакейскія роли въ комедіяхъ, а жена была примадонной въ оперѣ; ни тотъ, ни другая мнѣ что-то не понравились. Думая искусно подражать природѣ, Сандуновъ былъ чрезвычайно подлѣ на сценѣ, а жена, лѣтъ двадцати пяти не болѣе, почитаемая красавицей, казалась гораздо старѣе, ибо имѣла большія, правильныя черты, черные глаза и волосы, римскій носъ, и была чрезвычайно дородна. Играя почти всегда роли молодыхъ дѣвочекъ, она

---

* Онъ сгорѣлъ еще до большаго пожара 1812 года, а въ 1823 перестроенъ въ увеличенномъ размѣрѣ.

была довольно отвратительна, сверхъ того, имѣла привычку часто хохотать самымъ непристойнымъ образомъ: голосъ ея былъ силенъ, чистъ, но не имѣлъ для меня ни малѣйшей пріятности.

Въ комедіяхъ, драмахъ и трагедіяхъ замѣчательны были Шавильщиковъ и Померанцевъ. Первый—литераторъ и актеръ, занималъ главные роли и по моему былъ очень дурень, хотя ему и рукоплескали. Послѣдній превосходно игралъ стариковъ; онъ имѣлъ благородную осанку, нѣжный и трогательный голосъ и, если можно такъ сказать, всю прелесть маститости, настоящей или искусственной. Главная трагическая актриса была госпожа Сахарова: пусть представляютъ себѣ Дидоной рязанскую или симбирскую помѣщицу, уже пожилыхъ лѣтъ, мало знакомую съ столицей и великую охотницу декламировать стихи—это была Сахарова. Какъ въ дочери госпожи Синавской, первой женщины, которая у насъ въ Россіи согласилась выступить на сцену, и нѣкогда блистала въ *Хоревъ*, въ *Синавъ* и *Трузортъ*, въ ней особенно уважалась куцисная ея знатность.

Болѣе изъ тщеславія чѣмъ изъ охоты, многіе богатые помѣщики составляли изъ крѣпостныхъ людей своихъ оркестры и заводили цѣлыя труппы актеровъ, которые, какъ говорили тогда въ насмѣшку, ломали передъ ними комедь. Когда дѣла ихъ разстраивались, они слугъ своихъ заставляли въ губернскихъ городахъ играть за деньги; одинъ между ними, г. Столыпинъ, нашелъ, что выгоднѣе отдать свою труппу внаймы на московскій театръ, который тогда не находился въ казенномъ управленіи. Содержатель его былъ нѣкто Медоксъ—Жидъ, вѣроятно, крещеный. Умѣренная плата симъ лицедѣямъ, жалкое одѣяніе, въ коемъ являлись они передъ зрителями, соответствовали ихъ талантамъ, все это было ниже посредственности. Жидъ видно былъ не очень разчетливъ, и какъ было ему не раззориться? Всѣ три раза, что зимой я былъ въ театрѣ, видѣлъ я почти пустой партеръ. Когда я слышу строгія замѣчанія критиковъ на нынѣшній московскій театръ, мнѣ всегда досадно; я вспомяну прежній и нахожу, что одного столѣтія мало, чтобы произвести удивительную между ними разницу.

Въ эту зиму увидѣлъ я и московскіе балы, два разъ былъ я въ Благородномъ Собраніи. Зданіе его построено близъ Кремля, въ центрѣ Москвы, которая сама почитается сре-

доточіемъ нашего отечества. Не одно московское дворянство, но и дворяне всѣхъ почти великороссійскихъ губерній, стекались сюда каждую зиму, чтобы повеселить въ немъ жень и дочерей. Въ огромной его залѣ, какъ въ величественномъ храмѣ, какъ въ сердцѣ Россіи, поставленъ былъ кумиръ Екатерины, и никакая зависть къ ея памяти не могла его оттуда исторгнуть. Чертогъ въ три яруса, весь бѣлый, весь въ колоннахъ, отъ яркаго освѣщенія весь какъ въ огнѣ горящій, тысячи толпящихся въ немъ посѣтителей и посѣтительницъ, въ лучшихъ нарядахъ, гремящіе въ немъ хоры музыки, и въ концѣ его, на нѣкоторомъ возвышеніи, улыбающійся всеобщему веселью мраморный ликъ Екатерины, какъ во дни ся жизни и нашего блаженства. Сими чудеснымъ зрѣлищемъ я былъ пораженъ, очарованъ. Когда первое удивленіе прошло, я началъ пристальнѣе разсматривать безчисленное общество, въ коемъ находился; сколько прекрасныхъ лицъ, сколько важныхъ фигуръ и сколько блестящихъ нарядовъ! Но еще болѣе, сколько странныхъ рожей и одѣяній!

Помѣщики сосѣдственныхъ губерній почитали обязанностію каждый годъ, въ декабрѣ, со всѣмъ семействомъ отправляться изъ деревни, на собственныхъ лошадяхъ, и пріѣзжать въ Москву около Рождества, а на первой недѣлѣ поста возвращаться опять въ деревню. Сии поѣздки имъ не дорого стоили. Имъ предшествовали обыкновенно на крестьянскихъ лошадяхъ длинные обозы съ замороженными поросятами, гусями и курами, съ крупюю, мукою и масломъ, со всѣми жизненными припасами. Каждого ожидалъ собственный деревянный домъ, не прихотливо убранный, съ широкимъ дворомъ и садомъ безъ дорожекъ, заглохшимъ крапивою, но гдѣ можно было, однакоже, найдти дюжину дикихъ яблонь и сотню кустовъ малины и смородины. Все Замоскворѣчье было застроено сими помѣщичьими домами. Въ короткое время ихъ пребыванія въ Москвѣ, они не успѣвали дѣлать новыхъ знакомствъ и жили между собою въ обществѣ пріѣзжихъ, деревенскихъ сосѣдей: каждая губернія имѣла свой особый кругъ. Но по четвергамъ всѣ они соединялись въ большомъ кругу Благороднаго Собранія; тутъ увидать они статсъ-дамъ съ портретами, фрейлинъ съ вензелями, а сколько лентъ, сколько крестовъ, сколько богатыхъ одеждъ и алмазовъ! Есть про что цѣлые девять мѣсяцевъ разказывать въ уѣздѣ, и все это съ удивленіемъ, безъ зависти: недосыгаемою для нихъ

высотой знати они любовались, какъ путешественникъ блестящею вершиной Эльбруса.

Не одно маленькое тщеславіе проводить вечера вмѣстѣ съ высшими представителями россійскаго дворянства привлекало ихъ въ Собраніе. Нѣтъ почти русской семьи, въ которой бы не было полдюжины дочерей: авось ли Дунюшка или Параша приглянутся какому-нибудь хорошему человѣку! Но если хорошій человѣкъ не знакомъ никому изъ ихъ знакомыхъ, какъ быть? И на это есть средство. Въ старину,—не знаю, можетъ-быть и теперь,—существовало въ Москвѣ цѣлое сословіе свахъ; имъ сообщались лѣта невѣсть, описи приданнаго и брачныя условія: къ нимъ можно было прямо адресоваться и они договаривали родителямъ все то, что въ Собраніи не могли высказать дѣвицѣ одни только взгляды жениха. Пусть другіе смѣются, а въ простотѣ сихъ дѣдовскихъ нравовъ я вижу что-то трогательное. Для любопытныхъ наблюдателей было много пищи въ сихъ собраніяхъ; они могли легко замѣтить озабоченныхъ матерей, идущихъ объ руку съ дочерьми, и прочитать въ глазахъ ихъ безпокойную мысль, что можетъ-быть въ сію минуту рѣшается ихъ участь; по веселому добродушію на лицахъ провинціаловъ легко можно было отличить ихъ отъ постоянныхъ жителей Москвы.

Московское Благородное Собраніе существуетъ и понынѣ: зала его удивляетъ попрежнему простотою величія, попрежнему украшается единственно изображеніемъ Екатерины, но уввы! она уже не форумъ русскаго дворянства; почти весь годъ стоитъ она пустая; только разъ или два, по случаю пріѣзда царя или другаго какого торжества, наполняется она опять людьми, но уже не въ такомъ числѣ, въ какомъ прежде собирались они въ нее еженедѣльно. Двѣнадцатый годъ болѣе всего сему Собранію нанесъ рѣшительный ударъ.

Если Москва не изобильна была публичными увеселеніями для образованнаго класса людей, за то ни въ одномъ городѣ не было столько партикулярныхъ баловъ. Ни одного я не видалъ, меня никуда не звали, а я не имѣлъ ни воли, ни желанія куда-либо самъ называться. Партикулярнымъ баломъ нельзя почитать тотъ, на который и я былъ приглашенъ, и который данъ былъ графомъ Салтыковымъ 6 ноября, послѣдній день, въ который праздновали восшествіе на престолъ императора Павла. Тутъ было нѣчто офиціальное; неавка на сей балъ, особенно для знатныхъ и чиновныхъ людей, могла

бы почтяться неуваженіемъ къ особѣ царя. А никогда еще Москва, какъ въ это время, не была наполнена такими людьми, коихъ у насъ называютъ вельможами, то-есть тѣхъ, кои съ высокимъ чиномъ соединяютъ знаменитость заслугъ, блестящій титулъ и огромное состояніе, и живутъ соответственно своему сану. Одни, обремененные лѣтами, при Екатеринѣ еще сошли съ поприща, чтобъ успокоиться въ градѣ бояръ, другіе—при Павлѣ или сами поспѣшали оставить службу или были отставлены съ позволеніемъ жить, гдѣ пожелаютъ. Всѣ они предстали тутъ, сіи, нѣкогда мужи войны и совѣта, съ своими сѣдинами и андреевскими лентами. Тутъ увидѣлъ я фельдмаршала Каменскаго, бывшаго канцлера Остермана съ братомъ, Еронкина, избавителя Москвы отъ чумы, и прежняго ея начальника Юрія Долгорукаго, оберъ-камергера князя Голицына, обоихъ братьевъ Куракиныхъ, бывшихъ вице-канцлера и генераль-прокурора, и многихъ другихъ. Не принимая участія въ игрѣ, почти всѣ они сѣли полукружіемъ, и я съ почтительнымъ вниманіемъ смотрѣлъ на сонмъ опальныхъ бояръ, какъ на галерею историческихъ портретовъ. Еслибы не было пляски, то можно было бы вообразить себѣ, что они собрались въ думу для совѣщаній о дѣлахъ государственныхъ.

Деятнадцатое столѣтіе началось для меня довольно счастливо. Въ генварѣ 1801 года произвели меня въ переводчики коллегіи, то-есть въ 10-й классъ, безъ заслугъ, безъ покровительства, а только для того чтобъ очистить мѣсто желающимъ поступить въ опредѣленное число юнкеровъ. Изъ новонабранныхъ двое имѣли довольно оригинальности, чтобы найдти мѣсто въ сихъ запискахъ.

Молва уже говорила намъ объ одномъ князѣ Козловскомъ, молодомъ мудрецѣ, который имѣлъ намѣреніе опредѣлится къ намъ въ товарищи, и мы съ любопытствомъ ожидали обѣщанное намъ чудо. вмѣсто чуда увидѣли мы просто чудака. Правда, толщина не по лѣтамъ, въ голосѣ и въ походкѣ натуральная важность, а на лицѣ удивительное сходство съ портретами Бурбоновъ старшей линіи, заставили сначала самого г. Бантышъ-Каменскаго принять его съ нѣкоторымъ уваженіемъ; разглядѣвъ же его пристальнѣе, узнали мы въ немъ совсѣмъ не педанта, но добраго малаго, общительнаго, веселаго и даже легкомысленнаго. Способностей въ немъ было много, учености никакой, даже познаній весьма мало,

но онъ славно говорилъ по-французски и порядочно писалъ русскіе стихи. Откормленный, румяный, онъ всегда смѣялся и смѣшилъ, имѣлъ, однакоже, искусство не давать себя осмѣивать, несмотря на свое обжорство и умышленный цинизмъ въ нарядѣ, коимъ прикрывалъ онъ бѣдность или скудость родителей.

Оставаясь въ Россіи, добросовѣстно, усердно посвящая себя занятіямъ по какой-либо части управленія, князь Козловскій могъ бы, наконецъ, быть однимъ изъ полезныхъ людей государства. Но онъ въ первой молодости получилъ мѣсто за границей, находился при разныхъ миссіяхъ и нѣскольکو лѣтъ въ Сардиніи раздѣлялъ ссылку сардинскаго короля, при коемъ былъ посланникомъ. Въ послѣдствіи, когда онъ былъ въ Штутгартѣ, неосновательность его поступковъ заставила правительство отозвать его, но сдѣлавшись совершенно чуждъ своему отечеству, онъ не захотѣлъ въ него возвратиться. Несчастный, но не первый примѣръ, встрѣчаемый между нашими земляками, для коихъ навыки заграничной жизни дороже родины, священныѣ всѣхъ обязанностей. На это смотрѣли у насъ доселѣ съ преступнымъ равнодушіемъ: пользуясь во Франціи приличнымъ содержаніемъ, которое оставило ему правительство, князь Козловскій казался жертвой, прослылъ чуть ли не гениемъ, коему не умѣюгъ отдавать справедливость. У кого хороша память и кто много читаетъ, тому куда какъ легко быть гениемъ въ наше время, когда говорится и пишется такъ много умнаго. Необходимость принудила недавно Козловскаго посѣтить Петербургъ, и ему дивились, какъ всему заграничному. Мнѣ казалось, что я вижу предъ собою густую массу, которая болѣе тридцати лѣтъ каталась по Европѣ, получила почти шарообразный видъ и, какъ гіероглифами, вся испещрена идеями, для насъ уже не новыми, и множествомъ несогласныхъ между собою чужихъ мнѣній, которыя по клейкости ея такъ удобно къ ней приставали. Теперь * масса сія въ совершенномъ бездѣйствіи остановилась въ Варшавѣ (все-таки какъ будто не въ Россіи) и сохраняется тамъ благодѣянiami презираемаго ею отечества.

Другой новобранникъ былъ Макаровъ, человекъ смирный,

---

* Читатели помнятъ, что *Воспоминанія Вигеля* писаны лѣтъ двадцать, если не болѣе, тому назадъ. *Ред.*

но не спокойный, ибо тогда уже былъ мучимъ желаніемъ прославиться въ литературѣ. Онъ Данаида нашей словесности, болѣе тридцати пяти лѣтъ льетъ чернила, наполняетъ журналы и ни на шагъ не подвигается ни въ искусствѣ, ни въ знаменитости. Вообще между тогдашними архивными юношами было довольно талантовъ въ зернѣ; отъ чего, не созрѣвъ, они гибли? Богъ вѣсть: обстоятельства ли и недостатки воспитанія препятствовали ихъ развитію? Обѣщали многіе, а одинъ только сдержалъ слово.

Скоро узнали мы вѣсть непріятную для нашего чиновобія: далѣе мы ничего не видѣли. Къ концу февраля графъ Растопчинъ былъ отставленъ, а на его мѣсто первоприсутствующимъ въ иностранной коллегіи и начальствующимъ надъ почтовою частію былъ назначенъ графъ Паленъ, который вмѣстѣ съ тѣмъ сохранялъ и должность петербургскаго военнаго губернатора. Внезапныя немилости Павла давно уже перестали удивлять, но удаленіе вѣрнѣйшаго, изъ преданныхъ ему, человѣка, который въ продолженіе всего царствованія его ни на минуту не переставалъ пользоваться его довѣренностію.....

XVII.

Опять вступаетъ Россія въ новую блистательную эпоху, въ новый міръ, сначала столь очаровательный. Съ обыкновеннымъ любопытствомъ и необычайнымъ страхомъ ожидала Москва видѣть императора въ половинѣ мая, на большихъ маневрахъ, которые къ тому времени приготовлялись въ ея окрестностяхъ.....

Необыкновенно раннее открытіе весны предшествовало раннему Свѣтлomu Воскресенію: еще до половины марта снѣгъ началъ исчезать, и наступила ясная, совершенно теплая погода. Въ пятницу на вербной недѣлѣ, 15 марта, былъ я въ архивѣ; становилось поздно, многіе уже разошлись по домамъ, изъ начальниковъ оставался одинъ только г. Бантышъ-Каменскій, разбирая какія-то рукописи. Вдругъ вбѣгаетъ меньшей Тургеневъ и прерывающимся голосомъ объявляетъ намъ, что Павла нѣтъ уже на свѣтѣ, а царствуетъ Александръ. „Что ты говоришь!“ воскликнулъ Каменскій и съ ужасомъ перекрестился. Тотъ продолжаетъ разказывать нижеслѣдующее:

Проѣзжая черезъ Кремль, онъ увидѣлъ толпу народа вокругъ Успенскаго собора; желая узнать причину такого стеченія, онъ втиснулся во храмъ и нашелъ въ немъ графа Салтыкова съ другими главными должностными лицами, которыя присягаютъ новому императору. Больше всего онъ замѣтилъ двухъ генераловъ въ анненскихъ лентахъ, неумытыхъ, невыбритыхъ, забрызганныхъ грязью: ему сказали, что одинъ изъ нихъ князь Сергѣй Долгоруковъ, который привезъ манифестъ о кончинѣ Павла и о воцареніи Александра, а другой бывшій оберъ-полицеймейстеръ Каверинъ, присланный смѣнить Эртеля и вступить въ прежнюю должность. Къ тому прибавили, что видѣли ихъ вмѣстѣ на одной перекладной телѣгѣ скачущими отъ Тверской заставы до дому главнокомандующаго.....

Никакого не осталось сомнѣнія..... Я поспѣшилъ уйти. Отъ Покровки до Тверскихъ воротъ путь не близокъ; я долженъ былъ сдѣлать его пѣшкомъ, ибо денегъ на извозчика у меня не было, и вѣроятно въ тревогѣ забыли прислать за мною лошадь. Я болѣе бѣжалъ чѣмъ шелъ; однакоже внимательно смѣтрѣлъ на всѣхъ попадавшихся мнѣ въ простыхъ армякахъ, равно какъ и на людей порядочно одѣтыхъ. Замѣтно было, что важная вѣсть разнесена по всѣмъ частямъ города и уже не тайна для самаго простаго народа.....

Послѣ четырехъ лѣтъ, воскресаетъ Екатерина отъ гроба, въ прекрасномъ юношѣ. Чудо ея сердца, милый внукъ ея, возвыщаетъ манифестомъ, что возвратитъ намъ ея времена.....

Но нѣтъ, даже и при ней не знали того чувства благосостоянія, коимъ объята была вся Россія въ первые шесть мѣсяцевъ владычества Александра. Любовь ею управляла и свобода вмѣстѣ съ порядкомъ водворялись въ ней. Не знаю какъ описать то, что происходило тогда; всѣ чувствовали какой-то нравственный просторъ, взгляды сдѣлались у всѣхъ благосклоннѣе, поступь смѣлѣе, дыханіе свободнѣе.

Приписать сіе должно отчасти хорошему выбору людей, окружавшихъ молодого императора. Всѣ они были употребляемы и уважаемы его бабкой. Беклешовъ, Мордвиновъ, Троицкій, благонамѣренные, умные и опытные люди заняли тогда важнѣйшія мѣста въ государствѣ. Только три человека, Обольяниновъ, Кутайсовъ и Эртель, уволены отъ службы; первые два никогда въ нее болѣе не вступали, послѣдній не одинъ разъ потомъ правительству пригождался.

Первое употребленіе, которое сдѣлали молодые люди изъ данной имъ воли, была перемѣна костюма: не прошло двухъ дней послѣ извѣстія о кончинѣ Павла, круглыя шляпы явились на улицахъ; дня черезъ четыре стали показываться фраки, панталоны и жилеты, хотя запрещеніе съ нихъ не было снято; впрочемъ и въ Петербургѣ всѣ перерядились въ нѣсколько дней. Къ концу апрѣля, кой-гдѣ еще встрѣчались старинные однобортные кафтаны и камзолы, и то на людяхъ самыхъ бѣдныхъ.

Въ военномъ нарядѣ сдѣланы перемѣны гораздо примѣчательнѣйшія: широкіе и длинные мундиры перешиты въ узкіе и черезъ мѣру короткіе, едва покрывающіе грудь; низкіе, отложные воротники сдѣлались стоячими и до того возвысились, что голова казалась въ ящикѣ, и трудно было ее поворачивать. Перешли изъ одной крайности въ другую, и всѣ восхищались новою обмундировкой, которая теперь показалась бы весьма странною. Со времянь Петра Великаго зеленый цвѣтъ былъ національнымъ въ русской арміи, но до Павла употреблялся одинъ только свѣтлый; преемникъ сохранилъ введенный имъ темно-зеленый цвѣтъ.

Трауръ въ Москвѣ былъ мало замѣтенъ. Да и лучше сказать, въ траурномъ платьѣ я помню одну только вдову генераль-лейтенантшу Акулину Борисовну Кемпень, одну изъ нашихъ кievскихъ знакомокъ, которая въ первомъ замужствѣ была за московскимъ купцомъ Дудышкинымъ и оттого чрезвычайно гордилась потомъ своимъ чиномъ. Несмотря на необъятную толщину свою, она все лѣто прѣла подъ черною байкой, для того чтобъ имѣть удовольствіе показывать шлейфъ чрезмѣрной длины.

Въ апрѣлѣ все пришло въ движеніе. Несмотря на распутицу, на разлитіе рѣкъ, на время самое неблагоприятное для путешествій, всѣ дороги покрылись путешественниками: оставные или выключенные потянулись толпами, чтобы проситься въ службу, весьма многіе поскакали за тѣмъ только въ Петербургъ, чтобы полюбоваться царемъ. Исключая дѣйствительно порочныхъ и виновныхъ, всѣ желающіе вступить въ службу были безъ затрудненія въ нее принимаемы: сотнямъ нажалованныхъ и потомъ отставленныхъ генераловъ не возможно было дать мѣстъ по чину: имъ велѣно числиться по арміи съ жалованьемъ, въ ожиданіи назначенія; во всѣхъ полкахъ удвоился и утроился комплектъ штабъ- и

оберъ-офицеровъ. Сначала средній братъ мой поступилъ въ Малороссійскій кирасирскій полкъ, а потомъ мѣсяца два спустя и старшій опредѣленъ въ провіантскій штатъ. Онъ было пытался проситься въ армію, хотя состояніе здоровья его не позволяло тогда думать ему о фронтѣ, но ему отказали, ибо число просящихся подъ конецъ такъ увеличилось, что не было возможности удовлетворять ихъ желаній: по молодости лѣтъ ему хотѣлось однакоже носить военный мундиръ, который тогда былъ присвоенъ провіантскому вѣдомству; итакъ, несмотря на худую славу его, рѣшился онъ въ него вступить.

Къ числу нашихъ семейныхъ происшествій въ семь году, принадлежитъ и маленькое приращеніе его. Сестра моя Алексѣева въ апрѣлѣ родила втораго и послѣдняго сына своего Николая.

Мы почти не видали какъ прошло лѣто. Нѣкоторую онаго часть провелъ я за городомъ, въ Марѣинѣ, деревнѣ графа Салтыкова. Отецъ и дѣдъ его, Петръ Семеновичъ и Семень Андреевичъ, также какъ и онъ долго начальствовавшіе въ старой столицѣ, всегда живали лѣтомъ въ семь наследственномъ помѣстьи, которое находится въ тридцати верстахъ отъ Москвы по дмитровской дорогѣ. * Не обширный, двухъэтажный домъ,

---

* Въ Россіи со времяъ Петра Великаго такіе примѣры чрезвычайно рѣдки. Къ новизнамъ, къ нововведеніямъ, къ коимъ такъ жестоко приволивалъ онъ насъ, мы до того привыкли, что гнушаемся всякою старинной. Боярскія вотчины дѣлятся, подраздѣляются, чрезъ женщинъ переходятъ въ другіе роды; очень часто проматываются и продаются въ постороннія руки съ семейными воспоминаніями, съ древними храмами и съ гробницами предковъ. Городскіе дома сбываются сыновьями вскорѣ послѣ кончины родителей, или перестраиваются заново, чтобы не оставить и слѣдовъ прежняго варварскаго вкуса, который иногда бываетъ лучше новѣйшаго; одежда отца и дѣда, дорогія вещи имъ принадлежавшія, все, что могло бы напомнить о ихъ существованіи, отдается за безцѣнокъ, какъ старье, какъ ветость; даже изъ фамиліальныхъ документовъ, тѣ, кои не даютъ правъ на какое-нибудь владѣніе, но кои могли бы быть драгоценными памятниками для потомковъ, теряются и гибнутъ отъ небрежности людей равнодушныхъ, какъ къ семейной чести, такъ и къ отечественной славѣ. У насъ нѣтъ прошедшаго, Петръ Великій отсекъ его у насъ; и какъ будто нѣтъ и будущаго; лишь бы стало по нашъ вѣкъ, а тамъ хоть не цвѣти Россія. Чудное дѣло! Не Татары, а Западъ, гдѣ исто-

кудрявой архитектуры возрожденія, стоялъ тамъ тогда на высотѣ надъ широкимъ прудомъ съ островами. Два флигеля, одинаковой вышины и въ одну линію съ нимъ построенные, соединялись съ нимъ галереями и террасами, что, растягивая фасадъ его, давало ему видъ довольно огромный. Съ одной стороны былъ длинный, регулярный садъ съ безконечными, прямыми, липовыми аллеями, а съ другой примыкала къ нему прекрасная, густая, молодая роща, идущая внизъ по скату горы, до самаго пруда или озера. Приемнымъ комнатамъ нижняго этажа служило украшеніемъ многочисленное собраніе старинныхъ фамилныхъ портретовъ; бѣлая же часть верхняго, подъ именемъ Оружейной, обращена была въ хранилище, не только воинскихъ доспѣховъ, принадлежавшихъ предкамъ, но и всякой домашней утвари, даже платья ихъ и посуды, серебряной и фарфоровой, вышедшей изъ употребленія.

Приятности сего лѣтняго мѣстопробыванія умножались еще любезностію двухъ хозяекъ, самой графини Салтыковой и старшей дочери ея, Прасковьи Ивановны Мятлевой. Не знаю, откуда могли они взять совершенство неподражаемаго своего тона, всю важность русскихъ боярынь вмѣстѣ съ непринужденною учтивостію, съ точностію приличій, которыми отличались дюшессы прежнихъ временъ? Еслибъ они были гораздо старѣе, то можно бы было подумать, что часть молодости своей провели они въ палатахъ царя Алексѣя Михайловича, съ сестрами и дочерьми его, а другую при дворѣ Лудовика XIV. Ни развратно грубая Россія отъ Петра до Екатерины, ни гнусно развратная Франція отъ регентства до революціи, не могли показать имъ образцовъ, достойныхъ ихъ подражанія. Изъ преданій обѣихъ землей составили они себѣ благороднѣйшій характеръ аристократіи, смѣшавъ гостеприимство русской старины съ образованностію временъ просвѣщеннѣйшихъ.

рія, генеалогіи и майораты, сдѣлавъ насъ почти кочевымъ народомъ. . . . . Неужели Россія, убѣжище и упованіе всѣхъ друзей порядка и тишины, не что иное какъ огромный метеоръ, который столь же быстро погрузится въ глубокій мракъ, сколь свѣтло и величаво онъ вышелъ изъ него? О, помилуй, Господи! Не принадлежитъ уже Марсину роду Салтыковыхъ; графъ Владиміръ Орловъ купилъ его и отдалъ дочери своей, графинѣ Паниной, которая настроила тамъ виллы и коттеджи; теперь оно пошло переходить изъ родовъ въ роды.

Великую страсть имѣла госпожа Мятлева являться на сценѣ въ домашнемъ театрѣ, разумѣется во французскихъ пьесахъ. Бѣлосельскіе и Чернышевы, молодые путешественники, возвратившіеся съ клеймомъ Версаля и Фернея; Кобенцели и Сегюры, чужестранные посланники, отличающіеся любовью, ввели представленія сіи въ употребленіе при дворѣ Екатерины. Избраннѣйшее общество участвовало въ сихъ просвѣщенныхъ забавахъ, и Эрмитажъ былъ однимъ изъ каналовъ, чрезъ кои начало вливаться къ намъ могущество Франціи. Сюрпризы именинникамъ были тогда также новостію и принадлежностію одного высшаго общества. Большія затѣи приготовлялись тогда въ Марейнѣ къ 23 и 24-му іюня, днямъ рожденія и именинъ фельдмаршала.

Вѣроятно лицо мое выражало страсть къ театру, ибо намѣреніе завербовать меня въ число актеровъ заставило пригласить меня въ Марейно. Но какъ не только мнѣ самому никогда не случилось играть, я всего не болѣе семи или восьми разъ бывалъ въ театрѣ, то легко можно себѣ представить, какъ при первой попыткѣ исчезли надежды на удачное мое соучастіе въ предпринимаемомъ важномъ дѣлѣ. Мнѣ, однакоже, не показали ни малѣйшаго неудовольствія, это было бѣ уже слишкомъ жестоко: напротивъ, первую робость, застѣнчивость мальчика, взброшеннаго въ едва знакомый ему кругъ, дня черезъ два привѣтствіями, вниманіемъ умѣли превратить въ смѣлое, свободное обхожденіе; и какъ мнѣ все нравилось, то кажется я и самъ полюбился. Я не помню, чтобы гдѣ-нибудь потомъ я такъ живо, такъ искренно, такъ безвинно всѣмъ наслаждался, какъ въ деревнѣ графа Салтыкова. . . . . Въ первый разъ былъ я совершенно свободенъ, въ самое благоприятное время года, въ прекрасномъ помѣстьѣ, гдѣ жили непринужденно, и однѣ веселости смѣнялись другими. Можетъ-быть (кто не безъ грѣха, даже и дѣти), любезность ко мнѣ семейства, которое уважалось въ Петербургѣ и коему поклонялась вся Москва, льстила моему самолюбію; можетъ-быть, очарованіе маленькаго двора, къ коему начиналъ я принадлежать, сильно на меня подѣйствовало, но все вмѣстѣ исполнило меня чувствомъ такого благосостоянія, что оно выражалось у меня въ словахъ, во взглядахъ, во всѣхъ движеніяхъ. И потому-то, какъ было всѣмъ не улыбаться моею юности и моему счастью!

Графиня Салтыкова съ каждымъ днемъ становилась ко

мнѣ милостивѣе. Поощряемый возрастающимъ ея снисхожденіемъ, я рѣшился разъ сказать ей со всею откровенностію, что въ Марейнѣ я вижу убѣжище, которое равно спасаетъ меня, какъ отъ весьма нетягостной власти сестры моей, такъ и тяжкаго ига г. Бантышъ-Каменскаго, и она обѣщалась у обоихъ испросить мнѣ дозволеніе еще на нѣкоторое время не разставаться съ моимъ эдемомъ. *

Общество наше было многочисленное: всякій день пріѣзжали гости изъ Москвы; постоянными же жителями Марейна были всѣ тѣ, кои должны были участвовать въ сюрпризахъ и представленіяхъ: музыканты, пѣвуны, дамы и дѣвицы, взявшія роли. Между сими послѣдними встрѣтилъ я прежнихъ своихъ знакомокъ, трехъ молоденькихъ княженъ Х., дочерей бывшаго кievскаго вице-губернатора, который при Павлѣ былъ оберъ-прокуроромъ синода, а потомъ отставленъ и сосланъ въ Симбирскъ. откуда только что воротился. Сильно забилось во мнѣ сердце при сей встрѣчѣ, и онѣ, кажется, не безъ удовольствія увидѣли товарища своего дѣтства, но взаимныя отношенія наши совсѣмъ уже перемѣнились. Въ меньшихъ я нашелъ еще простодушіе и невинность перваго возраста, но въ старшей, Наталіи, ничего уже не оставалось дѣтскаго. Въ шестнадцать лѣтъ, смѣлые ея взоры уже искали высокихъ жертвъ и, къ счастью, почти на мнѣ не останавливались. Пѣвнительный голосъ ея всѣхъ удивлялъ, и она готовилась восхищать имъ въ оперѣ Паэзіелло, *La servante maitresse*.

Сверхъ того, еще двѣ оперы: одна старинная французская,—*Два охотника* и русская—*Мельникъ*, да двѣ прескучныя комедіи Мариво были представлены въ три дня что продолжались марейнскія увеселенія. Исключая госпожи Мятлевой, которая игрой напоминала мадамъ Вальвиль, и княжны Х., которая пѣла и играла какъ записная артистка, всѣ прочія мнѣ показались довольно плохи; особенно же мужчины, съ своимъ нижегородско-французскимъ выговоромъ, совсѣмъ не за свое дѣло взялись. Всего

---

* Въ это время князь Козловскій, толстый мой товарищъ по службѣ, прислалъ куплеты въ честь графа Салтыкова: на нихъ тотчасъ сдѣлали какую-то музыку, а автора, какъ слѣдовало, пригласили на праздникъ. Каждый куплетъ оканчивался словами: „довольны мы своей судьбой, и Марейно намъ рай земной“ Онъ это написалъ, а я это чувствовалъ.

примѣчательнѣе была пѣса, интермедія, прологъ или маленькій русскій водевиль подъ названіемъ: *Только для Марюшна*, сочиненія Карамзина. Содержаніе, сколько могу припомнить, довольно обыкновенное: деревенская любовь, соперничество, злые люди, которые препятствуютъ союзу любовниковъ, и нетерпѣливо ожидаемый прїѣздъ изъ арміи добраго господина, графа Петра Семеновича, который ихъ соединяетъ, потомъ великая радость, пѣсни и куплеты оканчиваютъ пѣсу. Такъ какъ всѣ роли были коротенькія, то одну изъ нихъ, роль бурмистра, мнѣ поручили: я надѣлъ русскій кафтанъ, привязалъ себѣ бороду и старался говорить грубымъ голосомъ. Какъ нарочно пришлось спѣть мнѣ слѣдующій куплетъ:

Будемъ жить, друзья, съ женами
Какъ жилали въ старину,
Худо быть намъ ихъ рабами,
Воля портитъ лишь жену.
Дома имъ не посидится,
Все бы, все бы по гостямъ,
Это право не годится,
Приберемте ихъ къ рукамъ.

Вахмистръ.

Нашъ бурмистръ несетъ пустое,
Не указъ намъ старина.
Воля дѣло золотое, и проч.

Другія представленія даны были въ небольшомъ деревянномъ театрѣ, построенномъ въ саду; но мы играли днемъ, на открытомъ воздухѣ. Въ двухъ верстахъ отъ господскаго дома, среди прекрасной рощи, названной Дарьиной, поляна, состоящая изъ двухъ противоположно-идущихъ отлогостей, образовала природный театръ; сцена заключалась въ правильномъ продолговатомъ полукружїи: тутъ первый разъ въ жизни, чуть ли не въ послѣдній, являлся я передъ публикой.

Самъ Карамзинъ прїѣхалъ наканунѣ представленія, училъ насъ и даже игралъ съ нами графа Петра Семеновича Салтыкова. Я обомлѣлъ, когда невзначай пришлось ему сказать мнѣ нѣсколько словъ: власти и заслуженныя почести всегда вселяли во мнѣ уваженіе, но этотъ благоговѣйный страхъ могли произвести только добродѣтели и высокій талантъ. Встрѣтившись съ симъ необычнымъ человѣкомъ,

я бросаю на время мареевскія забавы, чтобы предаться наслажденію говорить объ немъ.

Уже былъ онъ извѣстенъ, уже былъ онъ славенъ, уже зависть и клевета возставали, чтобы его погубить. Но Богъ Россіи хранилъ его; подъ Его щитомъ, съ кротостію улыбаясь самимъ врагамъ своимъ, шелъ онъ спокойно, смиренно, прекрасною, цвѣтущею стезею, ведущею его къ цѣли, которую, вѣроятно, тогда еще самъ онъ не предугадывалъ. До него не было у насъ инаго слова, кромѣ высокопарнаго или площаднаго; онъ изобрѣлъ новый, благородный и простой, и написалъ имъ путешествіе свое за границу и пѣвительныя повѣсти, кои своею новостію такъ пріятно изумили Россію. Можно сказать, что онъ же создалъ и разговорный у насъ языкъ и былъ основателемъ новой школы, долго поддерживавшей лучшимъ правилами въ литературѣ. Казалось, чего бы болѣе для обыкновеннаго авторскаго самолюбія? но онъ не зналъ его, а твореніями своими, какъ врожденнымъ добромъ, дѣлился съ читателями. Скоро почувствовалъ онъ еще другое, высшее призваніе; скоро лавры должны были заступитъ мѣсто розъ, блиставшихъ на молодомъ челѣ его. Не тщетно получилъ онъ отъ природы трудолюбіе и жажду къ познаніямъ, не даромъ даны ему были пламенное сердце, высокій умъ и чистыя уста; ими предназначено ему было вѣщать современникамъ и потомству о древней, почти забытой славѣ предковъ. Онъ долженъ былъ дать новую, безконечную жизнь Васильку и Мономаху, Ляпунову и Скопину Шуйскому и грозно судить грознаго царя. Промыслу угодно было, какъ въ чистѣйшемъ сосудѣ, воспалить въ немъ жаръ просвѣщенной любви къ отечеству, угасавшій между высшими сословіями отъ безразсудной страсти къ иноземному,—не грубый, самохвальныи патріотизмъ провинціаловъ и невѣждъ. Слѣдуя за духомъ вѣка, напрасно завистливые соперники хотятъ затмить его славу, стараются своими помоями залить священный огонь, имъ распространенный; отъ времени до времени онъ болѣе умножается и усиливается.

Такіе люди посылаются на землю, чтобы производить въ умахъ великіе и счастливые перевороты, и онъ былъ въ Москвѣ кумиромъ всѣхъ благородно-мыслящихъ юношей и всѣхъ женщинъ истинно-чувствительныхъ. Въ тогдашнее еще чиновничье-почтительное время, было даже нѣсколько странно

видѣть стариковъ вельможъ, почти какъ съ равнымъ, въ обхожденіи съ тридцатилѣтнимъ отставнымъ поручикомъ. Мнѣ не нужно описывать его наружность; портреты его чрезвычайно схожи; они очень вѣрно выражаютъ глубокія думы на его челъ и добродушіе во взорахъ его; конечно, изображенія его сохраняются у всѣхъ просвѣщенныхъ Россіянъ.

Изъ тѣмъ марѣинскихъ посѣтителей, выбираю я для описанія однихъ только литераторовъ. Тутъ былъ еще одинъ поэтъ, весьма извѣстный въ свое время, болѣе по странностямъ своимъ чѣмъ по числу и изяществу произведеній. Пушкинъ,—не племянникъ, а дядя,—Василій Львовичъ почитался въ нѣкоторыхъ московскихъ обществахъ, а еще болѣе почиталъ самъ себя образцомъ хорошаго тона, любезности и щегольства. Екатерининскій офицеръ гвардіи, которая по малочисленности своей и отсутствію дисциплины могла считаться болѣе дворомъ чѣмъ войскомъ, онъ совсѣмъ не имѣлъ мужественнаго вида. Онъ казался сначала не тѣмъ чѣмъ былъ дѣйствительно, а тѣмъ чѣмъ ему хотѣлось быть; за важною его поступью и довольно гордымъ взглядомъ, скрывались легкомысліе и добродушіе; въ восемнадцать лѣтъ на званыхъ вечерахъ читалъ онъ длинныя тирады изъ трагедій Расина и Вольтера, авторовъ мало извѣстныхъ въ Россіи, и такимъ образомъ знакомилъ ее съ ними; двадцати лѣтъ на домашнихъ театрахъ игралъ уже онъ Оросмана въ *Zaïr* и писалъ французскіе куплеты; какъ мало тогда надобно было для пріобрѣтенія знаменитости! Блестящее существованіе его въ свѣтѣ умножилось еще женитьбой на красавицѣ, Капитолинѣ Михайловнѣ.

Самъ онъ былъ весьма не красивъ. Рыхлое, толстѣющее туловище на жидкихъ ногахъ, косое брюхо, кривой носъ, лицо треугольникомъ, ротъ и подбородокъ à la Charles Quint, а болѣе всего рѣдѣющіе волосы, не съ большимъ въ тридцать лѣтъ его старообразили. Къ тому же беззубіе увлаживало разговоръ его, и друзья внимали ему хотя съ удовольствіемъ, но въ нѣкоторомъ отъ него отдаленіи. Вообще дурнота его не имѣла ничего отвратительнаго, а была только забавна.

Какъ сверстникъ и сослуживецъ Дмитріева по гвардіи и какъ ровестникъ Карамзина, шелъ онъ нѣсколько времени какъ будто равнымъ съ ними шагомъ въ обществахъ и на Парнасъ, и оба позволяли ему называться ихъ другомъ. Но

вскорѣ первый прибралъ его въ руки, обративъ въ безсмѣнные свои потѣшники. Карамзинъ же, глядя на него, не могъ иногда не улыбнуться, но съ видомъ тайнаго, необходимаго сожалѣнія; не только на преступленія и пороки, даже на странности и слабости людей смотрѣлъ онъ съ грустію и, казалось, радъ бы былъ все человѣчество поднять до себя. Дмитріевъ вѣрно въ шутку посовѣтовалъ ему приняться за русскіе стихи, а онъ и въ правду сдѣлался весьма не плохимъ поэтомъ. Онъ писалъ и басни, и коротенькія посланія, и всякаго рода мелочи, и изъ всего этого, подъ конецъ его жизни, составилъ небольшой томъ, не богатый идеями, но изобильный пріятными звуками и плавными стихами. Главнымъ его недостаткомъ было удивительное его легковѣріе, проистекающее впрочемъ отъ весьма похвальныхъ свойствъ, добросердечія и довѣрчивости къ людямъ; никакія безпрестанно повторяемыя мистификаціи не могли его отъ сей слабости излѣчить. Онъ былъ у насъ то, что во Франціи Poinsinet de Sivry, также авторъ, который нѣсколько мѣсяцевъ жарился передъ каминомъ, чтобы пріучить себя къ общанной ему должности королевскаго экрана.

Въ это время завязывались у насъ первыя сношенія съ Французскою республикой: еще до кончины Павла отправлены были въ Парижъ, сначала графъ Спренгпортенъ, для разнѣна плѣнныхъ, а потомъ Колычевъ для переговоровъ. Въ маѣ прибылъ въ Петербургъ отъ перваго консула Бонапарте молодой другъ его Дюрокъ дипломатическимъ агентомъ и картинкой моднаго журнала. Василій Львовичъ мало заботился о политикѣ, но послѣ стиховъ, мода была важнѣйшимъ для него дѣломъ. Отъ ея поклоненія близъ четырехъ лѣтъ были мы удерживаемы полицейскими мѣрами: прихотливое божество вновь показалось въ Петербургѣ, и онъ устремился туда, дабы, принявъ ея новые законы, первому привезти ихъ въ Москву. Онъ оставался тамъ столько времени, сколько нужно ему было, чтобы съ ногъ до головы перерядиться. Едва успѣлъ онъ воротиться, какъ явился въ Мареннѣ, и всѣхъ изумилъ толстымъ и длиннымъ жабо, короткимъ фраккомъ и головою въ мелкихъ, курчавыхъ завиткахъ, какъ баранья шерсть, что называлось тогда à la Дюрокъ. Мы скоро съ нимъ познакомились. Въ глазахъ моихъ былъ онъ чловѣкъ пожилой, хотя и модникъ: вдругъ сближается онъ съ мальчишкой, беретъ его за руку, потомъ подъ руку, гуляетъ

съ нимъ, разказываетъ ему разнаго рода неблагопристойности про любовные свои успѣхи, однимъ словомъ братается со мной. Мнѣ это чрезвычайно полюбилось; тогда почитали чинъ чина и годъ года; вдругъ я повысидся десятью годами, увидѣлъ въ немъ товарища, почти ровестника, а потомъ началъ уже смотрѣть на него какъ на шалунишку, и еслибы знакомство наше на нѣкоторое время тогда не прервалось, то скоро сталъ бы унимать его и журить.

Шумная осень должна была смѣнить веселое, урожайное, благословенное лѣто, въ продолженіи коего казалось и въ сердцахъ была одна радость. Съ первыхъ чиселъ августа начали черезъ день, одинъ послѣ другаго, вступать батальёны гвардейскихъ полковъ, коихъ противъ нынѣшняго не было тогда и третьей доли. Всѣ царедворцы и всѣ помѣщики Московской губерніи, жители Петербурга и дворяне изъ отдаленныхъ провинцій, въ августѣ же стали съѣзжаться на коронацію; никогда еще такого стеченія не было; трудно было пріѣзжему сыскать себѣ уголокъ въ обширной Москвѣ и съ 1-го сентября она совершенно закупѣла многолюдствомъ и веселіемъ. Общая радость умножалась еще тысячью частныхъ, маленькихъ благополучій: друзья укрывшіеся въ тишинѣ деревни, не чаяшіе когда-либо увидѣться, встрѣчались тутъ послѣ долгой разлуки; просто знакомые обнимались съ восторгомъ, разказывая о горестяхъ, перенесенныхъ ими или въ крѣпости или въ Сибири; а сколько семейныхъ свиданій! О своихъ чувствахъ я говорить не буду: мои родители пріѣхали также изъ Кіева съ старшею сестрой и у насъ остановились; едва ли не въ первый разъ отецъ такъ крѣпко прижалъ меня къ груди, а мать дня два почти не спускала съ меня глазъ.

Толпы народа бросились 5 сентября за заставу, къ Петровскому подъѣздному дворцу; туда послѣ обѣда прибылъ государь съ молодою супругой... Я помню, что къ зятю моему пріѣхалъ въ этотъ день другой полицеймейстеръ Ивашкинъ, чтобы вмѣстѣ отправиться въ Петровское, для сохранения порядка. Они собирались какъ на пиръ; не было и тѣни того страха, той суетливости, съ которою ожидаютъ прибытія даже обыкновеннаго начальника.

На другой день, возвращаясь пѣшкомъ изъ архива и выходя на Тверскую удицу, увидѣлъ я группы людей, разговаривающихъ между собою съ живостію; прислушавшись къ

ихъ разказахъ, я узналъ слѣдующее. Государю вздумалось прогуляться, одному, верхомъ по московскимъ улицамъ; его узнали, къ нему кинулись, его окружили, его такъ сказать стиснули, но не заслоняя ему пути и не замедляя его. Онъ былъ прижатъ народомъ такъ сильно и осторожно, какъ страстная мать сжимаетъ въ объятіяхъ младенца своего. Ни крику, ни шуму, но сквозь легкій шепотъ слышалъ онъ вокругъ себя, и „батьюшка“, и „родимый“, и „красное наше солнышко“, и все, что въ простонародномъ нашемъ языкѣ есть нѣжно выразительнаго. Царскій конь, сбруя и одежда, все въ глазахъ народа освящалось его прикосновеніемъ; цѣловали его лошадь, его сапоги, ко всему прикладывались съ набожностію. Предъ владыками Востока народъ въ ужасѣ падаетъ ницъ, на Западѣ смотрѣли нѣкогда на королей въ почти-тельномъ молчаніи; на одной только Руси, цари бывають иногда такъ смѣло и явно обожаемы. Какое доказательство, что во нравахъ сей части свѣта: совершенная разница съ двумя другими.

На протяженіи нѣсколькихъ верстъ отъ Тверской заставы до Кремля и оттуда до дворца въ Нѣмецкой слободѣ устроены были передъ всѣми домами подмости, въ три и болѣе ярусовъ, чтобы смотрѣть на торжественный въѣздъ императора, который назначенъ былъ 8 сентября. Съ подмостковъ передъ нашею квартирою глядѣлъ я на сіе шествіе. Ни одного облачка не было на небѣ; этотъ день былъ почти жаркій, также какъ и предшествовашіе ему и послѣдующіе. На позлащенные кареты, на великолѣпные цуги, на шитьемъ и галунами покрытые мундиры и ливреи, на весь блескъ церемоніи, смотрѣли почти разсѣянно. Всѣ нетерпѣливо ожидали одного человѣка, всѣ взоры въ него вперились, когда онъ появился, и далеко за нимъ слѣдовали. О какъ онъ былъ чудесенъ! въ сорокъ лѣтъ знали мы его еще молодцомъ и красавцемъ; что же былъ онъ въ двадцать три? Онъ почти все время ѣхалъ съ обнаженною головою, ибо у каждой церкви, коихъ въ Москвѣ такъ много, встрѣчаемъ былъ съ хоругвями иконами и долженъ былъ останавливаться и молиться. Никто такъ прекрасно и вѣрно не выразилъ того что мы тогда видѣли и чувствовали, какъ Жуковскій въ извѣстномъ своемъ къ нему посланіи:

Свѣтъ утѣшительный окрестъ тебя сіялъ,
Намъ обреченный вождь ко счастью слава!

Черезъ два дня потомъ было послѣ обѣда гулянье въ Слободскомъ дворцовомъ саду. Вечеръ былъ лѣтній, теплый; тѣснота и давка чрезвычайныя, такъ что инымъ по неволѣ приходилось коснуться самого императора: и многіе, какъ говорили, насладились симъ осязаніемъ.

Только наканунѣ дня коронаціи, 14 числа, погода къ вечеру нѣсколько измѣнилась. Мнѣ этотъ день чрезвычайно памятенъ. Подлѣ Ивановской колокольни, противъ дворца и соборовъ сдѣланы были мѣста, куда по билетамъ пускались по большей части однѣ только дамы: по чрезвычайной молодости моей, по тѣснотѣ и темнотѣ можно было принять меня за женщину и я получилъ дамскій билетъ. Въ три или четыре часа по полуночи отправились мы въ каретѣ съ матерью и двумя сестрами: отецъ же мой по чину своему имѣлъ мѣсто въ соборѣ. Странная была эта ночь; сырая мгла лежала на небѣ и на землѣ; стукъ каретъ останавливался у въѣзда въ Кремль, а онъ наполнялся войскомъ и разнаго званія людьми, и несмотря на то, царствовали въ немъ глубокой мракъ и совершенная тишина. Мало-по-малу начали увеличиваться глухой гулъ и невнятный говоръ. Когда стало свѣтать, туманъ разсѣялся, но солнце еще не показывалось. Мы могли видѣть только то, что происходило внѣ храма: когда императоръ изъ дверей его выступилъ въ коронѣ, то солнечный блескъ внезапно освѣтилъ ее и всю величественную процессію, которая довольно близко мимо насъ потянулась. Въ то же мгновеніе громогласное ура, громъ пушекъ и звонъ въ тысячи колоколовъ раздались въ воздухѣ; все было ослѣпительно и оглушительно въ эти четверть часа, все было радостно, трогательно и восхитительно.

Солнце скрылось опять вмѣстѣ съ государемъ, когда онъ вошелъ во внутренность дворца, облака сгустились и къ вечеру сталъ накрапывать дождикъ; но при пасмурномъ небѣ, на утомленныхъ лицахъ, въ усталыхъ взорахъ, не переставало блистать веселіе. Влага наполнившая воздухъ отражала чудесно великолѣпную иллюминацію, которая ночью заглясь изъ края въ край Москвы, и восторгъ при видѣ сего безконечнаго зарева могъ только равняться ужасу, съ коимъ одиннадцатъ лѣтъ спустя, бѣгущіе жители смотрѣли на ея пожаръ.

Никто не обидѣлся, никто не удивился бережливости царя при раздачѣ милостей въ сей памятный день... Искусство на-

граждать есть великое искусство. Все, что бросается, сыплется, безъ осмотрительности, безъ разчету, теряетъ цѣну, унижается въ глазахъ получающихъ, а еще болѣе въ глазахъ получившихъ; итакъ, нѣкоторымъ образомъ, то что дается однимъ отнимается у другихъ. Средства къ удовлетворенію честолюбія уменьшаются по мѣрѣ какъ возрастаетъ его алчность. Раждается зависть, желаніе такихъ наградъ, коихъ полученіе перестаетъ уже быть лестнымъ. Въ день коронаціи розданы было двѣ андреевскія ленты и пять или шесть александровскихъ. Зять мой ожидалъ креста, а получилъ перстень съ вензелемъ и остался предоволенъ.

✓ Сколько старыхъ знакомыхъ встрѣтили мои родители! Изъ знатныхъ или случайныхъ людей, три человека особенно благоволили къ отцу моему, одинъ изъ нихъ, графъ Николай Петровичъ Румянцевъ, изъ почтенія къ памяти своего отца; другой, князь Александръ Борисовичъ Куракинъ, по давнишнему знакомству и сосѣдству въ Пензенской губерніи: оба они были отличаемы и любимы вдовствующею императрицей. О пріязни генераль-прокурора Беклешова я не одинъ разъ имѣлъ уже случай упоминать.

Новые любимцы, по большей части молодые, смотрѣли на нихъ какъ на людей прошедшаго времени, съ обветшалыми идеями, и готовились скоро затмить ихъ и устранить отъ дѣлъ: но первый годъ сохраняли они еще нѣкоторую силу и вѣсъ.

Желая по возможности возстановить созданное Екатериной, Беклешовъ предложилъ открыть вновь нѣсколько губерній, упраздненныхъ при Павлѣ, и между прочимъ Пензенскую. Нужны были губернаторы: охотниковъ явилось много. Графъ Румянцевъ сказалъ о томъ отцу моему, спросивъ, не пожелаетъ ли онъ еще нѣсколько лѣтъ жизни посвятить царской службѣ? Онъ отклонилъ было сіе предложеніе, но услышавъ, что Пенза дѣлается опять губернскимъ городомъ, любезная сердцу его Пенза, гдѣ провелъ онъ молодость, гдѣ два раза былъ счастливымъ супругомъ, гдѣ прахъ дѣтей и первой жены его, гдѣ все его имущество, къ несчастію, не могъ устоять противъ желанія въ ней начальствовать. Беклешовъ не хотѣлъ сначала тому повѣрить, полагая, что должность гражданскаго губернатора, хотя и почиталась тогда важнѣе чѣмъ нынѣ, не могла отцу моему казаться лестною, когда всѣ сверстники его давно уже занимали мѣста генераль-

губернаторовъ; убѣдившись, однакоже, въ противномъ, съ своей стороны способствовалъ его назначенію. Сіе случилось передъ самымъ отбытіемъ двора изъ Москвы, около половины октября. Отцу моему не оставили даже военнаго чина, а переименовали въ тайные совѣтники.

Въ продолженіе шестинедѣльнаго пребыванія императорской фамилии, цѣль празднествъ и увеселеній въ Москвѣ почти не прерывалась. Бояре, то-есть богатые, чиновные и знатные люди, живущіе въ Петербургѣ, придерживались еще тогда обыкновенія имѣть въ старой столицѣ огромные городскіе и славные загородные дома; имъ удобно было и въ ней угощать царя. Но никто не превзошелъ въ великолѣпнѣи богатѣйшаго изъ нихъ, графа Шереметева; отъ заставы, называемой у Креста, до селенія его Останкина, на три версты путь ярко былъ освѣщенъ: роскошное убранство дома, въ прежнемъ видѣ и доселѣ сохранившееся, теперь никого не удивляетъ, а тогда казалось волшебствомъ. Мои родители получали приглашенія отовсюду, но мнѣ случилось быть только на одномъ изъ такихъ праздниковъ, у начальника моего, вице-канцлера князя Куракина.

Сему вельможѣ былъ я передъ тѣмъ представленъ, и особенно ласковый пріемъ его останется мнѣ навсегда памятнымъ. Это одно изъ тѣхъ лицъ, мимо коихъ въ воспоминаніяхъ, не останавливаясь, никакъ пройти невозможно: его достохвальныя свойства и извинительныя слабости равно заслуживаютъ быть извѣстными читателямъ. Князь Александръ Борисовичъ, правнукъ того князя Бориса Ивановича, свояка Петра Великаго, который при немъ былъ первымъ посланникомъ въ Парижѣ, выполнилъ въ ихъ семействѣ наследственную съ тѣхъ поръ обязанность, образовать свою молодость въ сей такъ-называемой столицѣ просвѣщенія. Но до того, какъ внукъ сестры графа Никиты Ивановича Панина, главнаго наставника Павла Перваго, вмѣстѣ съ нимъ воспитывался. Чистосердечная, безкорыстная, безпредѣльная его преданность къ наследнику престола была весьма непріятна не столько императрицѣ Екатеринѣ, сколько окружающимъ ее. Онъ долго былъ какъ бы въ опалѣ, и въ званіи отставнаго камергера, жилъ въ богатомъ помѣстьѣ своемъ Надеждинѣ, въ Саратовской и на самой границѣ Пензенской губерніи. Тутъ онъ познакомился съ отцомъ

моимъ, посѣщаль его и по нѣскольку дней иногда живаль у насъ въ деревнѣ.

Въ великолѣпномъ уединеніи своемъ сотворилъ онъ себѣ, на подобіе посѣщенныхъ имъ дворовъ (не знаю, дармштадтскаго или веймарскаго, но вѣрно уже не кобургскаго), также нѣчто похожее на дворецъ. Совершенно бѣдные дворяне за большую плату принимали у него должности главныхъ дворецкихъ, управителей, даже шталмейстеровъ и церемоніймейстеровъ; потомъ секретарь, медикъ, капельмейстеръ и библіотекаръ и множество любезниковъ безъ должностей составляли свиту его и оживляли его пустыню. Всякій день, даже въ будни, за столомъ гремѣла у него музыка, а по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ были большіе выходы: раздѣленіе времени, дѣла, какъ и забавы, все было подчинено строгому порядку и этикету. Изображенія великаго князя Павла Петровича находились у него во всѣхъ комнатахъ; въ саду и роцѣ, тамъ сямъ встрѣчались не весьма изящные памятники знаменитымъ друзьямъ и родственникамъ. Онъ наслаждался и мучился воспоминаніями Трианона и Маріи Антоанеты, посвятилъ ей деревянный храмъ и назвалъ ея именемъ длинную, ведущую къ нему аллею. Въ глуши, изобиліе и пышность, сквозь кои являлись такія державныя затѣи, отнимали у насъ смѣшную ихъ сторону. Что сдѣлалось теперь съ памятниками и храмами? Что сдѣлалось теперь съ самимъ Надеждинымъ? О горе! Оно продано какому-то купцу во дворянствѣ. . . . .

Съ молоду князь Куракинъ былъ очень красивъ и получилъ отъ природы крѣпкое, даже атлетическое сложеніе. Но роскошь, которую онъ такъ любилъ и среда коей всегда жилъ онъ, и сладострастіе, къ коему имѣлъ всегдашнюю наклонность, размягчили тѣлесную и душевную его энергію, и эпикуреизмъ былъ виденъ во всѣхъ его движеніяхъ. Когда онъ началъ служебное свое поприще и долго въ продолженіи онаго, честолюбіе въ Россіи умѣрялось удовольствіями наружнаго тщеславія: никто болѣе князя Куракина не увлекался ими, никто болѣе его не любилъ наряжаться. Легкомысленно и раболѣпно онъ не хотѣлъ, однакоже, подчиняться модѣ, онъ хотѣлъ казаться не модникомъ, а великимъ господиномъ: и всегда въ бархатѣ или парчѣ, всегда съ алмазными пряжками и пуговицами, перстами и табатерками, лучезарное тихонравіе его долго плѣняло и уважалось; но въ новое

царствованіе, съ новыми идеями, кои постараюсь объяснить я далѣе, оно дало поводъ сравнивать его съ павлиномъ.

При вступленіи на престолъ Павелъ Первый пожаловалъ его вице-канцлеромъ, осыпалъ богатствами, обвѣшалъ орденами. Года черезъ два онъ былъ отставленъ отъ службы, сосланъ въ Надеждино; потомъ позволено ему жить въ Москвѣ, и незадолго до смерти, онъ вновь сдѣланъ вице-канцлеромъ. Осторожная, довольно плавная, хотя съ нѣкоторыми разстановками, рѣчь его заставляла въ немъ видѣть дипломата; а между тѣмъ, надобно сказать правду, безчисленныя фразы, затверженныя имъ нѣкогда во Франціи, гдѣ на нихъ такое изобиліе, и отчасти переведенныя имъ даже по-русски, составляли всю политическую его мудрость. За то, какою искусною представительностію, какимъ благородствомъ, какимъ постоянствомъ и нѣжностію въ дружбѣ, замѣнялъ онъ всѣ недостатки свои!

Мнѣ предстояла завидная участь служить при немъ, и онъ самъ вызвался опредѣлить меня въ свою канцелярію: обстоятельства того не позволили. Съ первыхъ чиселъ октября напала на меня странная и ужасная болѣзнь; я всегда былъ на ногахъ, могъ даже выѣзжать, но вдругъ началъ худѣть, сонъ и аппетитъ меня совершенно покинули, неизъяснимая тоска мною овладѣла, въ одно время чувствовалъ я ознобъ и жаръ, я весь горѣлъ, а спина и ноги были какъ ледъ, память, которой иногда я самъ дивился, внезапно притупѣла, я сохнулъ, я таялъ, и врачи объявили, что въ одну минуту могу угаснуть. Все это было слѣдствіе невоздержности еще не юношеской, а ребяческой. О Французы, о Шевалье де-Ролень, какъ мнѣ не проклинать васъ!

Не было возможности и подумать въ такомъ состояніи отправить меня въ Петербургъ. Сестра моя, Алексѣева, скрыла отъ родителей причину и опасность моей болѣзни и уговорила ихъ, выпросивъ мнѣ отпускъ, взять меня съ собою. Они обратились прямо къ князю Куракину, который, щедрый на все, приказалъ Бантышъ-Каменскому отпустить меня на шесть мѣсяцевъ. Когда къ сему послѣднему, полумертвый, пріѣхалъ я за паспортомъ, то, вѣроятно, недовольный тѣмъ, что дѣло безъ него сдѣлалось, а можетъ-быть и по врожденной и привычной вмѣстѣ грубости, сказалъ онъ мнѣ: „что, зачѣмъ ѣдешь? Что будешь дѣлать? Голубей гонять.“ Я

ничего не умѣлъ ему отвѣчать. Жестокій! Съ этой минуты, право, кажется, я сталъ его ненавидѣть.

Отцу моему должно было спѣшить, чтобы все приготовить къ открытію новой губерніи; для него былъ бы я только настоящее бремя. И такъ мнѣ оставались нѣжныя попеченія моей безцѣнной матери, которая собиралась обратно въ Кіевъ. Тамъ были у родителей моихъ обширный, новопостроенный домъ и хорошенькій хуторъ за городомъ, тамъ была большая дворня, экипажи, лошади, многочисленные пожитки, все, что копилось и заводилось въ теченіи тринадцати лѣтъ; тамъ были и долги. Одно надобно было заплатить, другое продать и движимость поднять съ мѣста: много заботъ и горя ей предстояло. Въ сумерки, 27 октября, посадили или, лучше сказать, положили меня въ четверомѣстную карету, и при холодномъ дождѣ, пополамъ съ снѣгомъ, выѣхали мы печально изъ Москвы.

XVIII.

Насъ было въ каретѣ четверо: мы съ матерью и старшею сестрой Елизаветой, да дѣвица Турчанинова, которую въ замѣнъ услуги, оказанной ея матерью, отвезили мы въ Кіевъ къ родителямъ. Это была та самая ученая и засаленная Анна Александровна, о которой уже имѣлъ я случай говорить, магнетизерка, цѣломудренная естествоиспытательница. За нами слѣдовали двѣ или три кибитки, загроможденные горничными и тюфяками: тогда еще въ Россіи странствовали по-Авраамовски—съ рабынями, рабами и навьюченными верблюдами.

Я сидѣлъ рядомъ съ матерью, а сестра и Турчанинова насупотивъ тѣснились въ углу, чтобы дать мѣсто ногамъ моимъ. Какъ мучительно для всѣхъ насъ было начало этой дороги: особенно же положеніе бѣдной сестры моей было ужасное. При отъѣздѣ вручили ей медики для меня лѣкарство, объявивъ ей одной, что если до назначеннаго ими времени оно не подѣйствуетъ, то смерть моя неизбѣжна. Нѣтъ, этой заботливости, которая, по разстройству нервъ моихъ, меня иногда даже сердила, я въ вѣкъ не забуду. Лицо ея отражало безпрестанно выраженіе моего: когда что-то похожее на улыбку показывалось на немъ, она какъ будто на минуту

отдыхала отъ страданій. Болѣе двухъ сутокъ продолжалось для нее сіе жестокое волненіе: мы пріѣхали въ Тулу, когда, по мнѣнію ея, наступила рѣшительная минута, и мать моя не могла понять причины неотступныхъ ея моленій, чтобы тамъ остановиться. Переломъ совершился, молодость свое взяла, и сестра ожила вмѣстѣ со мною.

Чѣмъ далѣе подвигались мы на югъ, тѣмъ воздухъ становился чище и теплѣе. Запасъ жизненныхъ силъ въ тогдашнія мои лѣта бываетъ столь изобиленъ, что возвращеніе ихъ, безъ преувеличенія, можно уподобить быстротѣ потока. Еще нѣсколько дней, и уже я въ состояніи былъ ощутить радость, вступая въ Малороссію и предчувствуя Кіевъ.

Когда мы къ нему подѣхали, горы его зеленѣлись новою травой, и золотые его куполы горѣли отъ лучей еще яркаго, но уже не знойнаго солнца. Отъ одного взгляда на святой городъ какъ бы чудесно довершилось мое исцѣленіе. Это было въ самый Михайловъ день. Прежде всего остановились мы у Печерской лавры, чтобъ отслужить благодарственный молебенъ за благополучное окончаніе путешествія, начатаго въ столь мрачномъ расположеніи.

Почти два года не былъ я въ Кіевѣ: въ это время сколько перемѣнъ со мною и съ нимъ! Старики и старушки, которыя потихоньку доживали въ немъ вѣкъ, питаюсь скуднымъ казеннымъ содержаніемъ, лишившись его при Павлѣ, скоро переселились на тотъ свѣтъ и оставили нищія семейства.....
..... Помѣщики малороссійскіе, изъ коихъ одни служили, другіе пріѣзжали пожить въ Кіевѣ, удалились изъ него почти до единаго. Преобладаніе Польши съ каждымъ годомъ увеличивалось, но и сами Поляки, служившіе по выборамъ, жили въ немъ съ семействами своими только два мѣсяца въ году, во время контрактовъ, а остальное время навѣщали ихъ иногда въ деревняхъ. Два полка, стоявшіе въ немъ на квартирахъ, нѣсколько оживляли пустынный видъ его.

Представительницей прежняго, согласнаго, благополучнаго кіевскаго общества оставалась одна почтенная, умная, добрая и даже еще красивая старушка, о которой не понимаю какъ я забылъ прежде говорить. Впрочемъ, весьма кстати она мнѣ здѣсь пригодилась. Гульяна Константиновна Веселуцкая, по первому мужу Бѣлуха-Кохановская, имѣла рѣшитель-

но пристрастіе къ Кіеву; не только власть Поляковъ, наше-
ствіе Татаръ не могло бы заставить ее изъ него выѣхать,
тѣмъ болѣе что она долго жила съ ними. Второй мужъ ея
былъ послѣднимъ русскимъ посланникомъ при предпослѣд-
немъ ханѣ крымскомъ; но онъ даніи ему не платилъ, а по со-
стоянію вдовы его, по драгоцѣннымъ вещамъ, коими она вла-
дѣла, замѣтно было, что дань онъ самъ отъ него принималъ.

Отъ обоихъ браковъ госпожа Веселицкая имѣла по нѣ-
скольку сыновей и по нѣскольку дочерей: одни были давно
женаты, другія замужемъ. Посреди нѣжно-подобострастнаго,
многочисленнаго потомства, коимъ она кротко повелѣвала,
казалась она въ домѣ своемъ какою-то царицей. Въ это вре-
мя выдавала она замужъ одну изъ своихъ внучекъ, и въ день
свадьбы нарумянилась, принарядилась, право, хотъ бы самой
къ вѣнцу. Когда я къ ней явился, по старой привычкѣ, по-
гладила она меня по головѣ, взяла за подбородокъ и поцѣ-
ловала въ уста, называя своимъ гарнымъ хлопцемъ. Вообще
постоянное ея веселонравіе, приличная ея лѣтамъ шутли-
вость и украинскій ея языкъ дѣлали ее для всѣхъ пріятно-
оригинальною.

Домъ госпожи Веселицкой былъ столь же веселый какъ на-
званіе ея и она сама. Хлѣбосоольство въ старину имѣло свою
худую сторону: неучтиво было не подчивать, неучтиво было
не ѣсть, а кушанье было прескверное. У Гюльяны Констан-
тиновны была другая крайность; подчиваніе шло своимъ по-
рядкомъ, но и безъ него можно было объѣсться: все было
свѣжее, хорошее, хотя и не весьма затѣйливое. Въ изящныхъ
художествахъ, какъ и въ поваренномъ дѣлѣ, конечно, вкусъ
долженъ образоваться, но иногда бываетъ онъ и врожденный,
какъ у моей милой старушки. Ея совѣтамъ и приказаніямъ
повара ея были обязаны своимъ искусствомъ; она заимство-
вала у Москалей блины, ватрушки и кулебяки, усвоила ихъ
себѣ, усовершенствовала ихъ приготовленіе и умѣла сочетать
ихъ съ малороссійскими блюдами, варениками и галушками.
За ея столомъ сливались обычаи и нравы обѣихъ Россій,
восточной и западной, великой и малой. Въ дѣтствѣ меня
рѣдко брали къ ней, никто не осмѣливался препятствовать
ей меня кормить, а аппетитъ у меня былъ преужасный.

Нельзя себѣ представить, какъ эта женщина была любима
и уважаема своими знакомыми. Родственники ея зятей и не-
вѣстокъ и ея собственные, Иваненки, Гудимы, Масюковы и

другіе, да и просто знакомые, безпрестанно прїѣзжали изъ-за Дняпра, единственно за тѣмъ, чтобы съ нею видѣться; одни останавливались у нея, другіе занимали квартирки; они никуда не выѣзжали, въ ея домѣ видѣли весь Кіевъ, и пробывъ нѣкоторое время, возвращались къ себѣ. Ни одного Поляка нельзя было у нея встрѣтить, за то Русскіе бывали всякій кто хотѣлъ.

А хотѣли того многіе, ибо не было тогда ни одного русскаго дома, куда бы ежедневно за-просто можно было ѣздить. Гражданскій губернаторъ, г. Коробьинъ, старый артиллеристъ, хорошій дворянинъ, добрый и честный человекъ, и не безъ состоянія, любилъ приглашать иногда къ себѣ земляковъ на обѣдъ или на вечеръ, но большую часть времени проводилъ въ уединеніи. Вице-губернаторъ Четвериковъ и другіе русскіе чиновники жили все про себя; а въ Кіевѣ, казенномъ городѣ, какъ я сказалъ и прежде, общество только и поддерживается что служащими людьми.

Поляки же, какъ видѣли выше, даже семейные, жили на холостую ногу. Одинъ только изъ нихъ, весьма почтенный человекъ, богатый вдовецъ, губернской маршалъ, тайный совѣтникъ Козловскій, имѣлъ, что называлось, открытый домъ. Когда судьба отечества его рѣшилась, не прежде, чистосердечно онъ сдѣлался преданъ Россіи, и двухъ сыновей своихъ опредѣлилъ въ гвардію. * Онъ, безъ различія, принималъ Поляковъ и Русскихъ, и какъ съ тѣми, такъ и съ другими, обходился вѣжливо и ласково.

Всего охотнѣе собирались Поляки не у соотечественника своего, а у Англичанина, который тогда былъ военнымъ или генераль-губернаторомъ кіевскимъ. Вслѣдствіе какой-то несчастной исторіи, господинъ Феньшъ, или Фенша (Fenshaw) долженъ былъ навсегда оставить свое отечество: онъ прїѣхалъ въ Россію и вступилъ въ военную службу. Ни въ особѣ, ни въ заслугахъ его не было ничего блистательнаго, онъ всегда служилъ въ арміи, полегоньку подвигался въ чинахъ, и кое-какъ перебывался, чтобы содержать жену и семейство. Когда его произвели въ полковники, то дали ему Елецкій пѣхотный полкъ, и Московскій вмѣстѣ съ генеральскимъ чиномъ при Павлѣ. Оставаясь не болѣе какъ шефомъ этого

* Одинъ изъ нихъ въ послѣдствіи командовалъ Преображенскимъ полкомъ.

полка, онъ успѣлъ въ короткое время получить по старшинству чинъ генерала отъ инфантеріи, и когда предмѣстникъ его, Пovalo-Швыйковскій, восьмой, въ царствованіе Павла кіевскій военный губернаторъ, чѣмъ-то передъ императоромъ провинился, то сей послѣдній, заглянувъ въ списокъ, назначилъ на его мѣсто Феньша. Онъ за что-то ожидалъ также себѣ отставки, когда пришло извѣстіе о кончинѣ царя.

Про него говорили, что въ военномъ дѣлѣ онъ смыслить очень мало, въ гражданскомъ же ровно ничего, а попалъ въ начальники двухъ или трехъ губерній! Самая наружность его не могла вселить къ нему уваженіе: коротенькій, толстенъкій человѣчекъ, не имѣющій ни одной оригинальной черты Англичанъ, съ самыми бездѣльными характеромъ и фізіономіей, не умный и не глупый, не добрый и не злой, не привѣтливый и не грубый. Находили, однакоже, что онъ имѣетъ нѣкоторую ученость, потому что хорошо умѣетъ говорить по-англійски, и знаетъ чтò такое парламентъ, о которомъ не многіе у насъ тогда слышали. Жена его, Софья Карловна, была, по крайней мѣрѣ, похожа на что-нибудь, она напоминала собою нянекъ и ключницъ своей націи, и по-французски англійскимъ нарѣчіемъ говорила очень забавно.

Чета сія забила въ уголь просторнаго, деревяннаго дворца, построеннаго Елизаветой Петровной, во вкусъ всѣхъ публичныхъ зданій ея времени. Чтобъ отыскать ихъ, надобно было проходить рядъ нетопленныхъ комнатъ, изъ коихъ двѣ были обиты атласомъ въ позолоченныхъ, отчасти облупившихся рамахъ; роскошь, которую, по крайней мѣрѣ въ Кіевѣ, можно было тогда найдти въ одномъ только царскомъ жилищѣ. Сіи двѣ комнаты изрѣдка отоплялись и освѣщались, и въ нихъ давали они не балы, а балаки, на которые приглашаемо было самое отборное общество, то-есть Поляки, иностранцы, да изъ Русскихъ тѣ только, которые знали не одинъ свой отечественный языкъ. Такъ какъ французскимъ языкомъ промышлялъ я тогда уже очень порядочно и готовъ былъ плясать до упаду, то на сихъ балахъ не только былъ я не лишнимъ, но даже желаемымъ гостемъ. Всѣхъ моложе и лучше бывала тутъ, недавно вышедшая замужъ, Мошковская, урожденная Ворцель; всѣхъ старѣе и страшнѣе овдовѣвшая, все еще полная жизни, Шардонша.

Вотъ въ какихъ отношеніяхъ находились другъ къ другу члены разнороднаго тогдашняго кіевскаго общества. Упрямые

милые мои Хохлы показывали твердость, непреклонность, которая во многих случаях намъ бы не худо было перенимать; они жили особнякомъ, удалялись отъ Поляковъ, но съ Русскими обходились какъ съ братьями: домъ г-жи Веселицкой, какъ сказалъ я, былъ ихъ сборнымъ мѣстомъ. Наши же любезные Русаки, столь забывчивые, слишкомъ сообщительные, готовы были водиться со всѣми; нѣкоторые, однакоже, и самые почтенные, недовольные военнымъ губернаторомъ и явно его презирающіе, собирались иногда у гражданскаго, который съ нимъ не совсѣмъ былъ въ ладахъ. Поляки, чуя уже близкое могущество свое въ Петербургѣ, съ каждымъ днемъ становились болѣе наглы и надменны: главный пріютъ ихъ былъ у Феньша.

Ихъ дерзость обнаружилась еще болѣе, когда передъ Новымъ годомъ начались контракты и ярмарка. Изъ всѣхъ юго-западныхъ губерній стеклись ихъ земляки, и сильные чистомъ, они позволяли себѣ въ обществѣ разныя неблагопристойности, а въ городѣ даже безчинства и неистовства, вламываясь ночью насильно въ хижины убогихъ вдовъ, матерей, сиротъ красавицъ, но сосѣдями и работниками всегда съ побоями и стыдомъ были прогоняемы. На балахъ, которые два раза въ недѣлю давались за деньги въ контрактномъ домѣ, то-есть Биржевой залѣ, многіе изъ нихъ вздумали являться въ народномъ костюмѣ и даже танцовать мазурку въ шапкахъ, напивались пьяны, дѣлали обиды, и думали, что настало опять время ихъ грубой вольницы. Молодые армейскіе офицеры, которые съ водареніемъ Александра, также чувствовали себя болѣе свободными, начали вступаться за себя, за дамъ и за знакомыхъ; отъ того заводились ужасныя ссоры, оканчивавшіяся обыкновенно толчками и пинками, съ коими выпроваживали Поляковъ. Къ счастью, до поединковъ никогда не доходило. Феньшъ, разумѣется, держалъ ихъ сторону и офицеровъ сажалъ подъ караулъ. Но ихъ было множество и разгнѣванные Поляки, объявивъ, что перестанутъ ѣздить на контрактные балы, если тѣхъ не прогонятъ, сдержали свое слово; не могли однакоже удержать женъ и дочерей своихъ которая ни за что бы не отказались отъ удовольствія танцовать съ ловкими Москаликами. Итакъ поле сраженія и тутъ осталось за Русскими. Къ стыду моему долженъ признаться, что внутренно былъ за Поляковъ, во первыхъ какъ

за побѣжденныхъ, а восторыхъ какъ за людей, по мнѣнію моему, болѣе образованныхъ.

Жизнь моя вообще текла весьма пріятно, со всѣми была я хороша и на тайныя и явныя несогласія смотрѣлъ довольно равнодушно. Только пользовался свободой менѣе чѣмъ въ Москвѣ; я даже не имѣлъ права безъ слуги ходить пѣшкомъ по улицѣ: въ этомъ не было никакой стѣснительной мѣры, но по старому баловству, матушка все опасалась, чтобъ я не ушибся или не былъ кѣмъ обиженъ. Изъ молодыхъ людей моего возраста, всего чаще бывалъ я съ прежнимъ моимъ товарищемъ Нилусомъ и съ старшимъ сыномъ Феньша, его адъютантомъ, малымъ весьма добрымъ и веселымъ.*

Для матери моей житье было хлопотливое; она нигуда почти не выѣзжала, стараясь сколь можно скорѣе окончить свои домашнія дѣла, и едва къ концу января успѣла съ ними управиться. Извѣстія изъ Пензы были самыя радостныя; отецъ мой прибылъ въ нее благополучно и былъ встрѣченъ съ восторгомъ; не говоря уже о долгодѣтнихъ любви и уваженіи, коими онъ тамъ пользовался, онъ явился туда какъ милостивая грамота, возвращающая прежнее достоинство разжалованному городу. Дворяне, желая угодить правительству, на первомъ съѣздѣ, сдѣлали большія пожертвованія для основанія училища, и сумма изъ того составившаяся обращена въ послѣдствіи на учрежденіе губернской гимназіи. Во время выборовъ помѣщики безпрестанно пиروвали, объѣдались и опивались, опаивали и откармливали другъ друга.

Наконецъ пришла и намъ пора туда отправиться: хотя я всегда чрезвычайно любилъ Кіевъ, хотя маленькая, сердечная, но совсѣмъ безвинная связь, о которой впрочемъ не стоило бы и говорить, умножала тогда въ глазахъ моихъ его прелесть, я не безъ удовольствія помышлялъ о сей дорогѣ. Мнѣ казалось, что въ Кіевѣ я какъ принцъ путешествующій инкогнито, а туда ѣду какъ бы на царство; къ тому же я возбуждаемъ былъ и любопытствомъ увидѣть сторону, которую никогда не видалъ и о которой такъ много слышалъ. Я всегда жила въ оконечностяхъ Россіи, бывалъ и въ сердцѣ ея,

---

* Я говорю съ старшимъ въ Россіи, ибо самый старшій всегда оставался въ Англіи. Его мать имѣла неосторожность хвалиться имъ, какъ славнымъ проповѣдникомъ. Мысль, что сызъ поплъ. ее и мужа совершенно уродила въ мнѣніи Русскихъ.

Москвѣ, но во внутреннія, нечистыя, такъ сказать пищеварительныя ея части, Симбирскъ, Пензу, Саратовъ и Тамбовъ, никогда не заглядывалъ. Итакъ 31 января выѣхавъ изъ Кіева не безъ грусти, я однакоже свою страстишку, свой любовный хмѣль проспалъ на первомъ ночлегѣ.

Зима была непостоянная: два раза въ Малороссіи выпалъ снѣгъ и замерзали рѣки, и два раза онъ пропадалъ и онъ вскрывались. По тонкому льду перешли мы черезъ Днѣпръ пѣшкомъ, и съ опасностію и трудомъ переправили повозки. На другой сторонѣ ожидало насъ новое горе: замерзшая, голая земля, по которой въ четверомѣствіи возкѣ не знаю какъ дотащились мы до первой станціи на лошадяхъ. Желая выиграть время, мать моя разочла, что для сокращенія пути, лучше всего ѣхать почти проселочными дорогами, на мѣстечко Басань, на Прилуки, Ромень и Сумы. Лошадей вездѣ было мало, но и полсотни ихъ съ трудомъ могли бы насъ везти на полозьяхъ безъ крохи снѣгу. Къ счастью, Украина, какъ и Молдавія, отчизна воловъ; на нихъ шагъ за шагомъ, должны мы были проѣхать 250 верстѣ. Покрывая все небо, густыя снѣжныя облака висѣли надъ нами и какъ-будто насъ дразнили: это было несносно. За предѣлами Малороссіи, перешли мы въ другую крайность; мы тонули въ снѣгахъ: но что разказывать о бѣдствіяхъ, столь обыкновенныхъ во время зимнихъ странствованій по Россіи? Мы проѣхали Курскъ и пріѣхали въ Воронежъ.

Тамъ находился на квартирахъ Малороссійскій кирасирскій полкъ, въ коемъ служилъ средній братъ мой Николай, и мы у него остановились. Наканунѣ сбившись съ дороги въ сильную метель, мы плутали половину ночи и измученные пріѣхали часу въ десятомъ утра: матушка съ сестрами, старшею и маленькою, цѣлый день посвятили отдохновенію. А меня тотчасъ братъ повезъ смотрѣть городъ и представлять главнымъ онаго лицамъ. Все это было какъ на лету, и я ихъ всѣхъ перезабылъ, кромѣ двухъ, шефа братнина полка, генерала князя Ромодановскаго, и главнаго воронежскаго откупщика, который садился съ гостями за жирный и званый обѣдъ и насъ убѣдительно пригласилъ остаться: про него нѣсколько словъ.

Это былъ дворянинъ въ купечествѣ, отставной гварді полковникъ Федоръ Николаевичъ Петровъ-Соловой, праправнукъ древнихъ бояръ, изъ столбовыхъ первый у насъ, кото-

рый, сбросивъ предразсудки старины, прозрѣлъ будущность Россіи. Мужъ дальновидный! по ходу дѣлъ и по направленію умовъ, онъ предусмотрѣлъ, что скоро не чины, не заслуги, не добродѣтели будутъ въ Россіи доставлять уваженіе и вести къ знатности, а богатство, единое богатство; онъ не погнушался предводительствовать цѣловальниками.....

Послѣ убійственно-сытнаго обѣда, на часокъ завернули мы домой, чтобы навѣстить матушку, а въ пять часовъ были уже въ театрѣ. Изъ всѣхъ русскихъ городовъ, въ одномъ только Воронежѣ была тогда вольная труппа, составившаяся изъ охотниковъ и отпущенныхъ на волю крѣпостныхъ актеровъ: она не совсѣмъ плохо играла *Ненависть къ людямъ* и *Рассказаніе*, Коцебу. Въ восемь часовъ былъ я на балѣ у богатаго фабриканта Горденина, который почти наканунѣ выдалъ дочь за дипломата Муратова, въ послѣдствіи харьковскаго губернатора, и проплясалъ до втораго часа ночи, имѣя въ виду со свѣтомъ отправиться далѣе въ путь. Подвиги невозможныя, даже въ тридцать лѣтъ, и весьма естественные въ пятнадцать или шестнадцать, когда скука болѣе всего утомляетъ, и забавы служатъ отдохновеніемъ.

Братъ поѣхалъ провожать насъ, получивъ отъ князя Рододановскаго отпускъ, на двѣ недѣли. Опять пустились мы по ухабамъ, какъ по замерзшимъ волнамъ, и минуя Тамбовъ, безъ дальнихъ приключеній проѣхали степныя мѣста, на югъ отъ него лежащія. Вотъ наконецъ вѣвзаемъ мы въ Пензенскую губернію; это было за полночь: ужаснѣйшая вьюга, какую могу только запомнить, какъ бы предвѣстіе всѣхъ непріятностей, ожидающихъ моихъ родителей, насъ тутъ встрѣтили. Мы потеряли дорогу, ѣхали цѣликомъ, люди и лошади выбились изъ силъ, и мы готовы были остановиться и, лишь бы не замерзнуть, кое-какъ окутавшись, ожидать дневнаго свѣта, какъ вдругъ завидѣли вблизи небольшую деревню. Скорѣе туда, и въ избѣ, довольно опрятной, согрѣлись и отдохнули. На другой день все было тихо и ясно; крестьяне, узнавъ что у нихъ ночевала губернаторша, привалили толпой, чтобы помочь намъ, посмотрѣть на насъ и выпроводить на большую дорогу, которая не далеко отсюда пролегла; староста, или волостной голова, также явился съ хлѣбомъ и солью. Я полюбопытствовалъ спросить названіе сей деревни; мнѣ отвѣчали Чембарь. Проѣзжая по улицѣ, я видѣлъ однѣ только соломенные кровли и ветхую,

большую, деревянную церковь: мнѣ никакъ не могло придти тогда въ голову, что скоро тутъ будетъ уѣздный городъ, что учредителемъ его будетъ мой отецъ, что въ немъ построится нѣсколько каменныхъ зданій, и что черезъ тридцать лѣтъ русскій царь проживетъ въ немъ двѣ недѣли, ожидая исцѣленія.

Еще оставалось намъ сдѣлать 120 верстъ. Несмотря на наше губернаторство, на военный мундиръ и крики моего брата, несмотря на покорность и всеусердіе смотрителей и ямщиковъ, должны мы были имѣть еще одинъ ночлегъ и пробыть болѣе сутокъ въ дорогѣ.

Остановившись въ 13 верстахъ отъ Пензы, въ деревнѣ нашей Симбухинѣ, мѣстѣ рожденія моего, отправили мы брата съ извѣстіемъ о нашемъ приѣздѣ. За нѣсколько дней до того, прибыли изъ Москвы сестра Алексѣева съ маленькимъ сыномъ и провіантскій братъ нашъ Павелъ изъ Казани, куда онъ былъ посланъ по какой-то комиссіи. Вмѣстѣ съ ними, покойный отецъ не замедлил прискакать къ намъ. Сдѣлался общій сѣздъ: давно уже члены согласнаго нашего семейства не бывали всѣ вмѣстѣ; тутъ, исключая зятя, соединились всѣ, можно сказать, живые и мертвые, ибо въ нѣсколькихъ шагахъ лежали усопшіе мои братья и сестры. Въ семействѣ нашемъ любили мы другъ друга по старинѣ, долго не знали *твое* и *мое*, все было общее: можно посудить о нашей радости, сколько разказовъ, сколько отвѣтовъ, прерываемыхъ новыми вопросами, сколько ласкъ, сколько поцѣлуетъ! Сладостные часы мелькнули какъ минута, и когда совсѣмъ почти смерклось, пустились мы въ Пензу.

При имени сего города, что-то чудное во мнѣ происходитъ: я чувствую умиленіе и негодование вмѣстѣ. Тамъ принялъ я жизнь, тамъ отецъ мой долго вкушалъ верховное въ мірѣ блаженство, тамъ лежитъ онъ съ обѣими своими супругами, тамъ единственная моя собственность. Но тамъ же горестями и страданіями, сократившими дни его, заплатилъ онъ за прошедшія радости, тамъ каждый изъ насъ испыталъ множество неприятностей, оскорбительныхъ для самолюбія.

Совсѣмъ было темно, когда мы вѣхали въ этотъ городъ. Красивые виды его были скрыты отъ глазъ, я не могъ даже замѣтить, что онъ стоитъ на горѣ; чернѣя, мелькнули передо мною избы, домики и дома его. Мнѣ стало грустно, самъ не

знаю отъ чего. Ни почетный пріемъ, сдѣланный матери моею у самаго подѣзда, гдѣ дожидались ея нѣсколько чиновниковъ и городничій *, ни обширный, теплый и ярко на этотъ случай освѣщенный домъ, куда вошли мы, ни радости протекшаго дня, ничто меня не веселило. Сіе было 19 февраля, въ среду на масленицѣ; четыре дня увеселеній предстояли мнѣ, и это меня болѣе пугало; я бы хотѣлъ провести ихъ съ семействомъ въ Симбухинѣ. Никого не зналъ я изъ жителей, и ранѣе всѣ они мнѣ не нравились.

Посвщеніямъ мужскимъ и дамскимъ и разнаго рода приглашеніямъ на другое утро не было конца, такъ что матери моею не оставалось времени, ни порядочно отдохнуть, ни сдѣлать визиты, и она по неволѣ должна была казаться неучтивою. Въ двадцать, въ тридцать домовъ, одинъ неизвѣстнѣ мнѣ другаго, повезли меня. Всякій день, въ 10 часовъ утра, бывали гдѣ нибудь завтракъ и блины, а потомъ катанье за городъ, волчья трава, садка или бѣгъ; послѣ того званный обѣдъ, за которымъ обыкновенно слѣдовало при фонаряхъ катанье съ горъ; наконецъ въ третьемъ мѣстѣ балъ и ужинъ. Такъ продолжалось четыре дня до самаго чистаго понедѣльника, и это отчаянное веселіе, этотъ шумъ нѣсколько заглушили непонятную во мнѣ тоску. Я бы болѣе наслаждался, еслибы сквозь учтивости и ласки, мнѣ оказанныя, проглянуло сколько-нибудь добродушія; его я ни въ комъ не замѣтилъ. Ни живаго, сердечнаго веселія прежнихъ кievскихъ баловъ, ни пристойности столичныхъ собраній не нашель тутъ; казалось

Послѣ ужасовъ набѣга
Татаринъ буйный пировалъ.

Какъ праздникъ встрѣтилъ я великій постъ. Противоположность сырной недѣли и первой поста была въ провинціи, если возможно, еще болѣе рѣзкая чѣмъ нынѣ. Мы вновь уединились и, какъ бы предвидя что никогда уже, всѣ безъ изъятія, не будемъ соединены, почти не разставались. Въ день сборнаго воскресенія, въ день православія, послѣ обѣда, сестра и братъ не отлучены были отъ семейства, а разлучились съ нимъ; одна отправилась обратно въ Москву, а другой въ Воронежъ, не съ проклятіями, а съ благословеніемъ родительскимъ.

---

* Полицеймейстеры были тогда въ одѣжхъ только столицахъ.

Прежде нежели примусь я описывать Пензу, ея жителей, духъ ея общества, попрошу я у читателя дозволенія, на страну ея окружающую, бросить взглядъ въ историческомъ отношеніи. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что нѣкогда пролегаль тутъ главный путь изъ Россіи въ Орду. Сколько князей и бояръ тутъ проѣхало. Баскаки спѣшили чрезъ сіи мѣста, чтобы грабить нашу землю; великіе князья и митрополиты московскіе раскидывали тутъ свои шатры, и въ нихъ горестно молили Бога о защитѣ. Монгольское племя, болѣе всѣхъ другихъ привязанное къ кочевой жизни, могло основаться только среди необозримости степей и покидало ихъ тогда только, когда стремилось за добычей. Татары, народъ отъ Монголовъ совершенно отличный и имъ подвластный, давшій имъ свое имя и пережившій ихъ владычество, не столько чуждался осѣлости. По всѣмъ вѣроятіямъ, Татары, какъ передовое войско Монголовъ, заняли опушку русской земли, пространство между Волгой и Мокшей, но по малочисленности своей могли на немъ жить только разсѣянно. Для нихъ гористыя и плодородныя мѣста, изобильныя водой и лѣсомъ, представляли удобства, о коихъ Монголы не могли помышлять. Названія мѣстъ и рѣкъ, въ Пензенской и сосѣднихъ съ нею губерніяхъ, показываютъ, что тутъ сдѣлалась настоящая Татарія: Ардымъ, Кевда Мелсита, Кучукъ Поръ, Анзыбей, Инсара, Селикса, Чембаръ, самая Пенза и множество другихъ, коихъ не перечесть и въ коихъ не сыщешь и слѣдовъ славянскаго корня. *

Послѣ завоеванія Казани, Русскіе безъ опасенія и безъ спросу стали захватывать земли, занятыя ихъ врагами. Тогда все чтò было народное было царское, и все чтò было царское было народное; въ древнія варварскія времена, какъ у насъ, такъ и въ Европѣ, главы народовъ дѣлились славою и богатствомъ съ тѣми, кто раздѣлялъ ихъ опасности, съ вѣрными своими сподвижниками, кои за нихъ и съ ними проливали кровь свою. Въ новѣйшее же время.... иначе: усыновляютъ новыхъ подданныхъ, не только равняютъ въ правахъ побѣжденныхъ съ побѣдителями, но даже первымъ передъ послѣдними даютъ неизчетныя преимущества.....

---

* Въ другихъ губерніяхъ: Арзамасъ, Ардаты, Алатырь, а даже Чебоксарь. Уфа, Бугульма и Белебей суть чисто-татарскія названія. Надо было же было за ними поставить нѣмецкій *бургъ*, Оренбургъ!

Теперь Боже спаси отъ завоеваній! они суть только тягость, а не сила государства.

Но не о томъ рѣчь. Итакъ Русскіе селились между Татарами. Какъ предки ихъ, подвигаясь на сѣверо-востокъ, гнали передъ собою Мерю, Везь и финскія племена, и строили Муромъ, Ростовъ и Суздаль, такъ и они, расширяясь на юго-востокъ, тѣснили потомство своихъ властителей и поглощали самое ихъ народонаселеніе. Увѣряють, что при Борисѣ Годуновѣ потокъ до того усиллся, что начали опасаться, чтобы не изсякнулъ самый источникъ его, и что сіе заставило укрѣпить за помѣщиками живущихъ на землѣ ихъ людей. Кажется, приливъ всего сильнѣе былъ около Пензы, равно какъ и число встрѣченныхъ имъ Татаръ, и отъ того сіе мѣсто сдѣлалось средоточіемъ руссо-татарской помѣси.

Всякій, кто ѣдетъ изъ Москвы, проѣхавъ Арзамасъ, можетъ легко въ томъ убѣдиться: все измѣняется вдругъ, природа и люди; горы становятся все выше и круче, лѣса сѣнистѣе, избы ниже и неопрятнѣе, лица смуглѣе, фізіономіи выразительнѣе и суровѣе. Переселившіеся туда русскіе дворяне пережились на дочеряхъ безчисленныхъ татарскихъ мурзъ или князей, Маматказиновыхъ, Мамгѣевыхъ, Колунчаковыхъ, Девлеткильдѣевыхъ, Чегодаевыхъ, Мансыревыхъ, коихъ потомство встрѣчается во всѣхъ городахъ и селахъ и во многихъ мѣстахъ пашеть нынѣ землю: слѣдственно, и высшій классъ въ томъ краю не совсѣмъ уже русскій.

На берегу рѣчки Пензы, близъ втока ея въ Суру, стояло самое большое изъ новыхъ селеній. По негостепріимному, неуживчивому, бранчивому нраву его жителей, обрусѣвшихъ Татаръ или отатарившихся Русскихъ, дано ему было названіе Облай-Слобода. Въ 1666 году (апокалипсическое число) царю Алексѣю Михайловичу угодно было возвести его въ званіе города и дать ему другое имя по рѣкѣ, на которой оно было построено. Съ тѣхъ поръ постоянно управляли имъ воеводы, до самаго учрежденія губерній при Екатеринѣ.

Когда-то, отцу моему, какъ Орфею, удавалось плѣнять сихъ лютыхъ звѣрей; по его совѣтамъ, какъ по голосу Амфіона, когда-то поднимались камни, и стройно ложась другъ на друга, образовывали стѣны и дома. Но сіе время прошло; съ тѣхъ поръ простота оставила ихъ черствыя души, а

просвѣщеніе не успѣло еще смягчить ихъ. Я гдѣ-то говорилъ уже о Пензѣ и сказалъ, что помѣщики съ своею прислугою составляютъ большую часть, а купцы и мѣщане едва треть ея населенія. Въ такомъ уѣздномъ городѣ, стоящемъ вдали отъ губернскихъ, внѣ главныхъ путей сообщенія, городничій не могъ быть важнымъ лицомъ, а напротивъ долженъ былъ стараться всѣмъ угождать; обществомъ же управляли одни предразсудки и партіи. . . . . Это была республика въ забытомъ углу, какъ Санъ-Марино въ Италіи. Такъ продолжалось пять лѣтъ, и послѣ того во всякомъ начальникѣ, поступающемъ по законамъ и соблюдающемъ порядокъ, должны были сіи люди видѣть тирана.

Надобно знать какое мнѣніе сами губернаторы и вообще всѣ жители имѣли прежде о высокомъ ихъ званіи. Губернаторъ былъ лучъ сіянія царскаго, хозяинъ губерніи, защитникъ ея правъ, ходатай у престола. Не обремененные тысячею мелочей, какъ нынѣ, не стѣняемые безчисленными формами, не обязанные безпрестанно отправлять срочныя вѣдомости, коихъ никто не читаетъ. . . . . не устрашаемые отвѣтственностію за всякую бездѣлицу, не видящіе равносильныхъ управленій другихъ вѣдомствъ, отъ нихъ вовсе не зависящихъ, спокойные, уважаемые, могли они безпрепятственно творить добро и въ благо вѣрннаго имъ края видѣть собственное. Но и къ достиженію сего завиднаго положенія, охотно сохраняемаго большую часть жизни, были также нужны и права, зрѣлый умъ и зрѣлыя лѣта, опытность въ дѣлахъ, несомнительная нравственность, сотворенное себѣ честное имя, уваженіе приобрѣтенное собственными поступками. Послѣ выбора первыхъ сановниковъ государства, самымъ труднѣйшимъ почитался выборъ губернаторовъ. . . . Имена Львова, Панкратьева, Руновскаго, Миклашевскаго, Рунича и другихъ по нынѣ приносятся съ душевнымъ уваженіемъ и благословляемы въ тѣхъ мѣстахъ, коими они управляли. Если повѣрить мнѣ въ изображеніи отца моего, то кто болѣе его могъ надѣяться украсить собою мѣсто начальника губерніи? А едва прошель мартъ мѣсяць какъ появились уже неудовольствія и несогласія. Я долженъ объяснить здѣсь начало и причину ихъ.

Въ Пензенской губерніи было тогда семейство С. Глава

его, Алексѣй Емельяновичъ, былъ человекъ не глупый, съ большимъ состояніемъ: онъ имѣлъ труппу актеровъ и музыкантовъ, имѣлъ каменный домъ въ Москвѣ, и дѣлалъ балы, какихъ тогда можно было найдти въ ней по двадцати каждый день. Въ чинѣ отставнаго поручика (дѣло дотолѣ неслыханное) былъ онъ разъ выбранъ губернскимъ предводителемъ. Въ немъ и въ пяти сыновьяхъ его была странная наклонность не искать власти, но сколько возможно противиться ей, въ чьихъ бы рукахъ она ни находилась. Сынъ его, Аркадій, служилъ при Павлѣ въ генераль-прокурорской канцеляріи. Извѣстно какъ быстро при Павлѣ шло производство: въ двадцать два года былъ онъ уже надворный совѣтникъ и назначенъ губернскимъ прокуроромъ въ Пензу.

Первые мѣсяцы оставался онъ спокоенъ, принимая участіе въ общемъ веселіи и не разстраивая общаго согласія. Но скоро всѣ враги отца стали группироваться вокругъ новаго трибуна; малѣйшее неудовольствіе на губернатора, за всякую бездѣлицу, за невниманіе, за разсѣянность, чего бы прежде не смѣли и замѣтить, бросало въ составившуюся оппозицію многихъ помѣщиковъ, впрочемъ не весьма дурныхъ людей, но необразованныхъ и щекотливыхъ.

Отецъ не скрывалъ своего негодованія и жаловался старому другу своему Беклешову, а тотъ съ одной стороны успокаивалъ его конфиденціальными, совершенно пріязненными письмами и съ другой грозилъ офиціально С., что удалить изъ службы, если онъ не уймется. Но сей послѣдній умѣлъ скрывать получаемыя имъ бумаги, коихъ содержаніе сдѣлалось извѣстно только по оставленіи имъ должности; казался веселъ, покоенъ, и каждый день затѣвалъ новые протесты. Отецъ мой былъ въ отчаяніи, не зная что подумать о генераль-прокурорѣ, а С. ничего не страшился; онъ зналъ что происходитъ въ Петербургѣ и ничего такъ не желалъ, какъ, надѣлавъ шуму, явиться туда жертвой двухъ старовѣровъ. Наконецъ, дѣйствительно велѣно ему подать въ отставку, и онъ послалъ просьбу; но она пришла уже къ преемнику Беклешова, который причислилъ его къ себѣ.

Но и послѣ С. война не прекращалась. Передъ отъѣздомъ моимъ мнѣ хотѣлось бы показать главные лица, въ ней подвизавшіяся.

Мнѣ было очень больно, что земляки мои по сердцу,

Малороссіяне, сдѣлались первыми нашими врагами. Изъ со-
вѣтниковъ черниговскаго губернскаго правленія, Иванъ Анд-
реевичъ В. назначенъ былъ предсѣдателемъ пензенской
гражданской палаты. Его почитали тонкимъ и хитрымъ,
а онъ по природѣ былъ только человѣкъ скрытный, но не
злой и не коварный; кажется, къ чему бы ему было хитрить,
зачѣмъ бы интриговать? онъ не былъ ни честолюбивъ, ни
алченъ къ деньгамъ, и честность его въ дѣлахъ могла бы
обратиться въ пословицу *. Но у него была жена, гораздо
моложе его, Прасковья Акимовна, самолюбивая и за-
вистливая. Губернаторство моей матери ее мучило, и она
къ чему-то придралась, чтобы поссориться и, какъ го-
ворится въ провинціяхъ, разѣхаться домами: тогда разѣ-
хавшійся домъ ея сдѣлался прибѣжищемъ всѣхъ недо-
вольныхъ. Между ими первые явились два единоземца
ея, одинъ, Д., былъ послѣ директоромъ гимназiи, а дру-
гой... видно былъ лицо не весьма примѣчательное, потому
что имя его ускользнуло отъ моей памяти. Съ нею ли въ
одно время они пріѣхали или прежде? зачѣмъ они пріѣхали?
и за что прогнѣвались на насъ? Кажется, нѣтъ никакой нужды
знать, даже мнѣ самому, а кольми паче другимъ: довольно
что они были очень злы. Въ кругу семейства и соотчичей,
намъ столь враждебныхъ, могъ ли Иванъ Андреевичъ оста-
ваться совершенно безпристрастнымъ? по крайней мѣрѣ онъ
никогда не переставалъ быть скромень въ рѣчахъ, учтивъ во
встрѣчахъ; не переставалъ также до нѣкоторой степени, какъ
греческій мудрецъ, покоряться неукротимой своей Ксантиппѣ.

Въ тридцать лѣтъ, госпожа В. могла бы быть до-
вольно недурна собою. Но внутренняя ярость, часто вы-
ступавшая на лицо ея, успѣла рано провесть на немъ нѣ-
сколько морщинокъ; улыбка, всегда язвительная, не прида-
вала никакой пріятности устами, которыя, какъ увѣряютъ,
открывались для одной только хулы; надъ самымъ челомъ ея,
среди черныхъ волосъ, являлся уединенно цѣлый густой клокъ
сѣдыхъ. Итакъ она была не красавица: не въ состояніи

---

* Во время величайшихъ несогласій съ предсѣдателемъ, мы имѣли дѣло
въ гражданской палатѣ. Родители мои не хотѣли противъ него подать по-
дозрѣнія, и несмотря на то. онъ судилъ бы противъ насъ, еслибы наши
требованія были несправедливы: но наше право было неоспоримо, и онъ
рѣшилъ совершенно въ пользу нашу.

будучи воспалять любовь, она, искусно проповѣдуя независимость и равенство, умѣла возбуждать вражду и мщеніе. Я бы назвалъ ее пензенскою мадамъ Roland, еслибы не было у нея пріятельницы, необузданностію и дерзостію ее превосходящей.

Низенькая, толстенькая, почти четверугольная крикунья, Степанида Андреевна К. была женщина умная, воспитанная въ Смольномъ монастырѣ, украшенная золотымъ вензелемъ Екатерины Второй. Въ ней можно было видѣть разницу между просвѣщеніемъ и образованностію; занятія ея жизни была новостію для пензенскихъ барынь, она любила много читать и даже переводить книги, сама учила дѣтей, украшала свой садъ, выписывала рѣдкія растенія, разводила ихъ и прекрасными цвѣтами могла бы снабдить весь городъ. За то всякая баба, торгующая на базарѣ, всякій мужикъ былъ ея вѣжливѣе и пристойнѣе, даже нынѣ, когда приличія свѣта все болѣе и болѣе почитаются предразсудками, ея манеры были бы нестерпимы. Чистосердечная грубость предполагаетъ обыкновенно доброе сердце, а у этой толстухи весь жиръ разведенъ былъ желчью. Ея мужъ, изъ Нѣмцевъ, гдѣ-то служилъ, когда-то получилъ какой-то чинъ, военный или статскій, и разбогатѣлъ, отдавая деньги въ ростъ. Года за два до нашего пріѣзда, купилъ онъ имѣніе неподалеку отъ Пензы и поселился въ ней съ супругою своею и тещей, также Нѣмками. Про него ничего не говорили, его никогда не видѣли и знали токмо подъ именемъ мужа К—ши. Кажется, онъ помаленьку занимался прежнимъ ремесломъ и въ уединенной тишинѣ любовался только звонкимъ металломъ, умножающимъ невыносимое громогласіе жены его, которая за него разтѣвжала, дѣйствовала, и говорила за десятерыхъ. Мать моя никакъ не умѣла или не хотѣла скрывать сколь поствщенія этой женщины ей непріятны; она должна была знать, что въ провинціи изъявленная холодность, хотя впрочемъ безъ малѣйшей неучливости, разрываетъ знакомство, и что разрывъ знакомства возжигаетъ непримиримую вражду: она боялась оглохнуть и на все рѣшилась.

Къ симъ двумъ пріятельницамъ начали приставать всѣ горделивыя жены Пензы. Ни малѣйшей причины къ неудовольствію имъ не было подаваемо; онѣ искали предлоговъ. Имъ казалось тягостнымъ обыкновеніе, искони заведенное въ губернскихъ городахъ, сѣзжаться по воскресеньямъ на вечеръ къ губернаторшѣ; къ тому ихъ никто не приневоливалъ, а

онѣ требовали невозможнаго, чтобы въ продолженіи недѣли всѣмъ имъ отданы были визиты. Онѣ поудержались и ожидали упрековъ, кои не оставили бы назвать взыскательностію; но ихъ отсутствія не замѣтили, онѣ продлили его и наконецъ объявили, что видно общество ихъ не нужно. Цѣлый легионъ демоновъ въ женскомъ образѣ ополчился тогда противъ моихъ родителей, и еще болѣе противъ доброй моей матери.

Дамъ пустилъ я впередъ, вопервыхъ изъ учтивости и вторыхъ потому что непосредственно послѣ С. онѣ первыя повели атаку; да еще по тому уваженію, что женская злость равно какъ и женская доброта всегда далеко превосходятъ мужскую. Столь же ничтожныя причины подвигли противъ отца моего и нѣкоторыхъ помѣщиковъ, живущихъ въ Пензѣ. Могли выйдти непріятности по дѣламъ, по службѣ, можно было жаловаться на несправедливости, претерпѣваемые отъ подчиненныхъ, но этого ничего не было; наговоры, сплетни, косой взглядъ, вотъ что достаточно было чтобы породить ненависть.

Отъявленнымъ, главнымъ врагомъ нашимъ почитался нѣкто статскій совѣтникъ Петръ Абросимовичъ Г., семидесятилѣтній старикъ, утопавшій въ постыдномъ любострастіи. Владѣя хорошимъ родовымъ имѣніемъ, онъ чрезвычайно умножилъ его экономическими средствами, будучи экономіи директоромъ и потомъ вице-губернаторомъ въ Вятской губерніи, населенной, какъ извѣстно, почти одними только казенными крестьянами: его экономическая система что-то не понравилась, нашли что она накладна для казны и не совсѣмъ учтиво отказали ему отъ должности. Онъ пріѣхалъ на житье въ уздный тогда городъ Пензу, гдѣ всѣхъ онъ былъ богаче, всѣхъ старѣе лѣтами и чиномъ, гдѣ не весьма строго смотрѣли на средства къ обогащенію и охотно раздѣляли удовольствія имъ доставляемыя. Старость его, которую называли маститою, была отмѣнно уважаема, ибо за дешевый, хотя множествомъ блюдъ обремененный столъ его, садилось ежедневно человекъ по тридцати. Только что за обоняніе, вкусъ и желудки были у гостей его? кашами съ горькимъ масломъ, ветчиной со ржавчиной, разными похлебками, вареными часто въ недуженой посудѣ, подчивалъ ихъ этотъ человекъ, въ коемъ тщеславіи спорило съ ужасною скупостію. Однимъ обыкновеннымъ хлѣбосольствомъ не ограничивалось его великолѣпіе; длинный рядъ комнатъ довольно низкаго, одноэтажнаго, деревяннаго дома его былъ убранъ съ

большими претензіями, но все тамъ было неопратно, нечисто какъ совѣсть хозяина: въ огромномъ мезонинѣ, подавлявшемъ сей низенькій домъ, помѣщался театръ, гдѣ играли доморощенныя его актеры и музыканты *. Офиціальная сила отца моего не могла нравиться народности пензенскаго гранда, къ тому же самая противоположность характеровъ не допускала ихъ сблизиться: оказывая ему всевозможную учтивость, отецъ мой воздерживался однакоже ото всего, что могло произвести короткость, и одинъ разъ, захворавъ отъ его обѣда, старательно отклонялъ потомъ новыя его приглашенія. Чего же болѣе для совершеннаго разрыва?

Тотъ, о комъ кончилъ я разказъ, можетъ почитаться добродѣтельнымъ въ сравненіи съ тѣмъ, о комъ я стану говорить и о комъ безъ омерзѣнія не могу я вспомнить. Правомъ, сердцемъ, правилами и поступками, равно какъ и лицомъ, фигурой, взглядомъ и голосомъ, я не знавалъ человѣка хуже О. Въ немъ одно совершенно отвѣчало другому и равно было гнусно и отвратительно. Распространяться объ немъ я много не буду, опасаясь чтобы не стошнилось, а скажу только о необыкновенномъ способѣ, который употреблялъ онъ для стяжанія себѣ богатства. Онъ заводилъ тяжбы со всѣми сосѣдями, преимущественно же съ мелкими дворянами; когда онъ приводилъ ихъ въ отчаяніе, то мирился съ ними не иначе какъ съ условіемъ уступить ему ихъ малые участки за низкую цѣну, которую онъ сполна не выплачивалъ, и они отступались отъ нея, чтобы отъ него какъ-нибудь отвязаться. Когда у другихъ шелъ споръ объ имѣніи, то съ предложеніями о покупкѣ его онъ обращался единственно къ тѣмъ, кои лишались надежды выиграть дѣло и такимъ образомъ, за самую умеренную цѣну прибрѣталъ помѣстье и процессъ. Этотъ ябедникъ дѣйствовалъ не подкупомъ, а страхомъ; онъ во всѣхъ судахъ былъ ужасъ и бичъ присутствующихъ, секретарей и повѣтчиковъ. Когда мы пріѣхали въ Пензу, говорили, что у него въ одно время было тридцать два процесса. Такіе люди рѣдко бываютъ щекотливы, а этотъ еще требовалъ уваженія: дѣло

---

* Житіе г. Г., подъ именемъ Рукавицына, очень удачно описано въ *Искуситель*, романъ Загоскина. Тамъ же очень вѣрно изображены бывшій при Екатеринѣ губернаторъ Ступишинъ и родственникъ его Ефимъ Петровичъ Чежесовъ, подъ именемъ Двинскаго.

невозможное для человѣка съ честію, каковъ былъ отецъ мой; а вотъ еще и новый злодѣй.

Многочисленное семейство его было примѣчательно родовымъ, наследственнымъ свинообразіемъ. Жена его никуда не показывалась: какая-то ужасная болѣзнь, коей начало приписывали сожитію ея съ мужемъ, до того изуродовала лицо ея, и такъ уже весьма не красивое, что лишила ее даже носа. Изъ его дѣтей мнѣ особенно памятна одна дочь его, Авдотья, которую по преувеличеннымъ пропорціямъ тѣла ея, сами родители прозвали Дунаемъ, и у которой была удивительная страсть ловить мухъ и глотать ихъ. Со взоромъ дикаго звѣря, имѣла она туловище коровы и птицій вкусъ: ламаійскіе язычники могли бы почестъ ее божествомъ.

На другой дочери его женился нѣсколько лѣтъ потомъ спустя, одинъ изъ главъ коалиціи, игрокъ О—ъ. Выгнанный сперва изъ столицъ, потомъ изъ губернскихъ городовъ, сей смѣлый, но видно не довольно искусный человѣкъ, неоднократно изобличенный въ мошенничествъ и воровствъ, избралъ убѣжищемъ свободную тогда Пензу. Довольно уже неопытныхъ юношей, довольно неосторожныхъ мужей прошло чрезъ хищныя его руки, чтобы дать ему средства завести хорошій домъ и жить въ немъ прилично. Нѣкоторая роскошь есть одна изъ приманокъ, одно изъ необходимыхъ условій для промышленниковъ такого рода и обращается имъ подъ конецъ въ привычку и потребность; она домъ его сдѣлала привлекательнымъ. Мѣры при отцѣ моемъ принятыя полиціей къ прекращенію публичныхъ застѣданій въ семь домъ ожесточили г. О—на хотя никто не могъ воспретить ему дѣйствовать тайно, и хотя для ловитвы его было открыто широкое поле на всѣхъ окрестныхъ ярмаркахъ.

Не высчитывать же мнѣ всѣхъ пакостниковъ, вошедшихъ въ сообщничество съ вышесказанными людьми, всѣхъ подлыхъ ихъ приверженцевъ! Не безъ труда и съ частыми позывами ко рвотѣ могъ изобразить я змѣй, а до ядовитыхъ настькомыхъ уже не спущусь. Сіи нечистыя стихіи образовали не тучу, какъ говоритъ пословица, а навозную кучу, изъ которой однакоже громъ не переставалъ гремѣть во все время управленія отца моего. Она составила, разумѣется, не въ одинъ день; С. положилъ ея начало, но обстояательства, въ коихъ находилась тогда вся Россія, ее умножили и усилили.

Пусть смѣются надо мной, а въ низкихъ и глупыхъ безпорядкахъ Пензы я и доселѣ вижу глухой, невнятный отголосокъ 1789-го года; только послѣ двоекратнаго посѣщенія нами Парижа въ 814 и 815 годахъ, страшные звуки его начали становиться у насъ понятнѣе и яснѣе. Но какъ либерализмъ и безвѣріе такъ рано забралось въ такое захолустье, когда ни въ Кіевѣ, ни въ Петербургѣ и Москвѣ я, по крайней мѣрѣ, объ нихъ и не слыхивалъ? Кіевъ отъ заблужденій Запада былъ защищаемъ ненавистію и презрѣніемъ къ Польшѣ, откуда могли они въ него проникнуть; въ Петербургѣ и въ Москвѣ видалъ я только людей, напуганныхъ ужасами революціи. Въ нечестивой Пензѣ, слышалъ я въ первый разъ насмѣшки надъ религіей, хулы на Бога, эпиграммы на Богородицу отъ такихъ людей, которые были совершенные неучи; впрочемъ, они толковали уже о Ноноттѣ, о Фреронѣ и объ аббатѣ Гене, и топтали ихъ въ грязь, превознося похвалами *Кандида* и *Благо Быка*: авторы и сочиненія мнѣ были тогда вовсе неизвѣстны. . . . .

Да, такъ, почти сорокалѣтнее негодованіе мое и поднесъ не истощилось; неугасимая ненависть къ Пензѣ и понынѣ наполняетъ мое сердце. Пусть люди добрые, но не знающіе глубокихъ ощущеній, равнодушные къ добру и злу, въ шумѣ свѣтскихъ увеселеній или въ заботахъ службы теряющіе память о иныхъ обязанностяхъ, пусть подозрѣваютъ они меня въ клеветѣ, пусть обвиняютъ въ жестокосердіи, въ ужаснѣйшей злобѣ! Я не ропщу на нихъ; имъ не понять меня; не всякому дано священное, небесное чувство безпредѣльной сыновней любви, не у всякаго отецъ былъ праведникъ, не у всякаго распинали его, какъ у меня.

Я назвалъ главныхъ злодѣевъ нашихъ, не сказавъ, въ чемъ состояли ихъ нападенія и какой имѣли они успѣхъ. Все это такъ тѣсно связано съ тѣмъ, что я видѣлъ потомъ въ Петербургѣ, что отдѣлить отъ того почти невозможно, и я предоставляю себѣ разказать о томъ въ слѣдующихъ главахъ.

Но и вездѣ не безъ добрыхъ же людей; ихъ было довольно и въ Пензѣ. Не знаю, показались ли бы они такими въ другомъ мѣстѣ, но тамъ ихъ общество было услажденіемъ: нравственности были они не строгой, любезностію ума не плѣняли, о просвѣщеніи уже и не спрашивай, болѣе или менѣе заражены были невѣжественною спѣсью, но многіе изъ

нихъ были забавны своими странностями и не были чужды понятіямъ объ обязанностяхъ и достоинствахъ человѣка. Частыя поѣздки мои въ Пензу доставятъ мнѣ много случаевъ говорить о нихъ, и потому ограничусь я теперь описаніемъ вообще ихъ образа жизни.

На самомъ теменѣ высокой горы, на которой построена Пенза, выше главной площади, гдѣ соборъ, губернаторскій домъ и присутственныя мѣста, идетъ улица, называемая Дворянскою. Ни одной лавки, ни одного купеческаго дома въ ней не находилось: не весьма высокія, деревянныя строенія, обыкновенно въ девять окошекъ, довольно въ дальнемъ другъ отъ друга разстояніи, жилища аристократіи, украшали ее. Здѣсь жили помѣщики точно также, какъ лѣтомъ въ деревнѣ, гдѣ господскія хоромы ихъ также широкимъ и длиннымъ дворомъ отдѣлялись отъ регулярнаго сада, гдѣ входъ въ него также находился между конюшнями, сараями и коровникомъ, и затрудняемъ былъ соромъ, навозомъ и помоями. Можно изъ сего посудить, какъ рѣдко сады сіи были посѣщаемы: невинныхъ, тихихъ наслажденій тамъ еще не знали, въ чистомъ воздухѣ не имѣли потребности, восхищаться природой не умѣли.

Описавъ расположеніе одного изъ сихъ домовъ, городскихъ или деревенскихъ, могу я дать понятіе о прочихъ, такъ велико было ихъ единообразіе. Не высокая лѣстница обыкновенно сдѣлана была въ пристройкѣ изъ досокъ, коѣй цѣлая половина дѣлилась еще на двое, для двухъ отхожихъ мѣстъ, господскаго и лакейскаго: зажавъ носъ, скорѣе иду мимо и вступаю въ переднюю, гдѣ встрѣчаетъ меня другаго рода зловошіе. Толпа дворовыхъ людей наполняетъ ее; всѣ оццпаны, всѣ оборваны; одни лежатъ на прилавкѣ, другіе сидя или стоя говорятъ вздоръ, то смѣются, то зѣваютъ. Въ одномъ углу поставленъ столъ, на коемъ разложены или камзолъ, или исподнее платье, которое кроится, шьется или почиивается, въ другомъ подшиваются подметки подъ сапоги, кои иногда намазываются дегтемъ. Запахъ лука, чеснока и капусты мѣшается тутъ съ другими испареніями сего лѣтняго и вѣтренаго народа. За симъ слѣдуетъ анфилада, состоящая изъ трехъ комнатъ, залы (она же и столовая) въ четыре окошка, гостиной въ три и диванной въ два; онѣ составляютъ лицевую сторону, и воздухъ въ нихъ чище. Спальная, уборная и дѣвичья смотрѣли на дворъ, а дѣтскія помѣщались въ антресоль: кабинетъ, поставленный рядомъ съ буфе-

томъ, уступалъ ему въ величинѣ, и несмотря на свою укромность, казался еще слишкомъ просторнымъ для ученыхъ занятій хозяина и хранилища его книгъ.

Внутреннее убранство было также вездѣ почти одинаковое. Зала была обставлена плетеными стульями и складными столами для игры; гостиная украшалась хрустальною люстрой и въ простѣвкахъ двумя зеркалами съ подстольниками изъ крашенаго дерева, вдоль стѣны, просто выкрашенной, стояло въ серединѣ такого же дерева большое канapé, по бокамъ два маленькихъ, а между ними чинно разставлены были кресла; въ диванной угольной, разумѣется, диванъ. Въ сохраненіи мебели видна была только бережливость Пензенцевъ; обивка ситцевая или изъ полинялаго сафьяна, оберегалась чехлами изъ толстаго полотна. Ни воображенія, ни вкуса, ни денегъ на украшеніе комнатъ тогда много не тратилось.

Когда бывалъ званый обѣдъ, то мушеры тѣснились въ залѣ, вокругъ накрытаго стола; дамы, люди пожилые и почетные и тѣ, кои сажались въ карты, занимали гостиную, дѣвцы укрывались въ гинесевъ, въ диванной. Всякая пріѣзжающая дама должна была проходить сквозь строй, подавая руку направо и налево стоящимъ мушерамъ и цѣлуя ихъ въ щеку: всякій мушера обязанъ былъ сперва войти въ гостиную и обойти всѣхъ сидящихъ дамъ, подходя къ ручкѣ каждой изъ нихъ. За столомъ сначала нѣсколько холодныхъ, потомъ нѣсколько горячихъ, нѣсколько жареныхъ и нѣсколько хлѣбныхъ являлись по очереди, а между ними неизбѣжные два бѣлыхъ и два красныхъ соуса дѣлили обѣдъ на двое. Странное обыкновеніе состояло въ обязанности слугъ, подавая кушанье и напитки, называть каждаго гостя по имени.

Вообще Пенза была, какъ Китай, не весьма учтива, но чрезвычайно церемонна; этикетъ въ ней бывалъ иногда мучителенъ. Барыни не сажались въ кареты свои или колымаги, не имѣя двухъ лакеевъ сзади; чиновники штабъ-офицерскаго чина отменно дорожили правомъ ѣздить въ четыре лошади, а статскій совѣтникъ не выѣзжалъ безъ шести клячъ, коихъ называлъ онъ цугомъ. Случалось, когда ворота его стояли рядомъ съ сосѣдними, то передній форрейторъ подъѣзжалъ уже къ чужому крыльцу, а онъ не выѣзжалъ еще съ своего двора. Съ воцареніемъ Александра, дамы вездѣ перестали пудриться, только въ Пензѣ многія изъ нихъ не кидали обычая носить пудру. Щеголеватостію ни формъ, ни наря-

довъ прекрасный полъ въ Пензѣ не отличался, ни даже пріятною наружностію. Только въ первые дни пребыванія моего тамъ, на масляной, двѣ красавицы мелькнули предо мною, какъ мимолетныя видѣнія: одна генеральша Львова, урожденная Колокольцева, была тутъ проездомъ; другая госпожа Бекетова, урожденная Опочинина, три четверти года жила въ саратовской деревнѣ, и скромная добродѣтель ея часто походила на суровость.

Одинъ почтенный, степенный и богатый чловѣкъ, Николай Васильевичъ Смирновъ, жилъ въ Пензѣ прилично и благородно. При малолѣтнемъ сынѣ его былъ гувернеромъ меньшей братъ извѣстнаго уже Шевалье де-Ролен. Не имѣя ни любезности, ни ума старшаго брата, онъ былъ гораздо его нравственнѣе. До революціи стоялъ онъ съ полкомъ въ Аяціо, гдѣ хорошо зналъ семейство Бонапарте и выучился по-итальянски. Чтобы не совѣмъ праздно проводить мнѣ время, пригласили его посѣщать меня и давать мнѣ французскіе и итальянскіе уроки; въ послѣднемъ я не имѣлъ времени сдѣлать большихъ успѣховъ, достаточно, однакоже, чтобы въ послѣдствіи понимать слова въ операхъ, а мнѣ только и было нужно. Изъ Москвы сдѣланы были Евгенію Ролену выгоднѣйшія предложенія, и онъ оставилъ домъ г. Смирнова. Давно уже срокъ моего отпуска прошелъ, но не знали съ кѣмъ меня отправить, а одного, по глупости моей, не рѣшались; и потому воспользовались отъѣздомъ г. Ролена.

Какъ мнѣ ни жалъ было расстаться съ родителями, но я сдѣлалъ сіе не безъ удовольствія, покидая вмѣстѣ съ ними непріятную и непріязненную Пензу. Мы выѣхали, помнится, 29-го мая, въ одной изъ широкихъ и глубокихъ кибитокъ, которыя употреблялись тогда для дальнихъ дорогъ: путевыя издержки, разумѣется, были на счетъ моихъ родителей. Погода была чудесная, дорога какъ скатерть, я лежалъ какъ въ колыбели, и хотя сухощавый Французъ, у котораго пересчитать можно было косточки, иногда и морщился отъ ѣзды, не совѣмъ для него покойной, но только на минуту, а потомъ опять начиналъ смѣяться и шутить. Разказами его, и весьма занимательнымъ, не было конца, и мнѣ кажется, ни одного путешествія я такъ скоро не совершилъ. До Саранска и далѣе, до самой границы Пензенской губерніи, проворно закладывали намъ лошадей, служивали намъ, и какъ передъ дофиномъ пензенскимъ, снимали передо мной шапки. Подъ-

ѣзжая къ Арзамасу, пренебреженіе къ проѣзжимъ, мальчику и Французу сдѣлалось очень примѣтно; я гнѣвался, а Французъ хохоталъ, разсуждая о превратностяхъ міра и паденіи царствъ. По дорогѣ отъ Пензы до Москвы, на Муромѣ и Владимірѣ, я столько разъ потомъ проѣзжалъ, что описаніе ея мнѣ кажется столь же мало любопытно, какъ разказъ о путешествіи съ Невскаго проспекта на Крестовскій островъ.

Въ Москвѣ нашелъ я сестру и зятя, поселившихся почти за городомъ. Не все же было хорошо при обожаемой мною Екатеринѣ: не довольствуясь отнятіемъ имѣній у монастырей, чѣмъ уменьшилась, едва ли не уничтожилась власть и вліяніе духовенства, а слѣдственно, уваженіе къ нему, князь Потемкинъ нанесъ руку на самое существованіе многихъ изъ обитателей: въ томъ числѣ упразднены были въ Москвѣ знаменитый нынѣ Симоновъ, и прежде Крутицкій монастыри. Сей послѣдній долго былъ мѣстопребываніемъ епархіальнаго архіерея, коему вмѣстѣ съ епархіей давалъ даже свое имя. * Опустѣвшія кельи его обращены были въ казармы полицейскихъ драгунъ: изъ нихъ сформировалъ Алексѣевъ два эскадрона и былъ назначенъ ихъ командиромъ. Онѣ служили менѣе для пользы, чѣмъ для украшенія полиціи, и были потѣхой для ихъ начальника, который отъ полицейскихъ заботъ отдыхалъ, научая ихъ кавалерійской службѣ. Очень порядочные дворяне соглашались вступить въ сіи эскадроны, и носить бѣлый султанъ, коимъ украшались офицеры; промотавшіеся, буйные, молодые купчики плѣнялись также высокими касками, и многіе входили въ нихъ рядовыми, Алексѣевъ баловалъ ихъ, приголубливалъ, иныхъ производилъ въ унтеръ-офицеры, всячески приманивалъ и составилъ изъ того что-то весьма красивое.

Помѣщенія внутри монастыря для него самого не было, архіерейскія кельи отдалъ онъ офицерамъ. Но лѣтомъ какъ можно менѣе хотѣлъ онъ разставаться съ своими любезными эскадронами, и потому-то близко отъ нихъ занялъ онъ пустой, невысокій деревянный домъ, съ обширнымъ садомъ,

---

* Нищета составляетъ силу возникающихъ сектъ и религій, но постепенно умножающаяся бѣдность церкви, нѣкогда могущественной и богатой, доказываетъ упадокъ самой вѣры. Алтарь въ Россіи всегда былъ и есть самая твердая, надежнѣйшая опора трона, до того, что понятія объ нихъ сливаются въ названіи престола, обоемъ присвоеннаго.

принадлежащій отсутствующему его пріятелю князю Жеванову. Туда перевезъ онъ жену и дѣтей, и тамъ нашель я ихъ.

Тамъ же провелъ я все лѣто, могу сказать, въ нѣдрахъ природы и полиціи. Оно прошло для меня быстро, слѣдственно чрезвычайно пріятно: я полюбилъ длинныя уединенныя прогулки, которыя мнѣ уже не возбранялись. Крутицы находятся между Новоспасскимъ монастыремъ и Симоновымъ, въ равномъ почти разстояніи какъ отъ того такъ и отъ другаго; въ семь пространствъ обыкновенно заключались мои прогулки. Во мнѣ родились новыя чувства, которымъ не было имени; я любилъ безъ предмета, желалъ безъ цѣли, наслаждался безъ всякой чувственности, думалъ безъ мыслей, столь же мало какъ птица, которая летаетъ по ясному небу. Какъ назвать это, сумашествіемъ или мечтательностію? знаю только что мнѣ было очень хорошо и что ничего подобнаго никогда уже послѣ я не ощущалъ. Я полагаю что это было лихорадочное состояніе самой первой молодости, какой-то избытокъ жизни, безъ всякой причины, безъ всякаго потрясенія готовый на все изливаться. Не въ состояніи будучи выразить того что я чувствовалъ тогда, пусть позволено мнѣ будетъ сказать нѣсколько словъ о мѣстахъ, кои были свидѣтелями моего страннаго блаженства.

Пространство занимаемое бывшимъ Крутицкимъ монастыремъ очень велико: монахи насадили внутри стѣнъ его прекрасную липовую рощу, а за тѣмъ остается еще, также внутри ограды, довольно обширная площадь чтобы дѣлать на ней кавалерійское ученье. Двойныя ворота, служившія ему входомъ, съ маленькою церковью надъ ними, украшены и нынѣ множествомъ каменныхъ столбиковъ, на коихъ искусно высѣчены вѣтви, листья и птицы, покрытыя зеленою и другими красками. Новая, большая церковь стоитъ у самаго входа и обращена въ приходскую; старая же соединялась съ бывшими архіерейскими кельями, посредствомъ открытой галереи или переходовъ, также поддержанныхъ кручеными столбиками, съ навислыми между ими сосульками, но все это не каменное, а муравленое, облитое разноцвѣтною глазурью. Чудо какъ это было хорошо; но безъ всякаго присмотра все это билось, ломалось, портилось. . . . .

Съ Новоспасскимъ монастыремъ почти соединяется бывший Крутицкій примыкающею къ нему слободкою, а отъ Симонова отдѣлялся тогда длиннымъ полемъ, нынѣ частію

застроеннымъ. Симоновская обитель едва начинала тогда вновь подыматься; она все еще казалась опустѣвшею, такъ мало инокѡвъ еще въ ней собралось. Какъ часто среди тишины ея, даже въ сумерки, бродилъ я между могильными камнями, безъ робости и печали, а съ какимъ-то душевнымъ спокойствіемъ! самая смерть въ глазахъ моихъ не имѣла тогда ничего угрюмаго. Мнѣ неизвѣстны были историческія лица двухъ героевъ отшельниковъ, Осляби и Пересвѣта, похороненныхъ въ старомъ Симоновѣ, во сто саженьяхъ отъ новаго, но кто въ Москвѣ не зналъ вымышленнаго лица бѣдной Лизы? И я нерѣдко посѣщалъ Лизинъ прудъ. Повѣсть Карамзина привлекала чувствительныхъ къ нему на поклоненіе, она первая указала на красоту Симоновскихъ видовъ, открыла вновь дорогу къ забытымъ стѣнамъ его и, вѣроятно, подала мысль о его воскресеніи.

Впрочемъ, не всегда мечтательнымъ, но иногда и положительнымъ, грубымъ наслажденіямъ я предавался. Получивъ не задолго передъ тѣмъ, за открытіе большаго заведенія фальшивыхъ ассигнацій, аяинскій крестъ на шею, зять мой праздновалъ сіе важное, по тогдашнимъ понятіямъ, для него событіе веселымъ пиршествомъ, и жалѣлъ, что не могъ угостить начальника своего, графа Салтыкова, который съ своею графиней и семействомъ уѣхалъ на все лѣто въ Петербургъ. Случалось, что полиція съ нами любезничала, дѣлая маленькія иллюминаціи въ рошѣ и маленькіе фейерверки въ полѣ. Иногда пѣсельники, балалаешники, плясуны, такого рода потѣхи, которыя пріятны только лѣтомъ на открытомъ воздухѣ, забавляли насъ. Иногда въ слѣдъ за этими самыми пѣсельниками, въ темную ночь, спускались мы къ Москвѣ рѣкѣ и слушали какъ, съ рожками развѣзая въ лодкахъ, они оглашали берега ея. Въ день Преображенія Господня и Успенія Богоматери, вся Москва пѣшкомъ, верхомъ, въ каретахъ и телѣгахъ подымалась на гулянье вокругъ сошедшихъ съ нами монастырей.

Просрочивъ и опасаясь грубостей Бантышъ-Каменскаго, я не смѣлъ къ нему явиться: но онъ принялъ меня, о диво! какъ бы ни въ чемъ не бывало. Умный старикъ смѣтилъ наконецъ, что взыскательность съ мальчиками, кои на годъ или на два записываются въ его архивъ, для полученія чина, всебѣмъ неумѣстна, когда все гласитъ о снисходительности.

Но вмѣстѣ съ уменьшеніемъ его строгости, архивъ лишил-

ся многихъ пріятностей. Никто уже (и я въ томъ числѣ) такъ часто въ него не ходилъ: скука была ужасная, не съ кѣмъ почти было слова молвить. Куда дѣвались всѣ наши молодцы? одни переселились въ спокойный уже Петербургъ подъ покровительство къ роднымъ; другіе получили мѣста при миссіяхъ; одни путешествовали за границей, другіе доучивались въ иностранныхъ университетахъ; а цѣлые, не покидая архива, выпросились на лѣто въ деревню. Единственною для меня отрадой были встрѣчи съ двумя сослуживцами, прежнимъ Блудовымъ, и новымъ, Губаревымъ. Я нашелъ что первый чрезвычайно выросъ, потерялъ немного прежней живости, за то, кажется, еще болѣе поумнѣлъ; другой былъ добрый, остроумный весельчакъ, который потомъ деревенскую жизнь предпочелъ исканію почестей.

Многіе изъ жителей Москвы и оставшихся моихъ товарищей все твердили о Петербургѣ, жилищѣ свѣтозарнаго ангела, земномъ раѣ, гдѣ люди свободны, блаженствуютъ и трудятся единственно только для добра. Очарованіе все еще длилось. . . . . Всѣ завидовали тѣмъ счастливымъ, кои, служа въ столицѣ, могли участвовать въ великихъ гражданскихъ подвигахъ, преднамѣреваемыхъ царемъ. Увы! несчастный! зачѣмъ увлекся я общею молвою! зачѣмъ послушали меня родители! зачѣмъ вице-канцлеръ исполнилъ ихъ желаніе! Около половины августа причисленъ я къ дѣламъ коллегіи, съ тѣмъ чтобы по прибытіи въ Петербургъ поступить въ канцелярію князя Куракина.

Я бы могъ спокойно жить въ безопасной Москвѣ; изрѣдка повышаемый въ чинахъ, я бы до сѣдыхъ волосъ могъ оставаться архивнымъ юношей. Въ старикѣ Каменскомъ привычка обращалась въ чувство; я бы сталъ копаться съ нимъ въ древнихъ рукописяхъ, и могъ бы сдѣлаться полезнымъ ему сотрудникомъ. А еслибы недостаточное состояніе понудило меня искать содержанія болѣе выгоднаго, то сколько мѣсть въ Москвѣ, гдѣ служба продолжительный, пріятный сонъ! Кремлевская экспедиція, Почтамтъ, Опекунскій Совѣтъ и другія. Нѣтъ, всею будущностію, спокойствіемъ всей жизни пожертвовалъ я честолюбію, которое велѣли мнѣ имѣть и котораго даже во мнѣ не было. Кто знаетъ? не столь разборчивый, я могъ бы встрѣтить скромную, тихую дѣву, безъ причудъ и шумихи петербургскаго воспитанія; я былъ бы ею счастливъ, а она мною. Въ благорастворенномъ климатѣ,

ближе къ природѣ, можетъ-быть я полюбилъ бы сельскую жизнь, малый достатокъ жены соединивъ съ собственнымъ, врожденною моею бережливостію я могъ бы ихъ умножить; семейство, научаемое мною умѣренности, наслѣдовало бы моему скромному счастью, и нынѣ ясный день тихо догоралъ бы для меня. Но нѣтъ! на путь жестокихъ испытаній круто своротила меня судьба съ той мирной стези, которую указывали мнѣ и природныя наклонности, и положеніе въ коемъ находился.

И что же? много ли я выигралъ передъ тѣми, кои никогда не знали петербургской службы? То я прыгалъ, то долженъ былъ на время останавливаться, а они спокойно шли ровнымъ, тихимъ шагомъ и отъ меня не отставали. И что за жизнь моя была, о Боже! почти вся она протекла среди болотъ Петрограда, гдѣ воздухъ физически столь же заразителенъ какъ и нравственно. Сколько нуждъ перенесъ я въ семь городѣ! какъ постоянно рвался я изъ него! и въ преклонныхъ лѣтахъ еще осужденъ влечить въ немъ тяжелыя оковы службы.

Но мнѣ ли роптать? ахъ нѣтъ! Благодарю тебя, Господи; по волѣ Твоей, не обыкновенный, не низкій жребій мнѣ выпалъ. Во тьмѣ заблужденій, въ кою^ю ввергнута была моя неопытная праздная молодость, никогда не переставали свѣтить мнѣ честь и вѣра, и голосъ совѣсти моей, иногда мучительный, никогда не умолкалъ. Близъ четверти столѣтія, поставленъ я въ непрерывныхъ сношеніяхъ съ врагами моей отчизны; то съ иностранцами, коихъ она обогащаетъ и коихъ ненависть возрастаетъ по мѣрѣ ея благодѣяній, то съ неблагоприятными единовѣрцами, для коихъ она должна быть свѣтиломъ и упованіемъ; то съ единокровными ея злодѣями, нѣкогда случайно отторгнувшими ея области и насильственно водворившими въ нихъ чуждую ей вѣру, но болѣе всего съ безразсудными ея сынами, не постигающими истинныхъ ея, и собственныхъ своихъ пользы и славы. Почти съ перваго шага осмѣлился я вступить не въ скрытый, но въ явный съ ними бой; часто, часто изнемогалъ я подъ ихъ ударами; иногда долженъ былъ я бѣжать отъ однихъ и вдругъ являлся передъ другими. Благонамѣренное, благотворное мнѣ начальство само скучало иногда неблагоприятнымъ моимъ рвеніемъ, готово было отступить отъ меня и предать на произволъ обстоятельствъ, но чѣмъ то было удерживаемо. Недостатокъ въ знаніи, разстроенное здоровье, часто слѣдствіе

его—недостатокъ въ дѣятельности, хитрость и сила враговъ, ничто не изумляло меня, ничто не пугало. Нѣтъ сомнѣнiя, что паденiе мое близко, но я еще не погибъ, но я все еще стою, одинъ, цѣлъ и невредимъ. Кто же сiялъ мнѣ въ пропасти? кто говорилъ мнѣ языкомъ совѣсти моей? кто спасалъ меня отъ видимыхъ и невидимыхъ силъ? Тотъ, Котораго всегда осмѣливаюсь называть я Русскимъ.

Пусть услышите Онъ мольбу благодарнаго и утомленнаго существа! Буди Его воля, если мнѣ суждено до конца дней моихъ мучительно бороться! Но умилосердись, о Боже! пошли конецъ моимъ страданiямъ. Какъ одержимымъ тяжкими болѣзнями, дай вкусить мнѣ предсмертное спокойствiе хотя на малое время, дай окончить мнѣ жизнь и уснуть вѣчнымъ сномъ въ нѣдрахъ праотца или праматери городовъ Россiйскихъ въ Москвѣ или Кiевѣ, въ виду священнаго Кремля или лавры Печерской, вдали отъ татарской, ненавистной мнѣ Пензы, отъ финскаго, постылаго мнѣ Петербурга!

Въ немъ начинается совершенно новая для меня эпоха жизни, чрезвычайно важная для самой Россiи, эпоха нововведенiй. . . . . Я намѣренъ описать ее въ слѣдующихъ уже не главахъ, а томахъ, если достанетъ у меня на то времени, здоровья и терпѣнiя. Мнѣ не трудно было изобразить первые годы моей жизни; переносясь въ сiе отдаленное время, я начиналъ вновь существовать, живость воспоминанiй оживляла мой разказъ, но отселѣ смѣхъ и шутка должны рѣже показываться въ моемъ повѣствованiи. Я перестаю уже быть мальчикомъ, живу въ одиночествѣ, имѣю собственную волю, дѣйствую по собственному разсудку, смотрю внимательнѣе на ходъ общественныхъ дѣлъ, однимъ словомъ становлюсь гражданиномъ: въ описанiи предметовъ болѣе важныхъ, не знаю, будетъ ли мнѣ столько удачи?

Въ послѣднiй разъ сопровождаемъ я былъ спасительнымъ обо мнѣ попеченiемъ моего семейства; мнѣ не позволили ѣхать одному. Старшiй братъ мой Павелъ, за болѣзнию, опять оставилъ службу: его прислали изъ Пензы въ Москву, чтобъ отвезти меня и устроить на новомъ жительствѣ. Мы отправились 31 августа, а 4 сентября 1802 года прибыли мы въ Петербургъ.
